

А. Ю. Емелин
Морской кадетский корпус

А. Ю. Емелин

МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

*в воспоминаниях
воспитанников*

300-летию Санкт-Петербурга посвящается

А.Ю. ЕМЕЛИН

**МОРСКОЙ
КАДЕТСКИЙ КОРПУС**

в воспоминаниях воспитанников

Русско-Балтийский информационный центр

«БЛИЦ»

Санкт-Петербург

2003

ББК 63.3(2)53
УДК 623 (091)18/19
М79

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Администрации Санкт-Петербурга*

М79 **Морской кадетский корпус.** В воспоминаниях воспитанников / Сост. А.Ю. Емелин. — СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»», 2003. — 296 с.

Более 250 лет прошло со дня подписания императрицей Елизаветой Петровной указа о формировании на базе Морской академии Морского шляхетного кадетского корпуса.

В предлагаемом сборнике публикуются воспоминания бывших воспитанников корпуса (1871—1918 гг.). Авторы живо и ярко рассказывают о днях учебы, делятся своими впечатлениями о преподавателях и офицерах, при помощи которых стали настоящими моряками.

ISBN 5-86789-119-4

© Емелин А.Ю., составление, 2003
© Издательство «Русско-Балтийский
информационный центр «БЛИЦ»»,
2003

Содержание

<i>От составителя</i>	7
<i>Е.А. СЕРЕБРЯКОВ</i>	
Революционеры во флоте. Из воспоминаний	10
<i>Е.И. АРЕНС</i>	
Автобиографический заметки	26
<i>Д.В. НИКИТИН</i>	
Первое плавание	50
Выпуск Колчака. Выпуск Морского корпуса 1894 года	55
<i>КНЯЗЬ В.В. БАРЯТИНСКИЙ</i>	
Страшная история	60
<i>КНЯЗЬ П.П. ИШЕЕВ</i>	
Муся. Из воспоминаний кадета Морского кадетского корпуса	65
<i>С.В. ГЛАДКИЙ</i>	
День 28 января 1904 года в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге	69
<i>А.П. БЕЛОБРОВ</i>	
Из воспоминаний	78
<i>Б.А. АРСКИЙ</i>	
Золотые дни. Воспоминания корабельного гардемарина	166
<i>С.С. ШУЛЬЦ</i>	
Из воспоминаний	170
<i>Г.Г. ФУС</i>	
Последние дни корпуса	197

А.М. БРИГЕР

День 28 февраля 1917 года в Морском е.и.в. наследника цесаревича корпусе	204
---	-----

Г.А. УСАРОВ

20 лет спустя: последнее 6-е ноября в Петрограде (6 ноября 1917 г.)	212
--	-----

О.Ф. ДАНИЛЕВСКИЙ

Моя служба на флоте и флоту	214
-----------------------------------	-----

Именной указатель работавших, окончивших или учившихся в Морском корпусе	223
---	-----

Сокращения, употребляемые в именном указателе	288
---	-----

Опубликованные воспоминания о Морском корпусе	290
---	-----

Приложение 1. История корпуса	294
-------------------------------------	-----

От составителя

27 декабря 2002 года исполнилось 250 лет со дня подписания императрицей Елизаветой Петровной указа о формировании на базе Морской академии Морского шляхетного кадетского корпуса.

Предлагаемая вниманию читателей подборка воспоминаний бывших воспитанников корпуса ограничена рамками 1871–1918 гг. На наш взгляд, именно 1871 г. стал переломным в истории Морского училища (такое название учебное заведение носило с 1867 по 1891). 4 ноября 1871 г. в Пизе (Италия) скончался контр-адмирал Воин Андреевич Римский-Корсаков, один из самых лучших директоров корпуса за всю его историю. Он активно привлекал к педагогической деятельности лучших офицеров флота и гражданских преподавателей, всеми силами старался развить способность воспитанников не просто учиться хорошо, а учиться самостоятельно. Сменивший его контр-адмирал А.П. Епанчин, в известной мере продолживший линию своего предшественника, сделал ряд отступлений от ранее намеченного курса. Впрочем, некоторые были предписаны свыше после раскрытия в 1872 г. в училище кружка, связанного с народо-вольцами (см. воспоминания Е.А. Серебрякова). К началу XX в. уровень преподавания заметно отстал от потребностей жизни. Отчасти это можно объяснить резким скачком в развитии военно-морской техники, отчасти — недостатком корабельной практики на современных судах, но в наибольшей степени — отсутствием понимания необходимости качественного обучения и постижения дисциплины у самих кадетов и гардемарин. Интересно, что на проведенных в 2001 г. Российским государственным архивом Военно-морского флота (РГАВМФ) и Европейским университетом в Санкт-Петербурге Елагинских чтениях, посвященных 300-летию образования Петром I Навигацких и математических наук школы, предтечи Морского корпуса, прозвучало много интересных сообщений, но не было сделано попытки оценить, насколько выпускники учебного заведения соответствовали требованиям, предъявляемым к ним флотом в разное время. Между тем представляется, что стремление России существенно увеличить свои морские силы в конце XIX — начале XX в. (в сущности — создать океанский флот) не получило необходимого подкрепления как в развитии инфраструктуры, так и в подготовке соответствующего личного состава. Зачастую именно отсутствие должной профессиональной подготовки офицеров (от мичманов до адмиралов!) стало одной из причин трагических неудач и поражений.

На неблагополучное положение Морского кадетского корпуса (учебное заведение носило такое наименование с 1891 по 1906) было обращено внимание еще накануне русско-японской войны. Правда, с точки зрения императора Николая II, основным «недостатком» явилось ослабление дисциплины. Для исправления положения на пост директора в июле 1902 г. был назначен известный своей жесткостью вице-адмирал Г.П. Чухнин. За менее чем двухлетний период своего нахождения в должности он смог подтянуть дисциплину и активизировать учебный процесс (как в корпусе, так и во время летних плаваний). Повлиять же на систему взглядов воспитанников, особенно старших рот, ему удалось мало. Естественно, лишение прежних вольностей вызвало активное неприятие воспитанников, прорвавшееся позднее в воспоминаниях (Г.К. Граф, барон Н.А. Типольт). Как счастье было воспринято назначение в апреле 1904 г. директором более «мягкотелого» контр-адмирала Н.А. Римского-Корсакова.

Поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. побудило в 1906 г. создать особую комиссию из офицеров флота и корпуса. В результате ее работы были внесены изменения в правила приема, в т.ч. сняты некоторые сословные ограничения. Теперь принимались дети не только дворян, но и лиц иных сословий с высшим и средним образованием, стоящих в Табели о рангах не ниже VIII класса, христианского вероисповедания (по отдельным соизволениям императора — мусульман). Это было необходимо в связи с некомплектom младших офицеров накануне русско-японской войны, а также падением престижа как самого корпуса, так и военно-морской службы в целом. Количество изучаемых предметов и практических занятий, повышенные требования к знаниям кадетов и гардемарин приводили к значительному увеличению числа второгодников и отчисленных из училища.

Еще одно новшество заключалось в частичном возвращении к существовавшей в 1867–1882 гг. системе, при которой выпускники получали звание гардемарина, становясь офицерами лишь после двухлетних плаваний на различных кораблях флота. В новом варианте было учреждено звание корабельного гардемарина. С 1906 г. все сдавшие выпускные экзамены направлялись на корабли специально формируемого отдельного отряда, в который обычно входили единственные боеспособные на Балтике эскадренные броненосцы — «Слава» и «Цесаревич», а также крейсера. Производство в первый офицерский чин, мичмана, следовало после примерно полугодичного плавания в заграничных водах, обычно в Средиземном море.

Все эти меры, получившие развитие при директорах — С.А. Воеводском (1906–1908), А.И. Русине (1908–1913) и В.А. Карцове (1913–1917) — позволили сохранить на прежнем уровне численность выпускников (115–125 человек в год), улучшить качество их подготовки, а также повысить ответственность в отношении к учебе.

В своих воспоминаниях, касающихся этого периода, выпускники меньше внимания уделяют описанию легенд и традиций корпуса, эпизодов борьбы с воспитателями и преподавателями, более взвешенно оценивают качество преподавания. Особенно ярко это видно на примере мемуаров инженера капитана 1 ранга советского флота А.П. Белоброва, склонного к аналитическому осмыслению отличий между до- и послереволюционным военноморским образованием.

К сожалению, никакие изменения не смогли полностью ликвидировать противостояние воспитанников и воспитателей. Известный писатель С.А. Колбасьев, описавший жизнь корпуса в последние месяцы перед Февральской революцией в замечательной повести «Арсен Люпен», считал, что «так было всегда, и иначе быть не могло. Несколько сот человек нужно было согнать в рамки твердой и не слишком умной дисциплины, и дело это было поручено примерно тридцати, по большей части совсем неумным, ротным и взводным командирам»¹. Следует признать, что подбор более авторитетных, грамотных и справедливых офицеров для службы в корпусе мог бы решить проблему лишь отчасти. Требовалось еще и осознание всеми учащимися необходимости обучения. С этой точки зрения «золотым веком» училища можно, пожалуй, считать годы накануне Великой Отечественной — безоговорочное господство одной идеологии, при всех его недостатках, оказывало на курсантов сильное мобилизующее действие.

При подготовке данного сборника, естественно, встала проблема — какие из многочисленных дошедших до нас воспоминаний, относящихся к указанному хронологическому периоду, следует в него включить. В первую очередь были отобраны ранее не публиковавшиеся в России мемуары (исключение — записки Е.А. Серебрякова), из оставшихся выбор пал на самые интересные. Их можно разделить на две группы — взятые из эмигрантских изданий (Д.В. Никитин, князя В.В. Барятинский и П.П. Ишеев, Б.А. Арский, А.М. Бригер и др.) и ранее не издававшиеся рукописи (Е.И. Арнс, А.П. Белобров, С.С. Шульц, О.А. Данилевский). При этом наиболее интересные моменты из не вошедших в сборник сочинений были использованы для дополнения отобранных текстов. При составлении комментариев сделана попытка привести не сегодняшнее восприятие того или иного события, а сохранить мнение современника.

При публикации незначительные пропущенные фрагменты, имевшие отношение преимущественно к личной жизни авторов, обозначены угловыми скобками <...>.

А.Ю. Емелин

¹ Колбасьев С. Поворот все вдруг. Рассказы и повести. Л., 1986. С. 13.

Революционеры во флоте

Из воспоминаний

Воспитанник Морского училища Еспер Александрович Серебряков в конце 1871 г. соприкоснулся с деятельностью партии «Народная воля». Предпосылки для этого были очень просты — сильная тяга к знаниям и обостренное чувство справедливости. Конечно, многое решил случай, о чем с замечательной иронией и рассказал автор. В то же время почва была уже готова: «Во время летних плаваний на судах военного флота нас поражало грубое, несправедливое и презрительное отношение многих офицеров к матросам. Мы были народниками в душе, любили русский народ, гордились им и всецело переносили эту любовь на матросов, с которыми были всегда в большой дружбе... Понятно, нас возмущало, когда некоторые из офицеров обращались с матросами как с животными». Российская действительность того времени заставляла многих задаваться вопросом — «возможно ли в России одними мирными, законными средствами добиться правды?» Все решали для себя этот вопрос по-разному. Дух протеста 60–80-х гг. XIX века, русский «нигилизм», то наивный, то жестокий, появился не из воздуха — он был порожден в первую очередь государственным устройством того времени и способами его поддержания.

Воспоминания публикуются по последнему прижизненному изданию¹.

С самого начала революционного движения семидесятых годов и вплоть до падения «Народной воли» русские офицеры не в малом количестве пополняли собою ряды революционеров. А многие из них играли в революционном движении более или менее выдающуюся роль; достаточно упомянуть имена Лаврова, Кропоткина, Кравчинского (Степняка), Ашенбренера, Штромберга, братьев Рогачевых, Похитонова, Буцевича и других. Ввиду этого, я думаю, читателю будет небезынтересно прочесть отрывки из моих воспоминаний... В этих воспоминаниях я не буду входить в обстоятельства действий партии «Народная воля», а буду касаться их постольку, поскольку это входит в мои личные воспоминания относительно участия в ней офицерства.

Впервые мы вошли в соприкосновение с революционерами и даже вступили в тайное общество осенью 1871 года. Будучи воспитанниками Морского училища (теперь Морской корпус), мы были тогда по возрасту мальчиками от 15 до 17 лет, а по жизненному опыту и политическому развитию вполне детьми, так что вся наша первая революционная деятельность носила характер детски наивный и отчасти комический.

Я лично попал в тайное общество внезапно, совершенно неожиданно для самого себя. Дело было так: осенью 1871 года, будучи 15-летним мальчиком в третьей роте Морского училища, я за какую-то провинность (кажется, за самовольную отлучку) был посажен на четыре дня в карцер под строгий арест. Карцеров у нас было пять, и все они выходили в общую комнату, где сидел сторож, который за приличное вознаграждение отворял нам двери, и так как все пять карцеров обыкновенно были заняты, то мы и устраивали общие закуски (которые доставлял нам тот же сторож), игры, беседы и прочее, — одним словом, вместо одиночного заключения проводили время в веселой компании. Но все это было возможно только после восьми-девяти часов вечера, после обхода офицера. Весь же день приходилось сидеть одному, только изредка переговариваясь с соседом через стенку, а потому мы обыкновенно запасались книгами для чтения.

Но на этот раз мой арест произошел внезапно, и я не успел захватить с собою достаточный запас сочинений Густава Эмара, Майн Рида и прочих, которыми я тогда увлекался. Одновременно со мной был посажен в карцер мой товарищ по роте В. Луцкий (который был старше меня на два года); к нему-то я и обратился утром во время умывания с просьбой дать мне какую-нибудь книжку.

Луцкий посмотрел на меня с серьезным видом и с некоторым пренебрежением в тоне сказал: «Мои книги навряд будут вас интересовать, в них трактуются вопросы политико-экономические; хотите, например, Лассалья?»²

Хотя слова «политико-экономические» произвели на меня такое же действие, как слово «металл» на купчиху Островского, а о Лассале я, конечно, никогда ничего не слышал, но тон Луцкого задел мое самолюбие, и я покривил душой, поспешил заявить, не без краски в лице, что я тоже интересуюсь политико-экономическими вопросами и давно хотел познакомиться с Лассалем.

Луцкий посмотрел на меня с большим сомнением, но книгу дал. Я отправился в свой карцер, сожалел в душе, что обратился к нему, а не к кому-либо другому за книгой, и теперь вместо интересного романа должен буду просидеть целый день черт знает с какой книгой. Просить же теперь у кого-нибудь другую было совестно, Луцкий услышал бы и поднял бы меня на смех. И вот волей-неволей я принялся за чтение Лассалья и... читал его весь день и весь вечер, почти не отрываясь.

Я мало знаю книг, которые бы сразу производили такое сильное впечатление на людей, совершенно не подготовленных, какое производили в период семидесятых-восемидесятых годов речи Лассалья. В этом мне пришлось не раз убеждаться впоследствии во время моей народовольческой пропаганды.

Одним словом, я не прочитал, а проглотил том Лассалья, и во мне произошел как бы какой-то перелом, хотя неясный и неопределенный, но я чувствовал, что что-то неладно, мне как будто было совестно, являлось желание что-то делать, но что? — конечно, я не мог на это ответить. Для пояснения читателю нужно к этому добавить, что большинство неиспорченных помещичьих детей, проводивших детство в деревне, с малых лет носили в душе какую-то, хотя и неопределенную, но нежную любовь к народу и всегда были склонны к протесту против насилия и угнетения. Кроме того, наше училище, хотя и привилегированное, дворянское, было проникнуто демократическим духом, и мы вечно вели борьбу с начальством. Все это вместе, конечно, подготовило благоприятную почву.

Прочитав Лассалья, я поделился своими впечатлениями с Луцким. Для него, очевидно, было неожиданным мое увлечение Лассалем, но он был доволен и сейчас же переменял свой тон превосходства на дружеский; стал со мною толковать о прочитанном и обещал дать другие книги. Много с ним мы не могли переговорить, так как его выпустили, а я остался сидеть.

Дня через два-три после моего выхода из карцера ко мне подошел Луцкий и начал говорить о том, что следовало бы устроить библиотеку из хорошо подобранных книг, а также общие чтения с целью самообразования. Мне эта мысль очень понравилась, и я выразил свое согласие и на то и на другое. Тогда Луцкий, немного выждав, спросил меня:

— А согласились ли бы вы принять участие в тайном обществе для приготовления государственного переворота?

Я был застигнут совсем врасплох этим вопросом, я даже не вполне ясно понял, в чем дело. Хотя Лассаль и увлекал меня, но я все еще был, несмотря на свои 15 лет, во многих отношениях вполне наивным ребенком. Будь сам Луцкий постарше, он бы это понял и, вместо привлечения меня к тайному обществу, предложил бы участвовать в кружке самообразования. Будь я немного опытнее, я бы, конечно, потребовал хотя бы времени на размышление, но мы оба были слишком юны, и Луцкий торопился приобрести нового сочлена в общество.

Меня увлекало и самое слово «тайное», уносящее меня в сферу любимых мною романов, и я находился еще весь под обаянием прочитанных вещей Лассалья, и мне казалось, что тут-то я найду разрешение томивших меня вопросов; и льстило моему самолюбию оказываемое мне доверие, но, с другой стороны, я плохо понимал цель и значение этого общества, а также не верилось мне, чтобы мы, дети, что-нибудь могли сделать; и я колебался и не давал ответа.

Не дождавшись ответа, Луцкий стал мне рассказывать, что бывшие недавно исключенными воспитанники нашего училища Лутохин, Чарыков и Юрковский (впоследствии Сашка-инженер) устроили собрание знакомых им воспитанников, на котором они и объявили, что организовалось тайное общество с целью ниспровержения правительства и существующего порядка, для того чтобы освободить народ от угнетения, устроить лучшие порядки в России и вывести народ из его тяжкого и бедственного положения, как это было во время великой французской революции, о которой я кое-что знал, да кроме того читал «Историю французского крестьянина» Эркмана и Шатриана³ и «Один в поле не воин» Шпильгагена⁴. Далее Луцкий сообщил мне, что это общество между прочим решило привлечь к своему делу воспитанников военно-учебных заведений, что есть уже кружки в артиллерийском, инженерном, Павловском и Константиновском училищах, что и у нас в 1-й и во 2-й ротах уже образовались кружки, а теперь образуется кружок и в нашей роте; что цель образования кружка — устройство общих чтений, самообразование, пропаганда, привлечение новых членов для общества и так далее, что каждый член кружка делает ежемесячные взносы, которые поступают в кассу общества, что делами общества заведуют представители от всех кружков, которые собираются раз в неделю для обсуждения текущих дел, что для решения же более важных вопросов созываются общие собрания из всех членов общества.

Хотя мои сомнения и не были вполне разрешены его рассказом и убеждением, но на меня подействовало то, что уже образовались кружки в 1-й и во 2-й ротах. Раз, думалось мне, такие взрослые и серьезные люди, как воспитанники 1-й роты, принимают в нем участие, то, очевидно, дело серьезное. А что оно хорошее, в этом я был убежден с самого начала и дал свое согласие Луцкому, хотя и в тот момент ясно не представлял себе, в чем будет состоять этот государственный переворот, ради которого я вступаю в общество, и в чем может состоять наша деятельность.

Когда я дал свое согласие, Луцкий назвал товарищей, уже принятых в кружок. Это были: Луцкий, Паскевич, Кулеш, Уклонский, Воейков, Добровольский⁵, Брисецкий и еще один или два. Последние четверо вскоре отстали, и мы остались впятером.

Луцкий был гораздо развитее и начитаннее всех нас; он вообще много читал и работал, хорошо говорил и был чрезвычайно смелый, энергичный и предприимчивый малый, а потому являлся главою кружка и был нашим делегатом. Паскевич был совсем юный, в одних летах со мною, Кулеш — несколько постарше, мечтатель и энтузиаст, а Уклонский, в то время лет семнадцати, был своеобразным Рахметовым. Он постоянно производил над собою всевозможные опыты, например, может ли в течение целой недели ничего не есть, кроме черного хлеба, и выдерживал это испытание твердо, хотя худел, бледнел и страдал головными болями; то

испытывал, сколько времени простоит на месте, и так далее, хотя все это как-то не вязалось с его хохлацкой ленью и неподвижностью. Он также любил доискиваться до корня вещей и был педантически честен; например, по его мнению, если бы он дал по ошибке честное слово, хотя бы шпиону, молчать, то должен не отступать от этого, и тому подобное. В двух других ротах были кружки человек по 6–7, так что в общем во всем училище было человек 17–20. В кружке 1-й роты были между прочими Суханов и Салтыков.

Самообразовательная часть нашей деятельности пошла довольно недурно. Мы каждый вечер устраивали общие чтения в роте, на которые приходили кроме нас и другие товарищи послушать, так что иногда собиралось человек 15–20. Читались: Лассаль «Положение рабочего класса», Флеровский, Чернышевский и прочее. Пояснял прочитанное Луцкий, вызывая и направляя дебаты. Помимо общих чтений, мы под руководством того же Луцкого составили небольшую библиотеку, и все пятеро усердно принялись за чтение. Густава Эмара и Майн Рида заменили книги по естественным наукам и истории, а из беллетристики Эркман-Шатриан, Михайлов и другие. Мы также мечтали оставить училище и поступить в университет.

Но политическая сторона нашего дела представлялась нам в каком-то романическом тумане. Мы каждый день после обеда собирались в ротном арсенале пить свой чай (это было тогда запрещено, но практиковалось всеми воспитанниками) и в это время вели беседы о будущей революции, которая представлялась в виде организованных восстаний, битв с тиранами, оканчивающихся победой и общим благополучием, но никто из нас не представлял себе, да и не задумывался над тем, на чем будет основано и в чем будет состоять это всеобщее благо, ради которого мы будем воевать. В наших беседах ни разу не было произнесено слово «социализм», очевидно, наш вождь и наставник Луцкий сам еще его никогда не слышал.

На собрания делегатов Луцкий ходил по субботам (день отпуска из училища), беря с собой иногда Паскевича, а в понедельник передавал нам о том, что там происходило. У меня остались в памяти из его рассказов только два эпизода: на одном из первых собраний был поставлен вопрос: «Идти к революции мирным или бурным путем?» Наши делегаты, конечно, были за «бурный», за что и получили наше полное одобрение. «Какая же революция без сражений?» Это было бы нам совершенно непонятно. Я запомнил этот эпизод, потому что, когда наше общество провалилось, я имел наивность рассказать о нем, вследствие чего и товарищи, и родные не давали мне покоя, чуть что задавая вопрос: «Ну и так, Еспер, мирным или бурным?» Вообще долго еще после провала нашего общества меня высмеивала вся моя родня (кроме братьев), состоявшая из чиновной бюрократии. Я по молодости и наивности вступал с ними в спо-

ры, имея в запасе только несколько прочитанных мною книг. И они очень были рады, что на таком слабом представителе ненавистного им «нигилизма» они могли изошрить свое остроумие и одержать бескровную победу над внутренним врагом. Но и их превосходительства не очень блестятели государственным умом и иногда высказывали довольно оригинальные мысли; так, я не могу забыть, как мой дядя, заслуженный инженерный генерал, несколько позже глубокомысленно критиковал политику правительства по отношению к нигилистам: «Оно их казнит и ссылает, — говорил он, — родные страдают, увеличивается недовольство, мальчишки и девчонки воображают себя героями; а я бы попросту сдал их в солдаты и составил из них отдельный батальон; они народ здоровый, смелый, из них вышли бы прекрасные солдаты; а военная служба всякий нигилизм вытравила бы», — заканчивал он, самодовольно оглядываясь. Очевидно, пропаганда моего дяди не пропала даром, ибо через двадцать лет с лишним правительство применило проектируемую им меру к бастовавшим студентам. По всей вероятности, если бы мой дядя был жив в то время, его пригласили бы в министры народного просвещения — устраивать из студентов отдельные батальоны для вытравливания «духа мятежа».

Другой эпизод очень характерен, ибо показывает, какой в то время царил сумбур не только в наших головах, но и в головах наших более взрослых товарищей по обществу, из штатских. Раз Луцкий, придя с собрания, говорит: «Я совсем разочарован в Лутохине; сегодня были горячие споры. Лутохин и некоторые другие предлагали деньги общества употребить на устройство каких-то мастерских, но я и большинство делегатов встали против этого — тут коммерция какая-то».

По всей вероятности, дело шло о кооперативных мастерских для целей пропаганды. Но ни предлагавшие, ни возражавшие ясно не понимали, как и что надо сделать. Очевидно, это было зарождение одной из тех мыслей, которые через год-два повели молодежь в народ, где многие из них действительно заводили мастерские, особенно в период «Земли и Воли» которые, несмотря на свою кажущуюся неудачу, сослужили немалую службу русскому революционному делу вообще и в особенности рабочему движению, бросив семена пропаганды в действительно рабочую среду и сблизив на реальной почве интеллигента с рабочим.

Но самым торжественным для нас днем было общее собрание членов общества. Мы его ждали с нетерпением и волнением. Наконец Луцкий, придя раз с собрания делегатов, заявил нам, что решено на следующую субботу созвать общее собрание членов общества. Луцкий для большей конспирации и надежности написал адрес квартиры, где должно было происходить собрание, на крошечных бумажках и роздал нам. Я положил свою бумажку в карман и, конечно, не замедлил потерять; то же самое случилось и с двумя другими из товарищей, а это не осталось без последствий при нашем аресте.

Итак, в назначенный день я с квартиры старшего брата отправился по указанному адресу. Ни пароля, ни чего-либо подобного мне не было дано; только раз было сказано, что фамилия хозяина квартиры Махаев.

По мере приближения к месту собрания мое волнение все увеличивалось и увеличивалось, так что, когда я подошел к дверям квартиры, то остановился на несколько минут, чтобы собраться с мыслями и сообразить: что я скажу, как войду, и прочее.

Наконец мне показалось, что я все обдумал, и я позвонил... Когда же на мой звонок отворилась дверь и выглянул высокий господин с большой длинной бородой, я совсем сконфузился и на его вопрос: — «Что вам угодно?» — Ничего, — ответил я растерявшись.

Тот смотрел на меня, я на него, и оба были в нерешительности. Наконец я вспомнил фамилию и спросил:

— Здесь живет Махаев?

— Здесь, — отвечал он.

И опять вопросительно посмотрел на меня. Я еще более сконфузился, ибо знал, что о тайном обществе незнакомому человеку говорить нельзя, другого же ничего я не мог придумать; мы продолжали смотреть друг на друга. Сколько времени это продолжалось бы, неизвестно. Очевидно, он в первый раз видел нашу форму и не мог сообразить, кто я. Наконец он, по-видимому, догадался и, пробормотав «а-а-а!», открыл дверь и, обращаясь ко мне, сказал: «Пожалуйста».

Квартира, в которую я попал, была большая — комнаты в четыре. В первой был стол, стулья и скамьи. На столе стоял самовар, стаканы и огромная корзина с сухарями. В это время там было всего человека четыре... Очевидно, я пришел одним из первых. Войдя, я сел на одну из скамеек; бородач, впустивший меня, уже более мною не занимался, остальные продолжали свой разговор, не обратив внимания на мой приход, и я сидел один в этой незнакомой мне обстановке, не зная, что делать, в томительном ожидании. Мало-помалу начал собираться народ, пришли и мои товарищи, всего собралось человек до восьмидесяти, в том числе один артиллерийский офицер; но из военных училищ были только наши, другие почему-то не могли прийти.

Скоро начались дебаты, но мы не только не принимали в них участия, но даже плохо понимали, в чем дело. Там толковалось о каких-то кружках и партиях, обсуждали вопрос о возможности их соединения, ссылались на интернационал, и все это пересыпалось цитатами, терминами и тому подобное; по-видимому, там были члены не только нашего, но и других обществ, и обсуждался вопрос об их соединении. Мы сидели молча и от нечего делать пили чай и усердно ели сухари. Когда же дебаты подходили к концу, кто-то обратился к нам с вопросом:

— Ну а как вы, господа, смотрите на этот вопрос?

Мы были застигнуты совсем врасплох, но нас выручил Луцкий, откровенно заявив, что мы еще мало знакомы с этими вопросами и теперь занимаемся более самообразованием; и вот не посоветует ли кто-нибудь из них, какие книги лучше было бы нам читать. Человек десять немедленно принялись составлять нам каталог для чтения, вследствие чего он вышел длинный. Когда каталог был готов, мы ушли, и с нами сразу вышла масса народу, одним словом — шли целой толпой. Тогда полиция смотрела на сходки как на вещь самую обыкновенную.

Я ушел с этого собрания порядочно разочарованным. Я чувствовал себя совсем ребенком, и у меня росло сознание, что не за свое дело мы взялись. Вообще это большая ошибка, которая не раз повторялась революционерами в прошлые времена — вместо устройства кружков самообразования с места в карьер привлекать молодых мальчиков к революционному делу. Насколько кружок самообразования принес огромную пользу нашему политическому развитию, настолько неуместным было наше участие в тайном обществе. Слишком раннее привлечение малоразвитых мальчиков весьма опасно. Иногда это создает недоразвившихся самоуверенных болтунов, иногда приводит к полному разочарованию и подготавливает будущих ренегатов, а в некоторых случаях и предателей; и даже тогда, когда более талантливые натуры почти детьми попадают в революционную деятельность, им много приходится впоследствии работать, чтобы отрешиться от узких кружковых, принятых на веру взглядов, пополнить свое образование и выработать более или менее правильный критический взгляд.

В училище, как я сказал выше, мы постоянно держались вместе, на общих, устроенных нами чтениях говорили свободно; все это, конечно, не могло не заинтересовать остальных наших товарищей, и в нашей роте стали ходить про нас самые невероятные слухи. Некоторые говорили, например, что мы участвуем в заговоре с целью устроить нечто вроде Варфоломеевской ночи в Петербурге, собираемся-де вырезать царскую фамилию и всех ее приближенных.

Особенно усердно занималась распространением слухов так называемая «бутылочная компания» человек в двенадцать, состоявшая из любителей выпивки и веселой жизни и смотревшая с презрением на всякого, читающего серьезную книжку. Во главе этой компании был Дюбрейль-Эшаппар I, состоявший впоследствии при наследнике престола Николае Александровиче. Эта компания, как мы после узнали, устроила за нами целую систему шпионства и, между прочим, отрядила к нам наиболее начитанного из своей среды (хотя, что совершенно естественно в данном случае, игравшего в этой компании роль пария), Хлопова, родственника Левашева, правой руки Шувалова⁶. Хлопов вдруг почувствовал к нам нежные чувства, стал заводить с нами беседы по интересующим нас вопросам, высказывал сочувствие нашим взглядам и тому подобное. Одним словом, вел себя так, что у нас не раз по-

дымался вопрос, не открыть ли ему все и принять его в кружок. Но, несмотря на нашу детскую наивность и доверчивость, мы инстинктивно ему не доверяли и каждый раз откладывали решение вопроса. Он же, как потом выяснилось, сообщал все, что мог, не только бутылочной компании, но и докладывал своему родственнику Левашеву, к которому, вероятно, попали и наши потерянные записочки с адресом собрания. По окончании нашего дела Хлопов признался Луцкому в том, что передавал о нас, оправдывая себя тем, что он и его товарищи решили это сделать, чтобы спасти нас.

Мало-помалу впечатление угнетенности и неуверенности в себе, вынесенное из собрания, само собою распалось, и мы с прежним увлечением предались общим чтениям и мечтам о благодетельной революции, долженствующей осчастливить мир. Так все шло спокойно еще месяца полтора. Но вот в начале февраля 1872 года над нами разразилась гроза.

Как-то раз поздно вечером, когда я уже лег спать, ко мне подбежал один из товарищей, очень взволнованный, и сообщил, что Луцкий и Паскевич арестованы и куда-то уведены. Я вскочил... смотрю... у нас в спальне царит небывалое оживление. Все товарищи, разбившись на кучки, о чем-то ведут оживленные разговоры. Я встал и, переходя от одной группы к другой, стал прислушиваться к толкам. Везде, конечно, говорили об аресте Луцкого и Паскевича, но сообщались самые нелепые слухи. Один рассказывал о том, что Луцкий и Паскевич дрались на дуэли; другой — что они оскорбили офицера; третий — что у нас в училище образовалось тайное общество самого террористического характера, что Луцкий и Паскевич — члены этого общества; эти последние толки велись, конечно, среди бутылочной компании. Когда я подошел к ним, то они довольно злобно посматривали на меня и задавали мне ядовитые вопросы о том, как я себя чувствую и что думаю об аресте Луцкого и Паскевича. Но я не стал пускаться в объяснения с бутылочниками, а, послушав, о чем толкуется, отправился разыскивать Уклонского и Кулеша.

Когда я их разыскал, мы стали обсуждать, как нам быть, так как не сегодня завтра нас тоже арестуют. К нам присоединились еще несколько человек, принимавших вначале участие в обществе, а потом отставших. Эти последние были страшно испуганы, но мы их успокоили, объяснив им, что об их участии никто знать не может и что никто из нас их не выдаст. Сами же мы ни к какому решению прийти не могли, ибо нам невозможно было сообразить, откуда свалилась беда и что известно начальству, а что нет. Но испуганы мы не были, нам тогда все представлялось в розовом тумане, даже арест, ссылка или, как мы думали, каторга. Потолковав о том о сем и видя, что за нами не приходят, мы разошлись, улеглись спать и проспали до утра так же крепко, как всегда.

Но на другой день утром в нашу роту явился ротный командир Изильметьев, вызвал нас троих, Уклонского, Кулеша и меня, и объявил, что мы арестованы.

В это же время были произведены и в других ротах аресты — в первой и второй, так что всех арестованных набралось до 25 человек, в том числе Суханов, бывший воспитанником старшей (первой). Нас всех рассадили поодиночке в разные места: кого в конференц-зал, кого в карцер, кого в лазарет и так далее. А Луцкий, так тот помещался у директора на квартире.

В первую минуту наше начальство было страшно перепугано и отнеслось к нам весьма сурово. Нам грозили военным судом, ссылкой, каторжными работами, а при нашем отказе давать показания грозили, что отправят нас в III отделение, а что, дескать, там с нами церемониться не будут и применят к нам телесное наказание и пытку. Но все эти угрозы мало на нас действовали, и мы были очень сдержанны в своих показаниях нашему начальству, чем приводили его в немалое бешенство. Но вскоре все это изменилось: нас потребовал к себе тогдашний морской министр, вице-адмирал Краббе.

Но раньше, чем продолжать дальше, я должен сказать несколько слов о самом Краббе, сыгравшем такую важную роль в нашей судьбе.

Краббе был морским министром и любимцем императора Александра II. Он был веселый собутыльник и рассказчик игривых анекдотов, которыми он развлекал и заставлял смеяться, даже в самые тяжелые минуты, весь двор; он пользовался большой силой: никого не боялся и прочно сидел на своем посту, на котором и пробыл до самой своей смерти.

Краббе был страшный самодур, но очень добрый по-своему человек, всегда заботившийся о своих подчиненных и защищавший их. Для характеристики его чудачества я расскажу здесь факт, за достоверность которого ручаюсь.

В Кронштадте существует морская библиотека, одна из самых богатых в России. И вот кому-то из услужливого начальства пришла богатая идея украсить библиотеку бронзовыми бюстами всех великих князей, начиная с Рюрика. Для осуществления этой патриотической цели была устроена среди морских офицеров официальная подписка со шнуровой книгой, печатями и прочим. И вот, к ужасу всего начальства, один лейтенант написал в этой священной книге нижеследующее заявление: «Библиотека нуждается в хороших книгах, в бронзовых же головах у нас в России недостатка не чувствуется, а потому подписку нахожу излишней», и подписался: лейтенант такой-то. Можете себе представить переполох всего начальства, в особенности в то время. Немедленно было донесено морскому министру, и тот приказал виновному лейтенанту предстать пред его светлые очи.

Несчастный лейтенант с стесненным сердцем, вероятно, не раз сожалея о своем поспешном остроумии, отправился в Петербург, и его воображению, конечно, рисовалась неутешительная перспектива путешествия по Владимирке.

Но вот он прибыл в Петербург, подъехал к Адмиралтейству и не совсем уверенно вступил в приемную вельможного министра. О нем доложили и просили подождать.

Он ждет в приемной четверть часа, полчаса, час...

Наконец открываются двери, входит сам морской министр Краббе в... в одних туфлях! Буквально в одних туфлях, совершенно голый!

Лейтенант уподобляется статуе командора.

А Краббе, нисколько не смущаясь, начинает прогуливаться по комнате, размахивая руками, похлопывая себя по телу и приговаривая: «Вот и я либерал! Вот и я либерал!»; погуляв таким образом минут пять, Краббе остановился и, обращаясь к офицеру, громовым голосом закричал:

— У меня в Кронштадте хоть на головах ходи, а либералов не потерплю! — И, помолчав, прибавил: — Ступайте!

Тем вся история и кончилась, и лейтенант отправился восвояси, очень довольный тем, что отделался только наглядным уроком русского либерализма, как он понимался тогда в высших сферах.

Вот к этому-то чудаку нас и повезли поодиночке. Тут картина совсем изменилась. Каждого из нас Краббе встречал ласково, гладил по голове, приговаривая:

— Ты не бойся, голубчик, я в обиду не дам, я получил от государя полномочие сам произвести следствие.

После чего сажал с собою за стол, подавался чай с печениями, и, когда затем появлялись грозные Шувалов и Левашев, арестованный был уже вполне успокоен и во время начинающегося допроса мог отвечать обдуманно и сдержанно. Но и во время допроса Краббе зорко следил, чтобы не сбивали допрашиваемого, и, если Шувалов или Левашев задавали вопрос, который мог повести к неудачному ответу, Краббе вмешивался.

— Позвольте, ваше превосходительство, я имею полномочия от государя и не допущу, чтобы губили моих мальчиков.

Это немало раздражало и Шувалова, и Левашева, так что во время допроса Луцкого Левашев в сердцах воскликнул:

— Помилуйте, ваше превосходительство, да ведь Хлопов совсем другое говорит! — чем и открыл нам, кто донес на нас.

Поддерживаемые Краббе, мы давали показания, говорили много, но в сущности ничего не сказали. И ни Шувалов, ни Левашев никак не могли разобраться, революционное ли это общество или какое-то коммерческое, или просто какая-то ерунда; и чем дальше шел допрос, тем большая путаница появлялась. И настолько были сбиты с толку, что нам потом, сговорившись, удалось придать всему делу довольно оригинальный характер.

Наше начальство, видя мягкое к нам отношение всесильного министра, тоже переменяло свое обращение с нами и... из сурового стало отеческим. Помимо природной доброты, Краббе, очевидно, руководился и другими соображениями — ему не хотелось, чтобы царь мог подумать,

что в его ведомстве завелась крамола, что послужило бы оружием в руках врагов самого Краббе, а потому ему было выгодно потушить дело. И весьма возможно, что в этом случае ему содействовал всесильный тогда военный министр граф Милютин, так как многие из воспитанников артиллерийского и инженерного училищ принадлежали к нашему обществу, а следовательно, и Милютину было выгодно, чтобы дело было потушено.

Вскоре после допроса у Краббе мы получили возможность сноситься письменно. Училищная прислуга передавала нам друг от друга записки. Я сильно подозреваю, что это делалось не без ведома начальства и по внушению Краббе. Суханову пришла мысль объяснить образование нашего общества влиянием сочинений Максимова о северных промыслах и желанием нашим содействовать развитию Северного края, и мы, сговорившись, показывали в этом направлении (от этого и стали называть наше общество китоловным, а нас китоловами). Как ни нелепо покажется на первый раз такое объяснение, но нам поверили; очевидно, хотели верить, искали повода к нашему оправданию. И действительно, через неделю нас выпустили, и мы уже считались не обвиняемыми, а свидетелями, в качестве каких нас и опрашивали прокурор и жандармы, приезжавшие для этого в училище. Недели через две после этого всех нас, человек двадцать пять, вызвали в конференц-зал и выстроили во фронт. Минут через десять вошел Краббе в полной форме со всеми орденами и объявил нам, что он приехал прямо от государя, который велел «простить и забыть», но что он, Краббе, от себя наказывает нас на шесть недель без отпуска.

После этого он обратился к нам с речью, содержание которой я, конечно, не могу передать через 35 лет, но суть ее была в том, что мы, на которых казна ежегодно тратит по тысяче рублей на каждого, вместо того, чтобы слушать начальство и нашего духовника, взяли себе в руководители «каторжанина Чернышевского» и «какого-то английского бунтовщика Милля» (почтенный Джон Стюарт Милль⁷, конечно, был бы весьма удивлен, узнав, что русский министр зачисляет его в бунтовщики) и тому подобных лиц. В конце речи он выразил надежду, что это дело послужит нам уроком и мы найдем себе лучших руководителей.

Затем последовала сцена, которая в наших глазах окончательно уронила престиж нашего начальства. Краббе, окончив речь, обращенную к нам, повернувшись к начальству и начал разносить его, не стесняясь в выражениях.

Наш важный, украшенный лентой и орденами директор⁸, инспектор⁹, начальник строевой части и ротные командиры — в ответ на грубую и по большей части несправедливую брань — только низко кланялись, и чем брань становилась грубее (Краббе умел ругаться), тем поклоны становились все ниже и ниже.

Эта сцена оставила на некоторых из нас неизгладимое впечатление, иллюстрируя весь тогдашний режим: грубость, самовластие и заносчивость перед низшими и рабское низкопоклонство перед высшими.

Матросы, стоящие неподвижно перед ругающим их начальником, не производили на нас такого тяжелого впечатления, как вид этих кланяющихся обшитых золотом фигур нашего начальства, наших воспитателей, объятых рабским трепетом перед расходившимся временщиком. Какое же уважение могло остаться у нас, молодых мальчиков, не боявшихся министра, к нашему начальству, унижающемуся перед ним? Очевидно было, что и сам Краббе презирал их; его тон с нами, даже в последней его речи, был не тот, что с ними — нам он не сказал ни одного оскорбительного слова. Если бы он задался целью уничтожить впечатление своего истинно гуманного и вполне педагогического поведения к нам в этом деле и задался целью дискредитировать окончательно в наших глазах тогдашний режим, он ничего лучшего не мог бы придумать, как разыграть перед нами вышеописанную сцену.

В таком же роде, как мы потом узнали, разыгрывались сцены и в других военно-учебных заведениях, но там роль громовержцев приняли на себя начальники училищ, причем начальник инженерного училища, придя в азарт, закончил свою речь такой угрозой по адресу виновных воспитанников: «Я вам говорю, что вас закуют в кандалы и сошлют на каторгу; а если это еще раз повторится, то всех вас исключу из училища».

Спасая нас, Краббе спас и всех других участников этого общества, он не дал Шувалову раздуть дело, и пострадал только Лутохин, который был выслан, и один офицер, уволенный в отставку.

Из других — гражданские лица отделались, кажется, только надзором, а воспитанники военно-учебных заведений — тем же наказанием, как и мы.

У нас в училище был прочитан, при общем собрании воспитанников, очень длинный приказ морского министра, в котором объяснялось, что агенты заграничного революционного сообщества, не останавливающиеся ни перед какими средствами, стараются всеми способами найти себе сторонников в России. Они проникли и в военные училища и под всякими ложными предложениями стараются увлечь воспитанников этих училищ, в том числе и нашего, что им наконец и удалось под предлогом развития богатств России привлечь несколько горячих голов, которые в настоящее время прощены, но впредь прощаться не будут, и что этот приказ должен читаться всем вновь поступающим воспитанникам для предупреждения.

Тем и кончилась официальная сторона этого дела, но началась история среди товарищества.

До этого времени воспитанники училища пользовались весьма широкой свободой; напуганное нашей историей начальство начало вводить новые, более стеснительные правила и усиливать надзор за воспитан-

никами. Считая нас виновниками этих стеснений, товарищи все более и более раздражались против нас. Сначала это раздражение выражалось только спорами и взаимными упреками. Но вот однажды во время общего взаимного объяснения в курительной комнате в ответ на упреки, что мы не пожалели товарищей, Луцкий заявил: «Если я вижу золото, а по дороге кучу навоза, то не задумаюсь раздавить навоз, чтобы достать золото». Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения; поднялись восклицания: «Они не только наносят нам вред, они еще смеют унижать и оскорблять нас, они не уважают товарищей и производят раскол в роте».

Это были самые страшные обвинения, так как у нас в училище главной гордостью и достоинством считались дружность выпуска и уважение к товарищам: делай что хочешь, но только будь хорошим товарищем, и все тебе простится. Поэтому после слов Луцкого раздражение достигло крайней степени и начали составляться проекты нас избить, и мы серьезно готовились к защите, не желая делать никаких уступок. Но этот проект не состоялся, потому что наши личные друзья, хотя и бывшие против нас в этом деле, не хотели допустить до этого, да и некоторые из посещавших наши общие чтения товарищи открыто приняли нашу сторону, в том числе и П.О. Серебренников, обладавший геркулесовской силой.

Тогда был составлен неким Федоровским проект петиции начальству о нашем исключении. Вся рота была разделена на две части, с одной стороны наша небольшая группа, с другой — все остальные. Проект о нашем исключении обсуждался целую неделю. Главными агитаторами были члены бутылочной компании. Но и наши друзья тоже склонялись к этому для пользы товарищества, как они говорили. Сначала думали исключить всех пятерых, потом решили только двоих, Луцкого и Паскевича, потом переменили Паскевича на меня, как, по их мнению, наиболее упорного. Это мне говорили мои личные друзья.

— Мы, Еспер, будем стоять за твое исключение, хотя и любим тебя, так как ты по своему упорству не откажешься от своих завирательных идей. А это поведет к вечным раздорам в нашей роте, самой дружной в училище.

Я думаю, что наши друзья в действительности и не думали о моем и Луцкого исключении, а толковали об этом, чтобы подействовать на нас, с надеждой, что мы первые пойдем на примирение с товарищами и дружба в роте будет спасена.

Наша рота была действительно очень дружная и с самого начала вела упорную борьбу с начальством, так что еще задолго до нашего китоловного дела заслужила репутацию бунтовщиков. Я как теперь помню начало речи директора училища, контр-адмирала (sic! Епанчин был произведен в контр-адмиралы 08.04.1873. — А.Е.) Епанчина, обращенной к нашей роте по поводу одной из историй с начальством:

— Пятьдесят бунтовщиков! Неужели вы думаете, что в Российской империи не хватит силы усмирить пятьдесят бунтовщиков?! Кто не хочет учиться, ступай в университет и отрасти себе волосы...

К концу недели, когда нужно было окончательно решать вопрос и приступить к подписям, ничего не вышло. Никто даже из бутылочной компании не решался первый подписать петицию, всякий чувствовал, что это действительно не по-товарищески, что, как ни объясняй, а все-таки подлость. Так под петицией и осталась одна только подпись Федоровского.

Окончательное поражение бутылочная компания потерпела от Луцкого. В курительной комнате, когда там заседали только бутылочники, предатель Хлопов, подуськиваемый ими, начал провоцировать Луцкого, который был там только один из наших; этот последний, потеряв терпение, набросился на Хлопова и избил его так, что тот ушел в лазарет, и произвел он эту экзекуцию с таким решительным видом, что никто из бутылочников не осмелился вступить за своего протезе. И с этой минуты бутылочная компания понизила свой голос и прекратила агитацию.

Мало-помалу все успокоилось, мы, разочарованные в нашей политической деятельности, но уже многое понявшие, стали серьезнее относиться к себе и к вопросам общественной жизни и энергично принялись за самообразование; но наше ребяческое китоловное общество оставило глубокий след не только на нас, но и на большинстве из наших товарищей. Интерес к серьезному чтению стал сильно возрастать, уменьшились ухарство и кутеж, и весь выпуск стал как бы серьезнее, за исключением непримиримых бутылочников. Наша история не только не уменьшила взаимной дружбы в роте, но еще более сплотила ее. Борьба с начальством по разным пустякам ослабела, но в серьезных столкновениях наш выпуск так дружно держался, что начальство не решилось применить полностью новые, более суровые училищные правила к нам, а стало применять их постепенно с выпусков моложе нашего.

Из принимавших участие в китоловном обществе воспитанников все пока остались в училище, за исключением Салтыкова, который не хотел идти ни на какие компромиссы и, несмотря на убеждения начальства, вышел из училища и поступил в Технологический институт, и вскоре мы узнали, что он бесповоротно ушел в революционную среду.

В конце 1872 года я и один из товарищей, Л. Хамрат, недовольные новыми порядками в училище, оставили его и перешли в морские юнкера. Мы поселились на своей квартире, ходили в морское училище только на лекции и редко имели возможность толковать с товарищами, так что мне в то время было мало известно, кто из них сохранил сношения с революционными кружками. Я же и Хамрат вплоть до осени 1874 года не встречались с революционерами, хотя у нас и были довольно обширные знакомства среди студенчества. Нас в то время главным образом интересовали вопросы самообразования, и мы мечтали о культурной деятельности,

к которой хотели себя приготовить; особенно я, разочарованный первой неудачной попыткой революционной деятельности.

¹ *Серебряков Е.А.* Революционеры во флоте. Из воспоминаний. Пг., 1919. 63 с. См. также: Вестник «Народной воли». 1886. № 5; Былое. 1907. № 2, 4.

² Лассаль Фердинанд (11.04.1825—31.08.1864), деятель немецкого рабочего движения, публицист и адвокат. В 1863 г. создал и возглавил Всеобщий германский рабочий союз. С точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса — мелкобуржуазный социалист.

³ Эркман-Шатриан — литературное имя французских писателей-соавторов: Эмиля Эркмана (20.05.1822—14.03.1899) и Шарля Луи Гратьена Александра Шатриана (18.12.1826—03.09.1890). В основу их ранних повестей были положены эльзасские народные легенды, последующие романы показывали жизнь, быт и нравы простых людей Эльзаса и Лотарингии. Ряд книг 1860-х гг., в т. ч. четырехтомная «История одного крестьянина» (1869—1870), были посвящены эпохе Великой французской революции.

⁴ Шпильгаген Фридрих (24.2.1829—25.2.1911), немецкий писатель. Его политические романы, особенно «В строю» (в русском переводе — «Один в поле не воин», 1867—1868), были очень популярны в России, особенно в народнической среде. Одна из основных идей — необходимость для преобразователя общества опоры на массы.

⁵ Добровольский впоследствии командовал отрядом русских военных судов во время китайской экспедиции в 1904 г. (sic) см. биографическую справку. — *А.Е.* — *Прим. автора.*

⁶ Шувалов Петр Андреевич, граф (15.06.1827—10.03.1889), русский государственный деятель и дипломат, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета (1874). Окончил Пажеский корпус. Участник обороны Севастополя. С 1857 петербургский обер-полицмейстер (с 1857), директор департамента общих дел министерства внутренних дел (с 1860), начальник штаба корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением (с 1861). Лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор (1864—1866). Шеф жандармов и главный начальник «Третьего отделения» (1866—1874). Посол в Лондоне (1874—1879). Один из приближенных императора Александра II, противник реформ.

⁷ Милль Джон Стюарт (20.05.1806—08.05.1873), английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель. С 1823 по 1858 г. служил в Ост-Индской компании. Член палаты общин (1865—1868). В книгах и выступлениях вскрывал пороки капиталистического строя, выступал за либеральные и буржуазные реформы. Основные труды: «Основания политической экономии и некоторые приложения их к социальной философии» (1848), «Система логики» (1843), «Утилитарианизм» (1863) были переведены на русский язык в 1860-е гг.

⁸ Капитан 1 ранга Алексей Павлович Епанчин.

⁹ Капитан 1 ранга Карл Федорович Кульстрем.

Автобиографические заметки

Можно с уверенностью утверждать, что редкий труд по истории российского флота не имеет ссылок на работы Евгения Ивановича Аренса (04.01.1856–05.11.1931). Биографии этого создателя курса отечественной военно-морской истории в высших военных учебных заведениях есть во всех серьезных исторических словарях и энциклопедиях. Из них мы можем узнать, что еще гардемарин, не окончив Морского училища, Евгений Иванович участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на паровых катерах Гвардейского экипажа на Дунае. Там он был награжден Знаком отличия Военного ордена 4-й степени, которым гордился более своих последующих отличий, хотя и удостоился всех российских орденов до Белого Орла в 1916 г. включительно. Дело в том, что знаменитый солдатский «Георгий» являлся чрезвычайной редкостью среди морских офицеров, которые, в отличие от сухопутных, даже в военное время не производились из нижних чинов. Аренс же получил свой солдатский крест еще до того, как в том же 1877 г. стал мичманом за отличие, после чего был удостоен и первой офицерской боевой награды — ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

После войны Евгений Иванович служил на миноносках Балтийского флота и даже совершил в 1883–1885 гг. кругосветное плавание на клипере «Стрелок», Но, вероятно, не будет преувеличением сказать, что стезя Аренса как военно-морского историка определилась еще в 1880 г., когда он был назначен членом Комиссии по описанию действий морских команд на Дунае, работавшей в рамках создания многотомной истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По окончании в 1896 г. Николаевской морской академии Евгений Иванович стал председателем Комиссии по написанию истории Гвардейского морского экипажа, в котором служил. Хотя полная история этой воинской части не увидела свет, собранные комиссией Аренса богатейшие документальные материалы ждут своего исследователя в фонде 935 Российского государственного архива Военно-морского флота. Пожалуй, самым важным событием в карьере Е.И. Аренса стало приглашение в том же году читать в академии курс лекций по русской военно-морской истории.

Достаточно сказать, что до тех пор такого предмета в программе единственного высшего военно-морского учебного заведения России не было вовсе. Именно Аренс создал его и постепенно расширил, охватив период с древнейших времен до конца XIX века. Ему принадлежит как издание этого курса в печатном виде, так и большое число других военно-исторических работ, выходявших отдельными изданиями, в периодике, коллективных трудах, например многотомной «Истории русской армии и флота». Основная заслуга Евгения Ивановича как историка состоит скорее не в написании монографических исследований по отдельным вопросам, но в создании сжатых и доступных обобщающих трудов и, конечно же, превращении российской военно-морской истории из предмета изучения отдельных исследователей в обязательный специальный предмет при подготовке офицеров флота.

Будучи с 1910 г. ординарным профессором Николаевской морской академии, а с 1915 г. — генералом по Адмиралтейству, Е.И. Аренс вышел в отставку в 1916 г. После революции он не покинул Россию и с 1918 г. даже числился в РККФ, сотрудничая в Военно-научной редакции Петроградского отдела военной литературы. Скончался Евгений Иванович в Ленинграде в 1931 г. и погребен на Новодевичьем кладбище, где скромная могила его сохранилась и поныне.

О существовании каких-либо воспоминаний Е.И. Аренса ранее ничего известно не было. Современная машинописная копия части его автобиографических записок, окончание которых датировано самим автором 1925 годом, попала в наши руки относительно недавно и совершенно случайно. Происхождение и местонахождение подлинника или копии автографа до сих пор не выяснено. Надеемся, что разрешить эту задачу поможет исследование личного фонда Е.И. Аренса, хранящегося в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки. Но так как перед нами, несомненно, его подлинные воспоминания, мы сочли возможным опубликовать те фрагменты, в которых Евгений Иванович рассказывает о своем пребывании в Морском училище первой половины 1870-х годов.

Последнее кадетское плавание

В 1875 году мы odbyли последнюю кадетскую кампанию. Весной этого года я перешел в 1-ю роту, то есть выпускной класс, и с чувством некоторой гордости по этому поводу отправился «в поход», как принято было у нас выражаться. От этого плавания у меня осталось больше сведений благодаря сохранившемуся у меня до этого года «Историческому журналу Отряда судов Морского училища», и поэтому остановлюсь на нем несколько подробнее, тем более что нам, накануне производства в гардемарины, отведена была в нем сравнительно самостоятельная и ответственная роль.

В состав училищного отряда входило семь судов: корветы «Варяг» и «Воевода» (винтовые), «Боярин» и «Гиляк» (парусные), винтовая кано-

нерская лодка «Лихач», яхта «Забава» и тендер «Кадет» (парусные). Для выпускных предназначены были «Боярин» и «Лихач».

Корвет «Боярин»

По распоряжению генерал-адмирала винтовой корвет «Боярин» переделан был из парового судна в парусное. Благодаря такой переделке выгадывалось лишнее помещение для жилья воспитанников (за счет вынудой машины), и вместе с тем получалось еще одно судно, предназначенное исключительно для парусной практики, игравшей в то время хотя уже второстепенную, но все еще весьма значительную роль. Несмотря на такую метаморфозу, корвет сохранил свои хорошие морские качества. Он отлично держался в крутой бейдевинд и много выгадывал на лавировке перед другими судами отряда. Недурен у него был и ход. Нас было на корвете всего 51 человек. Кампанию начали 28 мая.

Личный состав

Корветом командовал уже пожилой капитан 1-го ранга Серков¹, пользовавшийся во флоте заслуженной репутацией отличного моряка. Управлялся он искусно и хладнокровно, зря не кричал и не «авралил», то есть не делал из мухи слона и не поднимал по пустякам скандала. Когда же оставался чем-нибудь недоволен, то призывал провинившегося на мостик и пробирал его тихо, но весьма больно и ядовито.

Не щадил он частенько и своего старшего офицера, лейтенанта А. Конкевича², известного впоследствии морского писателя Беломора. Последний представлял из себя довольно неопрятного на вид чудака, с растрепанной шевелюрой и с неизбежным котелком с какой-нибудь краской в руках. Он помешан был на окраске своего корабля и вечно разгуливал по его закоулкам, собственноручно подмазывал кистью то здесь, то там.

С кадетами он обращался мягко и вежливо, но даже офицеров позволял себе нередко третировать довольно грубо. Впрочем, некоторые из них не оставались у него в долгу. Так, например, лейтенант Р. Зотов (впоследствии он перешел по Адмиралтейству и стал редактором «Морского сборника»; он владел хорошо английским языком и явился талантливым популяризатором новых идей морских историков Мэхэна и Колomba), сам человек грубоватый и резкий, частенько сцеплялся и «ругался» с ним, причем в доказательство своей правоты любил всегда ссылаться на статьи из «Морского Устава», который неизменно носил с собой в кармане.

— Иллюминаторы с левого борта задраить! — раздраженно кричал Конкевич Зотову, стоявшему на вахте.

— Есть! — отвечал тот и, повторив команду старшего офицера, вызывал к себе своего вестового и приказывал ему не задраивать иллюминаторы в его каюте.

Конкевич все это слышал, конечно, и грозно обрушивался на строптивного лейтенанта.

— Как вы смеете не исполнять мои приказания! — шипел он из-под мостика, — вы за это ответите.

— Позвольте, Александр Егорович, по уставу...

— Что вы все лезете со своим уставом!

— Никак нет-с. Это устав высочайше утвержденный. Статья ясно говорит... — и Зотов вытаскивал из кармана весь истрепанный экземпляр устава.

Конечно, узнай о подобных антидисциплинарных выступлениях командир, плохо пришлось бы обоим, одному заслушание, другому за бездействие власти. Но почему-то все это делалось как-то келейно и не доводилось до сведения командира, а может быть, последний и замечал происходившее, но почему-либо не желал вмешиваться. Ввиду не особенно дружеских отношений его к своему помощнику это было вполне возможно.

Зотов и мне не был особенно симпатичен. Помню, как-то раз он порядочно обидел меня, заподозрив в том, что ради сокращения вахты я перевел будто бы часы вперед. Я этого и не думал делать, в чем и дал ему торжественно честное слово. Но он и тогда не поверил мне и остался при своем мнении, что сильно задело мое молодое самолюбие и юношескую щепетильность.

Уход в море

После смотра главного командира Кронштадтского порта 31 мая и посещения генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича 3 июня отряд ушел в море. Генерал-адмирал был на «Гиляке», куда прибыли для прохождения плавания его сыновья Дмитрий и Вячеслав³.

Заходили в Ревель, Биоркэ-Зунд, Транзунд, Гангут (город этот только начинал строиться в этот год) и другие порты Финского залива.

Гангут

Посещение Гангута, бухты Лапвик и Твереминэ, столь памятных в нашей морской истории петровских времен, сопровождалось соответствующим чтением для воспитанников. А 3 августа у памятника в честь победы 1714 года была отслужена панихида по воинам, павшим в этом бою и по контр-адмирале Римском-Корсакове, по инициативе которого памятник был сооружен.

Авария в Биоркэ

В Ревеле отряд опять посетил генерал-адмирал. А в Биоркэ случилась одна из тех аварий, о которой я упоминал, говоря о командире корвета «Варяг» Ермолаеве. 27 июня, ввиду наступившего штиля, «Варягу» пришлось развести пары и взять на буксир «Боярин». Ермолаев лихо, по обыкновению, подлетел к левому борту «Боярина», но немного рискнул и так с ним сблизился, что своим блинда-гафелем и лапой правого якоря задел за его левую кормовую раковину, причем обломал ему коечные сетки. «Варяг» же потерял утлегарь и бом-утлегарь.

Очень хорошо помню эту аварию. Паруса на «Боярине» были закреплены, и мы готовились подать «Варягу» свои буксиры. Кадеты столпились на юте и с жадным любопытством следили за приближением «Варяга». На его мостике, слегка расставив ноги, стоял Ермолаев в сдвинутой набекрень фуражке. В спокойном воздухе резко выделялись лишь его командные слова: «Лево! Четверть румба лево! Прямо руля! Одерживай! Так держать!»

«Варяг» описал дугу и стал быстро сближаться с нами, причем как-то вдруг, в одно мгновение нам сделалась очевидной неизбежность столкновения. Но мы были так увлечены красотой и смелостью маневра и так загипнотизировались этим зрелищем, что, интуитивно предчувствуя опасность, тем не менее стояли на месте, как вкопанные. И только громкая команда старшего офицера «С юта долой!» заставила нас очнуться и бежать. И пора была, иначе пришлось бы, наверное, пострадать при столкновении⁴. Неудача не умалила престижа Ермолаева, и маневр его еще долго обсуждался в кают-компании.

Вечером в тот же день, когда оба корвета подходили к Толбухину маяку, их обогнала английская королевская яхта «Осборн» под штандартом герцога Эдинбургского (английский генерал-адмирал, муж дочери императора Александра II, великой княгини Марии Александровны), направлявшаяся в Кронштадт. Сюда же и мы пришли в одиннадцатом часу и стали на Большом рейде, где уже собрались все суда отряда. Здесь посетил его генерал-адмирал 3 июля, а два дня спустя состоялся высочайший смотр.

Занятия на «Боярине». Инцидент с фалрепной службой

На «Боярине» мы занимались стрельбой в цель из 6-дм (152-мм. — А.Е.) орудия (по 3 выстрела каждый), а также из ружей (попадание из орудия: 7% в щит и 38% в башню, из ружей 26% в щит); участвовали в судовом десанте, упражнялись в сигналопроизводстве, производили парусные и артиллерийские учения и прочее. Вместе с тем, конечно, мы несли вахтенную службу со всеми ее разнообразными обязанностями. Между прочим, в число их входила и фалрепная служба.

Фалрепными назначались как матросы, так и кадеты. На обязанности их лежало по команде вахтенного начальника «Фалрепные, наверх!» выходить на верхнюю палубу и становиться у входного трапа для встречи приезжающих на корабль офицеров и подачи им фалрепов, то есть обшитых сукном веревок, заменявших поручни. Кадетам почему-то вдруг показалась такая обязанность унижительной для их достоинства, и они заявили протест против назначения фалрепными. Такой проступок против субординации и дисциплины мог повлечь для них весьма серьезные неприятности, если бы начальство отнеслось к нему с обычной, чисто формальной точки зрения. На наше счастье, однако, начальник отряда, которому была доложена вся эта, в сущности мальчишеская, история, взглянул на дело несколько иначе. Он не поленился явиться лично на «Боярин» (сам он держал свой брейд-вымпел на «Варяге»), чтобы в непринужденной беседе с нами выяснить создавшееся «недоразумение».

Начальник отряда Дрешер

Капитан 1-го ранга Дрешер представлял тип моряка старой парусной школы. Во флот он попал, кажется, уже в зрелых годах, а до того служил на коммерческих судах. Небольшого роста, с густыми седыми усами, он производил впечатление закаленного в бурях сурового «капитана», что не мешало ему быть в сущности добрым и даже, пожалуй, довольно мягким человеком.

Приказав выстроить нас на шканцах (почетное место на корабле, обычно между бизань- и грот-мачтами, где читаются морской устав и объявляются различные узаконения и распоряжения начальства), он обратился к нам с такой приблизительно речью: «Господа! Ваш командир доложил мне о вашем неудовольствии по поводу назначения фалрепными. Ваша излишняя щепетильность объясняется только молодостью и неопытностью. Что же вы усмотрели тут для себя оскорбительного? Фалрепные ведь назначаются не для личных услуг офицерам, а для оказания им должного почета, согласно уставу. В недалеком будущем, когда вы удостоитесь надеть офицерский мундир, и вам будет оказываться такой же почет. Да, наконец, никакой труд сам по себе не может унижать человека. Я начал свою морскую службу в звании юнги на купеческом корабле и стирал носки своему капитану, а теперь, как видите, дослужился до высших чинов и удостоился стать вашим начальником. Я глубоко уверен в вашем благоразумии и не сомневаюсь в том, что вы сами признаете свою ошибку и постараетесь всеми мерами ее загладить».

Такой педагогический метод воздействия не замедлил принести желанные плоды: кадеты устыдились своего фрондерства и стали усердно исполнять служебные обязанности. Инцидент был мирно улажен и даже вовсе не попал в «Исторический журнал» плавания, тогда как страницы

его украсились характерными отметками о многих других дисциплинарных проступках кадет.

На лодке «Лихач»

Эти отметки относятся к небольшой группе воспитанников 4-го отделения, проявивших особенную почему-то строптивость во время очередного плавания на лодке «Лихач». На этой лодке плавали в течение кампании все кадеты посменно для ознакомления с машинным делом. Они исполняли обязанности кочегаров и машинистов, а также вели машинный журнал.

Командир Невельской

Командовал лодкой капитан-лейтенант Невельской, сын знаменитого адмирала Геннадия Невельского⁵, открывшего Сахалинский (Татарский. — А.Е.) пролив и присоединившего к России устье Амура. Сын, однако, не удался в отца. Он был, что называется, не ладно скроен, но крепко шит. Высокого роста, плечистый, лохматый, с вечно торчавшей из ушей ватой, он производил впечатление какого-то несуразного существа, которому было неловко и тесно на таком маленьком судне. Он походил на большого, добродушного пса и не отличался твердостью характера и последовательностью в своих действиях, чем нередко и пользовались его подчиненные. Даже ближайший его помощник по морской части, боцман Бочкарев⁶, позволял себе при случае отпускать не особенно почтительные замечания по его адресу.

Так, например, при постановке на якорь он не сразу исполнял приказание командира об отдаче якоря, а делал это, так сказать, по своему усмотрению, после некоторой паузы.

— Бочкарев! — вопил командир с мостика. — Отчего не отдал якоря?

— Есть! — неслось с бака. — Раз! Два! Три! Отдать якорь!

И якорь с шумом летел за борт, высучивая заготовленные сообразно глубине рейда смычки цепного каната.

Невельской отправлялся на бак для выяснения несвоевременного исполнения приказа. Бочкарев, предчувствуя справедливое возмездие за свое ничем не объяснимое упрямство и слушание, прикидывался обиженным.

— Да ведь, ваше-родие, мне отсюда виднее, чем с мостика... — оправдывался он. — Вижу, что, значит, лодка не стала еще против ветра, ну и выждал одну минутку... Для вас же старался...

— Дурак! — ворчал командир. — Ну да ладно! — и, махнув безнадежно рукой, уходил к себе в каюту.

Подобные эпизоды не могли, конечно, скрыться от взоров команды и особенно любознательных и все подмечающих воспитанников и не подрывать, следовательно, командирского авторитета. Быть может, так или иначе, это обстоятельство и не осталось без влияния на вызывающее поведение наиболее озорных воспитанников, которых случайно оказалось особенно много в четвертом отделении.

Нарушение дисциплины

Один из них, например, не вышел на аврал (общая судовая работа, обязательная для всех чинов корабля); стоя на вахте за вахтенного начальника, спустился ненадолго в каюту; наконец, вызванный наверх, на отходящую шлюпку, заметил, что воспитанникам грести не полагается, а только сидеть на руле. На полученный же за это выговор ответил: «Странно».

Другой не вышел к подъему флага. За ложное показание отправлен был на салинг (перемычка, деревянная или железная, на верхней части мачты, куда, согласно уставу, сажали за показание провинившихся кадет, не более как на два часа), но исполнить это отказался, предлагая подать на него рапорт. Получив вторичное приказание о том же, спросил: «За что?» и на ответ: «За ложное показание», возразил: «Что вы ругаетесь» и счел себя оскорбленным. Этот протест был поддержан в грубой форме двумя его товарищами, претендовавшими на оскорбление в его лице всех воспитанников. На вопрос: известно ли ему, ушедшему вниз с вахты, что он должен быть наверху, отвечал, и то не сразу: «Известно и не известно».

Третий не вышел к подъему флага и курил, сидя на парусном ящике. На сделанное ему по этому поводу замечание ответил, что берет пример с офицеров.

Четвертый не вышел к подъему флага и на аврал. На приказание вычистить сапоги заметил громко: «Потеха чистить сапоги на лодке»; на замечание же о неуместности такой выходки ответил: «Я не вам сказал».

Возмездие

За эти проступки все виновные были арестованы в карцере, с ограничением пищи, первый на трое суток, остальные на пять суток. Все остальные воспитанники этой смены лишены были увольнения на берег на все время пребывания на лодке, которая не была отпущена в отдельное плавание и должна была впредь оставаться при отряде, под ближайшим надзором его начальника. Последнему командир лодки «Лихач» должен был вместе с тем доносить о поведении своих воспитанников каждые пять дней, о «всяком же возражении и не моментальном исполнении приказаний» — немедленно. Фамилии виновных не были поименованы в приказе.

Если принять во внимание в высшей степени дерзкий характер выходов и то обстоятельство, что они были совершены не детьми, а 19–20-летними юношами, считавшимися уже на действительной службе (с 1 января 1874 года), всего за год до производства в гардемарины, то следует признать наложенные на них наказания более чем умеренными. Легко представить себе, какая участь постигла бы виновных в николаевское время!

Окончание кампании

16 августа все суда отряда собрались на Кронштадтском рейде и после обычного смотра главного командира 20 августа окончили кампанию. «Боярин» сделал в этом году 1874 мили под парусами, а «Лихач» 1010 миль под парами. За время кампании было несколько несчастных случаев с воспитанниками и матросами (травматические повреждения) и утонул один писарь. За лето я все же, в общем, поправился. Правда, работы, особенно физической, было много; бывали, конечно, и неприятности. Но целые дни на воздухе, здоровый спорт, купания и окачивания, наконец, вкусный и питательный стол — все это принесло свои хорошие плоды.

Со спуском флага и вымпела началось так называемое «разоружение», то есть оголение мачты и снятие такелажа, свозка в магазины парусов и провизии и тому подобное. Хотя, согласно приказу начальника отряда, и предписывалось командирам судов наблюдать, чтобы воспитанники «принимали в разоружении самое деятельное участие», но фактически эту тяжелую, черную, так сказать, работу производили, конечно, главным образом матросы. Исключение составлял один корвет «Гиляк», где, как я уже упоминал в своем месте, кадеты, вследствие своего численного превосходства, составляли главную рабочую силу. В несколько дней разоружение было окончено, и мы вернулись в училище. А вскоре я уже «на всех парусах» мчался к своим, в Одессу.

День за днем

Наступил последний учебный год. Многие из нас запаслись самодельными табель-календарями, прикрепленными к внутренней стороне крышек от конторок. Ежедневно вечером, после чая, торжественно вычеркивался минувший день, что сопровождалось церемонией наподобие спуска флага. Игралась (на губах, конечно) повестка, затем зоря и, наконец, туш. Подобная церемония происходила одновременно в разных местах ротного зала и производила впечатление действительно как будто чего-то важного.

Училищная жизнь шла своим чередом и, несмотря на такой ежедневный учет времени, тянулась, казалось, безнадежно долго.

Обход начальства

«Оно» (то есть превосходительство), как мы стали величать Епанчина после производства его в адмиралы, по-прежнему торжественно шествовало по ротам, классному коридору и другим помещениям, встречаемое дежурными офицерами и воспитанниками. Адмирал медленно двигался, окруженный своей свитой, держа правую руку за бортом сюртука, а левую за спиной. Это была его обычная манера. При встрече с младшими офицерами он подавал им иногда снисходительно два пальца левой руки и имел скверную привычку перевернуть фамилии, что делал, по-видимому нарочито, по небрежности или нежеланию напрячь свою память. Так, увидев дежурного офицера, лейтенанта Клеопина, он говорил: «А, Кляновин!», воспитанника князя Оболенского величал почему-то «Лябонским» и тому подобное.

Назидательные речи

Адмирал любил время от времени говорить речи перед фронтом всего училища, причем, в зависимости от ее содержания, прибегал то к торжественному тону, то снисходил даже к шуткам.

В день святого Павла Исповедника (6 ноября) училище праздновало свой храмовой праздник, и за несколько дней до этого торжества Епанчин выливал на нас целый фонтан своего красноречия. Изобразить его в связной, последовательной форме довольно мудрено, ограничусь эскизным изложением.

Поздоровавшись с нами, начальник училища останавливался перед серединой фронта в несколько театральной позе и, откашлявшись более для придания солидности своему голосу, начинал *ab ovo*:

— Высшее морское начальство в постоянном попечении о нашем училище с особым вниманием всегда относилось к нашему училищному празднику. Будет, как всегда, несколько тысяч гостей. Билеты будут разосланы почетным лицам, а также выданы вам для приглашений родственников. Будьте же достойны оказываемого вам доверия и не злоупотребляйте им, как это, к прискорбию моему, имело место, например, в прошлом году. Некоторые воспитанники тогда позволили себе, как вам известно, ввести сюда под видом родственниц неприличных, скажу прямо — уличных женщин... Это позорный поступок!⁷ (Голос адмирала зазвучал грозно).

После некоторой паузы начальник продолжал свою речь в прежнем спокойном духе:

— Конечно, такое некрасивое поведение некоторых из ваших товарищей вынуждает нас принять более серьезные меры для ограждения училища от подобных скандалов. Число билетов будет ограничено и контроль на входе усилен. Надеюсь, что вами же выбранные распорядители,

со своей стороны, окажут начальству всемерное содействие в этом отношении. К сожалению, приходится сделать еще одно замечание. Как и прежде, гостям будет предложено обильное даровое угощение. Конфеты, фрукты, лимонад... Ну, и, конечно, достаточное количество невской воды... — добавил адмирал уже в виде шутки. — Но вот что грустно: при выносе в зал подносов со сладостями на них бросаются воспитанники младшей роты и нахрапом расхватывают угощение, приготовленное для гостей. И тут я надеюсь главным образом на участие и надзор распорядителей и вообще всех старших товарищей.

Училищный бал

Нашим училищным балом открывался столичный зимний сезон. Среди петербургской публики он пользовался известностью и популярностью. Заботливые маменьки вывозили на этот бал целые выводки своих дочек и родственниц, впервые выезжавших в свет. Морская молодежь умела придать своему празднику соответствующую обстановку. Гости веселились напропалую и танцевали до упаду.

Единственный в своем роде зал Морского училища (30x20 сажен)⁸ без колонн, освещался несколькими газовыми люстрами и многочисленными стеариновыми свечами, размещенными по карнизам и на круглых голландских печах. В глубине зала стояла разборная модель фрегата «Президент» и учебная модель брига «Наварин» в большом масштабе, предназначенная для наглядного обучения морской практике.

Танцевали больше всех, конечно, в этом зале, но даже здесь не хватало места для всех желающих. Приходилось устраиваться по соседству, в ротных помещениях, искусно украшенных декорациями работы собственных художников и мастеров. Народу бывало очень много, до шести тысяч человек и больше, так что являлось опасение за целостность балок и приходилось принимать специальные меры для ограждения безопасности.

Часов в одиннадцать обыкновенно появлялся в зале генерал-адмирал в сопровождении нашего начальства и своей свиты. Он обходил все помещения, любуясь всеобщим весельем, выпивал стакан вина в отдельной для этого комнате и вскоре уезжал, стараясь не мешать увлекавшейся танцами и флиртом молодежи.

В этом же зале происходили у нас строевые учения и парады, под руководством начальника строевой части капитана 1-го ранга Степанова.

Батальонный командир И.И. Степанов

Иван Иванович Степанов, человек среднего роста, с черными баками, любил корчить из себя настоящего строевика. Он кричал на весь зал зычным голосом и распекал воспитанников за плохую «стойку» и недоста-

ток военной «выправки», но в сущности был человек добрый и мягкий. Да и сам во «фронтальной науке» не особенно был силен и нередко делал ошибки, осторожно исправляемые действительными знатоками дела, нашими инструкторами, унтер-офицерами Гвардейского экипажа.

Иван Иванович, человек не особенно далекий, имел небольшую слабость к произнесению перед фронтом речей, чем иногда ставил себя в не особенно ловкое положение. Так, например, однажды он обратился к нам со следующими словами: «Господа! Вчера я встретил нескольких воспитанников в таком месте, где ни один порядочный человек не бывает — в цирковой конюшне...»

Из этого всем стало очевидно, что сам Иван Иванович причислял себя к «непорядочным» людям. Эффект получился поразительный и только исключительные обстоятельства (строй) помешали взрыву душившего нас смеха!

Парады и разводы

Морские училища, наравне с другими военно-учебными заведениями, участвовали, конечно, в парадах, смотрах и так называемых «разводах с церемонией», происходивших в высочайшем присутствии каждое воскресенье в известном манеже Инженерного (Михайловского) замка.

Государь, несмотря на свою врожденную сердечность и доброту, был очень строг в своих требованиях к фронтальной службе и к соблюдению формы в одежде. На этой почве происходили нередко разные инциденты, оканчивающиеся наложением суровых взысканий на провинившихся. Помню, например, как однажды на разводе полурота Морского училища не расслышала, вследствие шума и музыки, приветствия Государя и не ответила на него.

Государь рассердился и за такое невнимательное отношение к своим обязанностям приказал виновных оставить без отпуска на неопределенное время, вплоть до отмены. Впрочем, по докладу высшего морского начальства и представительству близких к Государю лиц, несколько дней спустя наказание было снято.

«Рыжий Спаситель»

Учебные занятия шли своим чередом, но несколько усиленным темпом, ввиду приближения выпускных экзаменов. Нужно было держать ухо остро, особенно на проверочных репетициях, чтобы не быть захваченным врасплох и не испортить себе годовых баллов. Самым верным и простым средством для этого являлась, конечно, добросовестная подготовка. Но, как водится, многие воспитанники по лени или малоспособности предпочитали ему более кривой и окольный путь. Они прибегали к под-

делке баллов при содействии рыжего писаря, ведавшего этим отделом в классной канцелярии. В кадетском мире он был известен под именем «Рыжего Спасителя».

Кажется, в конце концов начальство наше проникло в эту тайну и приняло свои меры. Да оно и не удивительно, если принять во внимание, каким примитивным и рискованным способом достигалось это «спасение». Вход в классную канцелярию воспитанникам был вообще запрещен. Исключение допускалось лишь в тех случаях, когда это вызывалось какими-нибудь поручениями учебного характера. Вот этими-то случаями или самовольными, весьма рискованными всегда побегам приходилось пользоваться для лаконических переговоров с «Рыжим Спасителем» и внесения ему вперед мзды за исправление неудовлетворительного балла, в виде 20–30 копеек, смотря по трудности операции и другим обстоятельствам.

Фиктивные заболевания

Другим способом «спасти положение» являлось фиктивное заболевание и бегство в лазарет, под крылышко добрейшего Ксенофонта Александровича. Кадеты устраивали себе искусственное «нервное сердцебиение», пробежав одним духом бесконечный классный коридор и являясь в лазарет в возбужденном состоянии. А то просто жаловались на головную боль, тошноту или другие тому подобные явления, не поддающиеся врачебному контролю, как совершенно субъективные. Сибиряков с лукавым видом выслушивал таких сомнительных пациентов и большей частью делал вид, что верит их показаниям. Но иногда и он терял терпение и, возмущенный явной симуляцией, налетал на мнимого больного и принимался распекать и стыдить его.

— Послушайте, мой милый! — кричал он на весь лазарет. — Что же вы меня за дурака считаете? У вас ведь ровно ничего не болит и вы все врете...

Тогда кадет менял тон и уже прямо переходил к мольбам оставить его только на один день в лазарете, иначе его сегодня обязательно вызовут по такому-то предмету и погубят всю его «будущность». Фельдшера и другие воспитанники, присутствовавшие на амбулаторном приеме, сочувственно улыбались и поддерживали такое ходатайство. И милейший Ксенофонт Александрович обыкновенно сдавался.

В лазарете

На другой день Епанчин, обходя лазарет, подходил к больным, выстроенным перед своими койками и, выслушав доклад сопровождавшего его Сибирякова, бесцеремонно спрашивал: «А вы чем болеете? Астрономией?»

— Никак нет, ваше превосходительство, у меня лихорадка, — возражал больной, сообразуясь с подписью на доске над кроватью.

Но старый педагог, сам прошедший огонь, воду и медные трубы, оставался очевидно при своем (увы! большей частью совершенно правильном) мнении и, смерив своим пронизательным взором подозрительного больного с головы до ног, величественно удалялся из лазарета.

Кстати сказать, лазарет не представлялся уже для воспитанников таким раем. Правда, кормили там недурно, особенно когда назначали подходящую «слабую порцию» и даже вино. Но, в общем, было скучновато, а иногда и рискованно. Пьяные фельдшера, случалось, давали больным вместо прописанного полоскания примочку для ног и тому подобное.

Командир 1-й роты Грундштрем

Выпускной ротой командовал капитан-лейтенант Грундштрем. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Кажется, Грундштрем принял 2-ю роту после смерти Хвостова, а 1-й (выпускной) ротой командовал капитан 1-го ранга Гверинг. Но дела это, в сущности, нисколько не меняет. Швед или финляндец родом, небольшого роста, с толстым носом, раздвоенным посередине, он служил нередко мишенью для насмешек и шуток кадет. Нельзя сказать, чтобы его не любили, но авторитетом он у нас не пользовался. Одевался он не то что неряшливо, а скорее небрежно и своим комическим и рассеянным видом производил странное впечатление. Особенно на дежурстве, когда ему приходилось совмещать служебные обязанности с педагогическими.

Он преподавал нам начертательную геометрию и, если урок совпадал с дежурством по училищу, то являлся к нам в класс в «обыкновенной форме», то есть в виц-мундире, и оставлял классную дверь открытой в коридор, где стоял дежурный барабанщик. Сабля как-то нелепо болталась у него сбоку, нередко попадая между ног, шейный Станислав⁹ съезжал куда-то за спину, вместе с плохо пригнанным галстуком, штанины поднимались кверху и, зацепившись за ушки ботинок, открывали кальсоны... Взлохмаченные волосы и блуждающий по сторонам взор довершали картину.

Кадеты, конечно, учитывали все эти свойства своего преподавателя и злоупотребляли ими для своих целей. Вызванные к доске для ответа, они пользовались без зазрения совести шпаргалками, подсказками и, наконец, просто самими руководствами по начертательной геометрии, которые должны были будто бы служить для наглядного изображения пересекающихся плоскостей и тому подобное.

По окончании урока Грундштрем ковлял в коридор и, сделав комичное антраша своими короткими ножками, отчаянно как-то махал барабанщику своей треуголкой и кричал: «Бей!»

Один из товарищей, Григорович (младший брат последнего морского министра; скончался в молодых годах) по прозвищу Акула (прожорливость и какая-то рыба «образина»), отправившись однажды вечером с рапортом на квартиру ротного командира, столкнулся в передней с его детьми и обозвал их «чертенятами». В этот момент туда же вошел Грундштрем и, приняв рапорт, с неудовольствием сказал Григоровичу: «Ну-с и не годится христианских детей чертенятами называть!» Акула, конечно, смутился и стал изворачиваться на все лады в свое оправдание. Впрочем, благодушный ротный и не думал его преследовать.

Благодушные это и, в сущности, симпатичный облик Грундштрема не избавляли, однако, его от разных каверз воспитанников. Последние не трогали лишь тех, кого боялись, и уважали только силу. Такие господа, как Зыбин или Изыльметьев, жесткие и бесстрашные, командовали кадетским стадом; другие же, как Медведка, Гаррисон или Грундштрем, служили для нас забавой.

Последнему на уроках ухитрялись замазывать стул мелом, а журнал чернилами. Более дерзкие изловчались даже пачкать фалды сюртука. Когда же Грундштрем проходил по коридору или ротному залу, то вслед ему неслись довольно громко и бесцеремонно различные прозвища: «Груша! Компот! Слива!» (по сходству с формой его носа) и так далее.

Впрочем, такие плоские кадетские выходки вряд ли особенно задевали Грундштрема. Он был выше всего этого. А может быть, просто и не замечал их по своей рассеянности, занятый своими мыслями.

Артельщики

Выпускная рота пользовалась привилегией иметь своих выборных артельщиков, на обязанности которых лежало наблюдение за изготовлением кушаний на кухне и в буфете. В сущности, это была одна фикция. Артельщики ничего не смыслили в продуктах и кулинарном искусстве, да, очутившись лицом к лицу с экономом, буфетчиками и поварами, и боялись выступить с претензиями. К тому же, заинтересованные лица всегда как-то успевали вовремя угостить артельщика чем-нибудь вкусным и таким образом «обезвредить» его.

Артельщики выбирались от каждого класса (их было несколько параллельных) и дежурили по очереди. Дежурство давало возможность на законном основании уйти иногда до окончания урока, а то и спастись от вызова по астрономии или другому важному предмету.

Воспитанники относились к этой выборной обязанности довольно равнодушно и не предъявляли к своим артельщикам особых требований, но время от времени происходили на этой почве и различные инциденты.

Инцидент с «птицей Гагой»

В числе артельщиков был как-то хохол Дриженко, по прозванию Гага. Товарищи звали его «жирной, но глупой птицей» и выбрали его главным образом за его малороссийское происхождение, «дескать, там у них здорово и вкусно лопают, а потому, наверное, и он собаку съел на этом деле!» Да и сам он любил вкусно поесть и, кстати, смачно рассказывал о всяких кушаньях. Однако возложенные на него надежды не оправдались, и в один прекрасный день на третье блюдо нам подали хворост, приготовленный на вонючем сале. Кадеты сейчас же решили проучить своего покладистого представителя. До хвороста никто не смел дотронуться. Им только старались незаметно набить карманы, а частью попрятали его за пазуху, под голландку. Весь этот запас принесен был бережно в роту и высыпан в конторку Дриженко, конечно, в его отсутствие. Само собой, что за ним была установлена тщательная слежка и когда под вечер он сунулся было в конторку и оттуда с шумом посыпался на него вонючий хворост, то вся рота загоготала от восторга. Несчастный артельщик разразился, конечно, отборной бранью, обозвав всех нас скотами и мерзавцами. На это в ответ послышался всеобщий хор: «Гага, гага, гага! Жирная, но глупая птица! Лопай на здоровье!»

Обед

Обедали мы в большом зале, уставленном обычно двумя рядами столов. Пропев хором общую молитву, садились по расписанию на свои места. Обед состоял из трех блюд. Пили квас из общих серебряных стопок, расставленных по две на каждом столе, соответственно двум «концам» каждого. Воспитанники размещались по этим концам, середина же стола обыкновенно оставалась свободной. Дежурный по училищу офицер расхаживал все время по залу и наблюдал за порядком. Разглядывая как-то пустую стопку, я нечаянно пролил несколько капель квасу на скатерть, что было замечено дежурным офицером. Он подал на меня записку ротному командиру, и я остался без субботнего отпуска «за умышленную порчу кадетского имущества». Правда, это случилось еще в 4-й роте, у «Косушки».

По окончании обеда или завтрака все продолжали сидеть за столом, пока буфетчик не доложит дежурному офицеру, что все столовое серебро проверено и в целости. Только тогда раздавался сигнал на горне или барабане, все вставали, пели опять хором молитву и расходились фронтом по своим ротам. Иногда присутствовал на обеде Епанчин, а то и кто-нибудь из высшего морского начальства или иностранных флотских гостей. В таком случае им торжественно представлялась «проба».

В виде исключения выпускные воспитанники увольнялись в отпуск не только в субботу или накануне праздников, но и в другие будние дни на неделе. Конечно, после занятий и в зависимости от успехов и поведения.

Щекотливая тема

По поводу некоторого усиления среди воспитанников так называемых «секретных болезней» начальник училища обратился как-то к нам с особенно внушительной речью. Снисходительно относясь к «неизбежному злу», он предостерегал нас только от чрезмерного увлечения им и от обращения «заведений без древних языков» (выражение известного рассказчика И.Ф. Горбунова) в места развлечений и пьянства. Таким образом, очевидно, что Епанчин стоял в этом важнейшем вопросе нравственности на чисто формальной точке зрения, усвоенной издавна почти всеми правительствами, врачами и педагогами. Зло признавалось неизбежным, и о борьбе с ним не могло быть и речи. Вся мудрость житейская сводилась в данном случае лишь к тому, чтобы локализовать это зло и сделать его минимальным¹⁰.

Юная душа, несмотря, однако, на такую поощрительную снисходительность начальства, невольно возмущалась и сомневалась в истине подобного взгляда. Лучшая часть молодежи, получившая в семейном гнезде добрую закваску и не успевшая еще окунуться с головой в грязный омут большого города, сдавалась не сразу на такой компромисс со своею совестью. Она инстинктивно искала другого выхода. Но, нигде не встречая поддержки (семья далеко!), большей частью сворачивала на проторенный путь, особенно под тлетворным влиянием товарищей, не прощающих своим друзьям их нравственной чистоты и невинности. Впрочем, и тут более чистые и сильные натуры ухитрялись не менять своего курса и соблюсти себя в допустимых для человеческой природы пределах, о чем было уже упомянуто выше в настоящих записках. И как, в сущности, это было бы нетрудно, если бы начальство не рисовалось бы в таком исключительно важном вопросе своим официальным, мертвящим беспристрастием, а младшие воспитатели, и особенно священник, стояли бы духовно ближе к своим блуждающим в потемках овцам.

Здесь кстати будет упомянуть о нередко возникавших между нами горячих спорах о возможности так называемой платонической любви и о превосходстве ее над простым животным влечением. Я, помнится, принадлежал к «платоникам». Конечно, во всех этих прениях и рассуждениях было немало наивного, что легко объяснялось нашим возрастом и невежеством в физиологии и вообще «вопросах жизни», но все же они являлись ценным показателем искренних стремлений к чему-то лучшему, более высокому.

Спорт и танцы

В то время спорт еще не сделался модным фетишем, каким он стал теперь. Люди, очевидно, не могут обходиться без крайностей и без излюбленных коньков. Тогда сравнительно мало обращали внимания на физическое развитие, а больше налегали на духовную культуру; теперь наоборот: тело доминирует над духом, наблюдается сильное преклонение перед материальной культурой. На первом месте спорт и прикладное утилитарное знание. Но и в дни моей далекой молодости мы не прочь были потолковать о необходимости идеальной гармонии между телом и духом, в защиту которой приводилась обыкновенно известная латинская поговорка: «*Mens sana in corpore sano*»¹¹.

На флоте обстановка более или менее благоприятствует такой гармонии. Парусное дело требовало постоянных гимнастических упражнений на чистом воздухе, подчас весьма смелых и рискованных. Купание, плавание, непрестанное движение, регулярный, суровый режим. Зимой в училище это до некоторой степени заменялось гимнастикой, танцами и строевыми учениями.

Нельзя сказать, чтобы нас изводили муштрой, но фронтное дело было еще в большом почете, и от воспитанников все же требовалась молодежавшая военная выправка. Стоять нужно было во фронте, по классическому выражению одного гвардейского инструктора — «не как либо что, а что либо как», то есть подобрав живот и выпятив грудь. Да и смотреть весело начальству в глаза, чтобы «не наводить уныния на фронт». Ну что ж, дурного в этом еще ничего не было. Молодежь подтягивалась и бодрилась.

Такие же глубоко «штатские» по натуре люди, как уже упомянутый выше приятель мой Гуляницкий, тяготившийся отданием чести и вообще воинским артикулом, перекочевывали понемногу в гражданские учебные заведения. Впрочем, пан Гуляницкий оказался и в танцевальном искусстве весьма слабым. Это и не удивительно, так как успехам его мешала не только неуклюжая фигура и косолапость, но и принципиально презрительное отношение к хорошим манерам и ко всякого рода «салонности». Такой взгляд пользовался большой популярностью в те времена среди «развитой» в духе Писарева и К^о молодежи, претендовавшей на титул «реалистической».

Танцы происходили по вечерам в столовом зале, под руководством известного балетного артиста Гельцера. Одетый в безукоризненный фрак и белый галстук, гибкий, как каучук, он грациозно проделывал перед нашим «фронтом» разные па и пируэты, приглашая нас затем повторять все эти хитрые номера. Конечно, у нас все это выходило довольно карикатурно. Кроме десятка-двух прирожденных любителей, остальные кадеты относились к урокам танцев довольно недружелюбно, как к пустой и ненужной прихоти начальства; а в лучшем случае пользовались ими,

чтобы лишний раз подурачиться и побалаганить, благо начальство не успевало следить за всеми многочисленными танцорами, разбросанными по всему огромному залу.

Как-то раз, раздосадованные многократными неудачными попытками воспроизвести показанные учителем упражнения и порядком утомленные ими, некоторые воспитанники довольно громко крикнули из задних рядов: «Пошел ты к черту!» Но Гельцер нисколько не смутился и очень находчиво, отступая назад и сделав грациозный пригласительный жест правой рукой, ответил: «Пожалуйста за мной, господа!» Вышло очень остроумно и комично, а вместе с тем и для всех безобидно. Я любил потанцевать и танцевал, по отзыву других, весьма недурно.

«Золотая рота»

Среди нас были, однако, и такие не способные к танцам субъекты, которых почти невозможно было «уломать». Они совсем не поддавались обработке и, становясь в «позицию», представляли из себя каких-то деревянных истуканов. И как ни бились с ними, ничего не выходило. Пришлось выделить их в особую команду и заниматься с ними отдельно. Команда эта получила у нас насмешливое название «Золотой роты». Одно из первых мест в ней занял по праву Гуляницкий.

Танцы происходили обыкновенно под скрипку. Но в выпускной роте дело обстояло иначе. Раз в неделю нам предоставляли приемный, так называемый аванзал и давали музыкантский хор. Тут уже воспитанники отплясывали с большим азартом все модные танцы, до непристойного кафе-шантанного канкана включительно. Конечно, в те моменты, когда дежурный офицер смотрел в другую сторону или выходил ненадолго из зала.

В ожидании выпуска

Время быстро шло. День за днем аккуратно вымарывался в наших календарях и исчезал в бездне... а нам все еще казалось, что оно слишком медленно ползет, и мы с нетерпением ждали выпуска, волнуясь и опасаясь, как бы чего-нибудь не случилось такого, что вдруг могло бы помешать этому великому событию. Занятия шли своим чередом, конечно, но нельзя сказать, чтобы особенно успешно или хоть настолько интенсивно, как это требовалось приближением выпускных экзаменов. Внимание наше постоянно отвлекалось в сторону, мечты опережали события и увлекали нас неудержимо вперед, в неизвестное, но, конечно, счастливое и интересное будущее... А главное — предстояла самостоятельная жизнь, со всеми ее волнениями и искушениями!

Чаепитие

В свободное от занятий время мы часто собирались в ротном арсенале, где распивали свой собственный чай и давали волю грезам и языкам. Посылали дневальных за ситным, чайной колбасой и неизбежными «машинными» или «собачьими» пряниками и устраивали пир горой. Такое общее чаепитие разрешалось во всех ротах, а для выпускных воспитанников допускались и всякие льготы в этом отношении. Вообще, по установившимся издавна традициям, на выпускных начальство смотрело уже как на будущих офицеров и относилось к ним значительно снисходительнее, чем к прочим воспитанникам.

Прибытие черноморских юнкеров

В марте месяце прибыли в училище из Николаева черноморские юнкера для совместного с нами участия в выпускных экзаменах. Черноморский флот не имел своего училища. Взамен его в Николаеве учреждены были особые «Классы» с двухлетним курсом, куда принимали юнкеров флота¹². В видах, однако, контроля они должны были держать выпускные экзамены в Морском училище. В этом году их прибыло 20, да выпускников было 67. А всего в выпуске 1876 г. числилось 87 человек. Они равномерно распределены были по группам, на которые всех их разбили для этой цели. В их числе были Н.М. Яковлев и В.А. Лебединцев¹³, с которыми я впоследствии сошелся поближе. Впрочем, с Лебединцевым я вместе учился еще в Ришельевской гимназии, а по выпуску в гардемарины он на год от нас почему-то отстал.

Подготовка к экзаменам отнимала у нас очень много времени, но это ничуть не мешало нам уделять достаточно внимания и заботам об экипировке. На человека полагалось, если не ошибаюсь, по 225 рублей. На эту сумму каждый воспитанник приобретал: сюртучную пару с аксельбантами и погонами, пальто, треуголку, фуражку, саблю, кортик, белый жилет, сапоги и две крахмальные сорочки. Платье шили у корпуса, на Малой Морской, а офицерские вещи заказывали Горюнову, в Гостином дворе. Цены тогда были сравнительно недорогие, да и оптовый заказ давал значительную скидку. Только при таких условиях и мыслимо было прилично одеться на столь скромную сумму. Само собой, что вся эта экипировка годилась только для выхода из училища и затем сейчас же потребовала дополнений, смотря уже по средствам каждого.

Я был в этом отношении счастливее многих других. Отец¹⁴ мой получал в то время уже солидное жалование и мог уделить мне достаточные средства на первое обзаведение, что и сделал с большим вниманием и любовью ко мне.

Мое приданое

Еще в последнюю побывку мою на святках в Одессе мать приступила к изготовлению для меня настоящего «приданого». Шили белье, стегали одеяло, закупали вещи первой необходимости. Во время неизбежных примерок при участии белошвейки произошел, между прочим, следующий эпизод, отлично иллюстрирующий мое глубокое невежество тогдашнее в делах подобного рода. Я все время настаивал на том, чтобы рубашки мне шили потолще, а не из тонкого полотна, чтобы грудь была твердой, не соображая, что все дело в крахмалении. Выведенная, наконец, из терпения моим упрямством и непониманием, мать с сердцем назвала меня «ослом». Отец купил мне отличные серебряные часы, настолько прочно и красиво вызолоченные или даже обтянутые золотом (*argent plaque*), что их все принимали за золотые. Они стоили 40 рублей и служили мне много лет верою и правдою, несмотря на то, что во время турецкой кампании выкупались со мной в Дунае. Уже будучи капитаном 2-го ранга, в 90-х годах, я подарил их своему вестовому Маркушину, с приличной надписью, перед уходом его в запас. Отец подарил мне также складной бинокль и шикарный несессер с полным набором туалетных принадлежностей. Но, очевидно, я мало проникся наставлениями о необходимости заниматься уходом за своей особой, хотя бы даже для того, чтобы выиграть в женском обществе, и в самом непродолжительном времени разорил весь несессер, обратив его в обыкновенный саквояж. Это, конечно, немало огорчило моего милого отца, но в конце концов он махнул на меня рукой.

Приезд отца с сестрой

Он вместе с сестрой Наташей приехал в Петербург в апреле, вскоре после Пасхи, специально к моему выпуску, и остановился, кажется, в отеле «Англетер», на Исаакиевской площади. Мать же с бабушкой и братом остались в Одессе, поджидая меня к себе на время отпуска. Встреча с отцом и сестрой была самая радостная, но я не мог вполне насладиться их обществом, так как экзамены тогда еще не были закончены и приходилось порядком надрываться, тем более что я не грешил особенным прилежанием в течение года. Да и отец, по своему обыкновению, при первом же свидании напомнил мне о необходимости напрячь все силы для достижения успеха.

Выпускной акт

Наконец наступили и желанные дни. 30 апреля нам объявили о результатах экзаменов, а 1 мая 1876 года состоялся и выпускной акт, на котором присутствовали и мои дорогие гости, отец и сестра.

После прочтения А.П. Епанчиным отчета о прохождении нашим выпуском полного курса училища состоялась раздача аттестатов. Нас вызывали по списку к столу, за которым заседало высшее начальство, и мы получали аттестаты и награды (преимущественно морские книги) из рук управляющего Морским министерством или его заместителя, сейчас не помню. Затем — наш торжественный и величественный гимн и благодарственный молебен в училищной церкви, закончившийся прочувствованным напутствием отца Белявского.

Обед в «Малоярославце»

В тот же день состоялся дружеский обед в ресторане «Малоярославец» на Большой Морской, за которым собрались все родные и близкие мне люди, жившие тогда в столице, чтобы сердечно и торжественно отпраздновать вступление в жизнь новоиспеченного гардемарина. Много было выпито по этому случаю всякого вина и особенно шампанского, но суть была не в них, а в том дружеском внимании и в тех задушевных чувствах, с которыми был приветствован «герой дня», совсем юный еще тогда автор настоящих «Заметок».

¹ Серков Василий Федорович (01.01.1829—?), вице-адмирал при отставке (1889). Поступил на службу гардемаринком в 1845 г., плывал на корабле «Ягудил», бомбардирском судне «Перун», ГР «Гапсаль»; мичман (1848). Командир винтовой КЛ «Оса» (1855–1856). В прикомандировании к Учебно-гимнастической команде в СПб. (1857–1859). Старший офицер винтового корвета «Посадник» (1859–1863). Командир броненосной лодки «Латник» (1864–1869), корвета «Боярин» (1869–1877), броненосного ФР «Генерал-Адмирал» (1877–1882). Капитан над Кронштадтским портом (1882–1889), командир УАО (1886–1889).

² Конкевич (с 23.01.1917 — Конкевич-Мурманский) Александр Егорович (08.10.1842—?), капитан 2 ранга при отставке (19.03.1884), тайный советник (1914), товарищ министра торговли и промышленности (1914), известный морской писатель. В 1859 г. поступил юнкером в 9-й флотский экипаж Балтийского флота; гардемарин (1861), мичман (1863). Флаг-офицер у вице-адмирала И.Ф. Лихачева (1863–1864). Участвовал в кругосветном плавании на транспорте «Гляк» (1864–1866). Флаг-офицер адмирала Г.И. Бутакова (1868–1869). Совершил второе кругосветное плавание на корвете «Боярин» (1869–1873). С 1874 г. старший офицер корвета «Боярин», затем броненосной батареи «Не тронь меня». С 1878 г. служил в Болгарском флоте, затем уволен для службы на коммерческих судах. В отставке с 1883 г. Полицейстер в Либаве, с 1897 г. — чиновник отдела мореплавания департамента торговли, с созданием Министерства торговли и промышленности возглавил его департамент мореплавания. В 1894 г. сопровождал министра финансов С.Ю. Витте в поездке по Северу Европейской России. С 1900 г. заместитель председателя Ученого комитета торгового мореплавания, член Совета министерства торговли и промышленности, член Комитета по

усилению флота на добровольные пожертвования. С 1914 г. — товарищ министра и заместитель председателя Ученого отдела торгового мореплавания.

С начала 1880-х гг. под псевдонимом А. Беломор опубликовал многочисленные книги и статьи по истории создания русских морских сил на Дальнем Востоке, русско-японской войне и др. Выступал за создание военно-морских баз в Тихом океане и на Севере.

³ Романов Дмитрий Константинович, великий князь (01.06.1860—27.01.1919), генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии (1915). Командир л.-гв. Конно-Гренадерского полка (1892—1905), главноуправляющий государственным коннозаводством (1897—1905).

Романов Вячеслав Константинович, великий князь (01.07.1863—15.02.1879).

Из мемуаров А.А. Мосолова: «Великий князь (Дмитрий Константинович) мне также рассказывал, почему никто из сыновей генерал-адмирала Константина Николаевича не стал моряком. Оба старших брата вышли в офицеры <...>. Дмитрия же Константиновича с детства предназначали в моряки. Безумно любя лошадей, великий князь просился в конногвардейцы, как и старший брат, но отец заявил, чтобы он не смел даже мечтать о гвардии, а готовился в моряки. Его Высочество подчинился, надел морскую форму и был отправлен в учебное плавание. Оказалось, что он моря не переносит и страшно страдает от морской болезни. Вернувшись домой, под впечатлением морских передрыг, великий князь, усердно помолившись, отправился в кабинет к родителю. Он стал на колени перед отцом и умолял избавить его от морской службы. Константин Николаевич ничего слышать не хотел. “И Нельсон, — говорил он, — страдал морской болезнью, а все же стал знаменитым адмиралом”. Наконец сжалилась мать, и лишь после долгих ее просьб строгий родитель согласился отдать Дмитрия Константиновича в конную гвардию» (*Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 137).

⁴ Интересно, что на «Варяге» среди других кадетов находился будущий директор МК, а затем морской министр С.А. Воеводский.

⁵ Сведения о родстве неверны. См. именной указатель в наст. изд.

⁶ Бочкарев Федот (?-?), в 1877—1879 матрос 1-й статьи 8-го флотского экипажа.

⁷ См. примечание № 57 к воспоминаниям А.П. Белоброва.

⁸ Сажень (семифутовая) = 2,13 м. Зал морского училища 63,9х42,6 м.

⁹ Орден Св. Станислава 2-й или 1-й степени.

¹⁰ Такое отношение к указанным болезням было не всегда. Вот что, в частности, вспоминал о директоре корпуса Д.С. Арсеньеве один из выпускников 1891 года: «У Арсеньева был один крупный недостаток: он не был рожден оратором, но тем не менее старался своим словом воздействовать на воспитанников при всякой к тому возможности. Особенно плохо приходилось тем несчастливцам, которые приносили с собой некоторые болезни из отпуска и попадали в то отделение училищного лазарета, которое неофициально называлось “деревней”» (*Д. Фокагитов (Д.В. Никитин)*). Шестое ноября // Морской журнал. 1931. № 11 (47). С. 14).

¹¹ «В здоровом теле здоровый дух» (*лат.*).

¹² Морские юнкерские классы в Николаеве были открыты после отмены в 1871 г. ограничительных статей Парижского договора, запрещавших России иметь флот на Черном море. Срок обучения составлял три года, штатная числен-

ность — 60 воспитанников. Существовали до 1879 г., за это время их окончили 118 человек. Следует заметить, что ранее, в 1851–1861 гг., в Николаеве существовало другое учебное заведение, за недолгий срок сменившее несколько наименований — Юнкерская школа, Училище флотских юнкеров (с 1852), Черноморская гардемаринская рота (с 1854), Черноморская рота флотских кадет. С 1852 г. имело одинаковые права с МК.

¹³ Лебединцев Виктор Арсеньевич (07.08.1854—?), генерал-майор по Адмиралтейству при отставке (25.05.1909). Окончил одесскую «Ришельевскую» гимназию. В 1873 г. определен юнкером в 1-й флотский экипаж ЧФ, обучался в Морских юнкерских классах в г. Николаев, гардемарин (1877), мичман (1878). Служил на ЧФ, в т. ч. на шхуне «Казбек» (1889–1892), ЭБР «Двенадцать Апостолов» (1892–1893), КЛ «Запорожец» (1894–1895). Командир мин. № 270 (1895–1896). Старший офицер ББО «Новгород» (1897–1899). Младший (с 1900), старший (1904–1909) помощник капитана над Севастопольским портом.

Яковлев 1-й Николай Матвеевич (23.03.1856—09.1919), адмирал (30.07.1915). Окончил Морские юнкерские классы в г. Николаев (1876), механический отдел (1882) и курс военно-морских наук (1901) НМА. В службе с 1873 г, гардемарин (1876), мичман (1877). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Старший офицер императорской яхты «Полярная звезда» (1893–1897), командир императорской яхты «Марев» (1897–1898), МКЛ «Манджур» (1898–1899), ЭБР «Петропавловск» (1901–1904). Спасен после гибели «Петропавловска» 31.03.1904, приказом Е.И.Алексеева от 19.04.1904 уволен в отпуск в Европейскую Россию по болезни. Награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами (22.03.1904), золотой саблей с надписью «За храбрость» (18.05.1904). Командир строящегося ЭБР «Император Павел I» (1904–1906). Начальник штаба Кронштадтского порта (1906–1907), ГМШ (1907–1911). Член Адмиралтейств-совета с 18.04.1911. Уволен от службы 28.04.1917. В числе прочих заложников расстрелян Орловской ЧК в конце сентября 1919 г.

¹⁴ Аренс Иван Аполлонович (1824—04.05.1900), тайный советник при отставке (1883). В 1845 г. окончил юридический факультет Киевского университета, служил на различных административных должностях в юго-западных губерниях. С 1859 г. чиновник военного интендантства, был обер-провиантмейстером, начальником отделения, помощником, затем начальником интендантского управления Одесского военного округа. В 1876 г. назначен главным интендантом Действующей армии, занимал эту должность в ходе русско-турецкой войны до конца 1877 г., после чего возвращен к прежнему месту службы, с награждением орденом Св. Станислава 1 ст. С 1878 г. и до увольнения в отставку в 1883 г. был причислен к Главному интендантскому управлению.

Первое плавание

Автор этой небольшой зарисовки — контр-адмирал Дмитрий Владимирович Никитин (1870–1962). После окончания Морского кадетского корпуса он был 14 октября 1891 г. произведен в мичманы и вскоре направлен для прохождения службы в Тихий океан. Там он принимал участие во многих исторических событиях: занятии Порт-Артура в 1898 г., походе на захваченный мятежными «ихэтуанями» Пекин в 1900 г. (в бою под Бейцаном командовал подрывной партией). В период русско-японской войны находился в Порт-Артуре, затем — при Маньчжурской армии, в 1905 г. некоторое время исполнял обязанности старшего офицера крейсера «Россия». После производства в капитаны 2 ранга и возвращения на Балтику Д.В. Никитину пришлось стрелять и по своим — крейсер «Богатырь», на котором он в 1906–1907 гг. был старшим офицером, 20 июля 1906 г. вел огонь по восставшей крепости Свеаборг. Затем последовала длительная и беспокойная служба на балтийских эскадренных миноносцах — Дмитрий Владимирович командовал «Подвижным» (1907–1909 гг.) и «Сибирским стрелком» (1909–1912), а с 1913 по 1914 г. — 2-м дивизионом 1-й Минной дивизии. Постоянное напряжение непрерывных дозоров первых месяцев Мировой войны для него сменилось на более размеренное нахождение в должностях командира учебных судов «Николаев» (1914–1915) и «Двина» (1915–1917; в тот период — база английских подводных лодок) с одновременным исполнением обязанностей помощника начальника Учебно-минного отряда Балтийского флота. С развалом флота, начавшимся с первых же дней революции, боевой капитан 1 ранга примириться не мог и подал рапорт об отставке. Просьбу удовлетворили, выведя сперва 1 мая в резерв чинов морского министерства, а 24 октября 1917 г., за сутки до падения Временного правительства, произведя в контр-адмиралы, уволили со службы. Вскоре он выехал во Владивосток. После установления в Сибири белой власти он вновь вернулся в строй, но ненадолго. В 1919 г. преподавал в русской гимназии в Йокогаме. Здесь, во время сильного землетрясения, бывший моряк лишился практически всего имущества. Вернувшись ненадолго в 1920 г. на службу (исполнял обязанности начальника морского отдела Дальневосточной комиссии по делам военного снабжения), эмигрировал окончательно, переехав в Соединенные Штаты

ты, в Сизтл. Здесь, вынужденный кормить не только себя, но и не могущую уже работать мать, Никитин брался за любую работу — «насыпал щебень на полотно железной дороги, мыл вагоны, был ночным сторожем; работал до 84-летнего возраста». В эмиграции Дмитрий Владимирович являлся почетным членом Общества бывших русских морских офицеров в Америке, был известен как военно-морской публицист и писатель, автор многочисленных статей, а также изданных Кают-компанией в Сан-Франциско книг «В отлива час» (Шанхай, 1939) и «На берегу и в море» (Шанхай, 1939). Большинство работ вышло под псевдонимом «Д. Фокагитов». Скончался бывший контр-адмирал в Сизтле 8 августа 1962 г.

Рассказ «Первое плавание» впервые был опубликован в издававшемся в Праге «Морском журнале» (1937. № 10-11. С. 51–54).

Иван Гаврилович смотрел на нас искоса, мрачно и неодобрительно, когда мы, кадеты, его питомцы, выйдя нестройной кучей человек из 50 из баркаса на палубу парохода-фрегата «Рюрик»¹, выстраивались в шеренгу вдоль бортов. Иван Гаврилович был капитан 2-го ранга, состоявший «по флоту». На погонах его куртки были белые училищные «просветы». Он в течение двух долгих лет был нашим командиром в 4-й «неранжированной» или «малолетней» роте Морского училища. Когда-то он принял нас, когда мы, одетые в разношерстные штатские костюмчики, в первый раз вступили под высокие своды старинного здания на набережной Невы. Он протаскивал нас через все тонкости тогдашней рекрутской школы, строго наблюдая, чтобы мы «не заваливали штыков» при маршировке.

Теперь мы начинали первое наше плавание, и на его обязанности лежало придать нам «морской лоск».

— Вы тут не на паркетe в Столовом зале, — сердито закричал он. — По пазу!.. По пазу равняться надо, раз вы на палубу военного судна вышли!

С некоторым чувством гордости и самоудовлетворения мы, кадеты, поглядывали в этот день друг на друга. Синие воротники наших форменок были при отъезде из Петербурга сразу же выпущены наружу наших темно-синих училищных галанок. Нам казалось, что мы одним взмахом переродились в «морских волков», настоящих всамделишных матросов.

Иван Гаврилович назывался командиром парохода-фрегата «Рюрик». Другому училищному офицеру, Николаю Федоровичу, который в этот день беспомощно метался по судну, исполняя волю своего старшего коллеги, был дан титул «старшего офицера».

Мне сильно сдается, однако, что на официальном языке наш «пароходо-фрегат», давным-давно сданный к порту, именовался просто «блокшивом № такой-то», а Иван Григорьевич носил не очень парадное название: «Заведующий блокшивом». «Рюрик» был, однако, несмотря на свою старость, достаточно крепким и исправным судном. Трюмы его были сухи,

течи не было. Красивые яхтенные носовые обводы с фигурным княвдегедом² и с большим, покрытым позолотой николаевским орлом, развалистая корма с широким подзором, также украшенная орлом, — все это несканно радовало наш взор.

Но предметом огорчения, и немалым, было полное отсутствие гребных колес. Под объемистыми кожухами, увенчанными громоздкими кожуховатыми ботами, наблюдалось совершенно пустое место. Чья-то враждебная нам рука заботливо разобрала на части железные колеса с их лопастями и куда-то их убрала. Кадеты, плававшие на «Светлане», «Скобелеве» и «Баяне», имевших паровой двигатель, получали возможность над нами подтрунивать: «Какой же это пароходо-фрегат, когда у него даже гребных колес нет?».

Иван Гаврилович преподавал морскую практику гардемаринам и считался в училище наилучшим знатоком морского дела. Ему в молодости удалось много поплавать за границей и сейчас, чувствуя под своими ногами палубные доски, он, вероятно, как бы вновь переживал весну своей жизни. Перед нами был не тот Иван Гаврилович, которого мы привыкли видеть в роте училища. Там он, светски любезный и галантный кавалер, очаровывал в приемные полуденные часы молодых и пожилых дам, мамаш и теток наших кадет. Тут, в судовой обстановке, он вспомнил, вероятно, годы своих «дальних вояжей» на клиперах и корветах и сразу же весьма наглядно продемонстрировал нам все богатство «морского языка». Мы убедились, что язык этот крайне экспрессивен и в нем много чрезвычайно выразительных и специальных выражений.

Как на грех, он увидел, что несколько камер-пажей в своих блестящих мундирах и парадных касках поднимаются по наружному трапу на соседний с нами корвет «Скобелев». Эти молодые люди, видимо, приехали из Петербурга, чтобы проводить своих родных или приятелей. Ивану Григорьевичу, очевидно, показалось, что в самой походке этих юношей и в их манере входить на палубу военного судна проглядывает какой-то «снобизм», какое-то желание выразить презрение нам, скромным морякам.

— Посмотрите... Посмотрите на этих столичных франтов, — с негодованием закричал он. — Ведь у них, так их и перетак и еще раз так, даже (тут следует технический термин — название одной из частей тела), и та золотом расшита.

Кадетская палуба на «Рюрике» являла странное сочетание былой роскоши с крайней простотой теперешнего обихода. Чудная отделка красного дерева на бортах и переборках напоминала о тех временах, когда наш корабль служил яхтой высочайших особ, плавал в Средиземном море, и здесь была парадная столовая. Но подволоки были запросто выбелены мелом с известкой по тогдашнему обычаю, а наши подвесные столы, разборные скамейки и грубо сколоченные плотником кадетские рундуки у бортов очень мало гармонировали с изяществом стен.

В палубе этой было сейчас настоящее столпотворение. Там появился какой-то мрачный человек заспанного вида, безразличным взглядом смотревший на нас. Это был судовой баталер, вылезший из преисподней: носового кубрика, где был ахтер-люк и брод-камера³. Он принес для раздачи нам парусинные койки, пробковые матрасы, шкентросы⁴ и деревянные палочки-растопырки.

Кадеты стремились создать из всех этих вещей нечто похожее на настоящую, связанную правильно койку.

Слышался авторитетный голос Кости Головизнина. Этот день был, можно сказать, «его днем». Костя был второгодник. Быть может, в науках он не был чрезвычайно силен, но в наших глазах он стоял сейчас на недостижимой высоте. Единственный из нас, он имел уже морской опыт, проплавав предыдущее лето на том же «Рюрике».

— Надо шкентросы правильно основывать, — с апломбом поучал он окружающих его кадет. — А вы так их перепутали, что они отдадутся и вы же, дураки, на палубу свалитесь и башки себе перестукаете.

Наступил вечер. Среди тишины, передаваясь с корабля на корабль, прозвучали «повестка» и «зоря». Равняясь «по пазу», мы в первый раз в жизни присутствовали при спуске флага с церемонией. Нам раздали наши койки. Сразу изменился вид кадетской палубы, когда на леерах, прикрепленных к потолку, появились ряды гамаков-коек. Влезть в койку, довольно высоко подвешенную, оказалось делом не очень легким. Подобно всаднику, вскакивающему в седло, надо было одним взмахом отделиться от палубы и водворить себя на надлежащее место.

Известный французский писатель Пьер Лоти⁵, вспоминая первый день плавания на учебном корабле «Бордо», говорит, что вечером, когда он улегся в койку, все происходило в тонах высоко поэтических. Волны моря убаюкивали новичка и пели ему нескончаемую песню о чужеземных странах, рассказывали ему о чудесных приключениях, ожидающих его на просторе морей и океанов.

Нам, плававшим на «Рюрике», волны таких повествований не делали, когда мы в первый раз забрались в наши койки. Несколько согнутое положение тела с непривычки причиняло неудобство. Волны нас не убаюкивали, как Лоти, потому, вероятно, что и волн-то в Кронштадтской гавани не было. Каждые полчаса среди тишины ночи начинался мелодичный перезвон судовых колоколов; на соседних кораблях били склянки. Каждый раз колокол «Рюрика» отчетливо отбивал время. По палубе долго сновали еще не успокоившиеся кадеты, задевали головами за койки, толкали и будили спящих, а те громко выражали свое недовольство. Койка, долго после этого поскрипывая, раскачивалась, как маятник. Казалось, трудно успокоиться и заснуть при таких условиях. Но ночи в мае месяце на севере России достаточно прохладны, а отопления на «Рюрике» не было. Как толь-

ко закутаешься хорошенько, все окружающее вдруг сразу куда-то исчезает и крепкий молодой сон овладевает вами.

Первый день на военном судне пришел к концу.

¹ Построен на Абосской верфи в 1870 г. Исключен из списков флота 22.01.1890.

² Княвдегед — верхняя часть водореза (части форштевня, которой судно разрезает воду).

³ Брод-камера (броткамера, bread room) — судовое помещение для хранения сухарей, муки и др. сухой провизии.

⁴ Шкентрос — короткая веревка, служащая для соединения койки со штертом, которым койка подвешивается.

⁵ Лоти Пьер (псевдоним; настоящие имя и фамилия Луи Мари Жюльен Вио, Viaud) (14.1.1850 — 10.6.1923), французский писатель, член Французской академии (1891). Родился в протестантской семье моряков, в течение 40 лет служил во французском флоте, участвовал во франко-прусской (1870–1871) и Первой мировой войнах. Создал жанр т. н. «колониального романа», показывающего экзотические картины Востока, часть произведений посвятил тяжелой жизни рыбаков и матросов. В России вышло два собрания его сочинений — в СПб. (в 5 т., 1901) и Москве (в 12 т., 1909–1911).

Выпуск Колчака

Выпуск Морского корпуса 1894 года

В третьей роте корпуса идет вечернее «приготовление уроков». Ярко горят керосиновые лампы, и за своими конторками, установленными вдоль стен длинной комнаты, примыкающей к южному концу знаменитого Столового зала, сидят кадеты и зубрят.

Среди легкого, как шелест листьев, шума, неизбежного, когда несколько десятков человек занимаются наукой, до меня доносится чей-то негромкий, но необыкновенно отчетливо произносящий каждое слово, как бы отпечатывающий каждый отдельный слог, голос: «Прежде всего ты должен найти в пятой таблице величину косинуса...»

Кадет среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого и плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием. Видимо, синусы и косинусы не входят в число его очень близких приятелей, но так фанатически убежденно звучит слегка картавящий голос брюнета, подкрепляемый широким жестом, что и «пятая таблица», и «величина косинуса» невольно делаются для поучаемого знакомыми, реальными величинами¹.

Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: «Надо Колчака спросить».

Впоследствии ему пришлось быть ментором на гораздо более обширном поприще, и он стал известен всему миру как «верховный правитель адмирал Александр Васильевич Колчак».

Моя конторка в нескольких шагах от Колчака. Я смотрю на него и думаю: «Где я видел раньше подобное лицо аскета, с горбатым носом и горящими пламенем фанатизма глазами?» И вдруг вспомнил: это было на картине, где был изображен Савонарола², произносящий на площади одну из своих знаменитых речей.

В это время я знал, что отец Колчака, офицер корпуса морской артиллерии, состоя юнкером этого корпуса, оказался в числе тех 10 или 12 человек, которые, будучи окружены торжествующими французами, только

что поднявшими свой флаг на политом кровью Малаховом кургане, наотрез отказались сдаться. Башню, где эти смельчаки засели, пришлось отдельно брать штурмом. Но французы глубоко оценили подвиг этих людей, и плен, в который они попали, был пленом почетным. В одном из ежемесячников 80-х годов помещены были очень интересные воспоминания Колчака-отца³. В них он рассказал, как в юности служил на бастионах Севастополя и как проводил время в плену во французском лагере в Галлиполи и во Франции⁴.

А.В. Колчак получил от отца, георгиевского кавалера, в наследство завет: не бояться смерти и смотреть ей прямо в глаза. И вот мы видим А.В. на устарелом, тихоходном крейсере «Россия», бесстрашно входящим в германские воды и ставящим мины у самого входа в главный неприятельский порт⁵. Мы видим, как он, не задумываясь, одним решительным жестом бросает за борт свое золотое оружие, когда к этому оружию потянулись грязные руки озверевшей бунтующей толпы матросов⁶. Наконец, мы видим его в одно мрачное морозное утро на пустыре близ Иркутской тюрьмы спокойно выкуривающим папиросу под дулом наведенных на него ружей.

Но я слишком забежал вперед и сейчас снова возвращаюсь к эпохе моего рассказа.

Приготовление уроков кончилось. Зал сделался сразу шумным. Началась возня. Все задвигалось и оживилось. Курилка наполнилась кадетами. Это ротный клуб. Из него доносится гул молодых голосов и частые взрывы смеха.

Колчак с двумя-тремя приятелями, приютившись в уголке ротного зала, ведет с ними задушевную беседу, часто переходящую в горячий спор. «Нельзя и сравнивать “Графальгар” со старыми английскими броненосцами класса “Адмирал”», — слышится его взволнованный голос. «Во-первых, у него гораздо лучше защищена главная артиллерия...»

Все это происходило в 1890 году, когда я, будучи гардемаринном, накануне производства в мичмана, состоял унтер-офицером в выпуске 1894 года, «выпуске Колчака».

«Река времен в своем течении» унесла многое с тех пор. Унесла она и незабвенного А.В. Колчака. Но по прихоти судьбы на страницах французского иллюстрированного журнала уцелела снятая четыре десятка лет тому назад группа веселых, полных радости жизни юношей 16–17 лет, кадет одной из средних рот Морского корпуса. «Часовой» воспроизвел ее в № 68 на стр. 6.

Это выпуск 1894 года. При взгляде на эту группу сразу оживает давно минувшее, встают в памяти образы старых соплавателей и сослуживцев. Невольно думаешь: «Как мало их осталось среди нас».

Группа эта составила, очевидно, случайно. В нее вошло около двух третей выпуска. Один из параллельных классов представлен на ней почти полностью, а два других только частью. Нет на снимке и А.В. Колчака.

Выпуску этому суждено было пережить один из самых тревожных периодов в истории России: годину войн и революций. У меня нет под рукой достаточных материалов, чтобы писать историю этого выпуска, и я попытаюсь только на память перечислить его потери в походах и боях.

Боксерское восстание. Лейтенант Е.Н. Бураков убит в бою под Таку⁷ на канонерской лодке «Кореец». В честь его два миноносца нашего флота, один после другого, наименованы были «Лейтенант Бураков».

Война с Японией. В Порт-Артуре после осады остались деревянные крестики над могилами лейтенантов А.Ю. Постельникова, В. Прокоповича и М. Лаврова. Волны Японского моря и Цусимского пролива колыхаются над местом последнего упокоения лейтенантов: Н. Зенилова («Рюрик»), А.Ф. Геркена («Бородино»), К.К. Тундермана («Ослябя») и В. Эллиса («[Император] Александр III»).

Лейтенант А. Рыков (ныне генерал-майор) был тяжело ранен в бою на порт-артурской эскадре и потерял ногу.

Война с Германией. Погиб смертью храбрых командир «Енисей» капитан 2 ранга К. Прохоров.

Погибли в разное время на подводных лодках: капитан 2 ранга Н. Белкин и лейтенант А.Н. Черкасов.

Лейтенант (впоследствии контр-адмирал) К.П. Иванов 13-й командовал крейсером «Рюрик» в славном бою 1 августа 1904 г.⁸ и за проявленную доблесть награжден орденом Св. Георгия 4 ст. Высочайше повелено ему было в ознаменование его заслуг именоваться впредь Ивановым-Тринадцатым. Умер в городе Лион, Франция.

К выпуску 1894 года был причислен Августейший кадет: младший сын великого князя Михаила Николаевича, носивший несчастливое для молодых отпрысков нашей династии имя Алексей. Он проделал с выпуском два или три плавания, неся судовую службу наравне с прочими кадетами и будучи очень любим ими. Последний поход на «Скобелеве» в осеннее бурное и холодное время оказался для него роковым. Сказалось предрасположение к чахотке, и офицерский палаш, только что им полученный, был положен на гроб столь безвременно скончавшегося юноши.

Выпуск 1894 года принял большое участие в белом движении, и это участие будет, несомненно, отмечено будущими историками этого движения. Сейчас я укажу лишь на неоднократно упоминавшиеся на страницах газет имена: Свиты его величества контр-адмиралов С.С. Фабрицкого и С.С. Погуляева, а также контр-адмирала А.М. Клыкова.

Произведенный в 1894 году в мичмана и служивший некоторое время в Гвардейском экипаже князь В.В. Бярятинский получил широкую литературную известность. Скончался во Франции в 1941 г. Капитан 2 ранга Степан Павлович Остелецкий, будучи начальником 2-го дивизиона миноносцев Сибирской флотилии, скончался от заражения крови во время дальних маневров в Японском море в октябре 1914 года. Контр-

адмирал Григорий Иванович Бутаков проживает во Франции. Контр-адмирал Фабрицкий скончался в Бельгии. А. Пелль был у большевиков преподавателем в мореходных классах. Контр-адмирал Клыков — в Париже. Брат мой, А.В.Никитин, скончался 23 января 1944 года в Сиэттле. Контр-адмирал Г.О. Гадд до последнего времени проживал в Копенгагене. Контр-адмирал Погуляев умер в январе 1941 года в Париже. Забудский и Мордвинов давно умерли. Кажется, и Терпигорев.

Убиты в революцию: адмирал А.В. Колчак в Иркутске 25 января (7 февраля) 1920 года, генерал-майор А.Н. Рыков расстрелян в Архангельске 5 (18) января 1918 года. Капитан 1 ранга В. Вечеслов и И. Плен, оба в 1918 году⁹. А.М. Пышнов в Гельсингфорсе¹⁰. Капитан 1 ранга А. Зарудный покончил самоубийством во время революции.

К этому же выпуску принадлежал Свиты его величества контр-адмирал М.М. Веселкин (юнкер флота), убитый в Архангельске 5 (18) января 1918 года, а также и капитан 1 ранга З. Шипулинский (юнкер флота).

¹ Подобным же образом описывал кадета А.В.Колчака другой мемуарист: «В 1892 году, возвратясь из второго кругосветного плавания, я был назначен на должность старшего лейтенанта и вахтенного начальника на фрегате “Князь Пожарский” в отряде судов Морского училища. На фрегат была назначена младшая рота училища. В числе воспитанников был сын моего бывшего учителя артиллерийского дела, Александр Васильевич Колчак, будущий адмирал. Как сейчас, помню худощавого юношу невысокого роста. На меня была возложена обязанность быть преподавателем и руководителем по изучению морской практики воспитанников, т.е. Колчака и его коллег. Объяснять ему дело два раза не приходилось, он схватывал всякую идею сразу, что называется “на лету”! Заниматься с таким богато одаренным юношей-учеником было, конечно, только приятно» (*Давидович-Нащинский В.Н.* Памяти Александра Васильевича Колчака // *Морской журнал.* 1930. № 2 (26). С. 5).

² Савонарола Джироламо (21.09.1452—23.05.1498), флорентийский религиозно-политический деятель, поэт. С 1491 г. приор монастыря Сан Марко во Флоренции. Выступал против политики и образа жизни римских пап, за преобразование церкви в духе возвращения к апостольскому идеалу. Способствовал установлению во Флоренции республики, призывал к реформам в интересах средних городских слоев. По его призыву группы фанатичной молодежи устраивали «сожжения суеты» — предметов, в т.ч. произведений искусства и книг, противоречащих христианской морали. В результате конфликта с папой Александром VI отлучен от церкви, повешен по решению суда Флоренции. Его проповеди стали своеобразной идеологической предтечей Реформации.

³ Колчак Василий Иванович (31.12.1837—04.04.1913), генерал-майор КМА при отставке (29.04.1893). Окончил «Ришельевскую» гимназию в Одессе. Службу начал кондуктором КМА (30.09.1854), 24.11.1854 был произведен в прапорщики. Участвовал в обороне Севастополя, отличился на Малаховом кургане (находился там с 15.04 по 27.08.1855), находился во французском плену (1855—1856).

После окончания Горного института служил в Петербургском порту и на Обуховском заводе. Отец адмирала А.В. Колчака.

Автор неточен — мемуары увидели свет лишь в 1899 г., да и то в отрывках (*Колчак В.* На Малаховом кургане // *Морской сборник.* 1899. Т. 294. № 9–10. Т. 295. № 11; Отдельный оттиск — СПб., 1899). Полный вариант был опубликован пять лет спустя: *Колчак В.* Война и плен. 1853 — 1855. Из воспоминаний о давно пережитом. С приложением посмертных записок последнего начальника Малахова кургана контр-адмирала П.А.Карпова. СПб., 1904. (Др. публ.: *Колчак А.В., Колчак В.И.* Севастополь — Порт-Артур. Воспоминания и дневники. СПб., 1999. С. 20–105; *Колчак А.В., Колчак В.И.* Избранные труды. СПб., 2001. С. 21–112).

В указанных воспоминаниях падение Малахова кургана, ранение и пленение автора описаны достаточно подробно. Из них ясно, что изложенная Д.В. Никитиным история с обороной башни не соответствует действительности.

⁴ Лагерь для пленных находился на Принцевых островах в Мраморном море. По окончании войны все были возвращены в Россию через Одессу.

⁵ О заградительной операции, в ходе которой крейсера «Россия», «Богатырь» и «Олег» в ночь на 1 января 1915 г. ставили минные заграждения севернее о. Рюген («Россия») и между о. Борхольм и банкой Штольпе. (подробнее см.: *Граф Г.К.* На «Новике». СПб., 1997. С. 74–76; *Гельмерсен П.В.* Заградительные операции Балтийского флота у германского побережья в 1914–1915 гг. СПб., 1998. С. 28). Говорить о «самом входе в главный неприятельский порт», конечно, нельзя; мины ставились на пути из Киля в Балтику. Показательно, что постановка мин с «России» была осуществлена только благодаря настоянию А.В. Колчака, ибо командование, считая крейсер обнаруженным, предполагало отменить постановку.

⁶ Подробнее об этом инциденте, произошедшем 06.06.1917 и фактически положившем конец пребыванию А.В. Колчака на должности командующего Черноморским флотом, см.: *Богданов К.А.* Адмирал Колчак. СПб., 1993. С. 108–109; *Плотников И.Ф.* Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов н/Д., 1998. С. 105–106.

⁷ В ходе подавления восстания ихэтуаней в Китае в ночь на 4 (17) июня 1900 г. отряд канонерских лодок (русские «Бобр», «Кореец», «Гиляк», английская «Ольджерин», французская «Лион» и немецкая «Ильтис») артиллерийским огнем нанес серьезные повреждения фортам Таку (Дагу), располагавшихся в устье реки Пейхо. Одновременно соединенный отряд европейских сил взял форты атакой с берега. Это дало возможность беспрепятственно направить союзные войска в Пекин для освобождения блокированных там иностранных посольств.

⁸ Лейтенант К.П. Иванов командовал крейсером в последние три часа боя, заняв место погибших предшественников — капитана 1 ранга Е.А.Трусова и лейтенанта Н.И. Зенилова.

⁹ Сведения о В.С. Вечеслове и И.М. Плене ошибочны, см. именной указатель.

¹⁰ Сведения ошибочны, см. именной указатель.

Страшная история

Многие мемуаристы любили вспоминать о легендах Морского корпуса. Из этого окна якобы бегал в самоволку будущий император Павел I (о том, что здание построено во время царствования Павла, как-то не задумывались, да и не учился великий князь в корпусе). У того окна беседовал с кадетами Николай I (из дневников Б.А. Глазенапа знаем, что, по крайней мере, в начале 1850-х гг. царь приезжал в корпус ненадолго, обращая притом большое внимание на строевую подготовку). И, конечно, легенда о фон Дезине — гардемарине, ради спасения отца предавшего товарищей, которые собирались обрушить потолок в Столовом зале. Причину подготавливавшегося преступления и примерные годы событий указывали самые разные. Неизменным, как отметил С.А. Колбасьев в повести «Арсен Люпен», оставалось одно — «во все времена была война с начальством и во все времена измена братству каралась с предельной жестокостью».

Рассказ князя В.В. Барятинского привлек наше внимание (кроме его литературных достоинств; впервые он был напечатан в детском журнале «Зеленая лампа» в 1920 г.) так сказать, «связью легенды с жизнью». В публикуемых далее воспоминаниях О.Ф. Данилевского мы встретим упоминание о подобных розыгрышах, имевших место и в первые советские годы.

Текст рассказа приведен по публикации в «Морском журнале», издававшемся в Праге¹.

Да! Страшная это история и отнюдь даже не выдумка. Так все на самом деле и произошло, а произошло это уже давно: мне было тогда двенадцать лет, и я только что поступил в Морское училище.

В нижнем этаже здания училища, окнами на Тринадцатую линию — улица так называлась — находилось помещение четвертой роты, иначе говоря, двух младших классов. Одно из окон было особенно примечательно: косяки его были облицованы мрамором, а на мраморе выведены надписи золотыми буквами. Император Николай I очень любил Морское училище и часто невзначай посещал его. Приедет, все осмотрит, а потом усядется вот у этого самого окна, соберет вокруг себя воспитанников, да так запросто с ними и болтает, как будто и не царь, а словно отец что ли,

или старший брат... Вот в память этих посещений и были сделаны золотые надписи на мраморных досках по обеим сторонам окна.

Как-то накануне училищного праздника, после венощной и ужина, поздно вечером собралось нас трое у «Николаевского окна»: Калинин, Полянский и я. Калинин было, как и мне, лет двенадцать, Полянский же был «старый», то есть провалившийся на экзаменах, отставший от своих товарищей и потому поневоле примкнувший к нам. Такие «старые» пользовались уважением: с ними нельзя было драться, а когда они что-либо рассказывали, то их слушали со вниманием. Сидели мы в одном белье и говорили шепотом, потому что все другие уже спали; даже дежурный офицер, и тот уже лег в своем помещении в конце общей спальни, за загородкой, лег, конечно, не раздеваясь и прислушиваясь сквозь дремоту к малейшему шороху, всегда готовый встать и посмотреть, все ли в порядке, все ли спят. Застань он нас — была бы беда! Пропал бы наш праздничный отпуск и пострадали бы баллы за поведение; вообще было бы нехорошо, очень нехорошо...

Полянский чуть слышным голосом рассказывал нам:

— Вот это окно, у которого мы теперь сидим, тут сидел император Николай Павлович... Давно, ух как давно это было...

— Почти сто лет небось? — неуверенно спросил Калинин.

— Дурак ты! Истории не знаешь, — обрезал его Полянский. — Николай Павлович помер во время Крымской кампании, а это было, знаешь... начальник нам все твердит: «адмиралы Нахимов, Корнилов, Лазарев»... — Он передразнил немного гнусавый, добродушный голос начальника училища и, избегнув таким образом вопроса о точном годе смерти императора, в котором, по-видимому, сам был не особенно уверен, спросил уже серьезно и торжественно:

— Знаете ли вы что-либо о фон-Дезинском заговоре?

Мы с Калининым переглянулись. Заговор? Это очень таинственно... Нет, мы об этом ничего не знали. А луна как раз в эту минуту заглянула в окно и бросила сквозь тонкую штору дрожащее белесоватое пятно у самых наших ног. Луна и — заговор, а кругом — все спит. Стрaшновато!.. А Полянский продолжал:

— Придвиньтесь поближе. Об этом можно только шепотом рассказывать... (Мы придвинулись, ощущая в спине легкий холодок)... Произошло это именно при Николае Павловиче. За что, про что, кто их там знает, разные там тайные общества решили убить царя и, узнав, что он должен был приехать в Морское училище на праздник 6-го ноября, завлекли к себе, уж не знаю, чем и как они его прельстили, одного гардемарина по фамилии фон Дезин, который с несколькими своими товарищами обещал обрушить потолок, когда Государь войдет в большой зал...

— Как же так: обрушить потолок? — спросил я, поеживаясь от охватившего меня озноба.

— Да вот так! Очень просто: потолок-то ведь на цепях. Так они собирались перепилить цепи. Потолок и рухнул бы, — пояснил Полянский.

Мне представилась картина рушащегося потолка, погребавшего под своими обломками несколько сот человек, и мне стало совсем страшно.

— Но заговор не удался. Фон Дезин за два дня до праздника узнал, что его отец — флигель-адъютантом он, верно, был — приедет с Государем на праздник, и, желая спасти отца от верной смерти, сообщил начальству о заговоре, и заговор провалился... Но дело этим не кончилось: участники заговора, узнав про измену фон Дезина, заманили его ночью в круглый зал — знаете? Компасный зал, в классном коридоре, и зарубили его там палашами...

Мы вздрогнули, а Полянский, взяв нас за руки, едва уже слышно говорил:

— И с тех пор каждый год, в ночь на 6-е ноября, по Компасному залу бродит привидение: это дух Дезина...

Калинин слабо вскрикнул, а я закрыл лицо руками: мне виделся призрак. Признаться по совести, особенно храбрым я никогда не был, но все таинственное, тем не менее, меня всегда притягивало. Вопросы о смерти, о загробной жизни, о призраках и обо всем таком с детства жутко интересовали меня.

— Знаете что? — сказал я после продолжительного молчания. — Пойдемте нынче в полночь в Компасный зал. Посмотрим сами — ходит там привидение или нет...

Калинин посмотрел на меня, потом на Полянского и ничего не ответил. Полянский же зевнул и сказал:

— Нет, уж вы идите одни, а я спать хочу.

В эту минуту из помещения дежурного офицера послышался шум шагов и бряцания сабли. Одно мгновение — и прежде чем в глубине обширной спальни показалась его сутуловатая фигура, мы все трое уже лежали в своих кроватях с закрытыми глазами. Он медленно прошел вдоль длинных рядов кроватей, подозрительно поглядывая на спящих или притворившихся спящими, потом скрылся за своей загородкой, чтоб улечься на этот раз уже до утра.

Полянский спал далеко от меня; кровать же Калинина стояла рядом с моей. Когда офицер ушел, я приподнял голову и шепотом окликнул соседа:

— Калинин, пойдем в Компасный зал...

— А разве ты решил идти?

— Да, непременно.

— Эка тебя разобрало! А может быть, Полянский все наврал?

— Вот и увидим!

— Брось! Во-первых, попасться можешь, а во-вторых, вдруг привидение и на самом деле бродит...

— Вот и увидим!

— Нет, я не пойду, — решительно пробурчал Калинин, подтянул одеяло к самому носу и вскоре тихо захрапел. Прошло минут двадцать. Часы в круглой деревянной раме, висевшие на стене как раз напротив наших кроватей, показывали без десяти минут двенадцать. Я тихо-тихо встал и сперва призадумался: одеться или так и идти в одном белье? Потом решил не одеваться: если кто меня встретит — притворюсь лунатиком, благо, луна была. Смышленный был я мальчик, как теперь подумаю! Вышел я крадучись из спальни, поднялся по узкой витой лестнице, ведшей в классный коридор, миновал лазарет... Еще шагов тридцать-сорок, и я был бы в Компасном зале. Сердце колотилось ужасно, да и холодно было!.. Где-то вдалеке горела одна-единственная лампа на весь классный коридор. Зал, куда я направлялся, находился посреди коридора; это, в сущности говоря, был даже не зал, а, так сказать, расширение коридора, образовавшее круглый зал, к которому примыкали с одной стороны музыкальная комната, а с другой — физический кабинет. На полу разноцветный паркет был расположен в виде компаса. Вот здесь-то, если Полянский не соврал, бродил в ночь на 6-е ноября призрак Дезина. Дошел я до зала. Темнота. Молчание. Только паркет изредка потрескивал: по ночам все деревянное любит, бог весть почему, потрескивать... Прижался я к стене, около двери «физического кабинета» и жду. Дрожу и жду. В голове разные страшные мысли бродят... А время шло. По моему расчету, я стоял уже не меньше получаса. Ой! Соврал Полянский! Не пойти ли спать?

И вот вдруг из глубины коридора, с того же конца, с которого пришел я, начало придвигаться что-то белое и колеблющееся. Оно точно плыло медленно и неслышно. У меня затряслись колени и в висках застучало. Боже мой! Что делать? Что делать? Бежать уже поздно: оно меня догонит... А призрак все приближался и наконец вступил в Компасный зал. В полутьме я отчетливо различал его белые очертания. Представьте себе небольшого роста человека, закутанного с головой в простыню... Таким казался призрак зарубленного гардемарина. Я хорошо это помню. Вдруг этот призрак повернул в мою сторону, точно заметя меня, и зашевелил руками, или — крыльями... Я начал усиленно креститься и мысленно прощаться с родителями... Но тут произошло что-то совершенно неожиданное и необъяснимое: у входа в зал появилось другое привидение, такое же белое, но немного выше ростом! Я вскрикнул и невольно протянул руку в сторону этого нового призрака. Приближавшееся ко мне привидение, очевидно, заметило мое движение и как был повернулось в сторону, куда я указывал. Призраки, если можно так сказать о призраках, увидели друг друга. Раздались одновременно два неистовых крика, два совсем человеческих крика, и призраки бросились бежать в разные стороны... Все это произошло так внезапно, что я и опомниться не успел. Я трясся, как в лихорадке, зубы мои стучали, со лба катились капли холодного пота.

Минут через пять, однако, видя, что призраки окончательно исчезли, я немного успокоился и опрометью побежал назад по коридору и витой лестнице в спальню. Господи! Каким раем мне показалась эта спальня, какой небесной музыкой зазвучал храп спящих товарищей!.. Пробираясь к своей кровати, я прошел мимо кровати Полянского: она была пуста. Пустую оказалась и кровать Калинина. В уборную они, верно, пошли. Впрочем, я тогда над этим долго и не задумывался. Пережитые волнения изморили меня. Я повалился на постель и сейчас же заснул... На следующее утро, когда я подошел к зеркалу, чтобы причесаться, я заметил, что был очень бледен. Но почему Полянский и Калинин показались мне еще бледнее — этого я уже никак в толк не возьму. Да! Вот какие бывали в мое время страшные происшествия. Впрочем, теперь и еще того хуже бывают.

¹ *Барятинский В.* Страшная история // Морской журнал. 1937. № 10–11 (118–119). С. 18–21 (216–219).

Муся

Из воспоминаний кадета Морского кадетского корпуса

Еще одна постоянная тема воспоминаний бывших воспитанников Морского корпуса — розыгрыши преподавателей. Автор данного рассказа князь П.П. Ишеев, не закончив полного курса обучения, ушел в кавалерию. Он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, дослужился до полковника и умер в эмиграции в США. Книга его мемуаров «Осколки прошлого», в которой немало места отведено описанию учебы в корпусе, была с интересом встречена бывшими офицерами флота. Печатается по публикации в журнале «Морские записки»¹.

Будучи воспитанником Морского кадетского корпуса, я брал дополнительные уроки у лейтенанта Ф.Е. Барыкова, или, попросту, Феди Барыкова, как прозвали его кадеты. Ежедневно по вечерам я бывал на квартире у Барыковых, а праздничные дни почти всегда проводил у них целиком.

Супруга Феди, Мария Николаевна Барыкова, урожденная Каразина, или кратко Муся, как величал ее муж и мы, кадеты, была красивая эффектная дама, с крупными чертами лица и круглой родинкой — бархоткой — в начале брови, как бы нарочно поставленной знаменитым художником, ее отцом. «Бархотка» эта давала ее лицу какую-то особую прелесть.

Ежегодно на балу корпуса Муся обычно была одета в платье, разрисованное акварелью Каразиным, что всегда отмечалось в газетах.

Николай Николаевич Каразин², благообразный старик, с большой патриархальной бородой, знаменитый акварелист и писатель, работавший в «Ниве» и во многих других журналах, зарабатывал большие деньги и все их проживал. Их дом был всегда полон народу.

Часто Барыковы брали меня с собой к Каразиным. Здесь я встречал известных художников: Писемского, Галкина, Соломко, Самокиша, старика Соколова³ — знаменитого рисовальщика животных, и многих других. В приемный день у них по пятницам, когда собиралась вся эта плеяда художников, каждый из них должен был нарисовать на кафельной печи

на одной из кафелей одноцветной синей краской что-либо за своей подписью. Интересно, что стало с этой печкой, разрисованной знаменитыми художниками? Представьте себе, что она стояла?

Какое наслаждение было наблюдать, когда рисовал Каразин. Особенно было это интересно, когда Н.Н. рисовал акварелью. Он работал быстро. И я часто стоял за его креслом как прикованный и видел, как оживали под его кистью моря, поля и леса. Отсюда и начало моей любви к рисованию. И я, как имевший в корпусе двухзначный балл по рисованию, имел возможность посещать все художественные выставки.

Между прочим, набросок нагрудного знака корпуса в память 200-летнего юбилея сделал Каразин, а Федя, который, кажется, представил рисунок этого знака за свой, просил меня его вырисовать. Таким образом, и я приложил к нему свою руку⁴.

Но я уклонился от основной темы. Возвращаюсь к Мусе. Мы, молодежь, были тайно в нее влюблены, и казалось, что нет такой вещи, которую мы не согласились бы сделать для Муси. Надо сказать, что Мария Николаевна была очень остроумна и изобретательна. И вот она придумала и посоветовала нам такую «шутку». Говорю «нам», т. к., кроме меня, у Барыковых бывал еще один кадет, П-ний, принявший в исполнении ее плана также деятельное участие.

Надо ли говорить, что среди наших корпусных дежурных офицеров были личности достопримечательные. К одной из них принадлежал лейтенант Г-кий⁵, по прозвищу Обалдуй. Оно отлично подходило к нему, но кроме этого Обалдуй отличался еще большей грубостью и любил кричать своим громоподобным голосом. Над ним-то Муся и решила подшутить.

В те далекие невозвратимые времена в объявлениях «Нового Времени» были длинные столбцы лиц, искавших работу. Особенно кучера, лакеи и дворники. Им-то, повторяю, по совету Муси, мы и написали груды открыток, вызывая их в одно и то же время на квартиру Обалдуя. Жил он в том же этаже, недалеко от Барыковых, и мы могли отлично наблюдать за происшедшим.

Представляете ли вы себе, что делалось в назначенный час у двери квартиры Г-ого? Десятки обманутых людей обрывали звонок, кричали, ругались, не стесняясь в выражениях, требовали вернуть им за проезд. Обалдуй, как говорится, рвал и метал.

На другой день после этого события Г-кий, будучи дежурным и подозревая меня в этой проделке, говорил мне, между прочим: «Сознайтесь, что это сделали вы, Ей Богу, я вам ничего не сделаю». Но на эту удочку я не поймался.

Вспоминается еще, как Муся подбила лично меня на одну проделку, которой я должен был показать перед ней свое «геройство».

На заседание ежегодной конференции, когда решалась наша судьба о переходе в следующий класс (роту), собралось все корпусное начальство.

Все «от мала до велика» были в конференц-зале, а в верхнем этаже, где были офицерские квартиры, оставались только корпусные дамы, да горничные и кухарки. В этом-то этаже была веревка от церковного колокола, за которую я должен был дернуть во время конференции.

Заседание этой конференции всегда было окутано особой тайной. В это время в корпусе стояла какая-то гробовая тишина, и все ходили как бы на цыпочках.

В эту-то «торжественную минуту», зная, что на верхнем этаже никого из начальства не встречу, я храбро туда взобрался и ударил с силой два раза в колокол.

Стремглав спустившись на парадную лестницу, я видел, как многие из начальства «вылетали» из зала и не могли понять, что произошло. Бегали, волнуясь, думая, что где-нибудь горит. Я тоже сновал среди других, помогая разыскивать виновника.

Начальство так и не узнало, кто позвонил в колокол. И я был горд тем, что «тайну колокола» знали только я и Муся. Не знал ее даже никто из кадет.

Были и другие Мусины шалости, но всех их не вспомнишь. Шутка ли! Ведь прошло с тех пор почти 50 лет!

Прощай, молодость. Прощайте и вы, беззаботные дни нашей юности, проведенные когда-то нами в стенах родного корпуса.

¹ Ишеев П.П., кн. «Муся». Из кадетских воспоминаний // Морские записки. 1945. Т. III. № 1. С. 31–33.

² Каразин Николай Николаевич (1842–1908), художник, писатель, академик (1907). Вольноприходящий ученик Академии художеств с 1865 г. С 1862 по 1871 г. служил в Туркестанском крае, участвовал в боевых действиях и экспедиции на Аму-Дарью. Выполненные там рисунки были им выставлены в Географическом обществе в Петербурге, затем на международных географических выставках в Париже (медаль и почетный отзыв) и в Лондоне (именная медаль и диплом). Вышел в отставку (1871) и посвятил себя литературной и художественной деятельности. Для многих изданий создавал рисунки и виньетки. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечалось, что художник несомненно талантлив, но «слаб по части рисунка и гонится больше всего за бойкостью техники и эффектностью композиции, в ущерб правде и серьезности содержания. Всего лучше удается ему пейзажный элемент, хотя и он бывает по большей части превеличенно эффектен. То же самое должно сказать и о многочисленных акварелях, вышедших из-под кисти Каразина».

Автор многих романов и повестей («На дальних окраинах», 1875; «Хивинский поход», 1882; «В пороховом дыму», 1886; «От Оренбурга до Ташкента», 1886 и др.).

³ Писемский Алексей Александрович (1859–?), художник-пейзажист. В 1878–1887 гг. учился в Императорской Академии художеств. Участник многих выставок.

Самокиш Николай Семенович (13.10.1860 — 18.01.1944), известный русский и советский художник. С 1879 по 1884 г. учился в Императорской академии художеств. Автор ряда батальных полотен, посвященных войне 1812 г., рисунков коронации императоров Александра III и Николая II. В советское время создал ряд картин, прославляющих героизм Красной Армии.

Соколов Петр Петрович (1821–02.10.1899), известный художник-акварелист, академик. Сын художника-портретиста П.Ф. Соколова (1791–1847), племянник К. Брюллова. Создал много рисунков народного и солдатского быта, сцен охоты, животных. Автор иллюстраций к ряду книг, в т. ч. «Запискам охотника» И.С. Тургенева.

⁴ По мнению исследователей, автором знака являлся служивший в то время в Морском кадетском корпусе подполковник по Адмиралтейству Н.В. Мешков (*Бойнович А.Д., Доценко В.Д., Живов В.Г., Курдюхин В.А.* Получившим военноморское образование // Морской альманах. СПб., 1992. Вып. 2. С. 66).

⁵ Вероятно, Геращеневский Зиновий Николаевич.

Учившийся в корпусе несколько лет спустя Гаральд Граф позднее так описывал того же отделенного начальника: «В той же третьей роте был замечательный дежурный офицер [под]полковник Г., мужчина уже за 40 лет, огромного роста, мощной фигуры, с длиннейшей черной с проседью бородой и при этом забавно картавивший. Он был добродушный человек, с весьма непосредственной натурой, но не отличался умом — совсем дитя природы. Мы, да и целый ряд наших предшественников, учли это качество и метко прозвали его Обалдуем. Его очень любили изводить, в особенности оттого, что он легко этому поддавался или, по-нашему, “травился”.

Однажды несколько сорванцов решили над ним особенно позабавиться. Когда все улеглись, около 12 часов ночи Г. тоже лег спать на диван в дежурной комнате и снял с себя виц-мундир и саблю, одел пальто и убавил свет. Тогда кадеты поставили ряд табуреток у двух дверей дежурной комнаты и из одной громким шепотом стали звать: “Обалдуй, Обалдуй, вставай, ротный командир идет”. Г. успел уже заснуть и со сна только и разобрал, что идет ротный командир. Живо вскочил, схватился за саблю и стал застегивать португею. В этот момент из обеих дверей раздался громкий смех и крики: “Надули обалдюя”, — и шалуны врасыпную бросились бежать.

Сообразив, что его обманули, Г. страшно рассердился и как был, с саблей в руке, бросился за ними. В темноте наткнулся на заграждение из табуреток, которые с шумом попадали, что его еще больше рассердило, и он со страшным ревом и руганью бросился в спальню, где всех разбудил. Его же обидчики уже мирно лежали под одеялами и дружно храпели. Еще долго Г. в бешенстве метался по спальне и старался определить, кто устроил над ним такое издевательство.

В этот день дежурным по корпусу был наш ротный командир, и он как раз в это время случайно зашел в роту, и дежурный дневальный прибежал к Г. доложить. На этот раз сомнений не было, это действительно шел ротный командир, и Г. бросился в дежурную комнату, чтобы захватить треуголку и идти его встречать, но треуголки там не оказалось, так как она была запрятана, и ему пришлось подойти с рапортом с обнаженной головой» (*Граф Г. Моряки.* СПб., 1997. С. 14).

День 28 января 1904 года в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге

Русско-японская война 1904–1905 годов унесла жизни сотен офицеров и тысяч матросов. Кровью расплачивались за чужие ошибки и молоденькие мичманы «царского» выпуска. На второй день после начала боевых действий император Николай II приехал в корпус и досрочно произвел в офицеры старшую гардемаринскую роту — 128 человек. Десять лучших отправились в Порт-Артур. Многие оказались на эскадре вице-адмирала З.П. Рожественского, 23 погибли в огне Цусимского сражения. Спустя несколько лет новых жертв потребовали Первая мировая война, революция, бои Гражданской. Многие выпускники окончили свою жизнь на чужбине.

На торжестве по поводу пятидесятилетия выпуска, состоявшемся 14 февраля 1954 года в Париже, один из оставшихся в живых выпускников, А.Д. Кира-Динжан, горько заметил: «Судьба распорядилась нами по-разному: одним дала славный воинский венец, другим — терновый, мученический; нам же, застрявшим в жизни, оставила в удел одно лишь сожаление, что сегодня мы поминаем товарищей, а не нас поминуют. Сегодня не праздник, а день, посвященный всем покинувшим нас друзьям... Их кровью наш “царский” выпуск оправдал оказанное ему государем и страной доверие, ибо по количеству жертв он стал первым из всех выпусков Морского корпуса»¹.

День нежданного, без экзаменов и за три месяца до срока производства в офицеры стал одним из ярчайших воспоминаний не только для выпускников 1904 года, но и для их младших товарищей, ставших очевидцами этого события. Мы приводим очерк старшего лейтенанта С.В. Гладкого, опубликованный в журнале «Морские записки» (1944. № 1. С. 22–27). Сергей Владимирович, окончивший корпус в 1907 году, был одним из самых активных членов Общества Российского императорского флота в Америке, состоял в его исторической комиссии, был редактором «Морских записок» (1943–1946).

Начало войны с Японией застало меня кадетом 1-й роты (младший специальный класс)² Морского кадетского корпуса. Прошло всего около трех недель со времени возвращения воспитанников с рождественских каникул, но обычная, строго размеренная жизнь вошла уже в свою колею. Праздничные впечатления постепенно утрачивали яркость и свежесть, а привычная обстановка и кадетские интересы вполне поглотили наше внимание.

Слухи о политических недоразумениях на Дальнем Востоке слабо проникали за стены корпуса, поэтому известие о внезапном нападении японцев на нашу эскадру в Порт-Артуре произвело впечатление внезапно разорвавшейся бомбы.

Накануне, 27 января, в корпусе было торжественно объявлено о войне, и все в нем насторожилось. Поползли неведомо откуда появившиеся слухи, что государь, по-видимому, посетит корпус и, может быть, даже произведут старших гардемарин в мичмана. В общем же, ничего решительно не было известно определенно, а начальство, очевидно, что-то знало, но секрет хранило хорошо.

День 28 января начался как обычно, но громкий авральный звонок, прозвучавший в 3-м часу дня, как бы воспламенил все многочисленное население старинных зданий корпуса³. Обычно при посещениях государем корпуса авральный звонок касался непосредственно только начальства и дежурств, а все гардемарини и кадеты оставались там, где их застал сигнал. Но на этот раз вслед за звонком, извещавшим о прибытии государя, был сыгран по всем помещениям «общий сбор», и в невероятно короткое время все шесть рот корпуса были выстроены в Столовом зале. В случаях парадов и встреч роты выстраивались лицом к окнам, на стороне зала, противоположной статуе Петра Великого, имея на правом фланге старшую гардемаринскую роту. Офицеры и преподаватели составляли группу на другой стороне, начиная от дверей музея.

Раздалась команда: «Смирно! Господа офицеры!» При наступившей мгновенно тишине государь появился из дверей музея и направился к середине зала, к памятнику Петру, сопровождаемый государыней Александрой Федоровной, великими князьями Алексеем Александровичем и Кириллом Владимировичем, морским дежурством и начальствующими лицами.

«Здравствуйте, господа!» — раздался твердый и ясный голос государя. Громкий и дружный ответ всех рот перешел в оглушительное, несмолкаемое «ура», поддержанное национальным гимном духового оркестра корпуса.

Когда музыка и клики наконец стихли, государь что-то приказал, и раздалась команда: «Старшие гардемарини, четыре шага вперед марш!» Старшая рота как один человек двинулась и замерла. Снова раздался голос государя: «Вам известно, господа, что третьего дня нам объявлена вой-

на. Дерзкий враг в темную ночь осмелился напасть на нашу твердыню — наш флот — без всякого вызова с нашей стороны. В настоящее время Отечество нуждается в своих военных силах, как флота, так и армии, и я сам приехал сюда нарочно, чтоб видеть вас и сказать вам, что я произвожу вас сегодня в мичманы. Производя вас теперь, на три с половиною месяца ранее срока и без экзамена, я уверен, что вы приложите всю свою ревность и свое усердие для пополнения ваших знаний и будете служить, как служили ваши прадеды, деды и отцы в лице адмиралов Чичагова, Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина, на пользу и славу нашего дорогого Отечества. Я уверен, что вы посвятите все ваши силы нашему флоту, осененному флагом с Андреевским крестом. Ура!» Я не помню, конечно, точных слов государя, но цитирую по отчету об этом событии, напечатанному в «Ниве» за 1904 г. на странице 113.

«Господи, что тут поднялось и что мы пережили! — пишет в своих воспоминаниях барон Н. Типольт. — Я едва стоял. От волнения помутилось в глазах и в груди останавливалось дыхание. Прикажи нам тут государь повыкидываться из окон, мы, конечно, это бы сделали⁴. В роте, когда мы вернулись, — полный хаос. Достойнейший командир наш, капитан 2-го ранга Сергей Владимирович Мешков, Серя, как мы его звали между собой, суетился, поздравлял, с трудом собирал нас во фронт, снова распускал...»

Такой же хаос царил и во всем корпусе. «Надо проводить государя и государыню», — мелькнуло в голове чуть ли не у каждого. Не помню уже, как я добрался до вестибюля и увидел там государя, выходявшего на подъезд. Мы выбежали вслед и очутились на улице и громким «Ура» провожали удаляющуюся карету. Волнение и возбуждение у нас всех были таковы, что мы, как были, в одних голландках, без фуражек, все, кто были на улице, решили ехать вслед государю.

[Запись в дневнике императора Николая II: «28 января 1904 г. Среда. В 3 часа поехали вдвоем в Морской корпус, где я произвел всех старших гардемарин в офицеры. Посетив лазарет, уехали к себе в карете, облепленной кадетами».]

В числе четырех кадет моей роты я очутился в санях великого князя Кирилла Владимировича, бывшего в тот день дежурным флигель-адъютантом. «Что вы делаете, господа? Ведь вы простудитесь!» — пробовал урезонить нас великий князь. «Никак нет, ваше высочество, не простудимся! Разрешите ехать с вами, мы хотим проводить государя!» — с жаром запротестовали мы. Великий князь учел наше настроение и только махнул рукой.

По дороге к Зимнему дворцу мы без устали засыпали великого князя вопросами, в числе которых чуть ли не самым животрепещущим для нас был — правда ли, что убирают нашего директора, грозного адмирала Чухнина на другую должность, и когда. Кого именно мы получим взамен — было уже не важно: кто бы ни был, но будет легче⁵.

С мягкой, добродушной улыбкой слушал великий князь нашу болтовню и по возможности удовлетворял наше любопытство. «Прибавь ходу», — приказал он кучеру, и мы понеслись по снежному пути, по набережной, через Николаевский мост и Сенатскую площадь; наконец разгоряченные лошади остановились у собственного его величества подъезда Зимнего дворца.

«Бегите скорей», — приказал великий князь и быстрыми шагами последовал за нами в гостеприимно открытые уже двери дворца.

Очутившись в вестибюле, мы застали там прибывших ранее гардемарин и кадет. Великий князь пожелал проститься с нами, а так как по дороге мы узнали, что он собирается в Порт-Артур, то мы, перебивая друг друга, торопились пожелать ему благополучия и успеха. У кого-то нашлась записная книжка. Моментально листки бумаги очутились в руках великого князя, и он, смеясь, наскоро их подписывал «Кирилл» и раздавал нам. Я тут же обратился к великому князю с просьбой: «Ваше высочество, дайте мне, пожалуйста, платок на память!» Не долго думая он вынул из заднего кармана сюртука прекрасный, совершенно чистый шелковый носовой платок, чудного светло-зеленого цвета с большой, вышитой буквой «К» и с короной над ней. «О, покорно благодарю, ваше высочество», — произнес я в восхищении и поторопился сейчас же его спрятать, справедливо опасаясь за его целость. Но, к счастью, окружающие не заметили у меня этого ценного подарка, и я благополучно увез его в корпус. Чтобы больше не возвращаться к этому эпизоду, я скажу теперь же, что этот платок и листок бумаги с подписью великого князя я бережно хранил в продолжении 16 лет и только уже в 1920 году, в Константинополе, они пропали, в числе многих других вещей.

В конце концов во дворце собралось до 60 гардемарин и кадет, а может быть, и больше. Тут же нам сказали, что государь и государыня беспокоятся, что мы простудимся, и что приказано нас сейчас же накормить горячим и послать в корпус за шинелями, башлыками и фуражками. Действительно, не прошло и 30 минут, как нас повели в какой-то зал, довольно узкий, и там были уже приготовлены горы разных бутербродов и горячий чай. Тем временем по телефону потребовали из корпуса для нас шинели и прочее, и мы в скором времени, радостные и довольные, благополучно возвратились в корпус.

Я до сих пор не могу понять, как случилось, что никто из нас не заболел после такой поездки. Я думаю, что сильное волнение и возбужденные нервы спасли нас всех от возможных последствий этой более чем неосторожной выходки. Корпусное же начальство ни словом не обмолвилось по поводу самовольного оставления корпуса.

Я не помню, были ли мы на этот раз уволены в обычный 3-дневный отпуск, как всегда это бывало при посещении корпуса государем. У меня осталось впечатление, что на следующий день жизнь корпуса протекала

нормально. Но я помню отлично, что в первый же день классных занятий в нашем классе был урок русского языка, который преподавал нам милейший Петр Алексеевич Конский. Нам он очень нравился, и, несмотря на то, что он был штатский, на его уроках всегда вели себя прекрасно. Так вот, на этом первом же уроке мы его спросили — как ему понравилась речь государя, которую он также выслушал, находясь в Столовом зале в группе офицеров и преподавателей. «Прекрасно сказанная речь и отличный, безупречный русский язык», — заявил П.А. Конский, широко улыбаясь.

Мне кажется вполне уместным здесь привести сведения о судьбе этого «царского» выпуска со слов одного из них:

«Наш выпуск (128 человек) начал свою службу под знаком войны. И с другой войной и революцией ее кончили. Немудрено, что потери в людях оказались велики. Уже в Артуре погибли двое наших: Кондратьев на крейсере “Диана” и Воронцов-Вельяминов на береговых укреплениях, причем Воронцов уже тогда, когда крепость была готова к сдаче, и приказано было прекратить огонь. Это была последняя пуля, прилетевшая с японской стороны⁶. И погиб юноша большой доблести и богатейших, еще не развернувшихся способностей.

На 2-й эскадре наших пошло 50 человек. Из них 25 погибли и 23 попали в плен или были интернированы. И только двоим посчастливилось тогда сразу вернуться в Россию. Это были Бодиско, шедший на угольном транспорте “Анадырь”, и автор этих строк (барон Н. Типольт), находившийся на вспомогательном крейсере “Рион”. Впрочем, “Рион” не попал даже в Цусиму. За два дня до боя он сигналом командующего был отделен для крейсерства в Желтом море.

В Цусиме погибли: на “Суворове” — Головнин, Жуковский, Краевский, Флоров, Фомин и Шишкин. На “Александре III” — Адлерберг, Баранов, Всеволожский Петр и Князев Ю. На “Бородино” — Жолкевич, Кочуков, Прикот, Протасьев и Цывинский. На “Наварине” — Верховцев, Леман, Макаров и Эновский⁷. На “Ослябя” — Майков и Шиповалов. На “Светлане” — граф Нирод. На “Жемчуге” — Тавастшерна и на транспорте-мастерской “Камчатка” — Самойлов.

В Великую войну погибли: Измайлов и Коринфский на крейсере “Паллада”; Князев Валерий — на тральщике “Проводник”; Кротков в Дикой дивизии и Кульнев — в гидроавиации⁸.

В революцию погибли, убитые большевиками: Билибин, Житков, Каллистов, Кузнецов, Погорельский, Тевяшев, Цвингман и Чайковский⁹.

Застрелились, еще молодыми: Абрамович, Бартенев, барон Буксгевден, Малютин и Ньюман. Убит в соре с товарищем — Дубенко.

Умерли в разное время: Андросов, Богданов (1920), Бурачек¹⁰, Витгефт, Гирс, Дитман, Дуров (1936), Казаринов Эм.¹¹, Колечицкий (1921), Купреянов, Львов Лев¹², Нордштейн (1936), Петров¹³, Потемкин (1938), Ренгартен (1920), Шульгин и Щербачев (1930). Сведения по 1 января 1939 года».

«Ушла из жизни уже половина выпуска, — заканчивает барон Н. Типольт свои воспоминания, — вероятно, даже большая половина, так как мы здесь не могли зарегистрировать умерших в советской России. Пожелаем же теперь ныне здравствующим представителям нашего славного выпуска энергии и сил для работы по завету государя, данному при самом нашем выпуске: “Под сенью родного Андреевского флага служить престолу и Отечеству так, как служили наши отцы и деды”».

От составителей. Позволим себе привести еще один фрагмент цитированных в статье С.В. Гладкого воспоминаний барона Н.А. Типольта о том, что было после производства в офицеры.

«...Не сбросившие еще свою кадетскую скорлупку мичманы сделали теперь героями комических столкновений с сухопутными офицерами. Надо сказать, что в то время обер-офицеры не были обязаны отданием чести друг другу, а только штаб-офицерам и генералам. Мы и согласились, продолжая страшно шикарно козырять “своим” (т. е. морским офицерам), совершенно игнорируя корнетов и поручиков. Эти последние, пораженные удивлением и негодующие, на нас, конечно, насакивали, но, получив в ответ, что его величество государь сегодня в 2 ч. 30 мин. дня и т. д. и т. д., рассыпались в поздравлениях или извинениях.

Через день в корпусе состоялось распределение выпускных вакансий. Первые по старшинству, в нашем выпуске человек 40, имели право выбора, остальные должны были тянуть жребий. Вакансий было: 10 в Квантунский флотский экипаж (Артур), 2 — в Сибирский (Владивосток), 75 (примерно) — в балтийские флотские экипажи, 40 (примерно) — в черноморские, и 1 — в Каспийское море. Все наши фельдфебели и первенцы, не раздумывая ни секунды, выбрали, конечно, Артур, двое следующих — Владивосток, другие выбиравшие — балтийские экипажи по преимуществу, чтобы потом легче попасть отсюда на тот же Восток. Тянувшие жребий опасались Черного моря (кроме природных черноморцев), но пуще всего — страшной вакансией в Каспий. Шанс вытащить ее был, правда, невелик, 1 на 80 приблизительно. Меня Бог миловал. Угробился сюда бедный И.И. Голенищев-Кутузов, большой наш любимец и вообще “пистолет”, но после этой неудачи, кажется, немножко упавший духом.

К месту службы по экипажам мы должны были явиться уже к 10 февраля (кроме дальневосточников, конечно), а до того спешили познакомиться с “Аквариумом” и другими подобными заведениями, где нередко делались предметом овации со стороны публики. В начале японской войны моряки были вообще очень в моде, зато потом, после Цусимы, мы делались для некоторых кругов “самотопами”¹⁴.

¹ Бюллетень Общества офицеров Российского императорского флота в Америке. 1954. № 1. С. 2.

² Вероятно, опечатка. Воспитанники младшего специального класса состояли в 3-й роте.

³ Г.К. Граф, произведенный в этот день в офицеры, вспоминал, что о предстоящем приезде императора им было объявлено вечером 27 января (*Граф Г. Моряки*. СПб., 1997. С. 70).

Гардемарин Б.П. Страхов в своем дневнике отметил, что о приезде императора все были уведомлены заранее. Приведем его свидетельство полностью, тем более что автор отметил ряд важных деталей.

«28 янв. Утром дежурный офицер объявил нам, что сегодня приедет государь; приказано было к часу переодеться в мундиры. Уроки прошли как во сне; никто из преподавателей не спрашивал; везде разговоры о войне. После завтрака оделись в мундиры и были выведены в Столовый зал...

Половина второго пришел директор, поздоровался, осмотрел нас, дал инструкции ротным командирам, и нас распустили. В 3 ч. по тревоге нас опять собрали в Столовом зале и через полчаса из музея вышли государь, государыня, Алексей Алекс[андрович] (великий князь, генерал-адмирал. — А.Е.), Кирилл Владимирович (великий князь. — А.Е.), Авелан, Чухнин и свита. У государя вид был грустный, но вместе с тем строгий, решительный; он ни разу не улыбнулся; государыня была бледна как полотно, и вид у нее прямо придавленный. Их и[мператорские] в[еличества] обошли фронт кадет, здоровались каждый раз отдельно; царь был в морском мундире, государыня же в темно-красном бархатном платье, отделанном, кажется, мехом. Обойдя кадет, царь остановился около 4-й роты; Чухнин скомандовал: «Старшие гардемарины, 5 шагов вперед»; когда гардемарины подошли, государь обратился к ним со следующей речью: «Вы знаете, конечно, что японцы открыли против нас военные действия; как армия наша, так и флот нуждаются теперь в офицерах; я сам приехал сегодня сюда, чтобы произвести вас в мичмана; экзамена вам не будет, но я надеюсь, что вы оправдаете мое к вам доверие и приложите все силы, чтобы послужить отечеству»» (РГАВМФ. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 6. Л. 19 об.—20).

⁴ Интересно, что в цитируемой статье Н. Типольта эта фраза менее категорична: «Прикажи тут государь нам повыкидываться из окон, и мы бы наверно это сделали» (Н.Т[ипольт] О выпуске 1904 года // *Морской журнал*. 1939. № 1 (133). С. 12).

⁵ Деятельности Г.П. Чухнина на должности директора Морского корпуса посвящено немало страниц в воспоминаниях Г.К. Графа.

«Адмирал Ч. был грозой флота, и его назначили с определенной целью — подтянуть. Он всегда славился суровостью и требовательностью, недаром за ним установилось прозвище «Гришка-каторжный». Его очень боялись, начиная с матросов и кончая командирами кораблей, так как он никому не давал поблажки и был неумолим. Наш флот особенно нуждался в таком адмирале, но жаль, что он был исключением и от флота зачастую возбуждал недовольство подчиненных, которые невольно его сравнивали с другими. <...>

Вице-адмирал Ч. был выше среднего роста, с бесцветным серым лицом, маленькими глазками, жиденькой бородкой. Всегда мрачный. Говорили, что он не только суровый начальник, но и суровый муж и отец. Да, дождались мы настоящего начальника, который, очевидно, сумеет с нами справиться. Прошли вольные денечки.

Грозный адмирал спокойно прошел вдоль фронта вытянувшейся в струнку роты, мрачно оглядел нас и монотонным отрывистым голосом обратился приблизительно со следующими словами: «Государь император назначил меня на пост начальника ввиду важности дела и необходимости корпус подтянуть. Я уже стар для этой должности и никогда воспитанием молодых людей не занимался, но раз этого пожелал государь, то я приложу все старания, чтобы оправдать его доверие. Я много слышал о вашей распушенности и сам знаю, какие плохие офицеры выходят из корпуса, но я сумею настоять на своем и заставить всех подтянуться и исполнять свой долг, а кто этому подчиниться не захочет, тому придется уйти. Плохие офицеры флоту не нужны...»» (*Граф Г. Моряки*. С. 54–55).

Описывая 1903/04 учебный год, Г. Граф признает, что претензии нового директора к воспитанникам корпуса были справедливы, но рисует достаточно отталкивающий портрет адмирала, нагонявшего ужас даже на преподавателей. Складывается впечатление, что понимание смысла введенных строгостей пришло много позднее, а тогда они рассматривались как «кара божья».

Справедливости ради следует заметить, что часть воспитанников положительно оценивала деятельность Г.П. Чухнина непосредственно в период обучения. Приведем несколько отрывков из писем к родным П.А. Панаева, окончившего корпус через год после Г.К. Графа.

Из письма брату Льву (02.06.1903): «Однако, несмотря на массу работы, я очень доволен плаванием. Чухнин командует отрядом дельнее Абазы и Доможирова. Он сделал положение кадет вполне определенным, и мы стоим на вахте; между прочим, обязаны стоять и за вахтенных начальников, только под наблюдением офицера, а не при вахтенном начальнике (т. е. на побегушках), как было прежде» (РГАВМФ. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 об.–7).

Из письма матери с крейсера «Адмирал Корнилов» (23.05.1904): «Плавание не веселое, или, правильнее, не живое. Все движется только по инерции после Чухнина; адмирал (Н.А. Римский-Корсаков, новый директор Морского корпуса. — А.Е.) ни во что не входит, редко показывается наверху и до сих пор не сделал ни одного замечания. Очень жаль, что не Чухнин плавает с нами. Программа, составленная им, дельная и интересная, принесла бы много пользы, а теперь не знаю, как ее выполним» (Там же. Д. 4. Л. 3 об.).

Из письма братьям из Котки (28.07.1904): «Первая половина плавания прошла спокойно, но, конечно, с Чухниным было лучше. Новый адмирал очень симпатичный и добрый, но далеко не такой моряк, как Чухнин» (Там же. Л. 15–15 об.).

⁶ Почему-то при описании войн часто встречаются замечания о том, что тот-то или этот-то убит последней пулей (снарядом). Непременно отмечается, что в Цусиме эскадренный броненосец «Бородино» погиб от последнего снаряда, выпущенного с «Фудзи». О С.И. Воронцове-Вельяминове даже после сдачи Порт-Артура говорили, что он погиб от случайно выпущенного по нашим позициям японского снаряда. На деле мичман погиб 18 декабря, крепость была сдана вечером 19-го.

⁷ Офицер с такой фамилией не значится ни в выпуске 1904 г., ни в экипаже ЭБР «Наварин». Возможно, здесь по ошибке указан В.А. Яновский, убитый матросами 03.03.1917 на линкоре «Император Павел I».

⁸ В перечне пропущен Б. Акимов, погибший в 1916 г. в боях под Двинском.

⁹ По сведениям, собранным эмигрантами к 50-летию юбилею выпуска, во время революции и Гражданской войны также погибли: В.А. Яновский (убит матросами), П.К. Столица (время не установлено), Н.С. Андреев (1918), Б.Д. Коссаковский и И.И. Фесенко (зима 1918/1919 гг.) (Бюллетень Общества офицеров Российского императорского флота в Америке. 1954. № 1. С. 2–3).

¹⁰ Покончил жизнь самоубийством.

¹¹ Неясно, кто имеется в виду. В числе выпускников 1904 г. был Николай Михайлович Казаринов, который умер в Австралии в 1963 г., т. е. много позже написания данной статьи. Ни одного человека, чье имя начиналось бы на «Эм», среди окончивших в том году корпус не значится.

¹² По сведениям эмигрантов, погиб в годы Гражданской войны.

¹³ Расстрелян после Кронштадтского восстания.

¹⁴ Н.Т[ипольт]. О выпуске 1904 года // Морской журнал. 1939. № 1 (133). С. 12–13.

Из воспоминаний

В Российском государственном архиве Военно-морского флота среди многочисленных свидетельств минувших эпох, хранятся воспоминания офицера советского флота А.П. Белоброва. Объем их и подробность сообщаемых сведений внушают глубокое уважение. Конечно же, выпускник Морского кадетского корпуса подробнейшим образом описывает годы учебы.

Их автор, Андрей Павлович Белобров, родился 1 октября 1894 г. в семье офицера Корпуса флотских штурманов, командира Ревельского плавучего маяка П.П. Белоброва. Вслед за двумя старшими братьями он в 1909 г. поступил в Морской кадетский корпус. По окончании участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, сидел в тюрьме, преподавал в вузах, писал научные труды по мореходной астрономии, гидрографии.

Воспоминания А.П. Белоброва отличаются от большинства других тем, что в них практически не содержится традиционных пересказов легенд корпуса, историй о травле преподавателей и т. д. Основное место занимает учеба, преподаватели в первую очередь оцениваются по тому, сколь много знаний они дают воспитанникам. Имена, имена... И про многих офицеров и товарищей есть краткие, но важные замечания — чем он был интересен, что с ним стало в дальнейшем. На постановку учебного процесса мы смотрим глазами человека, много лет прослужившего в советских высших военно-морских учебных заведениях и потому имеющего прекрасную возможность сравнивать.

Публикация осуществлена по машинописному экземпляру воспоминаний, хранящемуся в личном фонде А.П. Белоброва¹.

Морской корпус

В самом начале 1909 г. я твердо решил поступать в Морской корпус. Как это случилось, я не понимаю, потому что до этого я считал, что буду филологом, тем более что я неспособен к математике. Тем не менее мое новое решение было принято. Однако для осуществления этого решения надо было подготовиться. Препятствием, чтобы попасть в корпус, могло послужить состояние кожи на всем моем теле. С детства я ощущал зуд на

коже, из-за которого я был весь в расчесах. Было решено начать лечение. Примерно с февраля меня начал лечить доктор Гармс². Он был младшим врачом Ревельского полуэкипажа. Он прописал мне ванны с серной пемзой. Затем особые втирания на ночь и внутрь пилюли в виде шариков — лизоль. Для принятия ванн мне пришлось ходить на Колесную улицу в «Ванны Штемпеля», предприятие, где имелась и прачечная, в которую отдавали крахмальное белье. Лечение помогло и, чтобы иметь уверенность, что я пригоден для приема в корпус, при содействии Марии Николаевны Федоровой³ я ездил в апреле в Петербург, в корпус, и прошел там предварительный медицинский осмотр. Первым делом мне предложили прочесть вслух, чтобы убедиться, что я не заика; затем проверили, что не дальтоник, а затем я прошел через врачей. Зрение у меня оказалось полное (обоими глазами), и я был признан годным к поступлению.

Сразу же после окончания учебного года в гимназии я приступил к подготовке в корпус по специальной, типографски отпечатанной программе в средний общий класс у Михаила Ивановича Берлинского. Он готовил к поступлению в корпус Лешу, затем Митю, а после них еще ежегодно готовил молодых людей. Он был гражданским инженером и, когда я перешел к нему, он уже обладал большим опытом в этом деле. В тот год летом он жил на даче в новых домах за Мариенбергом, во втором этаже. Ежедневно к 9 часам утра я приезжал к нему на велосипеде. Дорога туда была по берегу моря, за памятник «Русалке», затем я поднимался на гору Мариенберг, там проезжал небольшое расстояние по шоссе и поворачивал вправо к новым дачам. Плохо бывало в дождливые дни. Приходилось ходить пешком километра 3,5. Михаил Иванович исключительно ясно объяснял, причем свои объяснения он карандашом записывал в тетрадь. Поэтому по арифметике и по алгебре я получил содержательные, хотя и краткие, конспекты. По геометрии мне пришлось переучиваться, т. к. требовался учебник Давидова, а в гимназии проходили по Киселеву, где доказательства несколько различались. С Михаилом Ивановичем кроме математических предметов я занимался еще: физикой (которую не проходил), естествоведением, историей, географией и техническим черчением — все в пределах, требовавшихся программе. По закону Божию и русскому языку я переходил в другую комнату к его жене — Калисфении Федоровне (урожденной Яровой — дочери офицера Двинского полка). Катехизис пришлось переучивать, т. к. в гимназии проходили по Лаврову, а здесь требовалось по Филарету, где изложение велось по-старинному — вопросами и ответами (например, почему сие важно в-пятых и т. п.). Ежедневно мне к следующему разу давались задания и задавались задачи. Освобождался я около 12 часов дня и возвращался домой. Два или три раза в неделю кроме того я занимался французским языком по часу с мадмуазель Шнейдер. Сперва она жила в городе на Новой улице, а затем она переехала на дачу на берегу моря. Занятия с нею были очень продуктивны.

Заданные мне уроки я выполнял в разное время суток и тратил на них мало времени. Это подтверждается тем, что жившие над нами сестры В.К. Тиханова говорили Маме, что я мало занимаюсь и, если я поступлю, то это будет чудом. Действительно, я не чувствовал особого напряжения и у меня не осталось воспоминания об этом лете, что я не отдохнул. Отмечу еще, что в течение всего лета я продолжал брать ванны с серной печенью и раза два-три в неделю ходил для этого днем в «Ванны», помещавшиеся на летний период около сада-ресторана «Салон».

31 мая 1909 г. Маме прислали извещение из корпуса о том, что согласно ее прошению я допускаюсь к конкурсным экзаменам, а 13 августа должен явиться на медицинский осмотр. Относительно медицинского осмотра у нас возникло сомнение, что это ошибка, т. к. я уже прошел через него, но оказалось, что мне все-таки надо снова проходить.

Таким образом, в августе я с Мамой поехал в Петербург. Медицинский осмотр прошел благополучно.

Экзамены продолжались с 17 августа по 2 сентября. Письменные экзамены проводились в Столовом зале. По алгебре и геометрии я получил по 7 баллов, т. е. неудовлетворительно, но в среднем после устных экзаменов у меня оказались удовлетворительные баллы. Помню, что я слабо-вато отвечал по истории и по русскому языку; за меня говорили экзаменаторы по этим предметам. Я очень плохо помнил попавшееся мне содержание «Князя Серебряного» А. Толстого, т. к. прочел его давно, но, тем не менее, все сошло. В итоге я был принят на казенный счет. В связи с этим мою пенсию Маме перестали выплачивать, и она перешла на получение своих 73 руб. 40 коп. в месяц. Таким образом, я был принят в средний общий класс Морского корпуса, что соответствовало шестому классу кадетских корпусов (примерно).

9 сентября 1909 г. я явился в Морской корпус в 5-ю роту и был зачислен в 26 класс. Командиром моей роты оказался капитан 2 ранга Николай Александрович Корнилов (по прозвищу Макака). Очень хороший человек, не интриган, причем кадеты над ним слегка посмеивались, но все же его уважали.

Отделенными начальниками в нашей роте были: подполковник по адмиралтейству барон Типольт Николай Аполлонович; он окончил Морское училище в 1886 г., и его работа ограничивалась только дежурствами по роте раз в пять суток; на дежурствах он занимался геральдикой — это был его конек. Следующим по старшинству был лейтенант Михайлов Павел Иванович (выпуска 1902 г.) — был отделенным начальником класса № 24; лейтенант Гернет Владимир Викторович (вып. 1905 г.) — класс № 25, мичман Страхович Николай Васильевич (вып. 1906 г.) — класс № 23 и, наконец, отделенным начальником моего 26-го класса с октября стал Митя, т. к. он прикомандировался к Корпусу. Почти одновременно с ним, но несколько позже, прибыл лейтенант Шанявский Игнатий Игнатьевич

(вып. 1904 г.), который стал моим отделенным начальником, а Митя остался как бы его помощником.

Сразу же по прибытии нас переодели во все казенное, но без погон, и фуражку мы сперва носили без ленточки. После классных занятий нас, вновь поступивших, стали ежедневно обучать строю. Занимался с нами боцманмат Герасимов. Обучение строю продолжалось до конца октября, после чего нам выдали ленточки на фуражки, погончики на голландки, которые мы носили повседневно с застегнутыми воротничками без матросских синих воротников (которые после революции стали называться гюйсами), затем выдали мундиры, шинели и палаши с красными ременными темляками.

Классных занятий у нас бывало по 5 уроков в день. В классах мы сидели по алфавиту, начиная с задней скамейки. Столы в классах были дубовые, с горизонтальной верхней доской, на которой были укреплены чернильницы. За каждым столом сидело по 4 человека на дубовых же скамьях. Все 5 лет моего обучения в Корпусе на одной скамье со мной сидели: Ахрамович Игорь, Берсенеv Анатолий, Бугаев Георгий и я у прохода, а за проходом следующим за мной был Ганенфельд Николай Владимирович.

В моем классе преподавали: алгебру и геометрию — доцент Горного института Петров, физику — полковник Кутневич Василий Михайлович (мы его называли «гроза Морского корпуса»); он здорово требовал и ставил колы, но предмет мы знали неважно; техническое черчение — ст. лейтенант Павел Яковлевич Павлинов («Лошак»); историю — глубокий старик Фалеев, заведующий классной библиотекой; он преподавал очень скучно, и мы над ним посмеивались, а Игорь Зайцевский на каждом занятии рисовал его в латах или в виде ангела на аэроплане и т. п.; по географии — подполковник Шмидт Николай Владимирович, очень подтянутый офицер, переходивший из флота в гвардию и окончивший Академию Генерального Штаба. Естественную историю — Андроник Лукич Павлович, чудаковатый, старый преподаватель корпуса, говоривший с украинским акцентом; русский язык — Петр Максимович Филонов, очень пожилой, говоривший в нос, читавший довольно скучно и монотонно, не обращая особого внимания на то, как мы слушаем; впрочем, иногда он останавливался и говорил нарушителю, что он отметит у себя в книжке против фамилии нарушителя «г» — говорун; он был старцем и выпустил в корпусе много десятков выпусков. По французскому языку — Иван Львович Гризар. Он был действительным статским советником, и мы обращались к нему «Ваше превосходительство». Он вел нас 4 года, и начиная со второго года на каждом занятии Ахрамович вставал и, получив разрешение, говорил: «Ваше превосходительство, вы похожи на Александра III!» — но старик не обижался и говорил: «Сесть». Он был очень вежливый и образованный человек, прекрасно знавший историю, носил седую аккуратную бородку и абсолютно не походил на Александра III. Английский язык

преподавал мистер Брей — автор учебника «Скотт и Брей»; основная его работа была в Лице. Он был несколько надменным и держал себя с английским достоинством, но к нашему классу относился, особенно в последние два года преподавания, особенно хорошо, т. к., узнав, что он где-то вытянул себе ногу и не был на занятии, мы послали ему сочувственную телеграмму ради балагана, а он расчувствовался. Чтобы подогнать нас по английскому языку, с ноября нам ввели два раза в неделю дополнительные вечерние занятия. Вел их мистер Риджес — полупочтенного вида, плохо говоривший по-русски, в коричневом костюме. Мы настолько плохо вели себя на его занятиях, что через некоторое время на них в роли классной дамы всегда присутствовал Шанявский или Митя. Мы сразу же ввели перед началом занятия читать молитву, шумели, разговаривали, спрашивали его, не из приказчиков ли он и т. п. Один раз на его занятие пришел инспектор классов генерал-майор Бригер и сел на последнюю скамейку. Он был маленького роста и его не заметил опоздавший на урок Сланский. Шутки ради докладывая преподавателю: «честь имею явиться», он добавил громко извозчичье ругательство, а когда повернулся и увидел Бригера, то сразу же побледнел. Мы все замерли. У Бригера на лице было сомнение, он не поверил своим ушам, но через мгновение громко и властно сказал «садитесь», и тем дело кончилось. Эти занятия особой пользы не принесли. Закон Божий преподавал новый корпусной священник о. Дмитрий Удимов, человек мирный и спокойный⁴.

По сравнению с гимназией отношение к учащимся в корпусе было лучше, чем в гимназии. Нас называли на «вы», и не чувствовалось, что преподаватели считают себя какими-то особенными людьми, превосходящими учеников, как это чувствовалось в гимназии.

Распорядок дня у нас был такой. Побудка в 7 ч. 15 м.; чай со свежей, своей выпечки, французской булкой; 8 ч. 10 м. прогулка ротой по 10-й линии, Большому проспекту, 9-й линии и по набережной в корпус под командой фельдфебеля (дежурный офицер по роте шел рядом по тротуару) и с унтер-офицерами в строю. Прогулка занимала минут 20. С 9 ч. до 11 ч. 50 м. три урока; в 12 ч. завтрак из одного горячего блюда; чай со своей выпечки чудной, мягкой, пеклеванной булкой; после утреннего чая и завтрака все возвращались из столового зала без строя, по способности. С 12 ч. 40 м. до 14 ч. 30 м. — два классных занятия; с 14 ч. 40 м. до 16 ч. 30 м. внеклассные занятия: 2 раза в неделю практические занятия, например в физическом кабинете, 2 раза в неделю гимнастика и один раз — ротное строевое занятие. По четвергам классные занятия начинались в 10 ч., т. к. время после утреннего чая отводилось на батальонную прогулку (гардемаринский батальон выходил на прогулку по средам в те же часы). Батальон был трехротный и командовал им Н.А. Корнилов верхом на коне вместе с адъютантом корпуса С.А. Паскиным, тоже верхом, на втором коне. Кони приводились из придворных конюшен красивые,

но спокойные. На них приезжали форейторы, которые во время прогулки шли пешком по тротуару около всадников. Впереди шел корпусной оркестр музыкантов, а перед ними барабанщики и флейтисты, как в гвардейских частях. Музыканты, барабанщики и флейтисты были штатные — матросы. В первые годы вместо флейтистов были горнисты. Они под барабанный бой играли во время перерывов оркестра. Маршрут прогулки обычно был через Николаевский мост по Английской и Адмиралтейской набережным, через Дворцовую площадь по Морской, мимо Исаакиевского собора и Сената и снова по Английской набережной и Николаевскому мосту в Корпус. Возвращались обычно около 9 ч. 30 м. Прогулка бывала с ружьями «на плечо», причем ружье несли все время на левом плече; поэтому многие у нас подвешивали ружье за спусковой крючок на шнурке с колечком, но я этого никогда не делал, т. к. это мне не нравилось — жульство.

Я отвлекся. В 17 ч. бывал обед: суп, мясное блюдо и пирожное. К обеду в никелированных кувшинах подавалась вода и в серебряных изящных кувшинах — хлебный квас. Серебряные кувшины делались из старых галунов, нашивавшихся на погоны и на мундиры в виде катушек на рукавах и на воротниках. Для питья служили кружки фаянсовые без ручек с гербом училища. Посуда была тоже фаянсовая белая с гербом корпуса черного цвета на каждой тарелке. Блюда подавались на каждые два стола дневальными — вольнонаемными вестовыми. Во время обеда по понедельникам и четвергам на хорах играл корпусной духовой оркестр музыкантов под управлением капельмейстера Леонова. На каждом полустолье заранее клались отпечатанные на гектографе программы. В эти дни мы входили в зал под марш и также выходили строем. За каждым столом сидело по 14 человек, причем на председательском месте со стороны окон обязательно сидели унтер-офицеры. Стол делился на полустолья, и на каждое из них блюда и миски подавались отдельно. Столовые ложки были серебряные. Каждому полагалась полотняная салфетка, подававшаяся в заномерованном кольце, и каждый брал салфетку под своим номером.

Обед заканчивался в 17 ч. 35 м., и после этого нам предоставлялось свободное время. Можно было ходить в лавочку, помещавшуюся в подвале на углу набережной и 12 линии. Для нас имелся ход со двора. Лавочка эта содержалась Морским потребителем обществом, и в ней покупали сласти и папиросы.

Забыл отметить, что изредка во время обеда оркестр играл какую-то пустую вещь «Сиамский парад», и вдруг установилась традиция ей подпевать; сначала подпевали немногие, а затем почему-то стали петь почти все. Это явно не нравилось начальству, и это же подзадоривало. В итоге «Сиамский парад» был совсем изъят из программ⁵.

С 19 ч. до 21 ч. мы обязаны были сидеть на местах у своих конторок. Время отводилось для самостоятельных занятий. Мы не имели права схо-

дить со своих мест и громко разговаривать. Для поддержания порядка с нами же сидели наши унтер-офицеры, но они часто уходили в свою роту к своим товарищам. Но и без них порядок поддерживался, т. к. если становилось шумно, сразу же приходил дежурный офицер.

Ротные помещения представляли собой залы; вдоль окон и стен стояли конторки и под ними табуреты. Конторки представляли собой столы березового дерева, с неширокой верхней горизонтальной доской и тремя ящиками, разделенными переборками. Каждый ящик закрывался крышкой, верхняя плоскость которой была наклонной и служила столом. Запоров у крышек не было. Конторки распределялись по классам, причем кадеты и гардемарины получали свое место по алфавиту фамилий. Первая конторка каждого класса представлялась унтер-офицеру. В конторках хранились книги и тетради, и обычно в шкатулке на ключе хранились личные вещи и письма. Обратная сторона крышек покрывалась цветной бумагой по вкусу хозяина, бумажкой с фамилией владельца и украшалась открытками, фотографиями и т. п.

Во время самостоятельных занятий разговор можно было вести между тремя-четырьмя человеками, ближайшими соседями. Первый час обычно проходил тише, чем второй. В зависимости от объема заданий иногда последние полчаса уже никто ничего не делал и тогда уже разговор велся между всеми, но тихий.

В 21 ч. 15 м. нас отводили в Столовый зал на вечерний чай. К чаю давали своего печения белую, круглую, в виде розанчика, булку и по ломтю чайной колбасы или по холодной котлете (их называли «покойники»).

Перед обедом общим хором пели молитву и также после обеда. Никто не крестился.

В 21 ч. 35 м. роты строем выводились в ротные помещения; там перед строем читались касавшиеся роты приказы по корпусу, объявлялось о взысканиях, объявлялся состав наряда на следующий день и т. п. По пятницам, обычно вечером, командир роты Корнилов подводил итоги по учебе и дисциплине и объявлял, кто на сколько очередей остается без увольнения. В гардемаринских ротах в это же время бывала переключка, и каждый взводный унтер-офицер громко докладывал фельдфебелю о количестве больных, арестованных и т. п. Если присутствовал кто-нибудь из офицеров, то после унтер-офицеров фельдфебель докладывал офицеру общий итог отсутствующих во всей роте. После этого нас поворачивали лицом к ротному образу, и мы пели положенные молитвы, а в последние годы моего обучения после молитвы нас поворачивали в прежнее положение, и мы пели национальный гимн. Это делалось, вероятно, в противовес революционным настроениям за стенами училища. Такой метод, конечно, наивен, но нас так мало интересовала политика, что никто об этом не говорил и не обсуждал целесообразность пения гимна. Выполняли совершенно машинально.

После справки можно было ложиться спать или заниматься чем пожелаешь. Кадеты обязаны были быть в койках в 22 ч. 30 м., а гардемарины в 23 ч. 30 м. Перед сном все мылись в умывальнике и чистили зубы теплой водой. Полотенца висели на стойках кроватей над головой. На тех же стойках были вывешены жестяные овальные доски, на которых на зеленом фоне были краской написаны фамилии владельцев кроватей. В ногах каждой кровати стояла табуретка, на которой укладывалась одежда, а дневная рубашка вешалась на спинке кровати в ногах. Ночные рубашки были более грубые, чем дневные, в серо-белую вертикальную полоску. Дневные рубашки были полотняные, и воротничок у них завязывался тесемкой.

Одежду нам чистили по утрам до пробудки дневальные, которым мы платили из своих денег рубля по три в месяц. Они же чистили пуговицы на шинелях и мундирах и бляхи на портупях. Шинели, мундиры, мундирные брюки, палаши, фуражки и высокие сапоги для прогулок хранились в рундучном помещении, где стояли длинные серые шкапы и у каждого было свое узкое отделение с дверцей. Винтовки стояли в пирамидах; чистили их мы редко, это более капитально делали стрелки-матросы. Вообще, к винтовкам относились без уважения (оружие не для моряков). После революции по отношению к винтовкам был культ, т. к. в Училище Фрунзе большое влияние имели командиры из армейцев: Благовещенский, Сорокин⁶ и т. п. и жили опытом гражданской войны.

Построение роты производилось по росту. В младших ротах я оказывался в первых рядах 3-го взвода из 4-х взводов, а в старших подрос и попадал в середину 2-го отделения 2-го взвода. Спали мы по росту, т. е. по взводам. Также и распределение по столам для принятия пищи бывало по росту, т. е. по взводам и отделениям.

Весь мой класс был сформирован из новичков, поступивших в средний общий класс, так что мы влились в коллектив, проучившийся до нас в корпусе уже один год. Наши конторки занимали малый зал, а потому мы сформировались и держались отдельно от остальной роты. 5-я рота помещалась в первом этаже в помещениях, выходящих на угол 11-й линии и набережной. Из 24 кадетов моего 26-го класса четверо перешли из армейских кадетских корпусов: Ганенфельд из Александровского в Петербурге, Мазуров из 2-го в Петербурге, А. Кравков⁷ из Ярославского и Соловкин из одного из московских. Остальные поступили из гражданских гимназий и реальных училищ. После того как класс осмотрелся и привык к новым условиям, в нем образовалась группа шалопаев: Сафонов, Ахрамович, Машковцев, которые непрерывно устраивали для своего удовольствия мелкие нарушения порядка, причем сами не сознавались, а перекладывали вину на весь класс. Хотя нам, остальным, никакого профита от их проделок не было, мы их не выдавали, а потому несколько раз весь наш класс лишался увольнения. Тем не менее, начальству стало ясным, что все это проделывает названная мною группа, потому что именно они

чаще всего получали взыскания. Один раз Митя решил взять их на испуг и, разбирая какой-то случай, когда никто не сознался, сказал, что он знает, кто виноват, и назвал фамилии виновных совершенно правильно. Этот случай вышел боком для меня. Вся эта компания обвинила меня, что это я их выдал брату моему. Об этом я рассказал Мите, и он сказал, что уладит дело. По-видимому, он собрал их и убедил, что разгадать виновников нетрудно, а я совсем ни при чем. В общем, все уладилось, и обвинение с меня было снято. В итоге я всегда с Сафоновым был в плохих, а вернее ни в каких отношениях.

Унтер-офицерами у нас были гардемарины 2-й роты, т. е. из среднего специального класса (во всех кадетских ротах). Назывались они вице-унтер-офицерами и носили на погонах одну желтую нашивку с красными нитками по краям (как в гвардейских частях). При Мите (он тоже носил нашивки) у унтер-офицеров были белые с красной ниткой посередине — как фитиль керосиновой лампы. При Леше (он тоже носил) нашивки были желтые, как на флоте.

Вице-фельдфебелем нашей роты был Смирнов Георгий Яковлевич, вице-унтер-офицером моего класса был Саско, и вторым Павлов Владимир. Вице-унтер-офицером моего взвода был Сурандер Ахиллес Акселевич; он был финн и являлся финским стипендиатом. По-русски он говорил хорошо и был приятен в обращении. С ним я сидел за его полустольем вместе с Зерниным Николаем, Афанасьевым Павлом, Чаплиным, Назаревским Николаем и Ивановым Андреем (рыжим), моим соседом по койке.

Состав воспитанников корпуса отличался от состава гимназистов в Ревеле. Все здесь были из интеллигентных семей. Однако это совсем не были напыщенные дворяне, как их представляют себе в настоящее время. Для поступления в корпус требовалось, чтобы отец имел высшее образование. Такое требование являлось уступкой после Цусимы и 1905 г. Уже не требовалось быть потомственным дворянином. Так как все оканчивающие высшие учебные заведения поступали на государственную службу, то они делались личными дворянами. Таким образом, в мое время Морской корпус уже не был привилегированным учебным заведением в той мере, как это оставалось в те же времена для Лицея, Училища правоведения и Пажеского корпуса. Одним словом, большинство моих товарищей в корпусе были сыновьями гражданских чиновников. Большинство из них, как и я, не могли свободно говорить по-французски или по-английски. По прежним понятиям это имело значение.

Однако кое-что в поведении новой для меня, не прибалтийской, а чисто русской молодежи, поразило и удивило — манера обиходного разговора: извозчичий язык и матерщина. Такая манера была отнюдь не у всех, лишь у незначительного меньшинства, тем не менее, это явление бросалось в глаза и очень мне не нравилось. Из моего класса наиболее распушенными были молодые люди, готовившиеся в корпус в пансионе Анце-

ва. Анцев был морским офицером и до отставки служил в Морском корпусе, а затем занимался подготовкой молодых людей в корпус, причем всем распорядком в этом пансионе занималась его жена, которая, по-видимому, ведя воспитательную работу и поддерживая порядок в пансионе, не стеснялась в выражениях. Ее лексикон попадал на благоприятную почву.

В одной роте со мной оказался Лёлик Вильгельмс (Алексей) — сын командира Ревельского полуэкипажа; он был моих лет, но в Ревеле учился в Реальном училище; мы изредка бывали в гостях друг у друга. Его брат Петр учился в корпусе вместе с Лешей. Лёлик в корпусе показал себя наивным и смешноватым, а потому над ним всегда посмеивались. Он отстал от нашего выпуска на год после 3-й роты, т. к. был оставлен на второй год.

Особенно памятным остался у меня день 6 ноября 1909 г. — день первого для меня корпусного праздника. Необходимо отметить, что летом 1908 г. директор корпуса, при котором кончил корпус Леша, вице-адмирал Воеводский был назначен товарищем морского министра, а затем в 1909 г. он же сменил морского министра адмирала Дикова. Вместо Воеводского директором Морского корпуса был назначен капитан 1 ранга Александр Иванович Русин, произведенный в 1909 г. в контр-адмиралы. Русин стал вводить новшества и поднимать дисциплину в корпусе. В частности, например, с 1909 г., когда я поступил, он ввел, чтобы гардемарины и кадеты обращались к офицерам «Ваше высокоблагородие» (обращения «Ваше благородие» во флоте не было) вместо практиковавшегося с незапамятных времен в корпусе обращения «Господин лейтенант» и т. п. Кстати, порядок обращения, введенный Русиним по титулу, продержался только один год, после чего был установлен прежний порядок: «Господин мичман» и т. п.

Накануне корпусного праздника занятия заканчивались в 12 ч. и после этого разрешалось увольнение в город до следующего дня 9 ч. утра. В тот же день утром совершалась заупокойная обедня и панихида по убитым, погибшим и умершим воспитанникам корпуса. В церковь направлялись по 2 представителя от каждого класса и по одному офицеру от каждой роты.

В день праздника после обедни, на которую в церковь выводилась в полном составе 4-я рота, весь состав корпуса выводился на парад в Столовый зал в мундирах с винтовками. В 1909 г. парадом командовал начальник строевого отдела корпуса полковник по адмиралтейству А.А. Есаулов, а принимал его морской министр Воеводский. На параде присутствовало много старых адмиралов и старых бывших преподавателей. Перед парадом в Столовом зале служили молебен, во время которого мы стояли в строю в положении «на молитву». Кроме о. Удимова в этот день молебен служил бывший корпусной священник старик Белявский («коза»)⁸. Парад прошел нормально, как обычно. После прохождения церемониальным маршем мы возвращались в роты, ставили винтовки в пирамиды,

и почти сразу нас отводили снова в Столовый зал на торжественный обед. На хорах сидели корпусные дамы, которых туда пускали по билетам. Оркестр музыки располагался под хорами. Столы гардемарин и кадетов несколько придвигались к хорам, а около модели брига «Наварин», стоявшей в Столовом зале, накрывались столы для начальства. У каждого прибора клалось отпечатанное в типографии меню, на обороте которого помещалась программа и музыки во время обеда. По традиции меню ежегодно бывало одинаковое: 1) бульон с кулебякой, 2) пожарские котлеты с горошком, 3) гусь с яблоками, 4) мороженое и затем кофе и конфеты. Каждому присутствующему полагалась сделанная в форме погона коробка шоколадных конфет; крышка коробки изображала гардемаринский погон. Подавалось и вино (не водка), которое мы пили из рюмок. Во время обеда провозглашались тосты, причем наиболее горячо был принят тост за морского министра, а следующий тост, провозглашенный министром за директора корпуса, вызвал скандал. Со столов старших рот послышался довольно дружный свист, и вдруг лавина гардемарин сорвалась со своих мест и побежала к столам начальства. Мы, младшие, сидевшие ближе к начальству, вскочили на скамьи, на которых сидели, чтобы видеть, что такое происходит, и я прекрасно помню, что увидел взлетающую вверх фигуру человека в красной орденской ленте — это качали морского министра. В это время раздавались крики «ура» и в то же время и свист, а также звон разбиваемой посуды. У меня было впечатление, что происходит бунт! Покачав министра, вся толпа возвратилась на свои места. Все это произошло в самом конце обеда, поэтому начальство поднялось, и нас развели по ротам, как обычно. Скандал этот не прошел даром и закончился репрессиями. Фельдфебель 1-й роты Михайлов Георгий Николаевич («Джонни») был разжалован и отчислен из училища в юнкера флота. Фельдфебель 3-й роты Тирбах — разжалован. Кроме них еще было разжаловано несколько унтер-офицеров, пострадали и рядовые гардемарины. Кроме того, в последующие годы в этот день больше никогда не проносился тост за директора корпуса, персонально. Поднимался тост за директора корпуса и всех начальствующих лиц — воспитателей и преподавателей.

Случай этот был демонстрацией против директора корпуса Русина со стороны старших рот, обучавшихся при Воеводском.

Г.Н. Михайлов, будучи юнкером флота, не отстал от своего выпуска и сдал выпускные экзамены весной 1910 г. В 1916 г. я встречался с ним на «Полтаве», когда бывал там у Леши; он был там одним из артиллеристов; он был первым мужем Ольги Ильиничны Селитренниковой.

Вторым особенным событием в конце 1909 г. было участие корпуса в похоронах великого князя Михаила Николаевича, умершего где-то на юге Франции или в Италии⁹. Он был сыном Николая I и старшим из живших в то время Романовых. Случилось это в декабре. Для перевозки его гроба

в Россию был назначен находившийся в Средиземном море в составе гардемаринского отряда крейсер «Богатырь». Для доставки гроба в Севастополь было получено разрешение «Богатырю» войти в Черное море через Дарданеллы и Босфор, через которые наши военные суда не имели права проходить. В Петербург его привезли числа 22 декабря, и нас всех задержали в корпусе, хотя уже начались рождественские каникулы. Батальон гардемаринов был поставлен в числе войск, выставленных шпалерами по сторонам улиц, где должна была идти процессия, где-то на Невском. Наш же батальон кадетов был поставлен на Садовой улице против Инженерного замка со стороны Михайловского сада. Из корпуса нас вели строем, и с Дворцовой набережной мы свернули на Мойку по Мошкову переулку (с тех пор я и узнал о существовании Мошкова переулка); очевидно, что мы в тот день прошли мимо дома № 15 по Мойке, в котором мы теперь живем с 1925 г. Погода была неприятная: оттепель, шел мокрый снег. Мы ждали процессию часа два. Когда кортеж приблизился, мы взяли винтовки «на караул». Перед катафалком шло много придворных чинов, затем певчие, духовенство, катафалк, по бокам которого шли пажы в белых брюках со свечами (вероятно, потухшими), первым за катафалком шел царь в форме конных егерей, за ним большая толпа военных (среди них я никого не узнал), затем ехали придворные кареты с царицей и великими княгинями (их не было видно) и, наконец, военный эскорт — лейб-гвардии Конно-гренадерский полк в касках, черных, с каким-то мехом сверху, и с висящим с них сзади красным суконным треугольником. Процессию замыкала конная артиллерия. Процессия с вокзала прошла по Невскому, Садовой, через Марсово поле в Петропавловский собор в крепости, где и состоялись похороны. После прохода процессии нас отвели в корпус и распустили на каникулы, так что я в тот же вечер уехал в Ревель. Было досадно, что из-за этого случая мы потеряли два дня отпуска.

В общих (общеобразовательных) классах и в младшем специальном классе обучение велось по урочной системе, т. е. на каждом занятии производился опрос по проходимому материалу, а в среднем и старшем специальных классах была лекционная система с обязательными репетициями в вечернее время. Репетиции представляли собой детальный опрос по пройденной части курса. Для этого каждый класс разделялся пополам, и преподаватели успевали пропускать за 2,5 часа 12–13 гардемаринов. Репетиции проводились по заранее объявленному расписанию по вторникам и пятницам с 18 ч. 30 м. до 21 ч.

В каждом классе мы по строгой очереди дежурили. Дежурный встречал преподавателя рапортом и подавал ему рапортчку со списком отсутствующих. После подписи преподавателя рапортчка немедленно вывешивалась в коридоре на гвоздике у дверей класса. Каждый час сотрудник учебного отдела обходил все классы и собирал эти рапортчики. Классных журналов не было. Имелась папка для еженедельной ведомо-

сти с типографски отпечатанным списком класса по алфавиту. В этой ведомости проставлялись баллы и преподаватели записывали, что проходило. Эти ведомости по четвергам заменялись новыми; по пятницам они обрабатывались в учебном отделе и передавались ротным командирам, которые решали, на сколько очередей лишать увольнения получивших неудовлетворительные баллы. Свое решение ротные командиры объявляли по пятницам на вечерней справке.

В первом полугодии в 5-й роте я имел: по истории — 7, по алгебре и геометрии — по 8, по физике и русскому языку — по 9, по географии, естественной истории, техническому черчению и французскому языку — по 11 и по английскому языку и закону Божию — по 12. Учебный год заканчивался 30 апреля экзаменами. В среднем общем классе был только один экзамен по географии. Этот курс сводился к изучению морских портов во всех государствах. Экзамен проводился в двух классах 28-го, а в двух остальных — 29 апреля. Годовые баллы у меня были следующие: геометрия — 8, алгебра и история — по 9, физика и русский язык — по 10, естественная история и английский язык — по 11, по техническому черчению, географии, французскому языку и закону Божию — по 12, средний балл оказался 10,55.

С 30 апреля по 7 мая были каникулы перед плаванием. Вероятно, я провел отпуск в Ревеле. В течение же года я имел право увольняться к Марии Николаевне Федоровой. Чтобы получать увольнение с ночевкой вне корпуса, если родители не жили в Петербурге, надо было от них иметь просьбу, куда именно они согласны, чтобы их сын увольнялся с ночевкой. Т.к. первую зиму моего пребывания в корпусе Мама оставалась в Ревеле, Мария Николаевна любезно предложила меня брать к себе. Они с Федором Ивановичем — командиром 4-й роты корпуса, в том году жили в третьем этаже главного здания корпуса. Окна их квартиры выходили на Неву, а квартира была из пяти комнат. Я всегда сперва по субботам приходил к ним и, вероятно, ночевал у них, хотя и не помню, в какой именно комнате. Почти сразу же я уходил к Сереже¹⁰, который последний год учился в университете. Сережа нанимал комнату на 10 линии в д. № 39 в кв. 51. После, когда Митя прикомандировался к корпусу, он нанял в той же квартире другую комнату. Кстати, после перехода в корпус Митя сделал визиты многим офицерам и в то же время директору корпуса; в ближайшие дни сам Русин приходил с ответным визитом к Мите, но, не застав его дома, оставил свою визитную карточку. Все-таки это красиво!

Обычно мы с Сережей и Митей ходили в этот день в Исаакиевский собор ко всенощной, если не шли в какой-нибудь театр. По воскресеньям утром почти всегда мы бывали в Исаакиевском соборе на архиерейской службе. Стояли мы на южном клиросе. Там был прекрасный хор певчих, которые то соединялись, то расходились по своим клиросам. Певчие были в синих контушах. Служба поражала своей красотой. После запричаст-

ного стиха мы обычно уходили и ехали в Смольный к тете Оле, где для нас бывала готова ветчина с чудными свежими калачами, чудный чай из фигурных старинных стаканов и разные сласти. Там мы оставались часов до 4-х и затем на трамваях возвращались на 10-ю линию, где хозяйка отпускала обеды. Вечерний чай мы пили с бутербродами с ветчиной или соляной или ели холодный, покупной из колбасной, ростбиф с французской горчицей. Всегда бывало много сладкого: тянучки, пастила, мармелад, малиновые лепешки, засахаренные орехи, обсахаренный мак, рахат-лукум и также шоколадные конфеты от Крафта¹¹. Бывал и просто шоколад-лом Жоржа Бормана¹².

Увольнение кадет разрешалось до 10 часов вечера. Сразу же по возвращении в корпус мы ложились спать. При этом случалось, что я так наедался сладкого, что у меня делалось расстройство желудка, однако по этому поводу я никогда не обращался в лазарет.

Прием в лазарет бывал два раза в день: утром после утреннего чая и вечером после обеда. Желаящие показаться врачу записывались в лазаретную книгу и отводились строем на амбулаторный прием. Принимали по очереди два врача: Эбербах Оскар Карлович и Ливеровский Алексей Васильевич. Первый был маленького роста, быстрый и не очень симпатичный; второй был очень приятный и спокойный. Жуликоватые натуры иногда симулировали, чтобы уклониться от какой-нибудь письменной работы или от батальонной прогулки. Для этого они умели увеличить показание термометра настолько, чтобы это казалось правдоподобным, и они почти наверняка попадали на несколько дней в лазарет. Я по пустякам в лазарете не лежал.

Да. В начале февраля 1910 г. без всякого предупреждения в корпус приезжал царь Николай II. Он был в форме императорского стрелка, любимой им особенно. Это был русский сюртук или зипун, без воротника, из синего сукна, из-под которого была видна шелковая русская верхняя рубашка малинового цвета. Сразу же он начал обход классов. Мой класс был первым в классном коридоре. Он вошел, и дежурный кадет ему отпортовал, затем он с нами поздоровался, спросил у преподавателя (не помню, кто тогда у нас был), что мы проходим, и вышел. Так он обошел все классы в сопровождении директора корпуса и инспектора классов. Он приехал совсем один, без всякой свиты. По всему коридору было слышно, как последовательно ему отвечают на приветствие один за другим классы. Когда царь прошел в лазарет, находившийся в конце классного коридора, нас послали в роты, откуда с винтовками, не переодевая нас в мундиры, в повседневных голландках с лоснящимися локтями, строем отвели в Столовый зал и построили во взводных колоннах. Вскоре в зал вошел царь со стороны 6-й роты, помещавшейся в отдельной пристройке к Столовому залу в сторону Большого проспекта. Он обошел строй рот, и мы прошли церемониальным маршем и вернулись в роты. Сразу же пос-

ле этого царь уехал, а нас распустили на три дня. Событие это было в одну из сред. Мне понравилось, что нас не переодели, а мы остались в том виде, в котором ходили обычно в корпусе.

Первое мое учебное плавание проходило на учебном судне «Верный»¹³, а последний (третий) месяц — на учебной шхуне «Забава». Наш выпуск был первым, не проходившим парусную практику; нас не посылали на реи, и мы на «Верном» не ставили паруса. Командиром «Верного» был капитан 2 ранга Галанин, старшим офицером Иванов Владимир Давидович, старший лейтенант из состава корпусных офицеров — не особенно приятный и грубый (вскоре он перешел в Петербургскую речную полицию и был переведен по адмиралтейству); ревизором — Сеницын Валериан Николаевич, он был лейтенантом и вскоре перешел штатным отделенным начальником в корпус. С ним я встретился в 1921 г. в тюрьме во Владимире на Клязьме, где он и умер от сыпного тифа. Штурманом был мичман Попандопуло — ограниченный человек, бравировавший умением ругаться, что было чрезвычайно невоспитательно; затем были молодые мичмана Шидловский Вадим Всеволодович и Шильдер-Шульднер — оба только что произведенные в мичманы. Корпусными офицерами были: старший лейтенант Анцев Михаил Рейнгольдович, его невзлюбили кадеты, и затем лейтенант Гернет Владимир Викторович.

9 мая утром весь состав гардемарин и кадет на портовых кронштадтских буксирах был отправлен в Кронштадт. Вещи наши были сложены в простых мешках, называвшихся кисами. Нас высадили в Средней гавани на «Верный». Сразу же нам дали судовые номера и поселили в жилой палубе. Я попал в четвертое отделение. «Верный» был однотрубным, трехмачтовым судном с 6-ю мелкими пушками, с барбетами, постройки 1895 г.

В первые же дни нас погнали в порт принимать шестерки, находившиеся в магазинах около Пароходного завода. Погрузив шестерку на вагонетку, мое отделение повезло ее к судну по рельсам мимо Александровского, затем Константиновского и строившихся в то время для дредноутов (еще был тогда только котлован) доков, и в это время каким-то образом случилось, что через мою левую ногу — через концы пальцев — попала и проехала вагонетка с шестеркой, которую мы толкали. Я не смог идти сам и меня отвели под руки на судно. Положили в лазарет, и мне пришлось там лежать около недели. Перед этим случаем нас водили на вступающий в то время в строй линейный корабль «Андрей Первозванный». Его строили больше пяти лет. Он был совсем без иллюминаторов, весь забронированный, с мачтами американского типа — в виде ажурных башен (в июле 1914 г. на моих глазах во время мобилизации на «Андрее Первозванном» и однотипном с ним «Павле I» эти высоченные башни были срезаны автогенем наполовину)¹⁴. Моей группе корабль показывал механик (возможно, что это был Константин Александрович Стриж¹⁵), поэтому он более обстоятельно показывал машины, а нас больше инте-

ресовали башни и штурманская часть. Корабль казался очень интересным и наиболее современным, хотя этот корабль и «Павел I» оба были неудачны, тем более что в процессе постройки их неоднократно переделывали с целью улучшения; все равно они были тихоходны и отвечали требованиям времен войны с Японией.

Вероятно, из-за ремонта механизмов «Верный» задержался в Кронштадте до моего выздоровления. По выходе из гавани мы сразу пошли в Котку. Вся палуба была заставлена шестерками для нашего обучения. Руководителем моего отделения оказался мичман Шидловский.

Почти весь первый месяц «Верный» простоял в Котке. Ежедневно производились учебные тревоги, и много времени отводилось на шлюпочные учения. Утром сразу после подъема флага день начинался пробегом под веслами. В первые дни нас послали за шестерками, вероятно, к описной барже, стоявшей у о-ва Наблюдений. Когда мы вернулись к кораблю и высадили Шидловского по левому трапу, нас послали на левый выстрел; шлюпку поставили на шкентель, по которому нам предстояло вылезти на корабль. Я не был гимнастом, и, помню, мне было очень трудно перебраться со шкентеля на выстрел. Тем не менее, это удалось, и я сперва сел верхом на выстрел. Дальше надо было встать на выстрел и, держась за леер, пойти по нему к борту корабля. Это было тоже трудно, тем более что я не умел плавать, и мне было страшно, если я упаду в воду. Некоторое время я просидел верхом на выстреле, не решаясь пытаться встать, но на меня смотрели, и я должен был на это решиться и, в общем, с первой попытки мне это удалось, и я попал на корабль. (Выстрел — горизонтальное бревно, укрепленное одним концом к борту судна, с которого свешивались веревочные трапы и канаты с укрепленными на них утолщениями — узлами, к которым привязывалась шлюпки; благодаря этому шлюпки не бились друг о друга на волнении и о борт судна). Интересно, что хотя я, да и многие другие кадеты вели себя на выстреле не лучше меня, никто ни над кем не смеялся, хотя все наблюдали за этой картиной. На второй раз вылезать из шлюпки по выстрелу мне уже показалось легче, а затем я быстро привык и перестал бояться и садиться в шлюпки по выстрелу, и вылезать из них по выстрелу. Много ходили мы на шлюпках под парусами, причем я обычно как баковый гребец выполнял обязанности впередсмотрящего.

Коткинский рейд расположен между островами и представлял собой озеро. Поэтому там не бывало сильной волны, и я никогда там не укачивался.

При несении вахт чаще всего мы исполняли обязанности гребцов вахтенной шлюпки, которая в определенные часы ходила в город. Это было не очень приятно, т. к. приходилось долго грести.

Вскоре после прихода в Котку нас заставили ежедневно перед подъемом флага лазать через фор-салинг. Анцев вызывал нас по фамилиям, и мы по четыре человека по вантам правого борта должны были поднимать-

ся на марс, а затем по стень-вантам подниматься на фор-салинг, переходить на левый борт и спускаться по вантам на палубу. В первый раз это упражнение тоже казалось довольно страшным, но потом я привык. Были среди нас экземпляры, которые из озорства поднимались только до фор-марса, там выжидали некоторое время и затем спускались на палубу.

После обеда принято было спать (примерно с 12 ч. 30 м. до 13 ч. 30 м.). Однако, особенно в жаркие дни, дневной сон так размаривал, что я после такого сна долго не приходил в себя. То же бывало и со многими другими кадетами. Поэтому я избегал засыпать днем и обычно во время отдыха писал или выполнял задания, писал письма и т. п. Чтобы приводить нас в норму, сразу после отдыха кадет вызывали на полуют, и мы там минут 15 делали вольные упражнения, а затем сразу же били пожарную или водяную тревогу. Бывали частые тренировки в переговорах по семафору и в вечерние часы по азбуке Морзе фонарями Ратьера. По азбуке Морзе дело было неважно, и мы плохо умели читать до конца обучения в корпусе.

Каждую неделю нам давали новое заведывание помещениями. Это означало, что мы должны были в каждом заведывании изучить все, что в них имеется, и особенно трубопроводы и клапана разных систем затопления, орошения погребов и т. п., причем каждое помещение мы обязаны были вычертить в клетчатой тетради в произвольном масштабе с указанием, где и что в них находится. В тех же тетрадях мы должны были изобразить флаги и значения однофлажных сигналов — эволюционных.

Шидловский был лодырем и мало интересовался нашим обучением, поэтому он не замечал, что на моей шестерке всегда на руле под парусами сидит один Зернин. Только в конце, в июле он стал пропускать через обязанности рулевого остальных по очереди. Оказалось, что мы ничего не понимаем, но все-таки после некоторой практики стали разбираться. Но если бы очередность была с самого начала, то результаты пользования парусами были к концу практики много лучше.

«Верный» совершил с нами несколько походов. Мы побывали в Гунгербурге, входили в реку Нарову, затем в Ревеле, в Балтийском порту, в Гельсингфорсе. В Ревеле мы стояли на рейде. Там я узнал, что Ревельский рейд довольно бурный. Мне несколько раз приходилось ходить на шестерке гребцом на очередной шлюпке по расписанию в гавань и после 16 ч. всегда бывало трудно возвращаться к кораблю из-за поднимавшегося волнения. Гельсингфорс казался заграничным городом.

В Котке по воскресеньям нас отпускали — очередное отделение в город. Там делать было нечего. Город небольшой, на улицах очень немногочисленно. Интереснее бывало на одном из островов, который у нас назывался прачечным, т. к. на нем располагалась походная корпусная прачечная для стирки нашего белья. Туда нас пускали даже в будни по вечерам. Мы туда с удовольствием ходили и собирали чернику. Один раз я настолько наелся черники, что заболел животом и дня два пролежал в судовом лаза-

рете, причем врач просто сказал, что я обожрался ягодами. Во время пребывания на острове многие купались.

10 июля 1910 г. мы перешли на парусную шхуну «Забава» — 2 класса.

Плавание на шхунах было введено после Цусимы при морском министре Бирилеве в 1906 г. Это были двухмачтовые деревянные финские шхуны с косым парусным вооружением. Команды на них было человека 3—4, и потому мы выполняли на них полностью обязанности матросов, начиная с драенья палубы при утренних приборках (на остальных судах мы этого не выполняли; только сами мыли шлюпки). Моей заведомой частью на «Забаве» был нактоуз компаса, и я дольше всех всегда чистил медный колпак. При постановке парусов я попал на фор-стенъ-стаксель.

Командиром «Забавы» был наш ротный командир Н.А. Корнилов. На «Забаве» наша смена совершила переход из Котки в Лапвик по финским шхерам. Во время похода была хорошая погода, но несколько дней было штилевых, и был день, когда мы на шестерках на веслах буксировали «Забаву», и все здорово устали. Мы долго лавировали около Каунисаари, прошли, не заходя, мимо Ловизы, долго проходили Малыми Пеленгами, где именно мы и буксировали шхуну, заходили в Гельсингфорс. В Гельсингфорсе нас увольняли на берег. Далее мы прошли мимо Поркаллауда и через Барезунд подошли к Тверминэ, а оттуда на рейд Лапвик. В некоторых местах мы шли под проводкой лоцмана. После Гельсингфорса погода стала хуже, и были дни, когда шхуну качало, причем я не мог себя пересилить и не выходил наверх при вызовах «все наверх». Поэтому здесь меня расшифровали, что я укачиваюсь, и это отметили в характеристике.

В Лапвике собрался весь отряд судов Морского корпуса; броненосный крейсер «Россия» под флагом директора корпуса Русина, крейсера: «Олег» и «Аврора», учебные суда: «Рында», «Верный», «Воин», канонерские лодки: «Храбрый» и «Грозный» и шхуны: «Забава» и «Моряк». Такой сбор был традиционным для проведения гребных и парусных гонок. До этого года гонки обычно проводились в Балтийском порту. В Лапвике их в том году проводили впервые. Видимо, вызвано это было тем, что в прошлом году на рейде в Балтийском порту во время парусных гонок так засвежело, что после того как одна из шлюпок перевернулась, пришлось прервать гонки и собирать шлюпки и доставлять их на свои корабли на буксире паровых катеров. При этом один из гардемарин (Афанасьев) утонул. Кстати, в те же дни на одном из кораблей застрелился гардемарин князь Трубецкой, причем на его похоронах выяснилось, что он был женат (что запрещалось). Вероятно, у Русина из-за этого осталось неприятное впечатление о Балтийском порте.

Участвовал ли я в гребных гонках, хотя бы во время пребывания на «Забаве», я не помню.

3-го августа нас вернули на «Верный», но где произошла смена, не помню. В течение последних дней плавания мы сдавали экзамены за практи-

ку. Я получил: по морскому делу — 4, по сигналопроизводству — 5, по шлюпке — 5 и по такелажным работам — 4.

8 августа мы возвратились в Кронштадт и на портовых буксирах нас доставили в корпус. В тот же день нас уволили в отпуск, и я на месяц поехал в Ревель. Это было последнее лето в Ревеле.

В июле 1910 г. истекало 10 лет после смерти Ольги Александровны Маневской. Так как она не оставила завещания, то дом, в котором мы жили, принадлежавший ей после ее мужа, по эстляндским законам считался вымороченным и через 10 лет переходил в собственность городу. На основании этого закона город объявил торги на этот дом, и в августе состоялся аукцион, причем дом этот за 21 тысячу рублей был куплен капитаном ледокола «Город Ревель», неким Атеманом. Таким образом волей-неволей нам предстояло освобождать квартиру, а потому было решено, что мы уедем из Ревеля.

В предвидении переезда муж нашей двоюродной сестры Мани Костя Федоров обратился к заведующему аэрологическим отделением Константиновской Магнитно-метеорологической обсерватории в Павловске Василию Васильевичу Кузнецову с просьбой устроить на работу в обсерватории Сережу. В.В. Кузнецов в конце июля принял Сережу к себе сотрудником в змейковое отделение на оклад 60 рублей в месяц. В течение августа Сережа стал подыскивать для нас квартиру в Павловске и выбрал квартиру в д. № 15 по 2-й Матросской улице во втором этаже, в пять комнат.

Таким образом, мое пребывание в Ревеле в отпуске совпало с ликвидацией нашего ревельского хозяйства. Было решено часть мебели продать: трюмо, оттоманку, кровати родителей, фисгармонию, большой ковер туркестанский; часть вещей подарили, как, например, чудное вольтеровское кресло подарили Прасковье Тимофеевне Худяковой — старушке; часть вещей оставили нашей старой прислуге Лене Вахтер, прослужившей у нас 20 лет и нянчившей в свое время Лешу; наконец, часть вещей и мелочей просто бросили, например, ящик старинный с укрепленным в нем специальным ножом и топором на шарнире для колки голов сахара, затем музыкальный ящик в виде медного барабана с укрепленными на нем мелкими стальными короткими иголками, которые при вращении барабана задевали за зубцы металлической гребенки и заставляли эти зубцы колебаться и издавать звук; получалась очень мелодичная, нежная музыка. Ящик был длиной около 70 см и был очень тяжелый, я нашел его в хламе на чердаке, вычистил от пыли, смазал и заставил играть. Верхней крышки у него не было; она была отломана. Однако этот ящик обычно вскоре исчезал, очевидно, по маминым указаниям, но через несколько времени я снова находил его на чердаке, чистил и снова налаживал. Так бывало несколько раз.

Для упаковки вещей, которые мы решили взять с собой в Павловск, были наняты «Красные шапки» — артель носильщиков и посыльных, вы-

полнявших различные поручения и во время работы носивших красные фуражки. Эта артель великолепно упаковала в рогожу мебель и в ящики посуду, книги и все прочее и доставила и погрузила в отдельный вагон на товарной станции. Вагон был отправлен малой скоростью, но уже через двое суток около 10 сентября прибыл на станцию Павловск II. Оттуда его привезли на Матросскую улицу примерно на 6-ти возах, что, кстати, в Павловске, где в близлежащих домах постоянно жили люди не особенно состоятельные, произвело на них некоторое впечатление.

В период переезда Митя отсутствовал и находился на крейсере «Олег», где ему предложили остаться младшим штурманом, т. к. в то время в Гвардейском экипаже не хватало штурманов, а Митя уже в 1910 г. стал штурманом I разряда. Леша продолжал быть ревизором на «Александр II» и еще находился в Ревеле, хотя мог попадать домой только по вечерам.

Как я провел свой отпуск, я не помню. Вероятно, много катался на велосипеде. По утрам я любил ездить к заводу «Двигатель» на Лаксберг, чтобы посмотреть, как в 9 ч. 55 м. проходит пассажирский поезд из Петербурга. Там поезд шел под гору, очень быстро и красиво, всегда с двумя паровозами темно-красного цвета. Затем я любил ездить в Екатеринентале по круговому шоссе, мимо большой дубовой рощи к домику Петра I и затем по Подгорным улицам к Зеленому лугу и домой. Почти весь этот путь можно было ехать без рук.

Вероятно, за несколько дней до окончания отпуска я поехал в Павловск, т. к. мне предстояло увезти из Ревеля нашу собаку Билли — прекрасного пойнтера, черной масти с белым треугольником сверху на шее. Я вез его в пассажирском вагоне 3-го класса. Он был очень спокоен и спал около меня. В Гатчине я его выводил на платформу, но он, будучи непривычно для него на цепочке, не сходил. В Петербурге я перевез его с Балтийского до Царскосельского вокзала на извозчике — он стоял перед сидением; в дачном поезде до Павловска — было мало народа — я посадил его на сидение, чтобы он смотрел в окно. Он внимательно смотрел, но когда мы встретились с встречным поездом, он от неожиданности упал на пол и уже не захотел больше смотреть в окно. В Павловске я его отпустил с цепочки, и он долго опорожнялся после 12-часового терпения. Там он бежал за извозчиком.

В Павловске дом, где нам предстояло жить, производил очень неприятное впечатление: стоял во дворе позади одноэтажного дома, и проходить к нему надо было мимо одноэтажного кирпичного сарая в том же дворе. Дом был бревенчатый, необшитый и некрашенный, без водопровода. Воду привозил дворник. Хорошо еще, что он же наливал воду в баки двух уборных. Квартира сама по себе была удобная, но не особенно теплая во время морозов. Имелась веранда, разделенная на две неравные части. Веранда была вся стеклянная, т. е. со сплошными окнами. На малень-

ком балконе были поставлены наши игрушечные корабли «Александр Невский» — Лешин парусник и мой «Изумруд». На большом же балконе мы летом, бывало, сидели. Мебель и вещи пришли в Павловск уже без меня, когда я был в корпусе. Так же и Мама приехала в Павловск без меня. Я туда стал ездить в увольнение по субботам и воскресеньям.

9 сентября 1910 г. я явился в корпус уже кадетом 4-й роты и начал заниматься в старшем общем классе. С этого года была реформирована нумерация классов, я оказался в 44 классе, т. е. в 4-м отделении 4-й роты. В кадетских ротах было по 4 отделения, а в гардемаринских по 6 — всего 30 классов или отделений. Командиром роты у меня остался Н.А. Корнилов, вместо барона Типольта прибыл ст. лейтенант М.Р. Анцев (его прозвали «тихоструй» за его нудность); затем остались: Н.В. Страхович, В.В. Гернет и И.И. Шанявский, а вместо П.И. Михайлова прибыл лейтенант Павел Яковлевич Лахматов. Вице-фельдфебелем был назначен Алексей Иванович Холодняк; его мать содержала женскую частную гимназию около Смоленского кладбища. Вице-унтер-офицерами моего класса стали Бугураев Хрисанф (из донских казаков) и Никольский Александр — впоследствии он участвовал в экспедиции Вилькицкого, открывшей Землю Николая II.

По части учебных занятий у нас появились новые дисциплины: тригонометрия — преподавал ее наш прошлогодний географ подполковник Н.В. Шмидт и космография — преподаватель Николай Петрович Каменщиков; мне он не нравился своей грубостью; он был гражданским частным преподавателем и ходил в черном сюртуке. Про Каменщикова рассказывали, что в первые дни после революции он появился в корпусе в красной рубаше; он оказался впоследствии коммунистом, некоторое время был директором Главной Физической обсерватории, но продержался там очень недолго и быстро вообще исчез с горизонта. Остальные преподаватели остались прежние, за исключением преподавателя истории Ральцевича, заменившего старика Фалеева. Вскоре после начала учебного года заболел преподаватель русского языка П.М. Филонов и умер. Его гроб подвезли к корпусу, и наш класс без винтовок, т. к. он был гражданским человеком, был послан проводить его до ворот Смоленского кладбища. Филонова заменил молодой Александр Петрович Колумбус — очень милый и приятный человек. Он преподавал очень живо и более свежо по сравнению с Филоновым, у которого мы все просто засыпали от его гнусавости и монотонности.

Жизнь в корпусе протекала, как всегда, по строго установившемуся порядку. Через каждые две недели мы мылись в корпусной бане. В баню водили строем; баня вмещала 50 человек. Там мы сдавали грязное белье, и каптенармус своей роты выдавал чистое. Белье было не персональное, а разделялось на 4 роста. Во время мытья обычно любители пели песни (я никогда не пел и не любил такого пения, как и сейчас). Мыло смывал

я всегда под душем и несколько раз для этого занимал очередь. Мыться было хорошо, и в бане было чисто.

Дневные рубахи нам меняли раз в неделю. Смену производили во время сна; это делал каптенармус. Ночные рубахи меняли вместе с постельным бельем в дни мытья в бане. Убирать за собой кровати по утрам мы были обязаны сами, но такого культа уборки коек, как это делалось в Училище Фрунзе, не было, т.к. на флоте на кораблях койки вязались на день и хранились в сложенном виде в сетках на верхней палубе. В Училище же Фрунзе большую роль играли, как я отмечал, армейцы, а у них в казармах это играло важную роль.

Когда я был в 5-й роте, гимнастика в корпусе была поставлена неважно. С 1910 г. на это дело было обращено внимание. Был приглашен новый руководитель, говорили, что он студент, по фамилии Марциновский. Он организовал из гардемарин и кадетов институт инструкторов. Это были любители гимнастики, и притом какого-нибудь вида ее. Поэтому преподавание, собственно, вели эти инструкторы, а мы, простые смертные, во время занятия переходя с одного снаряда на другой, обычно каждый раз делали гимнастику на 3–4 снарядях. Я по гимнастике был в одной из самых слабых групп. Меня это не интересовало, и я не придавал и не придаю теперь большого значения гимнастике. Все дело заключается в натуре каждого индивидуума, в режиме, в системе питания. Как пример я всегда привожу своего соплавателя мичмана Д.Н. Войневича. Он делал на турнике «солнце» и т. п., хорошо работая на параллельных брусьях, а когда мы с ним выходили в Гельсингфорсе в город, он не мог ходить так быстро, как я, и начинал задыхаться и просить меня идти медленнее. Несомненно, что он своей гимнастикой испортил себе сердце, а мне было 22 года, а ему 21. Все это не значит, что я противник гимнастики. Я не придаю ей первостепенного значения.

Кроме организационного улучшения в постановке гимнастики в корпусе были заменены все гимнастические снаряды и приобретены новые, и в ротных помещениях были поставлены турники и параллельные брусья, и многие в свободное время и по вечерам охотно занимались на них гимнастикой. Это было правильно и разумно. Поэтому и я в 1935 г. в Гидрографическом секторе так перепланировал помещения, что удалось создать зал и установить в нем турник и параллельные брусья.

6 ноября 1910 г. принимал парад и присутствовал на парадном обеде великий князь Константин Константинович в необычной для него морской форме адмирала¹⁶. Он был начальником военных (армейских) учебных заведений и всегда жил в Павловске. На этот раз обед прошел чинно и прилично. Вечером, как всегда и как я забыл упомянуть выше, в корпусе состоялся бал. Считалось, что балом Морского корпуса в Петербурге начинался зимний сезон балов. Думаю, что так бывало раньше, когда-то, но уже не в те годы, когда я учился в корпусе. Для бала освобождалась

часть ротных помещений, расположенных под Столовым залом, и декорировалась различными панно и макетами. В этот день бывал открыт музей училища от Конференц-зала в комнатах, расположенных по 12-й линии от набережной Невы до Столового зала. Танцы бывали в Столовом зале и еще в нескольких залах, где располагались спальни 3 роты. Для этого бывало несколько оркестров музыки; в каком-то зале играл оркестр балалаечников, кажется, Финляндского полка. Народа набиралось очень много, как говорили, до двух тысяч, и действительно, все помещения, куда можно было проходить, были полны гостей, и, потеряв кого-нибудь из тех, с кем вы шли, было очень трудно снова встретиться. Как танцевали, по сути, я ни разу не видел. Сам я танцевать никогда не любил и не стремился. Я просто слонялся среди толпы в общем потоке идущих и наблюдал. Был ли буфет с прохладительными напитками и мороженым — не помню. В общем, особого удовольствия от этих балов я не получал и ни разу никого не приглашал, так что и те два билета, которые я каждый год получал, оставались без применения.

Учение мое в этом году пошло лучше, и в первом полугодии я имел по четырем предметам 12, по трем — 11 и по пяти — 10. Однако начиная с Рождества в первом полугодии 1911 года я болел. В первый или второй день Рождества 1910 г. мы с Мамой и Сережей и, возможно, с Лешей, были у тети Оли в Смольном. После чая, калачей с ветчиной и т. п. мы ели много сладостей и орехов, и вдруг я почувствовал в животе необычную боль. Мы поехали в Павловск, и на следующий день боли в животе у меня продолжались.

Вызвали местного врача Верекундова, который выписал какие-то лекарства, и через несколько дней все прошло. Кстати, когда Верекундов пришел, он сперва именно у нас написал какое-то письмо и попросил его доставить во дворец сыну великого князя Константина Константиновича Олегу. Как поступили с этим письмом, я не помню, но смеялись мы очень, что у врача встретилась такая спешная необходимость написать письмо во время визита и осмотра больного. Больше мы его не приглашали.

После каникул я явился в корпус, и все у меня пошло нормально. Однако в пятницу на Масленице, числа 18 февраля, после блинов боли в животе повторились, но уже с очень высокой температурой и бредом. На следующий день вызвали военного врача Рейтера, который стал настаивать, чтобы меня везти в Царское Село в больницу на дровнях. Мы все недооценивали действительно острого положения и отказались от больницы. К счастью, после лекарств температура стала падать, и врач успокоился. Тем не менее, я вовремя в корпус не явился и проболел дней 10, а до экзаменов оставался только месяц. Из-за болезни я несколько отстал, особенно почему-то по физике, но все быстро подогнал. Кстати, В.М. Кутневич в физическом кабинете показывал нам интересные опыты: отражение радиоволн и распространение их. В то время это была все-таки новинка.

14 марта 1911 г. у нас начались экзамены по 12 предметам. По сути, это были экзамены на аттестат зрелости. Считая письменные по алгебре, геометрии и тригонометрии, а также по русскому языку всего за 48 дней до 30 апреля нам предстояло сдать 16 экзаменов. Мне удалось держать только письменные 4 экзамена. Вечером 17 марта после письменной тригонометрии я стал готовиться к устному экзамену по тригонометрии, и вдруг у меня снова появились боли в животе. Пришлось обратиться в лазарет. Меня сразу же приняли и положили на следующее утро в палату для труднобольных. Оказалось, что у меня воспаление слепой кишки. Несколько дней держалась очень высокая температура, но затем я стал выздоравливать, и было решено, что после того как я отоюду, т. е. наступит холодный период, мне надо сделать операцию — вырезать аппендикс.

В лазарете был прекрасный уход. Очень хорошо кормили всем необходимым диетическим: куриный бульон, вареная кура, манная каша и т. п.

Я проболел недели три. После этого меня отпустили домой. С операцией помог И.Д. Шиляев. Через знакомого морского врача, как будто Гагенторна, он обратился к профессору Роману Романовичу Вредену — директору ортопедического института, который согласился сделать мне операцию в Крестовоздвиженской общине, в больнице, находившейся на Фонтанке 165. Требовалось только оплатить больницу, а сам Вреден согласился оперировать бесплатно.

20 апреля я явился в больницу Крестовоздвиженской общины, и меня положили в палату на двоих. Меня сразу же стали готовить к операции и не помню которого числа ее сделали. Операция длилась около двух часов, что считалось очень долгим, т. к. Вреден отличался быстротой подобного рода операций. У меня оказались спайки и гной, поэтому случай оказался непростой. Операцию делали, конечно, под общим наркозом, а из-за гноя пришлось поставить тампон и неполностью зашить шов. Вместо двух недель мне пришлось оставаться в больнице почти три и еще один раз потребовалось ехать в Петербург к Вредену в Ортопедический Институт, где он убедился, что наконец можно снять и коллодийную повязку. Таким образом, только в половине мая я окончательно разделался со своей слепой кишкой.

Рота моя, как всегда, ушла в плаванье 9 мая. Попала она в том году на крейсер «Богатырь». Это был один из лучших боевых кораблей по четко организованной службе, и попал он в состав отряда Морского корпуса случайно, т. к. с осени 1910 г. «Олег» был поставлен на целый год на капитальный ремонт в Петербурге к Франко-Русскому заводу. После операции я был на некоторое время неполноценным, и меня освободили от плавания совсем. Но самое приятное было, что меня освободили от всех экзаменов, и я уже весной был переведен в младший специальный класс по годовым баллам. Тут сыграла роль моя удача, что я успел сдать письменные экзамены по математике и, вероятно, успешно.

Май я провел в Павловске, а в июне поехал в Ревель к Шульцам. Они в том году жили на даче на острове Нарген в южной деревне. Эвальд Карлович Шульц с 1904 г. командовал таможенным (более понятно — пограничной стражи) крейсером «Беркут», и на нем он доставил меня на о. Нарген.

Я закончил 4-ю роту с такими баллами: тригонометрия, физика, французский и английский языки и закон Божий — по 12, естественная история, геометрия — по 11, история, техническое черчение и русский язык — по 10, и алгебра и космография — по 9; средний балл оказался 10,83.

Анастасия Дмитриевна Шульц жила на даче с сыновьями Гаем и Киром, для которых был нанят молодой гувернер — старше их школьник Буш Морах — немец ревельский. На каких условиях он жил у них, я не знаю. У Насти, как мы ее за глаза называли, вся жизнь шла по расписанию. Вставали мы по звонку и соблюдали режим. В общем, время проводили и на воде (на шлюпке, купались), и в лесу. Мне тогда было 16 лет, Гаю — 13, Киру — исполнилось 10. Гай уже в то время собирал растения и определял их по ботаническому справочнику. Изредка на Наргене появлялся Эвальд Карлович, заходивший по пути на «Беркуте» на несколько часов. Он обычно бывал чем-то недоволен и вносил некоторый гнет на всех. Пробыл я там около месяца, и в один из приходов Эвальда Карловича, когда он оказался очень раздраженным, рассердясь на что-то весьма мелкое, я решил, что больше в такой обстановке не могу оставаться, неожиданно заявил, что мне пора уезжать домой, вмиг собрал свои пожитки и на «Беркуте» выбыл в Ревель, а оттуда по железной дороге в Павловск.

Летом у нас в Павловске ненадолго — на одну-две недели приезжала тетя Оля. Это она могла делать с разрешения настоятельницы Вдовьего дома. В тот год в Павловск из Келец приехали Маня с Костей с их детьми Таней и Лешей (который затем года через три умер от какой-то болезни). Тане шел шестой год, а Леше было года два. С ними приехала их прислуга Василиса, долго служившая у них. Они поселились в нашем же доме в одноэтажном флигеле, выходившем на улицу. В первой половине августа у Мани родилась Зоя. Я много катался на велосипеде, ездил на нем в Красное Село, затем в Саблино, и ежедневно оббегал весь парк и в Павловске, и в Царском Селе. Дороги в парках были прекрасные. Бывали мы с Сережей, да и с Мамой на знаменитой музыке. В то время дирижировал оркестром Асланов. По вторникам и пятницам бывали симфонии, по средам, четвергам и субботам более популярная, симфоническая музыка. По понедельникам бывали концерты духового оркестра одного из Гвардейских Стрелковых полков, стоявших в Царском Селе¹⁷; дирижером был Сабателли. Военный оркестр в обычные дни играл во время антрактов в саду. Концерты эти бывали в курзале при вокзале станции Павловск I, и вход на них был бесплатный. Требовалось только, чтобы дамы были в шляпах (в платочках не пускали). Часть зала была отведена для платных мест, но мы ими не пользовались.

В общем, обстановка на «музыке» была очень приятная. Публика была только интеллигентная. Очень много военных; офицеры разных гвардейских пехотных и кавалерийских полков, инженеры-путейцы по традиции только в фуражках с белыми чехлами и т. п. Много интересных дам, все хорошо одеты. На симфонии я не ходил. В то время я еще не дорос, чтобы их слушать и наслаждаться; совершенно не понимал их. Поэтому мы ходили главным образом по средам, четвергам и субботам. Концерт бывал обычно из трех отделений. Здесь я впервые услышал «Пер Гюнт» Грига, Масснэ, Лядова и т. д. Те вещи, которые меня чем-то задевали, я почти сразу покупал для фортепиано, и это послужило тому, что я стал их играть на пианино и научился довольно быстро разбирать ноты. С тех пор я стал довольно много играть на пианино. При этом, т. к. музыкальной памяти у меня не было, приходилось всегда играть по нотам только. Конечно, все это было очень своеобразно и только для самого себя.

По воскресеньям мы на музыку не ходили. Бывало слишком много народа, и концерты даже для меня по содержанию были слишком пустые. В антрактах мы всегда ходили в саду по кругу, только очень много приходилось отдавать честь офицерам. Некоторые из них разрешали не отдавать честь после первого раза. В августе несколько раз я видел на музыке директора Морского корпуса контр-адмирала Русина. Он необычно говорил: «Можете больше не отдавать чести», — в то время как было принято говорить «не беспокойтесь». Русин говорил правильнее, т. к. отдача чести не может быть беспокойством. Попав на один из симфонических концертов, я оказался слушателем концерта для фортепиано с оркестром Прокофьева в исполнении автора. Это было, вероятно, в августе 1911 г. После весьма краткого вступления оркестра пианист стал огромными руками бить по клавишам, то в басах, то в дискантах попеременно, без всякой мелодии. Временами он прерывал бить по клавишам, и оркестр играл короткий переход, и пианист снова начинал бить по клавишам то в басах, то в дискантах. Впечатление было отвратительное, и в зале стали громко смеяться. Но совершенно неожиданным для меня был результат. Когда автор закончил свой номер, хотя часть публики заплодировала, в зале раздались громкие и многочисленные свистки, свист. Для русской чопорной публики это мне показалось неожиданным и непривычным. На мой взгляд, это было заслуженно. Я и сейчас считаю музыку без мелодии абсурдом, оригинальничаньем и рисовкой композиторов. Оправдывать такую музыку и аплодировать ей могут люди, желающие показать, что у них тонкий вкус и что они прогрессивны. Это может быть только неискренним¹⁸.

Как всегда, 8 сентября 1911 г. я явился в корпус в 3-ю роту к началу учебного года. Часть моих товарищей в зависимости от успеваемости с 1 августа была зачислена на действительную службу и произведена в гардемарины. Я, к сожалению, как неплававший, был оставлен еще кадетом.

В гардемариных ротах порядок несколько менялся. На все три роты был один дежурный офицер, называвшийся дежурным по батальону, в ротах же порядок поддерживался дежурным унтер-офицером, называвшимся старшим дежурным. Ему в помощь назначались три младших дежурных из гардемаринов своей роты, которые в течение суток менялись в определенные часы и продолжали нести службу, тоже по очереди, в течение ночи.

Командиром нашей роты, доведшим нас до выпуска, стал капитан 2 ранга Александр Александрович Паскин. Он был георгиевским кавалером, полученным за Цусиму, где во время боя он заменил своего убитого командира миноносца «Громкий» кап. 2 ранга Керна, был сильно изранен и после гибели миноносца подобран из воды японцами и взят в плен. Он был очень порядочным, всегда вежливым и выдержанным человеком и притом весьма скромным. Отделенными начальниками были лейтенанты М.Е. Крафт (Лешиного выпуска) — в классах 31 и 32 и Б.Э. Лидерс (Митинога выпуска) — в классах 33 и 34, а третьим ст. лейтенант Н.И. Черниловский-Сокол — в классах 35 и 36; он был «варяжским» георгиевским кавалером. «Подвиг» «Варяга» и «Корейца» не пользовался уважением во флоте в то время, т. к. считалось, что он раздут царскими властями для создания патриотического подъема искусственно, и совсем не заслуживал, чтобы каждый офицер, участвовавший в этом «подвиге», заслужил Георгиевский крест, а каждый матрос — крест военного ордена¹⁹.

Фельдфебелем нашей роты остался А.И. Холодняк. Очень спокойный, не по летам разумный человек. Унтер-офицерами моего 34-го класса были назначены: М.А. Крыгин — старшим, а младшим — М.М. Комелов.

Из 109 кадет, бывших со мной в 4-й роте, в 3-ю роту перешли 89, т. к. 20 человек либо выступили из корпуса, либо остались на второй год. Вновь поступило в младший специальный класс со стороны 64 человека. Кроме того, наша рота пополнилась 14-ю второкурсниками. Таким образом, со мной начали обучение в младшем специальном классе 167 человек.

В моем 34-м классе оказалось 28 человек. Из них из поступивших в корпус в 1909 г. дошло 18 человек; два остались на второй год в 5-й роте, а одного выгнали, после 4-й роты выступили трое, т. е. выбыло 6 человек. В 4-й роте к нам в класс добавили шесть поступивших в 1910 г., причем все они с нами перешли в 3-ю роту, т. е. всего перешло нас 24 человека плюс еще влили к нам четверых второкурсников из прошлогодней 3-й роты.

Кроме прежних дисциплин: русского, английского и французского языков и закона Божьего (богословия) с прежними преподавателями А.П. Колумбусом, мистером Бреем, И.Л. Гризаром и священником Д.И. Удимовым, — началось прохождение новых дисциплин: аналитической геометрии — полковник Вацлав Модестович Сухомель, дифференциального и интегрального исчисления — он же, теоретической механики — инженер путей сообщения Алексей Капитонович Бубнов (его брат

генерал-майор флота Петр Капитонович преподавал среднюю математику в кадетских ротах, а их сестра была женой начальника Морской академии генерал-лейтенанта Григория Ивановича Шульгина — автора курса мореходной астрономии). Из специальных дисциплин начали проходить: навигацию — капитан 1 ранга Александр Евгеньевич Завалишин («Мотор» — говорил, точно гудел)²⁰; мореходная астрономия — полковник Кудинович; морское дело — ст. лейтенант Николай Петрович Халкевич («Мороженщик» — за бороду), кораблестроение — корабельный инженер штабс-капитан Виктор Петрович Соколов (с челкой на лбу) и еще из общеобразовательных — химия — доцент Горного института князь Авалов, ходивший в черной визитке, совершенно статский человек, стеснявшийся рапортов при входе в класс.

Полковник Кудинович начал нам читать сферическую тригонометрию, но сразу же заболел и умер. Нам некоторое время подыскивали нового преподавателя и после несколько затянувшихся поисков нашли капитана 2 ранга Сергея Ивановича Фролова — очень хорошего человека, но очень несистематичного²¹. В 1909/10 уч. г. он был в корпусе командиром 1-й роты, а когда он преподавал нам, то был командиром учебного судна «Воин», а с 1913 г. был командиром строящегося линейного крейсера «Бородино», находившегося на стапеле, а затем спущенного на воду, но так и не достроенного ни к концу Первой мировой войны, ни после революции и разрезанного на воде на металл.

3-я рота помещалась под Столовым залом, спальни — очень низкие, а конторки нашего класса выходили окнами на Парадный двор. Класс мой помещался в последней перед Компасным залом комнате, выходявшей окнами на Узкий двор.

В 3-й роте я получил единственное за время пребывания в корпусе взыскание — лишение увольнения на одну очередь, т. е. в субботу до 12 часов воскресенья, когда я сразу же уволился. Меня записал за разговор в строю Лидерс, когда мы почти бегом торопились на гимнастику в рабочем платье.

30 сентября 1911 г. приказом по корпусу вместе с 47-ю кадетами, перешедшими из 4-й роты, я был произведен в гардемарины. Обо мне в приказе был отдельный пункт, т. к. кроме производства в гардемарины я был зачислен на действительную службу с 1 августа 1911 г. (т. е. в один день с теми, кто считался успевающими). Произведенные в том же приказе 47 упомянутых человек были зачислены на действительную службу с 1-го октября.

21 октября в царский день — день восшествия на престол Николая II, весь состав нашей роты привели к присяге. Церемония проходила в Столовом зале, и по этому случаю был общий парад, который принимал директор корпуса. Слова присяги читались священником и повторялись громко сразу всеми принимавшими присягу.

6 ноября, как и в следующие два года моего пребывания в корпусе, парад принимал новый морской министр Григорович.

С января 1912 г. нас стали готовить в караул в Зимнем дворце. Кроме изучения «Устава караульной службы», нас заставляли учить обязанности часовых на тех постах, между которыми мы были распределены, а также некоторые практические обязанности, взятые из практики. Ежедневно в Столовом зале нас тренировали в разводе (т. е. смене всего караула) и в приеме и сдаче постов. Я был назначен на парный пост у подъезда Ее Величества (в сквере).

Караул от Морского корпуса наряжался в дни, когда царь приезжал из Царского Села в Петербург. Это бывало по средам. Состав караула бывал около 35 человек, и караульным начальником бывал офицер. Караул от корпуса наряжался в течение января — марта недели через две. Сперва в караул шла 1-я рота, затем 2-я, а затем от 3-й роты. Караул сменялся в полдень, причем новый караул проходил через главные ворота Зимнего дворца со стороны Дворцовой площади в момент, когда раздавался пушечный выстрел из Петропавловской крепости. На разводе обычно присутствовал дворцовый комендант генерал-адъютант Троцкий и директор корпуса Русин. После развода составы обоих караулов возвращались в караульное помещение, помещавшееся в первом этаже западного крыла здания и выходившее окнами во двор. Старый караул уходил из дворца после сдачи всех постов, примерно через час. Караульным начальником моего состава караула как будто был лейтенант Заев; он ходил с черной повязкой на потерянном во время войны с Японией глазе. На моем посту я простоял свои два часа. Не помню, кто стоял со мной в паре. За все время мимо нас никто не проходил, но мы стояли подтянуто и не разговаривали между собой. Пост этот был внутренний, и мы стояли без шинелей, в мундирах и высоких сапогах с винтовками. После 16 ч. нас поочередно (по сменам) водили запутанными внутренними коридорами в третий этаж и в какой-то низкой и небольшой комнате кормили обедом из трех блюд, очень вкусно и прилично — на белой скатерти с салфетками. После обеда около 17 ч. часть состава караула, в которую входил и я, была отправлена в корпус. Вероятно, царь уехал, а без него количество постов сокращалось. В корпусе мы оставались до следующего полдня в состоянии готовности.

На следующий год я снова попал в состав караула и стоял парным часовым на наружном посту у главных ворот, около будки часового. Там я тоже простоял два часа, а после 17 часов, т. к. состав караула уменьшили, тоже вернулся в корпус. В тот раз — в 1913 г. — вскоре после того, как мы вступили в караул, к нам в караульное помещение вошел царь. Нас построили, он с нами поздоровался, что-то спросил и вышел.

Когда я был в старшей роте, весной 1914 г., мне пришлось быть в карауле в Зимнем дворце два раза. Один раз разводящим с гардемаринами

3-й роты на трех постах наружных: у Ю[го-]В[осточного] угла дворца, где начинается Миллионная улица, и у обоих углов здания дворца на набережной. Был небольшой мороз, но выходить на воздух ночью через каждые два часа казалось очень холодно, тем более что пришлось спать одетым и было беспокойно, чтобы часовые не начудили вообще и не сплеховали при проверках.

Во второй раз в начале 1914 г. я был в Зимнем дворце в составе внутр-реннего караула, называвшегося «пикетом». В состав пикета назначались только унтер-офицеры. Пикет выставлялся только во время нахождения царя во дворце. Все посты пикета были парные, причем я стоял у дверей при входе в «Картинную галерею 1812 г.». Мимо нашего поста через галерею за два часа прошел только один человек — это был обер-церемониймейстер двора генерал-адъютант Бенкендорф (с седыми бачками) и мы при его проходе брали «на караул» по-ефрейторски. Затем через соседний с нами зал прошли адъютанты и знаменщики со свернутыми знаменами некоторых полков и пронесли литавры из одного помещения в другое. После 17 ч. пикет снимался, и мы очень весело шли в корпус по довольно мокрым мостовым без офицера. Была оттепель. Кормили нас во время несения караула за счет дворца.

Первое полугодие в 3-й роте я закончил с двумя 9 (по морскому делу и аналитической геометрии), тремя 10, пятью 11 и тремя 12.

В начале февраля в корпус, как и два года тому назад, в 1912 г. снова приезжал царь. Один, без свиты. На этот раз он был в морской форме — в сюртуке гвардейского экипажа. Во время обхода классов А.К. Бубнов предварительно вызвал меня к доске и заставил написать на ней мою фамилию и написать какую-то задачу по статике. Я отказывался, но он настоял. Таким образом, когда царь вошел к нам в класс, я стоял у доски. Царь после рапорта спросил, что мы проходим, посмотрел на доску и вышел. Как и в прошлый раз, посещение царя закончилось прохождением церемониальным маршем в Столовом зале, причем после прохождения мы снова выстраивались ротными колоннами, как перед прохождением. Это вызывалось опытом. В 1904 г. в начале войны с Японией, когда царь приезжал в корпус и досрочно произвел старших гардемарин в мичманы, почти весь выпуск при отъезде царя из корпуса выскочил на улицу и, забравшись на карету или следуя бегом за каретой, оказался во дворце, и для них пришлось посылать шинели, чтобы они вернулись в корпус, это рассказывал и Б.П. Хлюстин, который был фельдфебелем выпускного курса.

Младший специальный класс я закончил с одной 8 (по дифференциальному и интегральному исчислению), двумя 10 по морскому делу и русскому языку, четырьмя 11 — по астрономии (устно и письменно), теоретической механике и аналитической геометрии, и шестью 12 по остальным дисциплинам. Средний балл был 11,08. Переходных экзаменов было три: по дифференциальному и интегральному исчислению (случил-

ся скандал: устно я получил 12, а задачу на листке бумаги не решил, и Сухомель поставил мне 4, что в среднем дало 8), по аналитической геометрии и кораблестроению.

9 мая 1912 г. началась учебная практика. Первый месяц мой класс с классом № 33, в котором учился Аксель Иванович Берг (теперешний академик), проходил практику — штурманскую на учебном судне «Воин» — такого же типа, как и «Верный», но с сухими мачтами (т. е. без рей и без барбетов). На «Воине» мы находились 29 дней, из которых 14 было ходовых. Из Кронштадта мы перешли в Тверминэ, вернее в Лапвик, Котку, Кронштадт, Биоркэ, Кашпервик, Гельсингфорс, Гангэ, Папонвик, Котку, Ревель. Как видно, походов было много и очень полезных в штурманском отношении и для навигации, и для астрономии. Командиром «Воина» был капитан 2 ранга С.И. Фролов — наш преподаватель мореходной астрономии, старшим офицером — ст. лейтенант Павел Павлович Остелецкий, штурманом лейтенант Михаил Андреевич Карпинский²² (Лешиного выпуска), ревизором лейтенант Кокушкин²³, вахтенными начальниками мичманы: Сергей Сергеевич Агафонов, Ф.Г. Скрыдлов (Митинового выпуска), А.А. Иосса (Лешиного выпуска). Старшим корпусным офицером был ст. лейтенант В.В. Берг, а младшим корпусным офицером — лейт. Страхович. В течение 10 дней на «Воине» плавал и нам преподавал лейт. А.Г. Шульгин — он был офицером с крейсера «Адмирал Макаров» и выделялся и отличался от остальных офицеров, в преобладающем числе корпусных офицеров, тем, что не был мелочным и не был покрыт каким-то затхлым мхом. От него веяло свежестью, и потому он оставил очень хорошее впечатление.

Наш руководитель В.В. Берг был старательным, аккуратным немчиком. Он прославил себя тем, что написал и издал книгу детских сказок или рассказов под названием «Звездочкам земли». Его держали отделенным начальником в кадетских ротах, но все-таки это было убого! Накануне такой войны!

Тем не менее, плавание на «Воине» было поставлено хорошо. Мы научились определяться по маякам, научились брать высоты Солнца и определяться по Сомнеру. С.С. Агафонов (он был близнецом со своим братом Михаилом, и я их никогда не различал — они оба кончили корпус в 1911 г.) был из Ревеля, где его отец, кажется, был судейским; они жили на нашей же Институтской улице в доме Витас-Роде, и я помню обоих близнецов в форме реалистов, и мы даже с ними здоровались; таким образом, он был моим знакомым. Впоследствии в жизни мы с ними много раз встречались после революции. В общем же С.С. Агафонов был человеком довольно нудным. Он окончил Михайловскую артиллерийскую академию вместе с Лешей, но тянуло его к штурманскому делу; он занимался во-

просами наклона видимого горизонта, придумал особую насадку на секстант для определения величины наклона горизонта, но все это не нашло применения. С.С. Агафонов занимался с нами астрономией.

По навигации с нами занимались М.А. Карпинский и А.Г. Шульгин. М.А. Карпинский был очень приятным человеком. С ним я встретился в 1920 г., когда он был старшим штурманом «Севастополя», стоявшего тогда в ремонте в Петрограде. Никакой политикой он не занимался, но совсем неожиданно для всех он вскоре после Кронштадтской волынки или в те примерно годы был расстрелян, о чем было объявлено в газетах.

А.Г. Шульгин был братом А.Г. Хлюстиной. Он плавал с Митей на «[Адмирале] Макарове» и после «Воина» получил назначение на «Анадырь» (ставший в 1927 г. «Декабристом», на котором я ходил в Канаду), чтобы идти за границу со слушателями нового в то время штурманского офицерского класса.

По материальной части штурманского дела (компасы, лаги, лоты, метеорологические приборы) с нами занимался Н.В. Страхович — человек неприятный. После революции весной 1918 г. в Гельсингфорсе он стал выступать на концертах в качестве певца в довольно задрипанном фраке; у него был баритон. После этого он исчез с горизонта.

На «Воине» мы несли вахту при вахтенном начальнике сигнальщиком, вахтенным на шканцах, на руле парового катера, затем дежурили по палубе, караульным начальником. На ходу несли штурманские обязанности в виде вахт на прокладке на нескольких столах, где каждый вел свою прокладку.

Ежедневно очередные гардемарины вычисляли время захода солнца, причем обязательно вычислял тот, кто будет стоять при вахтенном начальнике и командовать во время спуска флага. Один раз, когда и я в тот день вычислял время спуска флага, Парфененко стал спускать флаг по своим вычислениям. Мы стояли в Кашлервике, других судов не было. Т. к. нам была предоставлена самостоятельность, Парфененко, руководствуясь своими данными, по положению за 15 минут вызвал горнистов и сыграл повестку, а затем, пользуясь часами, ровно через 15 минут спустил флаг. На судне поднялся хохот, т.к. на небе ярко светило солнце, зашло оно минут через 20 после спуска флага. Парфененко просил меня не показывать мои вычисления, и я его просьбу выполнил. У меня время было рассчитано правильно. Мне этот случай очень понравился. Он запомнился на всю жизнь. Это правильный метод обучения и воспитания. Ведь вахтенный начальник видел, что Парфененко не смотрит на солнце, но дал ему действовать так, как тому хотелось, тем более что ущерба для дела никакого не могло произойти.

Мне нравилось вычислять, и я в этом деле на «Воине» несколько поднаторел, т. к. многим помогал вычислять по астрономии и показывал последовательность действий и порядок пользования таблицами.

Накануне перехода нашего на крейсер «Россия» мы сдали три экзамена: по астрономии, навигации и материальной части навигации. Я получил пятерки.

Надо отметить, что решение астрономических задач до 1914 г. было много сложнее, чем сейчас. Для нахождения эфемерид (координат) Солнца и звезд и планет в то время пользовались английским астрономическим ежегодником (Nautical Almanac), т.к. у нас своего не было. При пользовании альманахом довольно сложно было определять дату, т.к. моментом смены дат было принято считать полдень, тогда как по гражданскому счету смена дат происходила в полночь. Таким образом, для многих гардемарин уже сложно было рассчитать не только гринвичское время в часах и минутах, но даже и дату. С 1914 г. англичане стали выпускать предназначенный только для моряков сокращенный ежегодник, по объему раза в три тоньше прежнего альманаха. Пользоваться им стало гораздо проще. Сокращенный ежегодник был издан года за два до 1914 г. и уже в 1913/14 уч[ебном] году мы решали все задачи по астрономии по сокращенному ежегоднику.

На «Воине» нас занимало, что В.В. Берг вывешивал все объявления цветными карандашами разных цветов. С ним я расстался очень дружелюбно, причем он мне сказал, что представил меня в вице-унтер-офицеры.

6 июня 1912 г. мы перешли на броненосный крейсер «Россия», на котором держал свой флаг директор корпуса контр-адмирал Русин. Нас плавало на «России» 4 отделения, т.е. около 100 гардемарин, и кроме нас в одном с нами помещении размещались еще и гардемаринины Морского Инженерного училища. Как это ни странно, но мы с ними очень мало общались. Это не вызывалось вовсе антагонизмом или презрением. Таковых совсем не было. Просто мы очень мало с ними соприкасались в деловом отношении. Конечно, мы не чуждались друг друга и, когда где-нибудь на корабле оказывались вместе, то с отдельными гардемаринами разговаривали, но массового контакта не было. Их было человек 40. Среди них был ревелец Магдалинский²⁴, с которым я часто разговаривал. Надо сказать, что они вели себя гораздо солиднее нас. Это объясняется тем, что они были взрослее нас на год, и стиль занятий и поведения у них в училище был, видимо, не столь бурсацкий, как у нас в корпусе.

С адмиралом Русиним на «России» плавал его штаб: флагманский корпусный офицер Ф.И. Федоров, флагманский штурман ст. лейт. А.И. Шейковский («Сашка») и флаг-офицер лейт. Любомиров (Митиного выпуска — ужасный подхалим; он был корпусным офицером), флагманский артиллерист, механик и врач плавали на других судах. Присутствие адмирала и штаба, как всегда, осложняло обстановку.

Командиром «России» был кап. 1 ранга Блохин Константин Платонович. Он был шумным человеком, но, вероятно, опытным моряком. С ним у меня произошел неприятный случай во второй половине нашего пре-

бывания на «России». На ходу, на мостике я стоял на вахте, вероятно сигнальщиком. При подъеме какого-то флажного сигнала на ветру флаги за что-то зацепились, и подъем сигнала задержался. Блохина это страшно рассердило, он стал ругаться и плюнул, и вдруг этот плевок, летя по ветру, попал мне на лицо. Я вытер его носовым платком, и это, собственно, все. Произошло это без намерения со стороны Блохина. Однако я страшно обиделся и рассердился. Никто этого из находившихся на мостике не заметил. Тем не менее, через некоторое время я заявил Паскину, что я в претензии к командиру крейсера. Паскин, человек чрезвычайно деликатный, оказался в затруднительном положении. Тем не менее, он меня поддержал. Примерно через неделю я стоял в карауле на посту у одного из трапов, и вдруг меня неожиданно подсменили, и я с Паскиным пошел к командиру крейсера. Блохин спросил меня, что со мной произошло, и я ему сказал, что когда он плюнул, то его плевок попал мне на лицо. Он что-то сказал в ответ, вероятно, про ветер и, хотя не произнес слова «извините», сам факт вызова меня к нему явился как бы извинением с его стороны. После этого через несколько дней он меня где-то встретил на палубе и спросил, сержусь ли я на него. Это уже было явным с его стороны извинением.

Старшим офицером крейсера был кап. 2 ранга Подгурский Николай Люцианович. Он был георгиевским кавалером за Порт-Артур, где предложил сбрасывать на осаждающих японцев мины заграждения, чтобы использовать их, т. к. флот был в ловушке. Он был лихой офицер, любил выпить, и команда его любила. Помощником старшего офицера был ст. лейт. Поливанов Сергей Матвеевич — человек грубый и ругатель. Старшим штурманом был лейтенант Пилкин Алексей Константинович. Это был настоящий барин в лучшем понимании. Выдержанный, немелочной; на вахте всегда стоял с подзорной трубой в руке. Его отец был полным адмиралом и незадолго до того умер²⁵, причем на его похоронах несли все три адмиральских флага, один из которых по наряду нес Митя. Впоследствии я встретился с А.К. Пилкиным, когда он был командиром «Москвитянина» и бывал у нас на «Гайдамаке» у С.С. Политовского. Младшим штурманом был Бунин Петр Николаевич (Лешиного выпуска), несимпатичный человек, надменный; он нам преподавал и не ставил пятерок, обязательно добивался, чтобы ему не ответили на какой-нибудь вопрос по сигналопроизводству; это[го] всегда легко добиться. Артиллеристами были: старшим — Де-Ливрон Мартын Борисович — бесцветный, нас не касался и не интересовался нами; младшим — лейт. Барлевен Арвид Константинович (на выпуск старше Мити) — милейший человек, фанатик артиллерии; он нам преподавал с большой любовью, очень понятно и содержательно; у меня были прекрасные записи его лекций, но, к сожалению, кто-то брал у меня эту тетрадь и не вернул, и я всегда об этом сожалел, т.к. там было много практического и важного, но я остался ни с чем.

Ст. минным офицером был Евгений Викторович Кардо-Сысоев. Он был ревелец; его отец был отставным капитаном 1 ранга и долгое время до 1906 г. был смотрителем Сурупского маяка; у них был собственный дом на Медвежьей улице; я помню его мать Надежду Васильевну, которая бывала в Симеоновской церкви; она была без седых волос, хотя Мама говорила, что ей было под 70 лет... Старик Кордо-Сысоев чуть ли не летом ходил в башлыке; я сам видел его, как он ехал по городу, вероятно, возвращаясь с маяка в таком виде.

Евгений Викторович был очень милый человек, но очень вялый и скучный. Преподавал он очень медленно и нудно, а главное, неинтересные вещи — судовую электротехнику: динамо-машины, контрольные приборы и т. п. Мы еще электротехнику не проходили, а потому усваивали материал плохо, а в придачу еще я лично никогда не чувствовал влечения к этой науке.

Машинное дело преподавал нам штабс-капитан Рошин²⁶. Это был последний год, когда механики носили серебряные погоны и пуговицы и имели чины с армейскими названиями. В 1913 г. механикам присвоили флотские названия чинов с добавлением слов «инженер-механик» и дали золотые пуговицы и золотые погоны с красной выпушкой по сторонам погон²⁷.

На крейсере еще были, кроме Рошина, три инженера-механика, два врача и шкипер — капитан Хализов из матросов, вернее из кондукторов. Ревизором (заведующим хозяйством) был мичман Арфин — какой-то несерьезный человек, искавший популярности. Вахтенными начальниками были лейтенанты: Лидерс Б.Э., Мокасей-Шибинский Владимир Григорьевич и мичман Муромцев. Последнего я совсем не помню, а с двумя первыми я часто стоял на вахтах. Очень приятным был Мокасей-Шибинский. С ним я встречался после революции, когда он стал специалистом по ледокольному делу; он погиб в тюрьме в конце 30-х гг. без всякой вины.

Судовым священником был о. Иоанн Спицын. Он известен тем, что на о. Фомы в Карибском море кидал в воду крестики и, когда за ними кидались негры, он их заочно крестил в православную веру. Думаю, что это чушь, но его не любили и потому над ним посмеивались и выдумывали про него.

Старшим корпусным офицером был ст. лейт. А.А. Паскин, а младшим — лейтенант Александр Семенович Пилипенко (он был у Леши фельдфебелем в младшей роте в 1902/03 уч. г.), я с ним снова встретился в 1917 г., когда он был назначен командиром эск. мин. «Всадник».

На «России» мы стояли вахты: при вахтенном начальнике (но командовать нам не давали), вахтенным на шканцах, сигнальщиком, в машине парового катера, на руле парового катера, в радиорубке; на ходу вместо двух последних обязанностей нас ставили в кочегарку и в машины. Кроме того, мы дежурили по гардемаринской палубе, стояли караульными

начальниками и часовыми у трапов. Во время шлюпочных пробегов и парусных пробегов я ходил на шестерке № 2, обычно на веслах рулевым.

Основным предметом была артиллерия. Мы стояли наводчиками и стреляли из 75-мм (по 8 выстрелов); после предварительных стрельб из 152-мм орудий сперва трехлинейными патронами (по 10 выстрелов), а затем из такого же орудия 37-мм снарядами. Часто нас заставляли заниматься семафором и тренироваться в измерении расстояний дальномерами.

По машинному делу изучали различные трубопроводы и системы.

Были мы распределены по расписаниям разных тревог и имели заведомые части, которые менялись, чтобы мы лучше изучили корабль.

Из походов самым значительным был поход с «Олегом» в Копенгаген, где мы простояли 3 дня. На берегу я был там два раза; из них один раз с Митей. С ним мы были в саду «Тиволи», где имелся зверинец и аттракционы, причем мы с ним скатились с деревянной горы в воду в шлюпке — довольно захватывающе, и проехали в вагончике по американским горам с неожиданными спусками, подъемами, тоннелями и т. п. — тоже очень захватывающе. После этого мы пообедали там же в ресторане 8-ю блюдами и несколько задержались за кофе, чтобы услышать исполнение симфоническим оркестром увертюры «1812 г.» Чайковского. Митя был в статском костюме, а я в синей фланелевой с выпущенным синим воротником (гюйсом по-современному). Это было на третий день пребывания. А в первый день я ходил на берег с гардемаринами. Мы и пешком ходили, и катались по городу на автомобиле; за час езды с нас взяли 7,5 крон. На 2-й день стоянки нас водили в Копенгагенский порт, где нам показали арсенал ружейный и музей очень маленький. Туда и обратно оба крейсера шли через Большой Бельт и вошли в Копенгаген с севера, благодаря чему при входе в Зунд в Гельсингере удалось увидеть замок Гамлета.

Перед походом в Копенгаген мы несколько дней стояли в Балтийском порту. Там на берегу нас водили на стрельбу из револьверов. Из 21 выстрелов я попал 15. Во время стоянки в Копенгагене у нас по утрам продолжались занятия, и, в частности, по артиллерии мы изучали пулемет Максима.

На обратном переходе из Копенгагена при проходе мимо Балтийского Порта на рейде Рогервик стояли «Андрей Первозванный», «Павел I», германский крейсер «Граф Мольтке»²⁸ и императорские яхты «Штандарт» и германская «Гогенцоллерн» — там происходило свидание Николая II с германским императором Вильгельмом II. Мы прошли в Ревель, где наш крейсер выходил на стрельбу из восьми- и шестидюймовых орудий. Звук выстрела из восьмидюймовых пушек гораздо меньше отдается в ушах, чем из 75-мм орудий.

29 июня 1912 г. в Ревеле на о-ве Карлос состоялась закладка порта императора Петра I, а на самом деле — крепости Петра I²⁹. Когда нас в 9 ч. 30 мин. отправляли с крейсера на о. Карлос, из Балтийского порта на Ревельский рейд входили имп. яхты «Штандарт» и «Полярная звезда» под конвоем четырех эск. миноносцев, и когда они вошли на Ревельский рейд, весь флот произвел салют, т. к. на «Штандарте» был поднят штандарт (флаг царя). Картина была очень красивая и необычная. Мы были без винтовок, но стояли в строю. Леша тоже был на о. Карлос (с «Александра II»). В 10 ч. 15 мин. начался архиерейский молебен (служил архиепископ ревельский Иоанн) в присутствии морского министра Григоровича и командующего Балтийским флотом вице-адмирала Эссена, а также большого количества начальствующих лиц и дам. В 11 ч. на о. Карлос прибыл царь в морской форме с наследником Алексеем, одетым матросиком со значком Гвардейского экипажа (ему было 8 лет), и со всеми четырьмя дочерьми, из которых старшая Ольга показалась мне очень красивой (ей было 17 лет). Царь обошел наш строй. Когда подняли адмиралтейский флаг на о. Карлос, очевидно, после закладки первого камня, был произведен салют, и царь отбыл, причем, проходя мимо нас, пожелал нам счастливого плавания.

В этот день утром крейсер «Олег» с Митей ушел в Стокгольм. 26 июня вечером я был в гостях у Леша на «Александре II». Мы посидели с ним в каюте, а затем он показал мне корабль (постройки 1887 г.). Тут же при мне к Леше заехал Митя минут на 10.

В начале июля наш крейсер выходил ежедневно на артиллерийские стрельбы к о. Нарген. Эти стрельбы доставляли нам неприятность, т. к. нас после них заставляли чистить орудия — скучнейшее занятие.

После этих стрельб мы перешли в Балтийский порт, затем несколько дней простояли в Гангэ, снова в Балтийском порту, в Ревеле, а 21 июля перешли в Лапвик, где состоялись шлюпочные гонки и парусные.

Я никогда не был парусником и рулевым на парусных гонках не выступал. Пришлось мне участвовать в парусной гонке на императорский приз на катере под управлением Ротаста. Из 11 катеров мы пришли последними. Был очень слабый ветер, и нам не везло: мы наткнулись на канонерскую лодку «Сивуч», состоявшую в отряде Морского корпуса, причем старший офицер этого корабля — адъютант корпуса ст. лейт. Степан Александрович Паскин (старший брат нашего ротного командира) обвинил нас, что мы умышленно не делали поворота, чтобы помешать остальным шлюпкам; в результате наш А.А. Паскин поверил брату и нас оставил до конца плавания без берега; это было несправедливо, т. к. нас просто нанесло на «Сивуч». Затем я ходил на полубарказе под управлением Печаткина на общие гонки парусные; мы взяли первый приз, и это был единственный в моей жизни случай, когда я оказался на призовой шлюпке; мое участие в этом было пассивным, т.к. я сидел на шкотах. На греб-

ной гонке я ходил на катере № 1 в составе сборной команды с рулевым Эмеретли. Из 4-х катеров нашей категории мы пришли последними.

После проведения всех гонок мы перешли в Балтийский порт, затем в Ревель, где 1 августа по случаю восьмой годовщины участия «России» в бою владивостокских крейсеров с японским флотом³⁰ у нас был молебен, приезжал командующий Балтийским флотом вице-адмирал Н.О. Эссен, поздравлял и поднимал здравицы. После его отъезда директор корпуса Русин произнес речь, в которой пожелал всем присутствующим быть участниками войны!

В Ревель в эти дни на несколько дней приезжал Сережа, и меня для свидания с ним в порядке исключения А.А. Паскин отпустил на берег. Мы все 4 брата встретились у Шульцев, гуляли в Екатеринентале, но я к 10 ч. вечера должен был возвратиться на крейсер.

Последний наш переход на «России» был из Балтийского порта в Кронштадт. Во время наших стоянок в Балтийском порту я часто встречался с Колей Дмитриевым, который жил там на даче один.

10 июля, когда я попал на берег в Балтийском порту, я не застал дома Колю Дмитриева и решил сходить на маяк Пакерорт километрах в 3-х от города. Когда я вышел из города, то нагнал инженер-механика капитана Сурвилло³¹, плававшего у нас младшим училищным офицером Инженерного училища. Мы с ним пошли вместе, много разговаривали на разные темы. Затем мы поднимались на башню маяка, осмотрели устройство проблескового аппарата, осмотрели в отдельном здании туманную сирену, а затем по предложению смотрителя маяка расписались в книге посетителей, причем оказалось, что на левой странице того разворота, где мы расписались, была подпись царя (очевидно, в период свидания с Вильгельмом), а мы расписались на правой странице.

На маяке Пакерорт до этого посещения мы были всей семьей 29 июня 1900 года в порядке пикника, устроенного командиром Ревельского порта контр-адмиралом П.Н. Вульфом в день его (и Папиных) именин со многими морскими семьями. Ездили туда мы все, вероятно, на поезде (от Ревеля 46 верст), а от станции в Балтийском порту на лошадях. Мне было 5 ¹/₂ лет, но я прекрасно помню картину, как сидели в маячной башне в лифте (на небольшой подъемной площадке) Леонида Ивановна Вульф и Генриетта Ниловна Михельсон — жена помощника директора маяков и лоции Балтийского моря Н.А. Михельсона — чтобы их подняли на ручной лебедке на маячную башню. Я в это время спускался с башни по лестнице.

На экзаменах на «России» я получил пятерки по морскому делу и артиллерии и четверки по штурманскому, минному и машинному делу.

Плавание на «России» было очень полезным и разнообразным, однако весь стиль на крейсере не оставил приятного впечатления. Из 63 дней плавания на крейсере у нас было 25 ходовых дней, 37 — на якорю и 1 — на

швартовах. Из 3462 миль переходов на «России» мы сделали 2342 мили, а на «Воине» — 1120 миль.

На «России» нас заставляли грузить уголь из барж корзинами.

При возвращении из Кронштадта я попал в знаменную полуроту. Нас доставили [в Петербург] на яхте морского министра «Нева». С нами же пошел командир «Олега» великий князь Кирилл Владимирович, которого на Английской набережной встретила его жена вел. княгиня Виктория Федоровна. Мы сопровождали знамя корпуса через Николаевский мост и сразу же были уволены в отпуск на месяц. Перед концом плавания А.А. Паскин со мной разговаривал, хвалил и сказал, что представит меня в вице-унтер-офицеры.

Накануне окончания плавания на всех судах отряда Морского корпуса побывал морской министр Григорович; он обходил все помещения и благодарил нас за успехи.

В Балтийском порту по инициативе инженер-механика капитана Рощина на берегу бывали разные спортивные состязания и футбол. Чтобы различать соревнующиеся команды во время футбола, одна из команд загибала рукава рабочего платья, и Рощин как судья свистал и объявлял: «с рукавами», «без рукавов», — это было смешно. Было состязание в футбол между гардемаринами Морского корпуса и Инженерного училища, причем мы их победили 2:1. Я в футбол никогда не играл, но на игру смотрел.

На «России» мне была дана аттестация: «Очень способный, добросовестный, выдержанный, очень распорядительный и самостоятельный».

Во время отпуска в Павловске я много ездил на велосипеде, бывал на музыке, но ничего яркого тогда там не запомнил.

Весной 1912 г. «Олег» вышел из капитального ремонта на Франко-Русском заводе в Петербурге и вместо кап. 1 ранга Плансона командиром этого крейсера был назначен вел. князь Кирилл Владимирович. С октября 1905 по ноябрь 1908 г. он был в опале и был исключен со службы. Одной из причин была его женитьба на вел. княгине Виктории Федоровне после ее развода с одним из Гессен-Дармштадтских принцев — братом императрицы Александры Федоровны. После возвращения на службу он почти два года был старшим офицером крейсера «Олег». Митя оказался у него старшим штурманом и близко соприкасался с ним. Кирилл Владимирович предложил Мите перевестись в Гвардейский экипаж, и Митю прикомандировали к экипажу, как это требовалось, как бы для испытания. При таком командире крейсера «Олегу» было очень удобно — быстро подавались баржи с углем, с пресной водой и т. п. Мите тоже было удобно, т. к. командир его не мелочил и не боялся, как обычные командиры. Например, при входе в Ревель Сурупским проходом, после прохода о. Карлос Митя мог сразу же, не доходя до Екатеринентальского створа, поворачивать с Вимского створа и, срезав угол, входить на Ревельский

рейд. Этого не позволил бы ни один командир, но Митя на «Александре II» хорошо изучил этот район и знал, что, срезая угол, он ничем не рискует. Кирилл вообще много плавал, но не все понимал. Например, вместо команды «так держать» он часто командовал «прямо руль», не понимая, что при прямом положении руля корабль действием ветра и волнения все равно не может оставаться на желаемой линии. Уже в августе 1912 г. стало известно, что «Олег» на зиму будет послан на о. Крит стационаром вместо канонерской лодки «Хивинец». Но Кирилл не смог пойти в этот поход, т. к. заболел какой-то нервной болезнью, последствием которой у него на голове в нескольких местах выпали волосы и появилось несколько плешивин на необычных на голове местах³². В связи с этим командиром «Олега» был назначен кап. 1 ранга Зеленецкий, перешедший после возвращения из-за границы весной 1913 г. командиром «Штандарта». В 1912 г. «Олег» ушел в заграничное плавание в конце сентября.

Леша после возвращения учебно-артиллерийского отряда из Ревеля на зимовку в Кронштадт перевелся с «Александра II» и прикомандировался к Морскому корпусу, чтобы готовиться к поступлению в Михайловскую Артиллерийскую академию. Он был всю зиму отделенным начальником в 5-й роте, которой командовал подполковник Алтухов. Леша нанимал меблированную комнату в одном из домов против Николаевского моста на Васильевском острове. По воскресеньям он приезжал, когда был свободен, в Павловск.

Весной 1912 г. у нас в Павловске околел наш чудный пойнтер Билли. Он бежал за Сережей, который ехал на велосипеде, и вдруг упал и сдох. Сергей возил его в ветеринарную больницу, подозревая, что собаку отравили соседи, но там сказали, что собака околела от ожирения сердца. Подозрение на соседей у нас могло возникнуть потому, что Билли постоянно и очень громко перелаивался с собакой у соседей, и те стали на Бильку нападать. В ответ на это Лёша надел кортик и пошел к соседям — это был какой-нибудь отставной придворный лакей, доживавший век в собственном доме — чтобы объяснить. К нему вышел хозяин дома, которому при Леше же сразу стало дурно, так что Леша ушел. Однако посещение это оказалось для хозяина того дома роковым — он умер. Случай этот произвел на всех нас ужасное впечатление. Это было, вероятно, году в 1911.

9 сентября 1912 г. начался предпоследний год моего обучения в Морском корпусе. Когда я явился к дежурному офицеру по батальону, он посмотрел список и предложил мне явиться в 4-ю роту. Я понял, что я назначен вице-унтер-офицером. С этого момента я уже встречался со своим выпуском только на занятиях, все остальное время находился в роте, где я был унтер-офицером. Командиром 4-й роты был кап. 2 ранга Николай Иванович Берлинский («Ветчина с горошком» — за красные щеки). У меня о нем сохранилось неприятное впечатление, и когда я стал с ним встречаться в 1918 и 1919 гг. на набережной Мойки за Поцелуевым мостом,

примерно против Демидовской гимназии, где я ходил с Царскосельского вокзала на Ново-Адмиралтейский завод, будучи командиром «Амурца», я с ним не здоровался. У меня больше ни с кем такого не случилось в дальнейшей жизни³³. Старшим отделенным начальником в этой роте был ст. лейт. В.В. Берг; моим отделенным начальником был лейт. Владимир Ардальонович Подъяпольский — очень спокойный, мягкий и деликатный человек. Остальных офицеров тогдашней 4-й роты не помню.

Вице-фельдфебелем 4-й роты был назначен один из самых близких мне товарищей Николай Владимирович Ганенфельдт. Он сидел со мной в классе все 5 лет корпуса рядом, и конторки наши в роте были рядом. Он поступил в Морской корпус из Александровского кадетского корпуса. Его отец был полковником лейб-гвардии Измайловского полка и году в 1911 был переведен в Кельцы командиром одного из пехотных полков и в самом начале войны 1914 г. был убит и похоронен в Павловске.

Коля Ганенфельдт был очень красивым молодым человеком, брюнетом, среднего роста. Мне представляется, что А.А. Паскин выдвинул его в вице-фельдфебели именно за его красоту, за его выдержанность, а по успеваемости он был явным середняком. При переходе на последний курс ему пришлось держать переэкзаменовку по теоретической механике, и кончил корпус он 60-м. Для фельдфебеля и унтер-офицера это слабо. На старшем курсе он был назначен старшим унтер-офицером моего класса. Все это не мешало нашим с ним хорошим отношениям, но и я сам «перец», и никогда ни с кем не стремился быть бесконечно близким. В дальнейшем мы с Ганенфельдтом плавали корабельными гардемаринами на «Цесаревиче» в 1914 г., а затем с 1932 г. до 1939 г. вместе служили в Училище Фрунзе, где он был начальником учебно-лабораторного отделения. Там уже мы держались друг от друга довольно далеко, но он всегда мне помогал и удовлетворял мои просьбы. Затем с апреля 1943 по август 1944 г. Ганенфельдт, будучи начальником учебного отдела училища Фрунзе в Баку, оказался в моем непосредственном подчинении. Он работал хорошо и, конечно, несравненно лучше удовлетворял меня, чем сменивший его в Ленинграде М.В. Науменко. Станным для меня в Баку со стороны Ганенфельдта показалось, что в день Нового года и на Пасху он приходил к нам с визитом (по-старинному в кортике) один без жены (урожденной Мазуровой Наталии Георгиевны³⁴ — сестры Коли Мазурова, нашего с Ганенфельдтом товарища по классу). В те же дни я немедленно отдавал визит и ходил на несколько минут к Ганенфельдтам. Зачем он это делал? Я никогда перед ним не разыгрывал из себя начальника. Все-таки это доказывает с его стороны наличие элементов подхалимства. Мне это сразу же не понравилось, тем более что жена его как-то сторонилась нас с Катей³⁵.

Ганенфельдт в 1918 г. у себя дома потерял левый глаз. Он доставал с полки какой-то аккумулятор и, когда он его взял, из него выстрелила проб-

ка и попала в глаз, и глаз вытек³⁶. Поэтому он с тех пор стал носить постоянно черную повязку.

В мае 1954 г. исполнялось 40-летие со дня нашего выпуска. Нас в живых из выпуска в Ленинграде и в Москве оставалось человек восемь. Мне хотелось, чтобы мы по этому случаю где-нибудь собрались, и я одновременно позвонил по телефону Ганенфельдту.

Он мне ответил, что если в те же дни мая в Ленинграде будет открываться выставка собак, то он не сможет принять участие в нашем сборе. (Они с женой после войны увлеклись разведением породистых собак и были активными членами Общества собаководов). После такого ответа у меня отпало всякое желание участвовать в организации нашего сбора, и так мы и не отметили эту дату³⁷.

Кроме меня и Ганенфельдта в 4-й роте было еще 10 вице-унтер-офицеров из нашего выпуска. У нас в роте было отдельное небольшое помещение «унтер-офицерское», где стояли наши конторки, и по вечерам мы самостоятельно готовились и занимались. Поэтому мы отделились от своей роты и жили своей отдельной жизнью небольшого коллектива. Жили дружно, без склок и интриг. Во время отсутствия Ганенфельдта я обычно его заменял и часто водил строй кадет в Столовый зал и на прогулку.

Всего кадет в 4-й роте было 104. Рота была по составу обычная, но в ней было несколько ужасно распущенных молодых людей по части дисциплины; они были заводилами и всегда портили всю картину, им ежедневно приходилось делать замечания, ставить их под ружье и т. п., но это не помогало. Из-за них у меня осталось об этой роте не очень приятное воспоминание, тем более что это впечатление ассоциируется с воспоминанием о Н.И. Берлинском.

Вице-унтер-офицеры по кадетской роте не дежурили. Мы по очереди бывали «наблюдающими», т. е. в помощь дежурному по роте офицеру спорадически обходили помещения, прекращали шум во время самостоятельных занятий, торопили кадет на построения, при утреннем вставании и оставались в спальне вечером, пока не засыпало большинство.

Вскоре после начала учебного года я водил роту на утреннюю прогулку, причем в тот год было заведено, чтобы после обхода положенного квартала перед вводом каждой роты в помещения делались несколько кругов вокруг двора бегом. Все это было проделано с нашей ротой, и я вместе с первым взводом пошел в помещение во втором этаже. Прохождение по лестнице всегда задерживало последующие взводы, и пока левый фланг 4-й роты ждал возможности войти в дверь, на дворе бегала 5-я рота, с которой ходил на прогулку их дежурный офицер лейт. Халкевич. И в это время, не знаю по какой причине, из нашего 4-го взвода, входившего в дверь и на лестницу, по адресу Халкевича стали кричать «мороженщик». Это называлось: «обложили» Халкевича. Я этих криков не слышал, т. к. был уже наверху. Когда распустили строй, об этом случае у нас в роте стало известно.

Халкевич пожаловался на беспорядок у нас в строю. Но Берлинский решил защитить своих кадет и себя. Он доложил об этом случае на совещании у директора корпуса, но осветил картину так, что во всем виноват был я, как возглавлявший строй и допустивший беспорядок. Как я после узнал, видимо, через Марию Николаевну Федорову, Русин предложил меня разжаловать из вице-унтер-офицеров, но тут за меня кто-то заступился, да и Берлинский увидел, что перегнул. Все кончилось тем, что меня наказали лишением увольнения на 2 очереди. Как раз на субботу приходился праздник — день Иоанна Богослова — и, когда дома можно было провести вечер пятницы, субботу и воскресенье, мне удалось уволиться из корпуса только в воскресенье после обедни и завтрака. Меня больше всего обидело, что Берлинский меня не спросил, как было дело. За этот случай, да и вообще, т. к. я не чувствовал к нему симпатии, я его просто возненавидел.

До этого неприятного для меня случая, в середине сентября, оценив, что мы живем нашим маленьким коллективом в отдельном помещении, куда никто из начальства не заходит, кому-то из нас пришла мысль sprysnut' наше новое положение. Все согласились внести пай, и в один из увольнительных вторников и пятниц, которыми пользовались гардемарины, мы возвратились из города несколько раньше обычного, и после того как кадеты были уложены спать, мы накрыли у себя в унтер-офицерской стол простыней, забрали из умывалки наши кружки для чистки зубов и распилили каких-то ликеров со сладостями и орехами. Просидели мы около часу без шума за очень приятной беседой. Конечно, никто не напился, т. к. было мало материала и никто этого и не хотел. Затем в первом часу ночи мы все убрали со стола и с кружками вышли в умывальник мыться перед сном. В этот момент в роту вошел дежуривший по корпусу Н.И. Берлинский и, не задерживаясь, сразу же вошел в унтер-офицерскую, ни до этого, ни после он туда никогда не заходил. После ликеров в помещении нашем пахло спиртным, но он ничего не заметил или сделал вид, что не заметил, и ничего не говоря никому вышел. Мы, унтер-офицеры, продолжали мыться, что было вполне законно. Таким образом, вся эта затея прошла вполне благополучно. Однако мы после решили, что Берлинскому донес дежуривший по роте дневальный (уборщик или служитель), но сделал это поздно, когда уже все кончилось.

В силу моего характера я не стеснялся делать в строю кадетам замечания, чтобы не разговаривали или шли в ногу и т. п. Видимо, я делал это в большей мере, чем остальные мои товарищи, а потому меня не очень любили, а особенно компания наиболее разболтанных кадетов, которые оказались именно в моем взводе. Это были Лев Ковалевский — впоследствии морской летчик, Павел Хмызников — ставший географом и работавший в Арктике, но погибший без вины в 1930-е гг., Деларов — сын мецената, жившего в Павловске на собственной даче, перешедший в следующем году в Пажецкий корпус, граф Гейден — сын контр-адмирала Свиты

Его Величества, постоянно ходивший без погон, пока он был кадетом, в порядке наказания, и другие. Они больше всего у меня попадались. Они пользовались влиянием и решили меня «обложить». В один из дней, когда я был «наблюдающим» и при отходе ко сну ходил по спальне, в разных углах спальни стали раздаваться свистки. Я продолжал молча ходить вдоль рядов кроватей и при моем приближении около меня свистки прекращались, зато в той части спальни, от которой я удалялся, начинались свистки. Свистки эти были одиночными, отнюдь не массовыми. Я ходил так минут 10, но свистки не прекращались, но на мое счастье в это время в спальню вошел один из моих товарищей унтер-офицеров. Он сообразил, в чем дело, и вызвал остальных унтер-офицеров, которые дружно пришли и присоединились ко мне — стали ходить по всем проходам по спальне и так же молча. С их приходом свистки сразу прекратились, и через 5 минут большинство кадет заснуло. Дежурный офицер, сидевший за своим столом, всего этого беспорядка не услышал, а мы случай этот не раздули и сделали вид, что ничего необычного не произошло. Тем не менее, мне все это было крайне неприятно, хотя я ни с кем по этому поводу не делился, причем среди нас и разговора об «обкладе» впоследствии не бывало.

Класс, в котором я учился, стал 24-м. В 3-й роте из нашего класса остались на второй год три гардемарина; из них Игорь Зайцевский был довольно близок с Ганенфельдтом и со мной. Мы начали проходить: историю военно-морского искусства — читал новый адъютант корпуса лейт. Яков Константинович Зубарев; артиллерию — ст. лейт. Георгий Пафнутьевич Круссер, переведшийся во флот из армейских артиллеристов; морскую опись (гидрографию) — полковник Александр Николаевич Лосев («Нищий»)³⁸; электротехнику — вольнонаемный инженер Тадеуш Владиславович Нелюбович. Из продолжавшихся курсов дифференциальное и интегральное исчисление закончилось в первом полугодии без экзамена, а химия, морское дело, теоретическая механика, французский язык и английский язык и закон Божий закончились экзаменами после второго полугодия. Занятия по ним вели те же преподаватели, начавшие в 3-й роте.

Система преподавания стала лекционной с вечерними репетициями (опросами) по пройденным частям курса по всем дисциплинам по строгому расписанию, по вторникам и пятницам, начиная с октября. Новой дисциплиной явилась еще лоция — практическая навигация, по которой каждому индивидуально давался переход по русским картам; требовалось изучить лоцию и проложить путь, руководствуясь изучением района плавания. Мне был задан переход из Котки в губу Кунда. В нашем классе лоцию преподавал кап. 2 ранга Минин Александр Николаевич. Он мало дал нам и не интересовался нашими успехами; был странный человек; за все он всегда брался; после революции стал начальником спасательного

отряда, и я его всегда представляю с краюхой хлеба в руках, которую он откусывал.

Для подготовки к репетициям я занимался по вечерам понедельников, сред и четвергов. Я укладывался от 19 ч. до 21 ч. Очень редко я садился продолжить занятия после вечернего чая до 22 ч. 30 мин. На репетициях у нас требовали все выводы, как на экзамене.

Система репетиций, которой пользовались в Морском корпусе, была принята также во всех военных академиях до революции, и мне кажется, что благодаря этой системе, например, можно было готовить военных инженер-технологов за три года. При этой системе учащиеся находятся в кулаке и в обязательном порядке в середине года должны сдавать репетиции, т. е. по частям изучать прочитанные им разделы. Благодаря этому они подходят к экзаменам, представляя себе, какой материал им предстоит сдавать. Благодаря этому также еще можно сокращать время, отводимое на подготовку к экзаменам. Недостатком репетиционной системы надо признать то, что не менее 50% учащихся продолжают готовиться к очередной репетиции во время лекций по другим дисциплинам и не слушают их. Во-вторых, готовясь к репетициям, из-за недостатка времени ограничиваются изучением только прочитанного материала по конспекту (но зато этот материал усваивают крепко, тем более что тот же материал они перед экзаменом проходят второй раз). Однако, я оговариваюсь, что репетиционная система пригодна в технических учебных заведениях, но не гуманитарных. В последних необходимо осваивать огромный литературный материал, часть которого можно достать только в библиотеках. В технических учебных заведениях проходимый материал более конкретен и зиждется на весьма устойчивой и сравнительно мало и очень медленно изменяющейся основе, каковой являются высшая математика и теоретическая механика и т. п. Правда, сейчас мы переживаем коренные изменения в физике и технологии многих процессов, но освоить и эти науки без изучения некоторых довольно трудоемких и остающихся неизменными оснований этих разросшихся дисциплин невозможно.

Суть того, о чем я говорю, сводится к тому, что в военно-морских и в наших морских вузах закрытого типа репетиционная система позволила бы готовить специалистов в более короткие сроки, нежели сейчас. Мы готовим эксплуатационников, а не конструкторов и исследователей, у нас же все вузы без разбора подведены под одну гребенку. Спорить нельзя. Слишком большое влияние в решении учебных и методических вопросов у нас имеют люди с гуманитарным образованием, совершенно не представляющие специфику работы специалистов-эксплуатационников в области техники. О репетиционной системе обучения я говорил на большом совещании преподавателей вузов в присутствии адмирала флота Н.Г. Кузнецова, но затем все выступавшие говорили, что они не понима-

ют, что это за система, а потому отвергали ее. Впрочем, нашелся один профессор или доцент, кажется из ВИГУ, который поддержал меня.

Итак, считаю, что в Морском корпусе существовавшая репетиционная система была правильной. Эта система давала возможность готовить морских офицеров достаточно грамотными по своей специальности.

Слабым местом в нашей подготовке была электротехника. Мы недополучали монтерской подготовки. С нее надо было начинать, чтобы приучить работать практически. В основном прохождение курса было теоретическое, хотя по каждому разделу проводились и практические работы в лаборатории. Тот же недостаток перешел и в послереволюционное время в Училище Фрунзе, причем, когда я говорил о необходимости изменить систему обучения по электротехнике преподавателям, они меня не понимали, чего я хочу.

Классы 2-й роты помещались в 3-м этаже над кухней училища (над пищевым блоком, по-современному), совершенно обособленно, причем туда не заходило никакое начальство. Интересно вспомнить, что в 22 классе, где историю в.-м. искусства преподавал кап. 1 ранга Леонид Александрович Гросман — страшно примитивный человек, на побеленных стенах мелом были разрисованы переплетающиеся и извивающиеся змеи. Каждый выпуск заставлял «Леню» Гросмана рассказать про случай со змеей. Дело заключалось в том, что у себя на даче он в присутствии жены обнаружил в дровах змею и убил эту змею поленом. В процессе рассказа гардемарины прерывали его вопросами, делая вид, что не понимают, и когда он доходил до того что «ее убил», все ахали и хором спрашивали: «Кого? жену?», а он отвечал: «Да, нет — змею!» Это повторялось из года в год. Мне он не преподавал³⁹.

6 декабря 1912 г. наш преподаватель мореходной астрономии С.И. Фролов был произведен в капитаны 1 ранга. Мы его очень любили. Чтобы поздравить его, перед первым занятием после этого дня мы на доске нарисовали на фоне восходящего солнца контр-адмиральский погон, как наше пожелание ему. Когда он пришел, он выслушал рапорт и с сердитым видом приказал стереть с доски, а сам вышел. Возвратившись через минуту, он весь час был очень сух и молчалив. Однако перед концом занятия он нас поблагодарил за поздравление, но сказал, что мы выбрали неприемлемую форму. По своему складу он был очень неорганизованным. Объяснял он хорошо, но самое существенное, что он недостаточно тренировал нас в письменных работах, т. к. не имел времени или не выносил проверки их. Письменные работы он устраивал, но часто обращался ко мне: «Белобров, проверьте его работу», — и я часть работ, которые бывали закончены, во время занятия сравнивал со своей. Однако большая часть класса работу не заканчивала, и, собственно говоря, положение по астрономии у нас было катастрофическое. Теорию на репетициях ему сдавали, а решать задачи не умели.

Первое полугодие я закончил с одной 9 по морской описи, с восьмью 11 и восьмью 12.

В октябре, примерно, 1912 г. гардемарин моего класса Алексей Соловкин застрелился в спальне 2-й роты из винтовки. Он поступил в корпус вместе с нами в 1909 г. из одного из московских кадетских корпусов. Был очень замкнутым всегда и жил совсем отдельной от нас жизнью. Почему он застрелился, мы так и не узнали. Он оставил письмо, в котором просил, чтобы на его похоронах не присутствовал А.А. Паскин, но директор корпуса приказал Паскину быть на похоронах. Оказалось, что на дворе электростанции училища имеется покойницкая, и нас туда на следующий вечер водили на панихиду, а утром на следующий день наш же класс без оружия провожал гроб Соловкина на Смоленское кладбище, где мы оставались во время отпевания и при погребении. За год до Соловкина из состава нашей же роты тоже в спальне (3-й роты) застрелился гардемарин Свиридов, пробовавший в корпусе меньше года. Я его совсем не знал.

По вторникам и пятницам после сдачи репетиций я всегда старался увольняться. Я обычно сдавал одним из первых, и мне удавалось выходить из корпуса между 19 и 19¹/₂ ч. Случалось, что я сразу ехал на трамвае в Мариинский театр, и мне удавалось достать, из возвращенных абонементных, билет в партер. Например, помню, раз я попал на «Фрадиаволо» с Собиновым, приезжавшим из Москвы. Бывал я также в такие дни у тети Оли в Смольном, хотя туда поздно не было принято ходить. Я попадал туда в девятом часу. Тетя Оля обычно меня ждала с обедом, бравшимся из столовой Высшей кавалерийской школы, затем я пил чай со сладостями, затем раскладывал несколько пасьянсов и не позже 22 ч. уходил в корпус.

Рождественские и пасхальные каникулы я провел в Павловске. Каникулы протекали в частых поездках в Петербург. Бывали дни, когда я попадал в Мариинский театр в один день и на утренний, и на вечерний спектакли. В императорских театрах было установлено, чтобы во время антрактов находящиеся в зрительном зале военнослужащие не садились, а стояли в проходе или около своего места лицом к царской ложе. Затем гардемарины, кадеты и юнкера военных училищ не имели права сидеть в партере ближе 7-го ряда. В эти театры на внеабонементные спектакли по особым талонам с печатью учреждения можно было покупать билеты со скидкой в 50%. Я ими часто пользовался, и за места в 13–18 рядах платил меньше 2-х рублей.

Весной 1913 г. нашу роту водили на прибывший в Петербург эскадренный миноносец «Новик», построенный в Германии⁴⁰. Он был четы-

рехтрубный, водоизмещением около 1400 тонн, т. е. в два раза больше построенных в послецусимский период на добровольные пожертвования миноносцев, и был не угольным, а нефтяным. Он мог развивать скорость до 37 узлов и в то время был самым быстроходным военным кораблем в мире. Он был вооружен 102-мм пушками и имел двойные минные (по-современному — торпедные) аппараты. Командиром его был кап. 2 ранга Дмитрий Николаевич Вердеревский. Корабль произвел на нас большое впечатление. Когда мы были на нем, он стоял на швартовах у Английской набережной, у пристани, ближайшей к Николаевскому мосту.

В апреле 1912 г. я получил особое назначение. Мне были поручены человек 20 вновь поступивших в корпус молодых людей, принятых в младший специальный класс. Среди них был Николай Александрович Мамонтов. Их разместили несколько отдельно от остальной роты, и я был как бы в отдельном подразделении. Я водил их в Столовый зал и вообще оказался их полным хозяином. Они обучались строю инструкторами-стрелками, которые в 1909 г. учили и меня. В таком положении я находился дней 10 до 30 апреля; точно не помню. Мне было очень удобно, кроме того, я любил всегда самостоятельность и независимость. Поэтому этот эпизод из жизни оставил у меня хорошее впечатление.

Таким образом, очень незаметно мы подошли к периоду экзаменов. Во второй роте было 11 экзаменов, и все они были выпускными. Начинались они 23 марта и продолжались до 30 апреля с перерывом на пасхальные каникулы с 7 по 21 апреля, т. к. Пасха в 1913 г. была 14 апреля.

Наиболее торжественным экзаменом был по навигации письменно. Он проводился в Столовом зале одновременно для всего состава роты. Каждый выполнял прокладку на отдельном столе. Задачи, вероятно, в двух вариантах, относились к плаванию в Финском заливе, и решали их мы на учебных картах небольшого размера. При начале решения у меня произошла задержка — первая обсервация у меня легла за рамкой карты. У меня возникло подозрение, что это сделано умышленно, как подвох, проверил построения и снова получил место там же. Однако все же решил, что так задать не могли и повторил все в третий раз и получил место в пределах рамок карты. На эти поиски я потерял минут 20, но дальше все пошло хорошо, и я подал задачу вовремя. Оказалось, что из моего класса за решение этой задачи по навигации 12 баллов получил один я. Через несколько дней я обратился к Завалишину, чтобы узнать оценки, и он мне с большой обидой сказал, что наш класс решил задачу чуть ли не хуже, чем остальные классы, и объясняет себе это тем, что у нас, видимо, обычно на тренировочных работах списывали друг у друга. Но это не так. По навигации прокладку трудно списать. Просто навигация не так легко дается, как это кажется.

Самыми трудными для меня экзаменами в эту сессию были: богословие и химия. На экзамене по богословию я по сути ничего ответить не

мог. Я честно прочел книгу два раза, но у меня ничего не осталось, особенно из курса 2-й роты, а мне именно попался вопрос из этой части курса. Я считался «зубрилой», и когда я, взяв билет, показал классу, что я ничего не знаю, мне замахали руками — «не [при]бедняйся, знаем тебя!» Тем не менее, надо было что-то говорить и я, конечно, ничего путного и связного сказать не мог. Священник Д.И. Удимов в итоге сказал, что хорошо, что еще не пришел ассистент, и поставил мне 9 баллов, что в среднем с годовым баллом 12 дало окончательно 11 баллов.

В те годы мою неудачу по богословию я объяснял себе случайностью. Но в последующие годы я понял, что причиной явилось свойство моей натуры. По своему складу я не склонен заниматься ничем отвлеченным и не умею воображать и мечтать и могу интересоваться только тем, что мне нравится и к чему меня влечет. Например, и из реального, полезного, на мой взгляд, для меня совсем далеко все относящееся к химии, биологии, ботанике, металлургии, различным механизмам и т. п. Причем я часто понимаю, что кое-что мне самому необходимо и встречается в моей практике, однако пересилить себя не могу — не моя сфера или область знаний и интересов. Тем не менее, кое-что из области нереального мне приходится в минимальной степени воспринимать и усваивать, несмотря на то, что мне это неинтересно.

Своей неспособности заниматься отвлеченными вопросами я раньше не знал. Когда я кончил корпус и уже был офицером на «Олеге», я вспомнил, что Леша вскоре после выпуска на «Александре II» стал брать в ревельской морской библиотеке книги по философии: Ницше, Шопенгауера и т. п. Он в тот период часто цитировал из этих книг непонятные для меня выражения и слова. Я решил, что мне следует восполнить мой пробел, т. к. я в этой области абсолютно ничего не знал. Поэтому я тоже из той же библиотеки, благо мы часто бывали в Ревеле, взял «Историю философии» какого-то автора. Начав ее читать, я быстро убедился, что философские вопросы не для меня. Они совершенно оторваны от жизни, от практики, и я вернул книгу, не дочитав ее до конца. При чтении этой книги я просто терял время, т.к. ничего не усваивал и не воспринимал.

Такая же история происходила у меня с 4-й главой знаменитой «Истории ВКП(б)» издания 1930-х гг. Так и до сих пор я не понимаю, что такое «отрицание отрицания» или «нет-нет, да-да» и т. п. Все это так далеко от жизни и практики, что без потери времени на усвоение такой говорильни можно смело прожить. Такой же говорильней представляется мне и богословие. Недаром каждая церковь, считая себя правой, отстаивает свою точку зрения, представляющую собой несущественные мелочи. А жизнь идет себе независимо от этой бессмысленной толчеи в ступе.

Вторым слабым местом в моем образовании является моя полная сесть в химии. Наш преподаватель в корпусе Авалов был мягким человеком. Относился к нам очень хорошо. Мы над ним без всякой злобы, а про-

сто из мальчишеской склонности к балагурству, как это было бы расценено сейчас, «издевались». Например, когда мы узнали, что он князь, то стали при входе его в класс рапортовать ему «ваше сиятельство» вместо «господин преподаватель». Он страшно смутился и сказал, что этого не надо, но мы настаивали, что мы обязаны так обращаться к нему. Это был эпизод, и скоро мы об этом сами забыли. Тем не менее, мы понимали, что Авалов обладает слабым характером. В результате мы химией не занимались. Я даже считаю, что для меня она была изложена «мелким шрифтом», т. е. так, как излагается в учебниках необязательный материал. В 3-й роте я отвечал по химии 3 раза. Первый раз в 1-м полугодии о кислороде, а во 2-м полугодии о сере. Когда мы прошли раздел об азоте, Авалов назначил на следующее занятие опрос, но никто не подготовился, тогда он, чтобы не ломать своего плана, предложил мне выйти для ответа. Но я был настолько уверен, что меня он не вызовет, что совсем об азоте не читал; поэтому я согласился выйти при условии, что буду отвечать о сере. Авалов вынужденно согласился, я вторично ответил о сере и получил во второй раз 12 баллов. После этого я совсем химией в том году не занимался. На следующий год репетиции по химии я сдавал удачно и, конечно, как и всегда, без всяких шпаргалок. К концу учебного года Авалов не успел пройти всю программу, и нам было предложено все непройденное по программе к экзамену пройти самим. Бывали у нас по химии и лабораторные работы, но они ведь совсем расходятся с формулами и не объясняют их, потому что соединяемые вещества берутся без дозировки, т. е. без зримого подтверждения существующих формул и валентности. На экзамене по химии меня стал спрашивать ассистент — штатный преподаватель корпуса по химии Ворожейкин, который славился тем, что ставил много единиц и был очень требовательным. Мне пришлось отвечать о железе, которое мы не проходили в году. Я прочел о нем по книге при подготовке и стал говорить о том, как железо добывается. Когда Ворожейкин предложил мне написать какую-нибудь формулу, относящуюся к железу, я ему написал, но ему самому пришлось мне ответить, что это формула магнитного железняка. Затем он меня что-то спросил о кислороде и за устный ответ поставил 10 баллов. Затем мы переходили в лабораторию, где должны были произвести качественный анализ и сказать, какие вещества находятся во врученной нам колбе. Я и не пытался в колбу чего-нибудь налить, т. к. это было бессмысленно для меня. Я обратился к лаборанту Ивану Филипповичу, и он по номеру моей колбы сказал, что в ней находится. Так же, как и я, поступали все. При том малом количестве лабораторных занятий, которое мы имели, конечно, решать задачи на качественный анализ мы не могли. Поэтому включение в экзамен такой задачи является примером очковтирательства, и меня удивляет, как это мог допустить такой умный человек, как наш инспектор классов генерал-майор Бригер. В итоге за выполненный анализ я получил 12 баллов и в среднем за экзамен 11 баллов, а в аттестат,

с учетом годового балла, получил 12 баллов. Химия осталась для меня пустым местом и в моей жизни и практической деятельности никогда мне не потребовалась.

В итоге после сдачи экзаменов при переходе в 1-ю роту я получил 10 оценок по 12 баллов, 7 оценок по 11 баллов и одну в 10 баллов по дифференциальному и интегральному исчислению, так что средний балл оказался 11,50.

Весной 1913 г. Митя был переведен в Гвардейский экипаж. Офицеры гвардейского экипажа носили погоны с красными просветами вместо обычных черных просветов, и на сюртуке на рукавах у них нашивались золотые катушки; также и шитье на мундире было несколько иным, чем у флотских, обычных офицеров. Затем на левой стороне они носили кульмский крест черного цвета, установленный в день столетия экипажа в 1910 г. Кроме того, гвардейцы не носили синих кителей, а только защитного цвета (хаки). Кителя во флоте были введены, как и в армии, году в 1907, и сперва защитного цвета, как в армии, но через год ввели для флота синие кителя. Однако в гвардейском экипаже оставили кители защитного цвета по просьбе шефа экипажа — вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Она, как датчанка, ненавидела Германию, а в германском флоте у офицеров форма была синего цвета. Гвардейцам нравилось, что они этим несколько отличаются от флота.

9 мая 1913 г. мы покинули корпус. Перед посадкой на буксиры нас построили на набережной против корпуса, и для напутствия прибыл морской министр Григорович, который обошел строй и поздоровался с каждой ротой отдельно.

Наша рота была разделена пополам: три класса пошли на крейсер «Олег», а мой 24-й класс вместе с 22-м и 23-м классами на opisную баржу в Котку. Нас посадили в Петербурге на Неве на канонерскую лодку «Храбрый», которая доставила нас к вечеру в Котку. Баржу прибуксировали туда же из Кронштадта через час после прихода «Храброго», и уже в 23 ч. мы разместились на барже. Это была железная баржа с хорошим, светлым помещением для гардемарин; вдоль бортов были двухъярусные четырехместные открытые купе с деревянными лежанками, а в середине помещения стояли в два ряда 4 длинных, постоянных стола, на которых мы ели и занимались и писали письма и т. п. В кормовой части находилось офицерское помещение, а в носовой — помещение для команды. На верхней палубе имелись рубки, где помещался лазарет, несколько кают, умывальники и т. п. Нам пришлось устанавливать баржу на ее постоянное, в летнее время, место около небольшого островка при входе на Коткинский рейд. Баржа стояла на двух якорях и на кормовых швартовах, крепившихся на острове. На острове имелась небольшая пристань, а между пристанью и правым трапом баржи было леерное сообщение на шестерке.

Остров назывался «островом Наблюдений». На нем была установлена большая палатка, где находились хронометры и секстанты для астрономических наблюдений в искусственный горизонт.

Командующим баржей был помощник инспектора классов корпуса, полковник Владимир Кузьмич Чернышев — очень мягкий и приятный человек. На нем лежала организационная часть, а преподавали нам ст. лейт. Борис Павлович Хлюстин — по астрономии, и лейт. Крафт — по морской описи. В начале кампании для инструктажа молодых преподавателей из Петербурга ненадолго приезжали генерал-майор Безпятков Михаил Михайлович (астроном) и полковник А.Н. Лосев (по морской описи, т. е. по гидрографии). Как это было заведено при нахождении в Финляндии, часы на всех судах переводились на Гельсингфорское время, т. е. ставились на 21 минуту назад по сравнению с Петербургским временем.

Постановка дела на барже была несколько новой для нас. С нами не нянчились, и мы были предоставлены самим себе, но в то же время с нас требовали вовремя представлять задания. Это действовало благотворно, воспитательно. Приучало к самостоятельности.

На барже мы занимались береговыми астрономическими наблюдениями: широты по близмеридиональным наблюдениям и поправки хронометра по абсолютным и соответствующим высотам Солнца. Искусственные горизонты были чугунные плоски, которые мы наполняли машинным маслом. У меня получались удачные результаты. Обычно я решал, т. е. обрабатывал мои наблюдения наперегонки с Хлюстиным, и часто у нас с ним результаты сходились. Это доставляло удовольствие. Бывали дни, когда я за дневное время успевал отнаблюдать и решить 3–4 задачи: 2 по абсолютным и 2 по соответствующим высотам Солнца.

Во-вторых, мы занимались морской описью: компасной съемкой сняли о. Моносаари, затем мензульной съемкой, а после и секстанной съемкой о. Погонсаари. В нашу задачу входило снять только береговую черту без горизонталей, т. е. без высотной съемки. Мы работали группой в 6 человек — первые 6 гардемарин моего класса по алфавиту. Надо отметить, что не все у нас любили береговые работы, и нашу группу вытягивали мы вдвоем с Бугаевым. Был один день, когда после высадки на остров Ахрамович, Берсенев и Денисов сразу заявили, что они будут готовить завтрак (подогреть выданные нам котлеты и греть кипятка на костре), и так за весь день они ничего не сделали, так что все легло на Бугаева, Ганенфельда и меня. Так же и план островов на основании компасной и секстанной съемки обрабатывал один я. Планшет наш был общий для нескольких групп, так что мензульную съемку в туши обработал Сера Кравков.

В-третьих, мы выполнили промер в течение двух дней французским способом; сделали 4 галса, но представили 5 галсов по-школьнически. Это было скучно, т. к. работали на веслах.

В-четвертых, мы занимались изучением торпед (по-прежнему — мин) образца 1904 г. и мин заграждения 1908 и 1912 гг., а также подрывным делом, причем один день потратили на выполнение подрывных работ на одном из небольших островов без населения, куда нас доставили на миноносце. Очень большое впечатление оставили у меня занятия, проведенные инструктором унтер-офицером Пасечником. Это был прекрасный педагог. Он сперва объяснял и показывал части механизма мины, а затем задиктовывал, и очень тактично заставлял вести запись всех нас без исключения. Если кто-нибудь отвлекался во время занятия, он сейчас же говорил: «господин такой-то, повторите, что я сказал» или т. п., и его хорошо слушались и не обижались. С миноносца у борта баржи мы ставили мины заграждения и затем на таях поднимали их из воды.

Во время пребывания на барже нас группами посылали в поход на корпусных яхтах. Моя группа ходила на парусной яхте «Павлик», подаренной корпусу вдовой когда-то и где-то умершего кап. 2 ранга Дурново⁴¹. Командиром яхты был лейт. Николай Мефодиевич Китаев — корпусной офицер. На яхте была команда из трех корпусных горнистов (на летнее время). Нас было шесть гардемарин. Мы вышли из Котки 24 мая после спуска флага и часа через три стали на якорь у о. Курисари. Затем около 9 ч. 24 мая снялись с якоря и пошли шхерами мимо лоцвахты Курсало в Питкопас, где находится рейд «Штандарт» — место, куда для отдыха летом удалялся Николай II с семьей на своей яхте «Штандарт». Мы пришли туда около 17 ч., и там оказались три эск. миноносца 5-го дивизиона («невки»). Вскоре к нам на четверке под парусами со «Сторожевого» приехал мичман Сурандер — мой унтер-офицер в 5-й роте. Он порекомендовал нам заняться рыбной ловлей, но когда мы съехали на берег, то оказалось, что ловить рыбу надо неводом, которого у нас не было.

На яхте было плохо с питанием; наш артельщик Берсенева ездил на берег и купил там рис, затем картофель, молоко. Я навсегда запомнил ужасную рисовую кашу на воде, которую мне пришлось есть на яхте.

Утром 26 мая мы снялись с якоря в Котку, но не удалось два поворота, и мы стали снова на якорь и, т. к. ветер усилился, взяли сперва на парусах один риф, а затем два рифа (чтобы уменьшить площадь парусов). Переменив место, отстаивались до 3 ч. ночи на 27 мая, когда мы вышли в обратный путь. Я несколько раз отдавал морю дань, но без труда работал и разговаривал. Мы много лавировали. За островами ветер совсем стихал, и Китаев даже поднял бом-кливер и топсель, но, когда мы вышли из-за островов, нас так положило, что вода дошла до рубки, и мы скорее спустили часть парусов. После прохода Мустама мы вышли из шхер и пошли морем, а затем у башни Ранке повернули в Котку и вошли туда на фордевинд около полдня. На «Павлике» мы спали на кожаных диванах по трое, не раздеваясь. На якоре мы стояли на вахте по очереди и сменя-

лись через час, а на ходу вахты стояли по три человека. Поход был необычный и интересный, он внес разнообразие.

Кроме такого похода под парусами нас еще посылали в четырехдневный поход на миноносцах. В распоряжении корпуса в 1913 г. находились эск. миноносец «Искусный» и миноносцы № 212 и 213 под командованием кап. 1 ранга Рыбалтовского — начальника сводно-резервного дивизиона, находившегося на «Искусном». Для похода наш 24-й класс распределили по 8 человек на эти 3 миноносца; распределение было добровольное. Я попал на миноносец № 212, которым командовал лейт. Филатов. На нашем миноносце с нами ходил и наш отделенный начальник лейт. И.И. Шанявский. На этот поход меня выбрали артельщиком. Я это дело не любил.

«Искусный» плавал под брейд-вымпелом начальника дивизиона. Это был эск. миноносец 8-го дивизиона («француз») французского типа с четырьмя трубами, расставленными попарно в диаметральной плоскости с довольно большим промежутком между ними, т. к. машинное отделение на этом типе располагалось между двумя кочегарками. Номерные миноносцы были значительно меньше «Искусного» — трехтрубные. Перед войной с Японией в 1903 г. они предназначались для Дальнего Востока и вместе с эск. броненосцем «Ослябя» дошли до Суэцкого канала, но из-за начавшейся войны их вернули в Балтийское море.

1 июня наш класс вышел на миноносцах из Котки по шхерам на запад. Через четыре часа мы пришли в Гельсингфорс, где вместе с командой сразу же погрузили уголь. После погрузки нас отпустили в баню. Я пошел с Ганенфельдом, Сергей Кравковым и Мазуровым. Чтобы найти баню, мы сели на извозчиков, причем, когда мы остановились против какой-то бани, у Сери Кравкова развалился пакет, и ему пришлось на улице при народе подбирать кальсоны и т. п. Мы были шокированы, но Серя всегда был несколько нелепым человеком, хотя был сыном крупного профессора Военно-Медицинской Академии. В бане мы взяли два номера и, как это принято в Финляндии, нас прекрасно вымыла пожилая женщина. Я мылся в одном номере с Мазуровым. Утром 2 июня мы вышли из Гельсингфорса и через пять часов пришли в Гангэ. Там мы простояли два дня и много времени провели на берегу, катались на байдарках и гуляли. Мне пришлось заботиться о нашем пропитании, и я покупал там всякие булки, масло, сыр и т. п. Утром 4 июня мы перешли в Гельсингфорс. Около Лапвика наш миноносец ненадолго оказался головным, и наш командир лейт. Филатов перепутал вехи, так что мы задели винтом за камень и погнули или сломали часть одного из гребных винтов, вследствие чего после этого нас стало сильно трясти в нашем кормовом помещении. В Гельсингфорсе мы простояли четыре часа, снова побывали на берегу, в кафе, сделали разные покупки, а затем около 23 ч. возвратились в Котку. Поход был интересным, я много

стоял у карты и хорошо понял метод вождения миноносцев в шхерах. Особенно интересно проходить узкости: Малые Пеленги, Барезунд и т. д.

Я упустил отметить, что когда мы плавали на «Верном» в 1910 г., во время стоянки в Гельсингфорсе нас как-то посылали в экскурсионном порядке на маленькие газолиновые миноноски, которых в дальнейшем я не видел, т. к. их, вероятно, ликвидировали. На этих миноносках нас прокатали по шхерам внутренним фарватером к востоку от Гельсингфорса, и меня поразила 16-узловая скорость хода, с которой мы шли в строе кильватера.

19 июня 1913 г. у нас был экзамен по минному делу. Экзаменовал лейт. И.И. Шанявский в присутствии кап. 1 ранга Л.А. Гросмана и инструктора Пасечника, который очень болел за каждого из нас. Спрашивали довольно подробно назначение и действие какого-нибудь из механизмов мины Уайтхеда, мины заграждения и по подрывному делу, по каждому разделу я получил 5 баллов и в среднем 5 баллов. По астрономии и по съемке оценки были выставлены за совокупность работ и по общему впечатлению — по тому и по другому по 5 баллов. В программу по астрономии входило также пользование звездным глобусом, который нам показал Б.П. Хлюстин.

Последние дни на барже гардемарины занимались увековечением своего пребывания на о. Наблюдений. С помощью приобретенных зубил очень многие высекали на большом камне свои фамилии. То же самое сделал и я. Это занятие требовало много времени, т. к. гранит был твердый. После того, как я высек фамилию, я покрасил надпись белой краской.

За время пребывания на барже я выкупался в море с о. Наблюдений 12 раз; плавать я не научился, но хоть стал держаться на воде.

22 июня в полдень мы отвалили от баржи на миноносце № 213 под командой лейт. Коптева под крики «ура», и на плесе южнее о. Наблюдений перешли на крейсер гвардейского экипажа «Олег», где старшим штурманом был Митя. Плававшая на «Олеге» другая часть нашей роты перешла на баржу в Котку.

Плавание на «Олеге» произвело на меня большое впечатление и имело заметное воспитательное значение. Увидели мы на «Олеге» отличную организацию службы (исключительно красиво и продуманно была построена организация подъема всех шлюпок), систему здороваться со своими подчиненными при первой встрече ежедневно, заботу о подчиненных и т. п. Увидели мы также и очень отрицательные вещи, которые поразили нас и запомнились. По сравнению с организацией практики на предыдущих кораблях новым для нас оказалось, что гардемарин не вызывали по дудке для развода на вахту. Мы вступали на вахту и сменялись самостоятельно (по-офицерски). Эта система привела к тому, что случаев опоздания на вахту не бывало. Мы как-то сразу выросли, стали взрослее. То же самое было уже на барже, но там несение службы велось по-домашнему. Там мы стали относиться по-взрослому к занятиям; их начинали не из-

под палки, а из чувства неизбежности их выполнения и необходимости. Во-вторых, отношение к нам офицеров, проводивших занятия, было новым. К нам относились как к равным; с нами беседовали, не назидали и не запугивали, что преподносимое является самым важным в жизни, без чего мы пропадем. Мы чувствовали, что нам преподают то, что нам надо знать.

В-третьих, к нам относились очень вежливо, что служило образцом того, как важна в жизни корректность.

Приятное впечатление производила команда «Олега». Матросы были рослые, как во всех гвардейских частях. Очень много было сверхсрочников. Ленточки на фуражках у матросов были георгиевские, т. е. в виде оранжево-черных продольных полосок; на бушлатах и шинелях у них были красные погоны, а поясные ремни белого цвета, как у всей гвардии. Командиром крейсера был кап. 1 ранга Петр Львович Трухачев; до «Олега» он командовал эск. миноносцем «Войсковой»; вообще он был неплохой человек, но порядочно выпивал, бывал груб и плохо управлялся при швартовках. Митя был им недоволен, и раз был случай, когда Митя собрал в своей рубке все свои книги и карты и ушел с мостика, когда Трухачев стал кричать на сигнальщиков за то, что флажный сигнал у них за что-то зацепился. Инцидент этот сразу как-то уладился.

Старшим офицером был кап. 2 ранга фон Рейер⁴². Он стал строевым офицером не сразу, а перевелся из корабельных инженеров. Это был типичный немец, не прибалтийского, а германского типа. Говорил по-русски с акцентом, сильно ругался и, самое неприятное, ужасно бил матросов по морде; особенно часто он бил одного из горнистов. Делал он это из презрения к русским мужикам. Два раза случилось, что он обматерил нас — гардемарин, но оба раза он в тот же день нас вызвал на полуют и там перед строем извинился. Это прототип германского фашиста. Кроме него я немцев-офицеров такого типа на флоте не видел. Это был единственный экземпляр. Тем не менее, организация службы на «Олеге», упорядоченная именно им, была лучше, чем на тех кораблях, где мне когда-либо приходилось видеть.

Старшим артиллеристом был ст. лейт. Владимир Иванович Залесский, ревизором ст. лейт. Катков. Оба они не были Гвардейского экипажа, причем первый из них не мог быть переведен в гвардейский экипаж, т.к. его отец был жандармским генералом, а второй, вероятно, сам не хотел перевестись.

Интересно отметить существовавшую во флоте традицию. Жандармские офицеры на кораблях никогда не приглашались в кают-компанию. Если жандармский офицер по каким-нибудь делам прибывал на корабль, то его принимал командир или старший офицер в своей каюте, и затем он отбывал. Между тем любой офицер с другого корабля или армейский или инженер с какого-нибудь завода или гражданский родственник какого-либо офицера, когда прибывал на корабль, обязательно при-

глашался в кают-компанию остаться позавтракать или пообедать, а если это случалось в дневное время, то хотя бы выпить стакан чаю. Относительно жандармов я узнал от Мити, т. к. на «Олеге» во время ремонта у завода возникло затруднение, когда из-за этой традиции оказалось невозможным принять в кают-компанию отца Залесского, который не то приезжал к сыну на крейсер, не то должен был приехать. В общем, его в кают-компанию решено было не приглашать, а был ли он на «Олеге» после этого, я не помню.

Старшим минером был лейт. Лукин (Митинового выпуска) — подслеповатый и бесцветный человек. Младшим штурманом лейт. Милашевич Николай Григорьевич (Лешиного выпуска) — человек со странностями; в первые годы после революции он ходил в бушлате, служил на какой-то маленькой должности, чуть ли не лаборантом в училище командного состава и чуть ли не стал коммунистом, но вскоре исчез с горизонта.

Вахтенными начальниками были лейт-ты: Дмитрий Иванович Мессинг (Митинового выпуска), Никита Федорович Пешков (Лешиного выпуска) и мичманы: Молоховец и барон Драхенфельс.

Из этого состава, кроме Залесского и Каткова, не гвардейцем был Драхенфельс, который в конце нашего пребывания на «Олеге» был переведен на крейсер «Громобой». Мичман Молоховец был прикомандированным к Гвардейскому экипажу.

Судовыми механиками были: инж.-мех. кап.1 ранга Михаил Прокофьевич Максимов⁴³ и инж.-мех. мичманы: Витольд Августович Мицьюн⁴⁴ и Константин Александрович (Андреевич. — А.Е.) Шишацкий⁴⁵. Врачами: старшим — Любинский⁴⁶, младшим — Востросаблин⁴⁷. Судовым священником о.Владимир Попов.

Старшим корпусным офицером с нами плавал кап. 2 ранга А.А. Паскин, а младшим — лейт. Лахматов. Кроме того, у нас плавал флагманский артиллерист отряда Морского корпуса ст. лейт. Круссер.

Большая часть гардемарин размещалась в жилой палубе на правом борту церковного отсека, а я попал с большей частью моего класса в той же палубе в небольшую выгородку в следующем отсеке ближе к носу по левому борту. Я устроился спать на скамейках. Койки мы, конечно, на день обязаны были вязать и выносить в сетки на верхней палубе.

В тот же день мы снялись с якоря и перешли в Гельсингфорс, где на следующий день участвовали в угольной погрузке из барж.

Мы стояли вахты: вахтенным начальником, вахтенным офицером на баке (на ходу — на шканцах), сигнальщиками, на руле парового или моторного катера, на якоре — у динамо-машин, а на ходу — в машине или кочегарке. Когда мы стояли вахтенными начальниками, нас заставляли подавать команды и давали самостоятельно поднимать или спускать шлюпки (конечно, под наблюдением стоявшего на вахте офицера). Стояли мы и караульными начальниками.

Весь стиль нашей жизни был гораздо лучше, чем на «России». Команда на «Олеге» была более вышколенная и воспитанная. Бросалось в глаза, что матросы нам уступали место и т. п.

Часто по утрам бывали шлюпочные пробеги и парусные учения. Я был старшиной 2-й шестерки. Старший офицер был сторонником гребли приемом Петрова — чтобы при занесении весел поворачивать лопасть в горизонтальное положение, чтобы уменьшить сопротивление воздуха.

На ходу нас заставляли брать высоты Солнца для определений места по Сомнеру или широту по близмеридиональным.

Занятия с нами вели: по морскому делу лейт. Пешков — он проводил занятия в офицерской библиотеке в виде беседы, что создавало очень приятную обстановку. По машинному делу — К.А. Шишацкий (перед началом занятия он с каждым из нас здоровался за руку; это не производило того эффекта, которого он ожидал; по-видимому, он сам придавал этому демократический душок; напрасно). По трюмному делу В.А. Мицьюн. По артиллерии — ст. лейт. Круссер. С нами он занимался на приборе Длусского приемами управления огнем, а материальную часть пушек и пулемета мы проходили с унтер-офицерами около самих пушек. По электротехнике — лейт. Лахматов; это дело мы плохо усваивали и плохо понимали. По штурманскому делу — Митя; он предоставлял нам самим изучать эссенскую (т. е. вице-адмирала Н.О. фон Эссена, командующего Морскими силами Балтийского моря. — А.Е.) инструкцию по сигналопроизводству дневному и ночному, а из нового объяснил нам таблицы Бардвуда для определения поправки компаса.

25 июня мы перешли в Балтийский порт, где на берегу у нас была стрельба из револьверов. 27 июня «Россия» под флагом вице-адмирала Русина, «Олег» и «Аврора» вышли в Копенгаген, куда мы пришли в 20 ч. 29 июня. В Копенгагене я был два раза на берегу. В первый раз с Митей на прошлогоднем месте в Тиволи пообедали. На следующий день я осмотрел музей «Глиптотек», где видел подлинник статуи Торвальдсена «Христос»; самый музей мне не особенно понравился, т.к. я искусства не понимаю и не знаю. 3 июля мы ушли из Копенгагена. Сразу же встретили дивизион датских маленьких миноносцев и две их подводные лодки. У о. Хелф в восьми милях от Копенгагена был виден шведский флот. Снова я смотрел в Гельсингере замок Гамлета. По выходе из Большого Бельта мы встретили три отряда самых современных судов Германии, как «Хельголан», «Фон дер Танн», «Мольтке», «Дрезден»⁴⁸ и т. п. — всего шесть линейных кораблей и четыре крейсера. С одним отрядом мы обменялись салютами, а на двух других были вице-адмиральские флаги, а потому мы разошлись безмолвно. Германские корабли произвели мощное впечатление. Тогда еще наши дредноуты находились в постройке. Затем часа через два мы еще встретили крейсер типа «Штеттин» и с ним 11 миноносцев.

5 июля мы пришли в Ревель. Оттуда мы переходили в Балтийский порт, в Гангэ и вернулись в Ревель для артиллерийских стрельб, которые мы вели уже с пристрелкой из 6-дюймовых пушек 37-мм снарядами с пользованием приборами управления огнем. В этот период было много шлюпочных учений перед предстоящими гонками.

19 июля весь отряд Морского корпуса собрался на рейде Тверминэ (Лапвик), где были проведены гонки. У нас 1-й приз взял под парусами на барказе Ахрамович. Еще Бугаев пришел первым на шестерке, но он прошел старт последним после того, как были спущены позывные «шестерок». Тем не менее, в тот же день лейт. Мессинг, заведовавший барказом, прислал Ахрамовичу бутылку шампанского, а врач Востросаблин, заведовавший шестеркой № 2, Бугаеву — две бутылки шампанского. Это было для нас совсем ново и необычно.

22 июля на «Олеге» был праздник — день тезоименитства шефа Гвардейского экипажа императрицы Марии Федоровны. С утра к нам приехал поздравить адмирал Русин, командир «России» кап. 1 ранга Ворожейкин и с других судов. В полдень был салют, и сразу же «Россия», «Олег» и «Аврора» снялись с якоря и пошли в Кронштадт. Во время перехода депутация от гардемарин поднесла кают-компания заказанный в Ревеле у Штуде торт за 52 рубля с художественными марципановыми украшениями. В ответ кают-компания пригласила всех гардемарин на чашку чая. К сожалению, я туда не пошел, т. к. у меня был флюс; по-видимому, меня систематически продувало на том месте, где мне приходилось спать.

23 июля 1913 г. мы пришли в Кронштадт в 8 ч. 30 мин. Там на рейде оказались крейсера: «Рюрик» под флагом вице-адмирала Эссена, бригада крейсеров: «Громобой», «Адмирал Макаров», «Баян» и «Паллада», учебно-артиллерийский отряд: «Петр Великий» и «Александр II», затем крейсер «Богатырь» и другие корабли. «Аврора» от нас отстала, т.к. по пути у Гогланда ее оставили спасать миноносец № 128, который столкнулся с «Посадником». «Аврора» привела пострадавший миноносец к вечеру; нос миноносца был в воде, а корма приподнята. Все были собраны на открытие памятника адмиралу Макарову.

24 июля нас свезли на берег, на Якорную площадь около Морского собора. Из-за флюса меня не взяли в полуроту знаменную, а поставили в цепь около царской палатки. В 11 часов прибыл царь с двумя дочерьми: Ольгой и Татьяной. С ним же прибыл великий князь Кирилл Владимирович, погибавший вместе с Макаровым на «Петропавловске» в Порт-Артуре. Церемония началась молебном, после которого с памятника спустили пелену, причем из-за ветра она зацепилась, и ее пришлось с памятника содрать. Самый памятник мне очень не понравился. Затем был церемониальный марш. Знаменщиком из нас был назначен Мазуров; он был ростом ниже меня и шел, согнувшись от тяжести. На этом все и кончилось, и мы вернулись на крейсер. В тот же день вечером мы вышли в Лапвик.

На следующий день, сразу же после прихода в Лапвик, состоялись великокняжеские гонки, а совсем под вечер — гребные гонки: последние гонки, в которых я участвовал. Я был рулевым на шестерке № 2. Это был позор. Мои гребцы совсем не хотели грести, и мы шли весь путь предпоследними, да и то потому, что шестерка, шедшая последней, совсем не гребла. Я был страшно расстроен. Еще хорошо, что нам не попало.

26 июля вне плана «Олег» был дослан в Либаву. Там мы простояли 3 дня, и это был единственный случай, когда я побывал в этом городе. На берегу я был один раз (в городе). Нас высадили в порту Александра Третьего, откуда в город надо было ехать на трамвае. Я посмотрел пляж, затем был в известной кондитерской Боница⁴⁹, и это, собственно, и все. 30 июля в день рождения наследника утром нас в виде полуроты повезли в Порт Александра III к собору. После обедни и молебна в соборе нас построили на площади перед собором вместе с юнкерами Виленского юнкерского училища, которое в полном составе пришло в Либаву пешком в порядке полевого похода. Парад принимал командир порта Александра III контр-адмирал Загарянский-Кисель. Он начал говорить речь, но запутался, и ему пришлось начать снова. Это нас рассмешило, и при прохождении церемониальным маршем мы прошли, можно назвать, «снисходительно», на мой взгляд плохо, без подъема и старания.

По возвращении на крейсер нас распределили, чтобы мы показали крейсер юнкерам Виленского училища. В то время было модно «единение флота с армией». Вероятно, именно с этой целью был задуман поход Виленского училища и посылка «Олега» в Либаву. Юнкера прибыли на крейсер тремя группами. Мне были даны 10 юнкеров второй группы, и я им показывал крейсер, но когда я, показав им очень немного, кончил, то оказалось, что уже собираются отправить с крейсера третью группу.

Из Либавы мы перешли в Ревель, где состоялись призовые командорские стрельбы, а затем перешли в Балтийский порт, где мы сдавали экзамены. По штурманскому делу, морскому делу и электротехнике я получил по 5 баллов. По машинному делу 5 баллов, а по трюмному делу и артиллерии по 4 балла. По артиллерии меня спрашивал лейт. Я.К. Зубарев, прибывший на «Олег» в Кронштадте. Тогда же на «Олег» прибыл новый старший минер лейт. Иван Эммануилович Вуич⁵⁰ — из правovedов, гвардеец.

Леша все лето плавал на «Воине». Когда я находился на барже, то во время заходов «Воина» в Котку Леша каждый раз приглашал меня к себе, и я бывал у него в каюте по несколько часов. Он всегда угощал меня всякими сладостями. Командиром «Воина» был кап. 2 ранга Вл.А. Саткевич. Он был очень богобоязненным человеком, и у них тщательно соблюдались все положенные богослужения. Когда я бывал на «Воине», мне Леша показал кают-компанийский альбом, где каждый офицер мог рисовать или записывать что хотел. Там судовой врач Кузнецов⁵¹ нарисовал образцы

рекомендуемых им ковриков разной формы: квадратные, круглые, треугольные, овальные и т. п. с тщательно разрисованными акварелью узорами, для каждого вида богослужений: всенощной, обедни, молебна, панихиды и т. п., а также рисунок предлагаемого им станка для стояния на коленях. Это показывает, что Саткевич порядочно допекал своих офицеров религиозностью!

Старшим офицером «Воина» был ужасно неприятный корпусной офицер ст. лейт. Шейковский («Сашка»)⁵².

8 августа наше плавание закончилось, мы вернулись в корпус, и я был отпущен на месяц в отпуск, который провел в Павловске.

По вечерам мы бывали, как всегда, на музыке. Сережа всегда говорил: «Вот начинается сезон музыки, и теперь по вечерам нельзя будет сидеть дома, а хочешь не хочешь изволь идти на музыку».

Это верно. Трудно было отказаться от соблазна, тем более что прекрасные музыкальные вечера давались бесплатно...

8 сентября 1913 г. я явился после отпуска в корпус, и оказалось, что я произведен в младшие унтер-офицеры и назначен в 3-ю роту, которой командовал кап. 1 ранга Ф.И. Федоров. Я об этом знал еще на «Олеге». Перед самым концом плавания, очевидно, по просьбе Ф.И. Федорова, Митя спросил меня, не возражаю ли я против того, чтобы быть унтер-офицером в роте, которой будет командовать Федор Иванович. Я ответил, что то, что мы с Ф.И. Федоровым знакомы, роли не играет.

Меня назначили в класс № 38, сформированный из числа поступивших в младший специальный класс. Вторым унтер-офицером того же класса был назначен Михаил Качулков.

Фельдфебелем 3-й роты был назначен мой товарищ Николай Зернин. Но так как рота эта была необычно большой, что видно из того, что вместо шести классов в ней оказалось впервые при мне восемь классов, в строевом отношении рота была разделена на две полуроты. На прогулки и в Столовый зал первую полуроту водил Зернин, а вторую полуроту — унтер-офицер Николай Бологов, который был фактически заместителем фельдфебеля. В 3-ю роту нас попало 18 человек моих товарищей, однако все мы жили не так дружно, как в предыдущем году вице-унтер-офицерами в 4-й роте. Это зависело от Зернина, который поставил себя совсем отдельно от всех нас и не давал нам возможности собираться в комнате фельдфебеля, где он и спал отдельно от всех. Зернин держал себя с гардемаринами очень строго и требовательно, но и с нами несколько офици-

ально. Поэтому и коллектива у нас не получилось. Так же отдельно от всех жил Болотов. У него было, по-видимому, тяжелое детство, и он был со странностями. Иногда веселый, но чаще мрачный и замкнутый, он постоянно жил в корпусе, прислуживал в корпусной церкви и был всегда лишен ласки и семьи. Немудрено, что в 1918 г. он стал членом коммунистической партии.

Ф.И. Федоров был очень заботливый ротный командир. Как человек он был неплохой, но он был типичным корпусным офицером, любящим флот с берега или, иными словами, оторвавшимся от флота.

Отделенными начальниками были кап. 2 ранга А.И. Шейковский — очень неприятный человек, любивший издеваться, с наклонностями сыщика; заслугой его является курс навигации, изданный в 1914 г. после моего выпуска, но мы пользовались частью его курса, отпечатанной типографски в виде сверстанных листов. Затем был ст. лейт. Дмитрий Дмитриевич Нелидов — небольшого роста, с небольшой черной бородой, очень спокойный и уравновешенный человек; он был моим непосредственным начальником, т. к. ему подчинялись классы № 37 и 38. Далее — лейт-ты: Одржеховский, Полидоров («овцебык» или «Иван-г.») — нелепый человек, совершенно не подходивший быть воспитателем⁵³, и Любомиров.

Весь год я жил среди моих подопечных гардемарин и во время самостоятельных занятий сидел за своей конторкой вместе с ними в большом зале. Отношения у меня с ними были хорошие. Мой помощник Качулков был очень инертный и старался исчезать в 1-ю роту.

После производства в младшие унтер-офицеры мне нашили на погоны по две унтер-офицерских нашивки, желтые с двумя красными кантами, а внизу погона одну поперечную золотую нашивку, как бывшему вице-унтер-офицеру; кроме того, вместо кожаного темляка на палаше я стал носить серебряный офицерский темляк. Это было очень красиво на черном палаше. К празднику 6 ноября я был произведен в старшие унтер-офицеры и стал носить на погонах по три желтых нашивки.

Из нашего выпуска фельдфебелями были в 1-й роте — Аксель Иванович Берг, во 2-й роте — Всеволод Григорьевич Мокасей-Шибинский и в 3-й — Н.В. Зернин. Они носили офицерскую фуражку, офицерский палаш и на погонах одну широкую поперечную золотую нашивку.

Я не отметил выше, что после плавания на барже мне дали аттестацию: «Отличный во всех отношениях», а на «Олеге»: «Весьма добросовестный гардемарин. Выделяется строгим отношением к службе и занятиям».

Класс, в котором я учился, стал № 14 и находился в помещении, выходившем двумя окнами на Неву — на юг. Из 28 человек, начавших заниматься в 34-м классе, нас осталось 23; после 2-й роты Канин был отчислен в юнкера флота за непонятие наук. В 1-й роте продолжалось прохождение астрономии — вместо С.И. Фролова стал преподавать кап. 2 ранга Борис Павлович Хлюстин; артиллерию — ст. лейт. Круссер, ло-

цию — кап. 2 ранга Минин и русский язык — А.П. Колумбус. Б.П. Хлюстин мне впоследствии рассказал, что его вызвал инспектор классов Бригер и сказал, что наш класс совсем не умеет решать задачи по астрономии, поэтому он поручает ему, молодому в то время преподавателю, выправить этот недочет преподавания С.И. Фролова. Бригер был совершенно прав, и меня удивляет, откуда он это знал. Это был очень опытный педагог и умный организатор, ясно понимавший задачу подготовки строевых флотских офицеров. Хлюстин очень старался, и мы непрерывно решали задачи, причем на решение и получение места (координат) корабля по двум высотным линиям положения мы укладывались за 50, а вернее с потерей времени на выписку клетчатой бумаги и принос ее в класс и на черчение схемы вычислений — укладывались за 40–45 минут. Астрономия многим давалась трудно. Например, Денисов в моем классе совершенно не понимал, как следует давать наименование азимута, и я каждый раз ему подсказывал. Я решал эти задачи быстро и довольно удачно.

В корпусе было заведено в конце каждого полугодия по специальным предметам и по математике устраивать контрольные письменные работы, называвшиеся «годовыми» и «полугодовыми», причем эти работы представлялись инспектору классов. Моя «полугодовая» работа по астрономии в 1-й роте вернулась ко мне со следующей надписью Бригера: «Отлично! Прошу цифру числа три писать всегда так, как Вы пишете иногда, а именно 3 (а не 3) и цифру семь так: 7, т. е. без хвостика. Это должно исполняться всяким хорошим вычислителем, быть каковым Вы, по-видимому, имеете все данные. А. Бригер». Меня этот случай поражает до сих пор. Какая внимательность! Вот образец работы учебного отдела! Эта надпись касалась и молодого преподавателя Б.П. Хлюстина, чтобы он знал, на что надо обращать внимание, кроме проверки правильности решения. Сейчас во главе учебных отделов сидят не педагоги, а писаря, занимающиеся отписками от многочисленных бумаг или подготовкой к бесчисленным заседаниям, на которых все теряют время, но необходимых лишь для того, чтобы поставить птичку в перечне рекомендуемых «мероприятий» и чтобы заткнуть всяких инспекторов, готовых во всем найти самые мелочные недостатки и отметить их в акте.

Курс астрономии Б.П. Хлюстин стал нам читать, как и вообще преподавать, впервые. Теоретические вопросы, которые он излагал нам на лекциях, он преподносил очень монотонно, скучно и сухо. Мне его лекции не нравились.

По артиллерии во 2-й роте мы проходили внешнюю баллистику, а в 1-й внутреннюю баллистику, устройство орудийных станков и пушек, башен и способы стрельбы; кроме классных занятий проводились внеклассные занятия на приборе Длусского по управлению артиллерийским огнем. Ст. лейт. Г.П. Круссер 6 декабря 1913 г. был произведен в кап. 2 ранга, а штаб-офицерам корпуса мы обязаны были при встречах вста-

вать во фронт. Поэтому после первого занятия, когда он пришел к нам в новых погонах, мы его поздравили. Занятие проводилось в так называвшейся «батарее», находившейся в первом этаже в помещении за Столовым залом и выходившей окнами на Хлебный двор. Попадать в батарею можно было через Столовый зал по винтовой лестнице. Но главное поздравление у нас произошло в Столовом зале, когда он возвращался с занятия. Мы — весь мой класс — по несколько раз его в зале обгоняли, а затем поворачивались, как будто идем навстречу, и когда он доходил до нас, становились ему во фронт. Я ему встал там во фронт раз пять; он шел и громко хохотал. Это все потому, что мы к нему относились хорошо. Это было весело.

По логии мы должны были научиться пользоваться английскими картами и логиями. Мне был задан переход из Портсмута в Шербург. Занятия проводились во внеклассное время, но А.Н. Минин работал без души, мы были предоставлены сами себе и не получили того, что можно было.

По русскому языку А.П. Колумбус раз в неделю читал лекции по русской литературе: Тургенев, Лев Толстой, Куприн. Это был совершенно принудительный ассортимент, и его мало кто слушал; большинство занимались своим делом и даже читали газеты. Как-то Сланский совершенно открыто стал переворачивать страницы газеты и, когда Колумбус попросил его убрать газету, то ответил: «Александр Петрович, не могу же я читать все время одну страницу». Конечно, это было хулиганство и нахальство, причем это делалось для того, чтобы показать нам — вот какой я лихой! Однако желания обидеть преподавателя ни у кого не было.

Кроме упомянутых дисциплин, которые мы продолжали изучать, у нас начали читать: девиацию магнитных компасов — полковник⁵⁴ Владимир Яковлевич Павлинов, физическую географию — ген.-майор А.Н. Лосев («Нищий»), минное дело — кап. 2 ранга Черниловский-Сокол, морскую тактику — ст. лейт. Я.К. Зубарев, парходную механику — инж.-мех. кап. 2 ранга А.Н. Воробьев, теорию корабля — кораб. инж. подполковник Еремеев, военно-морскую администрацию и законоведение — ген. майор юстиции Эйкар, фортификацию — воен. инж. подполковник Цыгальский (армейский офицер) и морскую гигиену — корпусной врач А.В. Ливеровский.

Из всех этих преподавателей заметной фигурой был В.Я. Павлинов. Он был старшим сыном бывшего инспектора классов корпуса еще при Леше и Мите генерал-майора Якова Ивановича Павлинова и братом преподававшего мне техническое черчение П.Я. Павлинова, который уже в то время (закончив мне преподавать) вышел в запас и стал свободным художником. В.Я. Павлинов уже в те годы был крупным специалистом в области магнитно-компасного дела; он предложил бифилярную электропроводку на подводных лодках, чтобы облегчить работу магнитных компасов на подводных лодках, т. к. тогда еще не существовало гироскопических компасов. Однако преподавал он плохо, неясно, и многое прихо-

дилось принимать на веру. Например, почему магнитные силы на корабле располагаются именно по таким направлениям, как он показал. Кстати, об этом я всегда говорил разным преподавателям в разные годы. Но прислушался к этому в 1950 г. инженер-гидрограф Вал. Петрович Кожухов, и к большому моему удовлетворению впервые в своей книге, изданной в 1960 г., дал ясное и четкое доказательство, почему каждая из магнитных сил на корабле располагается по такому-то направлению. В.Я. Павлинов не любил, когда ему задают вопросы, обижался и раздражался. Характер у него был очень тяжелый, но вообще человек он был неплохой, вежливый. В 1914 г. он выпустил свой второй учебник, где многое можно было найти, но все это было зашифровано и разбросано в разных частях и особенно в полезных примерах. Но надо было до этого добраться самому.

А.Н. Лосев читал океанографию и метеорологию. Впечатления не осталось. Черниловский-Сокол — по минному делу читал несравненно хуже, чем инструктор унтер-офицер Пасечник на барже. Наш выпуск впервые изучал торпеду (их в то время называли мины Уайтхеда) образца 1912 г. — паровоздушную. Совершенно слабые понятия нам дали о методах стрельбы торпедами, имевшийся минный прицел Нидермиллера нам только показали и изложили его идею. Весь расчет строился на предположении, что миноносцы во время атаки должны приблизиться к неприятелю на 2–3 кабельтова, когда прицел не нужен.

Я.К. Зубарев для преподавания морской тактики плохо говорил. Он изложил четыре или пять принципов стратегии. Они же, по-моему, являются и принципами всякой тактики — и это все, что надо знать по тактике, чтобы воевать и побеждать на том корабле, который тебе достанется во время войны. Все рассуждения о наиболее выгодных курсовых углах для наилучшего использования своего оружия и бронирования, если твой корабль тихоходнее, чем неприятельский, а такими были наши корабли по сравнению с германскими во время войны 1914–1917 гг., были простыми разговорами, совершенно неприменимыми на практике. Эти рассуждения я не отвергаю при постройке и проектировании новых судов, а в корпусе нас обучали для практической деятельности. Для ведения морского боя в то время рекомендовался прием японского адмирала Того⁵⁵ — охват головы неприятельского флота. Никаким расчетам при выборе расстояний между судами или между отрядами судов разных классов нас не обучали. Все было предоставлено принципу: «глаз-алмаз». Я всегда был недостаточно воинственен, и тактика меня не увлекала и не увлекла. Учебника по тактике у нас не было, а Зубарев пользовался материалом, полученным им в Морской академии, которую он только что окончил. Поэтому источником для нас служил конспект лекций, вернее, то, что мы записывали с его слов.

Пароходную механику нам начали читать во втором полугодии во 2-й роте. Кроме котлов и паровых машин нам дали понятие о двигателях

внутреннего сгорания и о паровых турбинах, которые были установлены на «Новике» и устанавливались на наших дредноутах. А.Н. Воробьев читал хорошо. Самое главное, что он все детали машин чертил от руки на доске, а мы зарисовывали у себя в тетрадах, т. е. он не пользовался готовыми, тщательно выполненными плакатами (как это делалось по торпедному оружию и по артиллерии). Это методически совершенно правильно. Пусть чертежи получались кривые и косые, но зато мы понимали, почему на чертеже надо делать разные выемки и т. п.

По теории корабля преподаватель Еремеев читал хорошо, но сам по себе предмет довольно скучный, хотя и очень важный. Усвоили его мы плохо, т. к. проходили без решения задач, только теоретическую часть. Впрочем, по заданию вычисляли водоизмещение корабля; мне попался «Богатырь».

Ген.-майор Эйкар был морской юрист; он окончил Морской корпус в 1887 г. Читал он курс законоведения очень четко, сухо, как это свойственно юристам. Он дал много полезных сведений, однако у него не хватало часов, чтобы подробно объяснить порядок судопроизводства в корабельных судах, практическую часть, с которой мне впоследствии пришлось встретиться.

Подполковник Цыгальский был типичным армейцем: очень подтянутый, говорил четко, коротко, без улыбки и, как инженер, очень хорошо чертил на доске от руки, но и от нас требовал, чтобы мы тщательно чертили, чего мы не могли делать. Мне непонятно, почему нам ограничивались преподаванием только фортификации, не давая знакомства с тактикой сухопутных войск и разных их видов. В 1930-х гг. тоже неправильно — курсантам давали только тактику пехотного взвода — другая крайность.

Из курса морской гигиены я узнал, что плитки, которыми выстилаются стены и полы в ваннных комнатах, называются «метлахскими».

С первых же недель учебного года в течение месяца три раза в неделю по вечерам нам читали курс взрывчатых веществ. Мы слушали курс потоками по три класса в химической лаборатории корпуса. Читал курс химик Вуколов Семен Михайлович (Петрович. — А.Е.), действительный статский советник, работавший в научно-технической лаборатории морского ведомства и преподававший химию в корпусе. Читал он хорошо, с демонстрацией опытов, но мы балаганили: когда он на демонстрационном столе что-нибудь готовился взорвать, мы прятались под столы; это было забавно и весело.

Вместе с этим нас возили на заводы на экскурсии. Мы были на Обуховском заводе, где смотрели процесс изготовления пушек, и в том числе 12-дюймовых орудий длиной в 52 калибра для дредноутов; затем на Металлическом заводе смотрели изготовление паровых турбин, и в Колпине, куда мы ездили по железной дороге, на Ижорском заводе смотрели изготовление броневых плит и якорных канатов — все это для дредноу-

тов. Нас поразило прием на Металлическом заводе, где нам после осмотра предложили чай с бутербродами — завод был частный, вероятно, акционерный. Экскурсии были интересны и полезны. В дни экскурсий у нас занятия отменялись.

С середины октября по вторникам и пятницам с 18 ч. 30 мин. до 21 ч. мы сдавали репетиции. В феврале я два раза был в карауле в Зимнем дворце — один раз разводящим, а второй раз в пикете — днем.

За первое полугодие я имел семь оценок по 10 баллов, пять — по 11 баллов и три — по 12 баллов.

11 марта 1914 г. у нас начались выпускные экзамены. По традиции первый экзамен был по астрономии письменно.

В начале октября 1913 г.⁵⁶ директор корпуса вице-адмирал Русин был назначен начальником Главного морского штаба, а затем через полгода начальником Морского Генерального штаба. Вместо него директором Морского корпуса был назначен командир крейсера «Аврора» капитан 1 ранга Виктор Андреевич Карцов. Он был женат на дочери морского министра адмирала Григоровича, и, вероятно, это обстоятельство и сыграло роль, что выбор именно на такую необычную и особенную должность во флоте пал на него. При нас он, приняв корпус, так и оставался командиром «Авроры». Он в свое время окончил Морскую академию и был морским агентом во Франции. Русин был небольшого роста, а Карцов — высокий и представительный, с бросающейся в глаза бородой, выступавшей клином вперед. Мы были огорчены уходом Русина и пригласили его сняться с нами, что и удалось в Столовом зале на фоне статуи Антокольского⁵⁷ «Петр Первый» (основатель корпуса) и портрета Николая II, находившихся в этом зале. Кроме Русина с нами снялись инспектор генерал-майор флота А.М. Бригер, начальник строевого отдела генерал-майор флота А.А. Есаулов, наш бывший ротный командир Н.А. Корнилов, старший врач А.В. Казанский, священник Д.И. Удимов, наши: ротный командир А.А. Паскин и отделенные начальники Н.И. Черниловский-Сокол, И.И. Шанявский и М.Е. Крафт.

Новый директор корпуса Карцов был георгиевским кавалером за Порт-Артур; говорил он медленно и напыщенно. Он завел порядок беседовать с гардемаринами, дежурившими по кухне, сопровождавшими пробу пищи, когда ее приносили к директору корпуса. Беседа эта превращалась в опрос по всем наукам, например, по устройству и пользованию секстантом и т. п., причем было трудно предвидеть, о чем будет разговор, затягивавшийся иногда больше, чем на час. По кухне дежурили гардемарины 1-й роты, мои товарищи, и это причиняло всем неприятные ощущения. К счастью, я, как унтер-офицер, по кухне не дежурил. Сейчас мне понятно, что Карцов просто интересовался общим развитием воспитанников корпуса, заканчивавших свое образование. Наш выпуск Карцовым был недоволен, и мы к нему относились критически⁵⁸.

Таким образом, я остановился на выпускных экзаменах. Первый экзамен письменный по астрономии производился для всего выпуска одновременно в Столовом зале. Каждый решал задачу на определение места корабля по способу Сомнера по Солнцу за отдельным столом. Мне попалась задача, которую мы решали в году, предложенная Хлюстиным. Конечно, я ее решал заново, т. к. никаких чисел я не мог помнить, и решил ее быстро и удачно.

В корпусе существовала традиция после сдачи этого экзамена после отхода ко сну устраивать «похороны альманаха», т. е. астрономического ежегодника с данными о координатах небесных светил на каждый день данного года. В те годы пользовались альманахами английского издания. Существовал особый ритуал похорон. Выставлялся почетный караул в полной амуниции с винтовками, но без всякой одежды — голый. Альманах клался в картонный гроб, около которого кружились балерины в пачках. Церемониал начинался панихидой, которую служили священник и диакон в облачениях с самодельными кадилами. Вдовой в трауре бывал гардемарин, подавший на экзамене работу последним. Панихида бывала с пением хора и заканчивалась прощанием вдовы, которая плевала на альманах. После этого гроб с альманахом сжигался, и церемония завершалась парадом с церемониальным маршем. Все это делалось ночью, с выставленными махальными, которые должны были предупреждать, если появится кто-нибудь из дежурных офицеров или из начальства, чтобы вовремя прервать церемонию⁵⁹.

У нашего выпуска заранее ничего к похоронам не готовилось, но они состоялись совершенно экспромтом, однако из нас, унтер-офицеров, находившихся не в своей роте, присутствовали на похоронах единицы. К сожалению, я этого зрелища не видел, т. к. не присутствовал. Думаю, что наш выпуск провел похороны альманаха совсем упрощенно, т. к. о них очень мало говорили, и, видимо, ничего особенно смешного не было.

В день экзамена по астрономии письменно в мои годы практиковалось сразу же после экзамена за завтраком и за обедом в Столовом зале выпускать с хор воздушные шары с плакатом, на котором по-английски сообщалось, что «Сэр Наутикаль Альманах умер». Это вызываю восторг всех гардемарин и кадет, а особенно если какой-нибудь из дежурных офицеров начинал принимать меры, чтобы поймать этот плакат. Впрочем, обычно дежурные офицеры делали вид, что не видят плаката и шаров. То же самое повторялось за обедом. Кроме этого, все роты при входе в Столовый зал, чтобы не тревожить больного или умершего, при движении строем в этот день шли на носках, чтобы не было шума.

Карцов категорически восстал против этой традиции, и мы были предупреждены, чтобы ничего не устраивали. Тем не менее, плакаты на шарах были выпущены, в Столовом зале в день экзамена все роты двигались без топота, на носках. Начальство было этим обеспокоено. Поэтому через

несколько дней после письменной астрономии (и после состоявшихся похорон альманаха) нас построили всех в 1-й роте и перед строем сперва выступил священник Удимов и убеждал нас, что совершение шутовских панихид является святотатством. После него выступил директор корпуса Карцов. Он пошел по очень неубедительному пути — сказал, что традицию похорон альманаха ввел известный революционер лейтенант Шмидт (мне кажется, что это фантазия Карцова). Мы все стояли долго в строю и слушали, понимая, что для начальства осталось неизвестным, что похороны альманаха уже состоялись и все эти разговоры бесцельны. Меня ужасно поразила тогда же идея Карцова свести такую традицию, мальчишескую забаву, к революционным действиям. Это было глупо.

Кстати, к нам в корпус ежедневно после первого часа занятий в холодный коридор приходил один из обычных уличных газетчиков, и мы покупали у него газеты. Он приносил газеты без всякого отбора, т. е. любого направления. Больше всего покупали «Новое время», но в последние годы я стал покупать «Речь» — орган конституционно-демократической партии (кадетов) — она была содержательнее «Нового времени». Помню, как один раз я у Федоровых по какому-то поводу сказал, что я уже читал о каком-то событии в «Речи». На это я выслушал от Федора Ивановича целую нотацию, что это позор для гардемарина читать кадетские газеты, что это плохой пример и т. п. Я не возражал, но продолжал предпочитать «Речь».

На следующий день после письменной астрономии у нас был письменный экзамен по русскому языку — сочинение. Я выбрал тему о «Евгении Онегине». Написал я очень коротко на двух с половиной страницах листа писчей бумаги. По сути, я изложил мысли А.П. Колумбуса, и он мне поставил 12 баллов, а ассистент — 10 или 11 баллов. Я до сих пор не понимаю, зачем заставляют на экзаменах писать сочинения? Мне кажется, что следует проверять грамотность путем диктовок. Сочинения не достигают своей цели, учащиеся излагают не свои мысли и пишут по шаблону, а когда их спрашивают устно, то все равно излагать мысли не только систематично, но и грамотно не умеют.

Кроме двух письменных экзаменов, мы сдавали еще 13 устных экзаменов: по астрономии, лоции, физической географии, артиллерии, минному делу, девиации, морской тактике, законоведению и военно-морской администрации, теории корабля, паровой механике, морской гигиене и фортификации. Экзамены проводились в течение пяти недель с перерывом на две недели пасхальных каникул, т. е. всего семь недель.

На экзаменах присутствовали члены экзаменационной комиссии от флота. Самым трудным экзаменом по объему пройденной программы был экзамен по артиллерии. Не помню, что именно я отвечал, но часть того, что я подготовил на одной из досок, кто-то вышедший после меня стер. Круссер разрешил мне не восстанавливать запись, благодаря чему мне удалось отвечать только оставшиеся вопросы, на которые я ответил удачно

и быстро освободился. Однако член комиссии от флота кап. 2 р. Свиный вдогонку мне покачал головой, что-де «повезло тебе, а ответ-то неполноценный». Это роли не сыграло. По физической географии я отвечал Ю.М. Шокальскому. Некоторые экзамены мы сдавали в Конференц-зале, но вообще больше впечатлений об экзаменах у меня не сохранилось в памяти.

В середине апреля вернулись из заграничного плавания крейсера «Олег» и «Богатырь», и оба стояли в Неве против корпуса и были видны из окон Конференц-зала, когда я там экзаменовался. Последний экзамен был по морской гигиене 28 апреля.

В период экзаменов мы сдавали зачеты по фехтованию, по гимнастике на разных снарядах и по командованию взводом. Помню, как при сдаче зачета по прыжкам через веревочку из моего класса Могучий подбежал к веревочке, перенес ее через свою голову руками и прошел дальше. В итоге по всем этим видам подготовки я получил общую оценку в три балла по пятибальной системе.

Можно было сдать дополнительные экзамены на прибавочные баллы по французскому, английскому и немецкому языкам, но я постеснялся идти, хотя, вероятно, хоть по французскому языку мог получить кое-что, чтобы увеличить количество прибавочных баллов к общей их сумме.

Вспомнил еще эпизод на выпускном экзамене по девиации магнитных компасов. Мне достался билет с вопросом о необходимости уничтожения девиации. Павлинов нам об этом ничего не говорил, т. е. упустил на лекциях дать обоснованное и простое объяснение этого вопроса. Поэтому мне пришлось самому придумывать, как ответить на такой вопрос. Я и ответил правильно, но недостаточно убедительно. На остальные вопросы билета я ответил, но Павлинов за экзамен поставил мне 10 баллов и при этом сказал: «Ну, вам, штурманскому потомку, стыдно так отвечать!»

В середине января нам были даны указания о порядке удовлетворения нас обмундированием при выпуске из корпуса. Нам был дан список полагающихся нам от казны вещей и белья с указанием их казенной стоимости. При этом нам была предоставлена возможность заказать то, что мы захотим, на стороне с выплатой казенной стоимости каждого предмета по предъявлению счета. Последним днем для расчетов с корпусом было назначено 29 марта. В связи с этим 5 февраля я заказал себе в Гвардейском Экономическом Обществе⁶⁰ на Б. Конюшенной улице два синих кителя по 27 руб., офицерское пальто за 51 руб., два белых кителя по 17 руб. 50 к., и два — по 13 руб., двое брюк суконных за 13 руб. и 15 руб. 50 к. и трое белых брюк по 7 руб. 50 к. — за все это корпус заплатил 91 рубль, а из своих было приплачено 127 руб. Кроме того, я от корпуса получил на фуражки и на обувь 18 р. 50 к., а из своих приплатил 31 р. Кроме этого мне от корпуса выдали: подушку капковую, одеяло байковое малинового цвета, бушлат, три пары гардемаринского рабочего платья, офицерский палаш с портупеей и кортик с портупеей, шесть простынь, четыре наво-

лочки, шесть полотенец, шесть носовых платков, четыре [пары] кальсон вязаных и четыре полотняных рубахи. При производстве в мичманы я все эти вещи оставил себе, внося за них казенную стоимость. Вернул я в корпус только мундир гардемаринский.

Заказ обмундирования вызвал у нас некоторый ажиотаж. В корпус приходили разные портные, предлагавшие шить в кредит, в рассрочку и т. п. Для многих это было проблемой, т. к. денег на приплату к казенной цене не было. У нас дома весь расчет был на мои пенсионные деньги, которые мне предстояло получить при выпуске и которые должны были накопиться за пять лет моего пребывания в корпусе.

В это же время Мама купила мне постельное белье — 12 полотняных простынь, мохнатые полотенца, кальсоны, 24 носовых платка и т. п. и в Новодевичьем монастыре заказала поставить вышитые гладью метки. Она же купила мне две пуховые подушки и красное английское одеяло. Сколько все это стоило, я не знаю. Еще Митя мне подарил 12 дневных крахмальных рубах с пришитыми манжетами, привезенных из-за границы. Заготовленное Мамой и Митей предназначалось мне после производства в мичманы.

За время пребывания в старших ротах я чаще стал бывать в театрах. Больше всего я стремился попадать в Мариинский театр. Из опер мне удалось быть на: «Жизни за царя», «Руслане и Людмиле», «Князе Игоре», «Фаусте», «Пиковой Даме», «Сказке о царе Салтане», «Майской ночи», «Сказании о граде Китеже и деве Февронии», «Дубровском», «Севильском цирюльнике», «Лакмэ», «Валькирии», «Тангейзере». Не удалось мне попасть ни разу в Мариинском театре в то время на: «Евгения Онегина», «Кармен» и на балеты: «Лебединое озеро», «Баядерка» и «Дочь фараона» — на эти спектакли билетов достать было невозможно. Из балетов мне удалось быть на: «Спящей красавице», «Щелкунчике», «Коппелии», «Дон-Кихоте», «Пахите», «Жизели», «Раймонде», «Времена года», «Петрушке», «Павильоне Армиды» и «Талисмане». Много реже бывал я в Александрийском театре, где мне запомнились: «Ревизор», «Горе от ума», «На всякого мудреца довольно простоты», «Светлейший», «Преступление и наказание» и норвежская пьеса — «Маленький эйольф». Бывали мы еще в театре Суворина на Фонтанке, где мне запомнились: «Ольгин день» (очень жизнерадостный спектакль) и «Милый Жорж» (вроде фарса). Один-два раза был я в «Кривом зеркале» на Екатерининском канале, но не особенно яркие там были миниатюры, на которые я попал.

Особенно блестящим балетом, который я видел, был «Талисман» с Кшесинской — 1 января 1912 г. Спектакль шел с большим подъемом благодаря Кшесинской, которая бисировала один из танцев 4 раза. Она не была красива, но танцевала блестяще и захватывающе, в огнях своих настоящих бриллиантов. На этом спектакле присутствовал в нижней боко-

вой ложе слева царь и много великих князей, и вообще публика была отборная, т. к. Кшесинская танцевала редко.

Больше всего я любил бывать на балетных спектаклях 1-го абонемент-а по воскресеньям через две недели. Там бывала лучшая публика; удивительно красивые дамы, в великолепных туалетах и бриллиантах; красивые были ложи разных полков гвардейских, где сидели офицеры в красивых формах. Мне удавалось часто бывать на таких спектаклях и там на меня всегда смотрел ст. лейт. М.Л. Бертенсон — младший адъютант Главного морского штаба. Знакомых в эти дни в театре я почти не встречал.

Когда я был во 2-й или 3-й роте, один раз по просьбе М.Н. Федоровой мне пришлось поехать с Колей Дмитриевым на бал в Александровский институт, где училась Аня Тихонова. Был очень сильный мороз. К Смольному мы добрались на трамвае. Я был впервые на институтском балу. Институтки сидели вдоль стен. Между танцами с ними гулять по залу не разрешалось. Поэтому мне пришлось танцевать. Мне это совершенно не доставляло удовольствия, тем более что я не умел никогда танцевать. В итоге во время одного из танцев я поскользнулся и упал, вероятно, с моей дамой — Аней Тихоновой. Конечно, я был страшно смущен, но пришлось продолжать танец, хотя я готов был провалиться сквозь пол. Кстати, вальс я не мог никогда танцевать, т. к. у меня кружилась голова. Аня была институткой 2-го или 1-го класса, и их в 12 ч. ночи увели спать, а для гостей и пепиньерок был предложен ужин или чай. Мы с Колей Дмитриевым тоже пошли туда... но не нашли для себя места и по моему почину решили уйти с бала и благополучно вернулись к Федоровым на квартиру в здании корпуса около 1 часа ночи. Нас там ждали и с мороза напоили вином и чаем, чтобы согреться; к 2-м часам ночи я явился из увольнения, это было трудное поручение.

Примерно так же я чувствовал себя еще на двух аналогичных балах. В 1912 г. по приглашению Леночки Савиновой в Царскосельской Мариинской женской гимназии. Это была гимназия со стилем «привилегированного» учебного заведения. Там на балу дирижировали танцами и вообще ведущую роль играли несколько пажей. Стиль бала мне не понравился. Затем я был приглашен на бал в 1913 г. Катей Савиновой в Царскосельскую Министерскую женскую гимназию. Там было более просто, но все равно был бал с танцами, и мне неизбежно надо было танцевать. К счастью, на этих балах я хоть ни разу не упал.

Я упустил упомянуть, что в кадетских ротах раз в неделю у нас бывал урок танцев. Проводился он в ротном зале. Туда приходили 4 или 6 музыкантов из корпусного оркестра. Они играли на струнных инструмен-

тах. Преподавал танцы глубокий старик, бывший балетный артист Ф.И. Гельцер — всегда во фраке. Он имел стаж преподавания чуть ли не 40-летний. Я всегда танцевал с Ганенфельдом. Уроки проходили без толка, тем более что Гельцер учил кадрили, всем фигурам, а кадрили уже нигде на балах не танцевали. Мне эти уроки пользы не принесли.

3 мая 1914 г. состоялось наше производство в корабельные гардемарины. В форме корабельных гардемарин мы были построены в Столовом зале, и морской министр адмирал Григорович поздравил нас с окончанием Морского корпуса и производством в корабельные гардемарины. Каждому из нас вручили приказ по флоту и морскому ведомству от 3 мая, в котором я оказался 8-м по старшинству в выпуске. Совершенно неожиданно для меня вместе с этим была присуждена мне за окончание корпуса «премия адмирала Нахимова» в 247 руб. 50 коп.

Всего нас окончило гардемарин 116. Первым в нашем выпуске, попавшим на мраморную доску, оказался Борис Миллер — совершенно неожиданная фигура. Мы его совсем не знали, т. к. он держался совсем незаметно и ничем не выделялся. Вторым кончил наш фельдфебель Аксель Берг. Ганенфельдт окончил 60-м. Последним кончил Михаил Каменев. Кроме того, вместе с нами были произведены в корабельные гардемарины 18 юнкеров флота, так что всего строевых было произведено 134 человека. Из числа юнкеров флота 9 были отчислены из корпуса из состава нашего выпуска за поведение или неуспеваемость.

В 3-й роте нас было 167 человек, а окончило корпус 116, следовательно, отсеб составил 30,5% (51 чел.). Из моего класса из 28 человек в 3-й роте окончило корпус 21 человек, причем двое из оставших провалились на выпускных экзаменах, т. е. держали выпускные экзамены 23 человека.

Окончательный мой средний балл из 29 выставленных оценок оказался 11,45. Для установления старшинства к сумме из 29 оценок добавлялись еще прибавочные баллы, выставленные за учебную практику на кораблях по 5-ти специальностям: морскому делу, штурманскому и минному делу, артиллерии и механическому делу, затем за фехтование, гимнастику и устав строевой службы (у меня 3 балла), и за исполнение обязанностей унтер-офицера (у меня 10 баллов). Всего у меня оказалось прибавочных 32 балла (по 5-балльной системе, кроме унтер-офицерства).

Таким образом, я окончил Морской корпус вполне успешно.

После выпуска я получил накопившиеся деньги шедшей на меня пенсии, около 500 рублей. Они пошли на мою экипировку.

Полученную мною премию адмирала Нахимова я получил в середине мая, но воспользоваться ею мне не удалось, т. к. их украла только что нанятая Мамою в Павловске прислуга, оказавшаяся воровкой. Ее просто выгнали, и тем дело кончилось.

После производства в корабельные гардемарины нас отпустили в отпуск примерно до 20 мая.

Во время отпуска я был с визитом у моего отделенного начальника Игнатия Игнатьевича Шаняевского и у Трувеллеров на Ординарной улице.

Отпуск я провел в Павловске.

Я упустил отметить еще интересные моменты.

Когда мы были в 3-й роте, весной 1912 г. кончили корпус унтер-офицеры нашего 34-го класса Михаил Андреевич Крыгин и Михаил Михайлович Комелов. При прощании с ними мы подарили каждому из них кортик с надписью «Капралу от класса». В ответ на это М.М. Комелов пригласил весь состав нашего класса к себе домой на завтрак. Он жил с родителями на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов) около Английского проспекта (ныне ул. Маклина). У них была барская квартира. Нас пригласили в столовую, где окна были с витражами, поэтому днем там нужно было зажигать электрический свет. Стол был по-праздничному накрыт, завтрак был прекрасный, богатый, и все вели себя очень прилично и чинно. Также присутствовал и Крыгин, вероятно, он был не петербуржец. Среди завтрака в столовую заходил отец М.М. Комелова посмотреть, как проходит завтрак. Он с нами поздоровался общим поклоном и просил из-за него не беспокоиться и быстро ушел. По внешности он был каким-нибудь крупным чиновником. Его дочь, сестра нашего М.М., была замужем за Владимиром Владимировичем Огильви (вып. 1907 г.). Завтрак длился часа три. Никто из нас не оскандалился, все прошло совершенно благополучно. У меня осталось очень приятное и хорошее воспоминание.

Когда я был на младшем специальном курсе, я заметил, что мне стало трудно видеть написанное на классной доске. Так как моя фамилия начинается на букву Б, мне всегда приходилось сидеть на задней скамейке. Когда я рассказал об этом тете Оле, она посоветовала мне обратиться к главному врачу и дала адрес врача Фельзера на Невском проспекте. Я пошел к нему, и он прописал мне очень слабые очки, т. к. обнаружил у меня близорукость ($-0,5$ диоптрии). Я заказал себе очки и, получив их 4 ноября 1911 г., стал ими пользоваться на некоторых занятиях преподавателей, на которых появление очков в классе у гардемарина было не важно. Мне очки помогали. Я считаю, что в корпусе в ротных помещениях над конторками были слишком сильные лампы. До этого я дома всегда читал и писал при керосиновой лампе. Во-вторых, как известно, электрический свет, которым практически пользуются, получают от действия переменного тока с частотой не менее 50 колебаний в секунду. Возможно же, что такая частота недостаточна для отдельных людей, к числу которых, может быть, принадлежу и я. Одним словом, моя близорукость проявилась очень рано. Для моряков это нехорошо. Поэтому в 1915 г., когда на «Олег» прибыл в Кронштадте Николай II, морской министр адмирал Григорович, увидев, что я стою в строю офицеров в пенсне — один из самых молодых, — подошел ко мне и спросил, какого я выпуска и как моя фамилия. «Почему вы в пенсне?». Должен сказать, что когда я был на «Гайдамаке»

и на «Амурце», я не чувствовал помехи из-за близорукости, т. к. пользовался биноклем с 6-кратным увеличением.

В связи с предстоящим нашим выпуском из Корпуса у нас в 14-м классе возник вопрос, что можно было бы сделать, чтобы у каждого из нас осталось на память. После обсуждения различных предложений было решено заказать для каждого из нас золотые запонки. Решение было принято после того, как кто-то обратился к ювелиру Риману на Владимирском проспекте против церкви Владимирской Божьей Матери. Ему предложили нарисованную художником запонку — покрытый белой эмалью кружок, окаймленный золотой якорной цепью; на белом фоне кружка золотая фигура из двух наложенных одно на другое числа 14 и 14, означающих: 14-й класс 14-го года. Эти два числа для всех нас казались нам необходимыми на той памятке, которую хотелось заказать. Вышло изящно. Таким образом, ювелир принял заказ: каждому по две золотые запонки с выгравированной фамилией на второй, нижней части запонки по 5 рублей за комплект. Заказ был выполнен к назначенному сроку. Каждый из нас должен был сам зайти в магазин за своими запонками и при этом заплатить за них. Я получил мои запонки в приятного вида коробочке, покрытой сафьяном цвета бордо⁶¹.

Эти запонки я стал носить ежедневно. Примерно через год, когда я был уже офицером и приехал в Петербург зимой на несколько дней, возвращаясь в Павловск, чтобы успеть на поезд, я бегом бежал от Фонтанки по набережной Введенского канала. Было скользко, и я упал так, что стукнулся затылком и кистью одной из рук. Я моментально встал и побежал дальше. На поезд я попал. Однако только дома я обнаружил, что когда я упал и ударился рукой, у меня сломалась одна из запонок и выпала. Я остался с одной запонкой. В ближайший после этого день я отправился к ювелиру, чтобы заказать дубликат запонок. Однако оказалось, что у них остался один комплект, а может быть, несколько пар запонок невыкупленными. Я выкупил за те же обычные пять рублей одну пару запонок с фамилией Ганенфельдт. Таким образом, у меня оказались три запонки.

В 1918 г., когда я встретил Ганенфельдта с черной повязкой, закрывавшей потерянный глаз, я ему подарил одну из моих трех запонок. Я его очень тогда пожалел. Я считаю, что Ганенфельдт был самым красивым мужчиной из числа тех, кого я знал.

После окончания Корпуса мне дома было приказано купить себе золотые часы фирмы Эриксон (шведская фирма, поставлявшая часы и хронометры в Морское ведомство), это был подарок от тети Оли. В ближайшие после выпуска дни я с кем-то из братьев отправился в магазин фирмы Эриксон на Невском проспекте, на углу с Морской улицей во втором этаже. Я выбрал себе карманные золотые часы с крышкой за 150 рублей, как было ассигновано тетей Олей. Часы были упакованы в футляре, покрытом синим сафьяном. К часам была заказана золотая цепочка со ско-

бой с контрфорсом на одном конце и нагелем на другом. Цепочка представляла собой якорную цепь (все звенья с контрфорсами) — она стоила 100 рублей и была подарком от Мамы.

Такие же часы и цепочки были подарены Сереже при окончании гимназии и Леше при производстве в корабельные гардемарины. Мите же были переданы такого же типа часы (фирмы Павел Буре) и цепочка, оставшиеся после Папы.

Сразу же после производства в корабельные гардемарины, в первых числах мая 1914 г., наш класс решил собраться на ужин. Кто-то из взявшихся организовать сбор нанял для ужина помещение в каком-то доме на Бородинской улице в частной квартире.

По-видимому, эта квартира сдавалась для тайных свиданий — две меблированных комнаты. В одной был накрыт стол с угощением. На ужине мы были не в полном составе. Например, не помню Ганенфельдта. У него просто не было денег. Его отец служил раньше в Измайловском полку и был женат второй раз. Года за три до описываемого времени он был назначен в Кельцы командиром одного из армейских полков. Мачеха Ганенфельдта, видимо, не желала заботиться о своем пасынке.

Ужин был с возлияниями. Часть моих одноклассников, видимо, уже устраивала такого рода собрания. Я же был среди них в первый раз. Поэтому ко мне все отнеслись очень заботливо. Пить меня не заставляли, все время угощали очень дружелюбно и приветливо. Ужин был без дам. Ночью, когда я устал, меня устроили спать на диване во второй комнате. Ушел я рано утром на один из ранних поездов в Павловск. Удовольствие это стоило рублей по пяти. Я не напился, чувствовал себя хорошо и вспоминаю об этом событии как о чем-то хорошем.

За время обучения в корпусе раза два я получил билеты в императорские театры в день рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны — 14 ноября. Первый раз получил билет в Мариинский театр на дневной спектакль — оперу Кюи «Капитанская дочка» по Пушкину. Опера оказалась неудачной, была поставлена впервые, но не была принята публикой, и ее сразу же изъяли из репертуара. Спектакль ежегодно днем в этот день давался для учащихся закрытых учебных заведений. Ложи предоставлялись для институтов женских, причем институтки сидели в своих форменных платьях с белыми пелеринками и передниками с классными дамами. Ложа, предоставлявшаяся Морскому корпусу, бывала ближайшей к сцене, в одном из верхних ярусов. Из ложи бывала видна только часть сцены, а, кроме того, сцену заслоняли крылышки амурчиков или купидонов, украшавших расположенную ниже литерную ложу со стороны зрительного зала.

Конечно, во время антрактов институтки оставались в своих ложах, однако во время одного из антрактов всех их вывели в большой зал фойе и построили, как для парада. В Мариинском театре наверху этого фойе

имеются окна из коридора третьего яруса. Когда я подошел к одному из таких окон, увидел, что через зал внизу проходила императрица Мария Федоровна и, по мере ее приближения к институткам каждого института, они одновременно приседали, делая реверанс и одновременно говорили какую-то фразу по-французски. Царица была маленького роста, ей было больше 60 лет, но лицо было совсем молодое, без морщин, очевидно не без участия какого-нибудь «института красоты».

Следующий раз, не помню, в каком году, мне был дан билет в Александринский театр. Место тоже было неважное, причем это был единственный раз, когда мне удалось посмотреть «Женитьбу» Гоголя. Кто играл, я не помню. Вообще об этом спектакле помню очень смутно.

¹ Ф. р-2226. Оп. 1. Д. 198. Л. 94–223.

Фрагмент из воспоминаний, описывающий пребывание автора в тюрьме во время «фильтрации» 1921 года, опубликован: «Мы, возвратившиеся из тюрем, отделались легко». Как большевики «фильтровали» флотских офицеров / Публикация М. Малевинской // Источник. 1996. № 3. С. 64–81.

² Гармс Вильгельм Федорович (18.05.1873 — ?), доктор медицины, коллежский советник (23.12.1909). В службе с 1898 г. В 1909 г. — младший врач Ревельского полуэкипажа. Консультант по хирургии временного морского госпиталя морской крепости Императора Петра Великого (1914–1917), временный консультант Эстляндской Крестовоздвиженской общины Красного креста (1909–1917).

³ Федорова Мария Николаевна, жена Ф.И. Федорова (см. именной указатель).

⁴ Б.Б. Лобач-Жученко писал о жизни корпуса в 1916 г.: «Не радовали и дворцовые события, о которых нам усердно сообщал законоучитель, священник с академическим образованием, Дмитрий Иванович Удимов. В памяти остались его смелые суждения о духовной близости царицы с Распутиным. От него мы узнали об убийстве Гришки Распутина много больше, чем писалось в наших газетах. Впоследствии я встречался с Дмитрием Ивановичем, поступив в Красную морскую академию, в которой он служил делопроизводителем. Хотя он сложил с себя священнический сан, это не спасло его от расстрела» (*Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 71*).

⁵ В рассказе «Тень воеводы (В Морском корпусе зимой 1909 года)» Н.П. Солодков писал: «Одна только вещь, которую в конце концов сняли с программы, непонятным образом действовала на всех. Вещь эта называлась “Тень воеводы”. При ее исполнении, обычно к концу обеда, разговоры смолкали и чувствовалась какая-то настороженность. Красивая музыка, начинавшаяся совсем тихо и постепенно, как бы приближалась, переходя в тяжелые и мощные аккорды, рисовала картины для фантазии мечтательных натур... — старинный замок с шумом деревьев заглохшего парка и мелодиями его мирной жизни, через которые откуда-то издали начинают пробиваться звуки военных мотивов, точно появляются тени прошлого, и среди них все резче и резче выделяется тяжелой поступью тень воеводы...

Что-то вроде электрического тока невидимо пробегает по залу. Разговоры стихают...

Дежурный по корпусу штаб-офицер, в сюртуке, с фуражкой под мышкой, встав от своего стола, нервно прохаживается по середине Столового зала.

И вдруг... то там, то здесь, то за столами второй роты, то у старших гардемарин, которых, кстати сказать, запрещено было называть старшими, то за столами третьей, начинается едва уловимое подпевание оркестру. Начальство, — дежурный по корпусу, дежурный по батальону и три дежурных по кадетским ротам офицера, а иногда и кто-нибудь из ротных командиров, зашедших послушать музыку, — вначале не обращает на это внимания.

Оркестр все громче и громче играет мелодию. Уже слышен звон доспехов, бряцанье сбруи коней. Врываются ноты диссонансов, сопровождаемые подвыванием “любителей музыки”. Подпевание усиливается. Дежурные по кадетским ротам офицеры, встав из-за стола, находятся около своих рот. Очаг крамолы, конечно, у гардемарин. Дежурный по батальону офицер, в строевой форме, с саблей и револьвером у пояса, медленно проходит мимо гардемаринских столов, строгим взглядом осматривая их. Но Столовый зал — это не комната, а огромной величины помещение, которое “объять”, со всеми присутствующими, в один взгляд невозможно. Там, где он и куда он смотрит, все спокойно, даже более чем спокойно, а подпевание продолжается...

Неуловимое, расплывчатое, как сама “тьень воеводы”, вспыхнет одной строфой мотива и замолкнет, то под самыми хорами у младших гардемарин, то в середине, а в памятька Петру I, то на другой стороне зала, под беломраморными георгиевскими досками. Мелодия перешла уже в торжественно-триумфальные звуки марша. Оркестр делает особое ударение, со звоном тарелок на последних нотах такта. Этого уже никто выдержать не может, и все, кто находится в относительной безопасности от взоров начальства, враз ударяют ладонями так, что звенит вся неубранная посуда на столах.

Почти одновременно дежурный офицер по корпусу машет фуражкой и горнист дает отбой.

Весь корпус с шумом поднимается из-за столов. Обед окончен. Пропета молитва.

Под веселые звуки марша шесть рот расходятся по своим помещениям, довольные обедом, музыкой и весело проведенным временем» (*Солодков Н.П.* Морские рассказы. Париж, 1968. С. 27–28).

⁶Благовещенский Иван Алексеевич (14.09.1895 — 01.08.1946), генерал-майор береговой службы (21.05.1941). Окончил духовную семинарию (Кострома, 1912), Виленское военное училище (1914). Участник Первой мировой (штабс-капитан, 1917) и Гражданской войн. В 1919–1920 гг. командовал Ударным отрядом морских курсантов в составе 7-й армии при защите Петрограда, после чего служил в ВМУ им. М.В. Фрунзе: командир батальона (1920–1923), помощник зав. классами (1923–1924), помощник начальника курса (с 1924), начальник курса (с 1925), строевого отдела (1927–1929). С 1929 г. — начальник строевого отдела, с 1931 г. — преподаватель Военно-морского инженерного училища. С 1932 г. — преподаватель, затем начальник штаба (1933–1936) Военно-морского училища связи. На ЧМ: начальник штаба Южно-Кавказского укрепрайона (1936–1937), начальник Курсов усовершенствования высшего начальственного состава (1937–1939). Начальник учебно-строевого отдела Учебного отряда подводного плавания (1939–1940), Курсов по подготовке начсостава запаса ВМФ (1940–1941),

училища ПВО ВМФ в Либаве (1941). Во время обороны Либавы 06.07.1941 г. был ранен, взят в плен айзсаргами, содержался в немецких концлагерях. Активный участник антисоветских формирований, в т. ч. Русской освободительной армии генерала А.А. Власова. В 1945 г. явился с повинной, осужден и повешен во дворе Бутырской тюрьмы; погребен на Донском кладбище.

Сорокин Иван Кузьмич (1895–?). Окончил Владивостокское военное училище (1916), курсы усовершенствования преподавателей Высшей педагогической школы (1929). Офицер. Участник Гражданской войны: начальник пулеметной команды (1918), командир батальона (1919). С 1920 г. — в ВМУ: командир роты (1920–1924), помощник начальника курса (1924–1930), начальник курса (1930–1932), затем начальник мобилизационной части.

⁷ Очевидно, ошибка. Весной 1914 г., вместе с А.П. Белобровым МК закончил лишь один Кравков — Сергей Николаевич.

⁸ Несомненно, о. Белявский был одной из самых ярких личностей среди преподавателей Морского кадетского корпуса конца XIX в. Его страстность давала кадетам повод к многочисленным шуткам. Слово Г.К. Графу: «Много курьезов происходило и с нашим корпусным батюшкой, весьма заслуженным стариком протоиереем Б., человеком ученым и серьезным, но которого за его огромный рост, тонкую фигуру и жиденькую бородку мы прозвали “козой в сарафане”. На уроках обычно кто-либо старался вступить с ним в богословский диспут, и старик скоро так увлеклся, что весь час говорил и никого не успевал спросить. Он не любил иноверцев, и, чтобы занять батюшку, подговаривали кого-нибудь из них задать ему вопрос о различии вероисповеданий. Если такой иноверец начинал слишком отстаивать свою веру, батюшка в конце концов изводился и кричал: “Молчи, еретик” и к тому же иногда прогонял из класса. Или ему задавали какие-нибудь казуистические вопросы, в особенности из Ветхого Завета. Сначала он не замечал, но затем, поняв, в чем дело, страшно сердился и под крик: “Молчи, пес смердящий” выгонял провинившегося из класса» (*Граф Г. Моряки*. СПб., 1997. С. 16–17).

С нашей точки зрения, замена о. Белявского более молодым, спокойным и веротерпимым о. Удимовым оказалась в русле происходивших после русско-японской войны преобразований в Морском кадетском корпусе.

⁹ Романов Михаил Николаевич, великий князь (13.10.1832–05.12.1909), генерал-фельдмаршал (16.04.1878). Сын имп. Николая I (1796–1855). Наместник на Кавказе (1862–1881), генерал-фельдцейхмейстер (1881–1909), председатель Государственного Совета (1881–1905). Умер в Канне (Франция), погребен в С.-Петербурге.

¹⁰ Белобров Сергей Павлович (?–?). Окончил Петербургский университет, впоследствии работал в Главной физической обсерватории в г. Павловске. Брат Д.П., Ал.П., и А.П. Белобровых, сын П.П. Белоброва.

¹¹ В 1914 г. контора фирмы «И. Крафт», производившей шоколадные изделия, находилась по адресу: С.-Петербург, ул. Итальянская, 10. Владельцем являлся Ю.М. Фоман.

¹² Борман Жорж (Георгий Николаевич), основатель кондитерской фабрики в Петербурге (1862). После Октябрьской революции предприятие Ж. Бормана неоднократно меняло названия: кондитерская фабрика имени К. Самойловой, затем «Красный Октябрь», снова имени К. Самойловой.

¹³ В мемуарах выпускников Морского корпуса учебное судно «Верный» фигурирует постоянно. Нередко его называли «устаревшим крейсером». Это неверно, так как корабль был специально спроектирован и построен как учебный. В конце XIX в. считалось само собой разумеющимся, что будущие офицеры должны в первых плаваниях обучиться искусству управления парусами и пройти «настоящую морскую школу», поучаствовав в тяжелой работе на реях. Как же кадеты воспринимали корабль, когда он только вступил в строй? Приведем несколько отрывков из писем к отцу воспитанника корпуса П.А. Вырубова.

«12.11.1895, С.-Петербург. В четверг спукали учебное судно «Верный», и мы были в почетном карауле. «Верный» замечательно красивое судно; по обводам скорее похож на яхту и отделан как игрушечка. На нем устроены все самые новейшие приспособления: артиллерия вся скорострельная; из орудий четыре крупных системы Канне с броневыми щитами; подача патронов к ним электрическая; котлы на нем Бельвилевские водотрубные и вообще пропасть всяких новостей. Пошел на воду «Верный» необыкновенно плавно и красиво. На спуске присутствовал государь. После спуска завод угостил нас чаем со всякой всячиной, и каждому кадету были выданы на память очень изящно отпечатанные подробные сведения о «Верном»».

«11.06.1896, Котка. «Верный» — это то самое учебное судно, которое строилось для нашего корпуса... он, несомненно, лучший по современности и качествам из всего нашего отряда, да и притом, благодаря своим барбетам и трубе, он имеет очень красивый боевой вид. Напоминающий отчасти наши прежние корветы».

«03.06.1898, Либава. Наш «Верный» прехорошенькое судно, очень удачное по постройке; жаль только, что вследствие поспешности работ он строился меньше одного года, многие детали плохо пригнаны; особенно это заметно в такелаже и механизмах» (*Вырубов П.А. Десять лет из жизни русского моряка, погибшего в Цусимском бою (в письмах к отцу). 1895–1905. Киев, 1910. С. 9, 12, 20).*

Нельзя не отметить, что, если «Верный» и вполне годился для знакомства 14–15-летних мальчиков с морем, то для гардемарин (последнее письмо П.А. Вырубова написано менее чем за четыре месяца до производства в офицеры) он был уже мало полезен — слишком большой скачок получался между этим кораблем и вступающими в строй новейшими броненосцами и крейсерами.

Учебное судно было построено на Балтийском заводе в 1895–1896 гг. Его водоизмещение составляло 1287 т, длина между перпендикулярами — 62,3 м, ширина — 11 м, средняя осадка — 4,1 м. Четыре котла системы Бельвиля давали пар для вертикальной паровой машины тройного расширения мощностью 610 л.с., что позволяло развивать скорость до 11 уз. Вооружение первоначально состояло из четырех 75-мм орудий Кане, двух 47-мм и трех 37-мм пушек Гочкиса. Имелся один минный (торпедный) аппарат.

25 октября 1917 г. «Верный» доставил в столицу две роты революционных матросов из Кронштадта. Впоследствии корабль, носивший в советское время имя «Ленинградсовет», отличился при прорыве из Таллина в Кронштадт в конце августа 1941, отразив около ста атак немецких самолетов.

¹⁴ Корабли «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» стали единственными в русском флоте, получившими решетчатые мачты «американского образца», а точнее конструкции инженера Владимира Григорьевича Шухова. Во флоте США они широко применялись с 1907–1908 гг. по конец 30-х. Предполага-

лось, что они будут более устойчивы к боевым повреждениям, чем мачты традиционного типа, обеспечив тем самым надежную корректировку огня. Первые плавания показали, что вибрация не давала производить удовлетворительные наблюдения, к тому же резко повышалась заметность корабля, облегчая тем самым задачу неприятельским комендорам. В начале 1914 г. был утвержден проект установки новых мачт, однако после начала Первой мировой войны, в августе 1914 г., решетчатые мачты были срезаны автогенном ниже уровня труб. Подробнее см.: *Виноградов С.В.* Решетчатые мачты на линейных кораблях «Андрей Первозванный» и «Император Павел I» // *Корабли и сражения.* Вып. 1. СПб., 1995. Вып. 1. С. 48–51; *Афонин Н.Н., Кузнецов Л.А.* Линейный корабль «Андрей Первозванный». СПб., 1996. С. 32; Москва и судьбы российского флота: Архивные документы и исторические очерки. Книга-альбом / Сост. А.Н. Давыдов, А.А. Киличенков. М., 1996. С. 195.

¹⁵ Стриж Константин Александрович (16.05.1887 – ?), инженер-механик лейтенант (06.12.1914). Окончил МИУ (1910), ВМА (1924). Служил на ЛК «Гангут»: трюмный механик (1915), помощник старшего инженер-механика (1917). Судовой механик ЭМ «Ф. Стратилат» (1918–1919). Слушатель ВМА (1921–1924). Преподаватель (1924–1926), помощник начальника учебного отдела (1926–1928), начальник учебного отдела (1928–1931), начальник по строевой части (с 1931) ВМИУ.

¹⁶ Романов Константин Константинович (10.08.1858 – 02.06.1915), великий князь, поэт (псевдоним К.Р.), сын великого князя Константина Николаевича. Генерал от инфантерии (1907). Президент Петербургской Академии наук (с 1889). Главный начальник (с 1900), генерал-инспектор (с 1910) военно-учебных заведений. Автор стихов, пьес, переводов.

¹⁷ В Царском Селе стояла Гвардейская стрелковая бригада, состоявшая из четырех полков и дислоцировавшегося в Стрельне Гвардейского стрелкового артиллерийского дивизиона.

¹⁸ Не совсем ясно, о каком выступлении С.П. Прокофьева пишет А. Белобров. Публичное представление своих произведений действительно было начато композитором в 1911 г. Сперва 1 июля на Сокольническом кругу в Москве, затем в том же месяце в Павловском вокзале он исполнил симфоническую картину для большого оркестра «Сны» (оратория 6). На втором концерте оркестром дирижировал соученик С. Прокофьева по консерватории А.И. Канкарович (1885–1956). Судя по году, мемуарист присутствовал именно на этом вечере. Выступление в Москве заслужило неодобрительную оценку газетных критиков. Премьеры же упоминаемого А. Белобровым «концерта № 1 Des-dur для фортепьяно с оркестром (оратория 10)» состоялись 25 июля 1912 г. в Московском народном доме и 3 августа – в Павловском вокзале (дирижировал А.П. Асланов). Интересно, что «концерт № 2 g-moll для фортепьяно с оркестром в четырех частях (оратория 16)» был представлен зрителям 23 августа 1913 г. в том же вокзале. Как и прежде, газетчики не приняли новые работы композитора (*Нестьев И.В.* Жизнь Сергея Прокофьева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1973. С. 71, 74; *Савкина Н.П.* Сергей Сергеевич Прокофьев, 1891–1953. М., 1982. С.45).

¹⁹ По нашему мнению, А.П. Белобров сгущает краски. В то же время подобное отношение к бою «Варяга» можно встретить и сейчас – см.: *Доценко В.Д.* Мифы и легенды русской морской истории. СПб., 1997. С. 82–103. Отметим, что

в эмигрантской морской периодике подвиг экипажа «Варяга» всегда оценивался очень высоко.

²⁰ Один из воспитанников роты, которой командовал А.Е. Завалишин, писал: «Ротный командир... был среднего роста, с небольшим брюшком, почти никогда не улыбался, имея понуро-кислое выражение лица. Он ни минуты не мог стоять на месте, постоянно топтался и, даже разговаривая, ходил мелкими шажками туда и сюда, заложив руки за спину. Говорил нудно, в одну ноту, точно дудел, и со стороны казалось, что он произносит одни и те же звуки, вроде “дуу-дуу-дуу”. Последнее, очевидно, и послужило основанием к его прозвищу. Его звали гардемарины не только его роты, но и предыдущие выпуски — Мотором. Когда он бывал чем-нибудь особенно озабочен или хотел проникнуть в мысли своих питомцев, то чуть прищурил правый глаз, а левым смотрел вверх, поднимая кверху и левую бровь. Это называлось: “Мотор взял бровь на гитовы”. Гитовами назывались снасти, поднимающие, убирающие или подтягивающие прямые паруса...

Вместе с тем он был необычайно заботлив. Заботы его распространялись в равной степени на всех его воспитанников, доверенных ему Богом, начальством и родителями. Любимцев особых у него не существовало, и ко всем он относился подозрительно.

...Следует отметить, что ротный командир со всеми своими питомцами вел себя так, точно находился в состоянии постоянной войны с ними, был донельзя подозрительным, считал их способными на всякую гадость, и иногда своим отношением сам наталкивал их на преступления» (*Солодков Н.П.* Морские рассказы. Париж, 1968. С. 15, 17).

²¹ О личности С.И. Фролова дает представление следующая характеристика, данная воспитанником Отдельных гардемаринских классов Д.Д. Понафидиным: «Начальник училища (Отдельных гардемаринских классов. — А.Е.), тогда еще не произведенный в контр-адмиралы капитан 1 ранга Сергей Иванович Фролов был одним из представителей новых веяний во флоте, прекрасный специалист по девиации, умный, энергичный, отзывчивый, но очень нетерпеливый человек, он делал все, чтобы поставить созданное им детище на должную высоту. К гардемаринам он относился по-отечески и называл нас на “ты”, мы, со своей стороны, его любили и называли “папашкой”. Чтобы яснее охарактеризовать нашего начальника, расскажу один небезынтересный случай. В один прекрасный день, не знаю по какой причине, Сергей Иванович решил сам сделать репетицию по девиации нашей смене. Смена эта считалась одной из лучших по учению, насчитывая в своих рядах большинство “капралов” (унтер-офицеров). По своей горячности С. И. не умел ясно ставить вопросы и, кроме того, требовал молниеносно быстрого ответа. Результат — вся смена получила неудовлетворительные [баллы] и, кажется, только один каким-то чудом получил восьмерку (первый удовлетворительный балл). Такой результат поразил самого Сергея Ивановича, и он назначил повторную репетицию, которую поручил провести спокойному и обстоятельному лейтенанту М.А. Докушевскому. Контраст был разительный — ни одного балла меньше 11» (*Понафидин Д.Д.* Отдельные гардемаринские классы // Военная быль. 1965. № 75. С. 22).

²² Имеется в виду Карпинский Борис Андреевич.

²³ Кокушкин Павел Михайлович (20.07.1885–?), старший лейтенант (дата неизвестна). Окончил МИУ (1908). Участник спасения жителей разрушенного землетрясением г. Мессина (1908). В 1910 г. перешел из Корпуса инженер-механиков флота в строевой состав мичманом. В 1912 г. — ревизор УС «Воин». Участник Первой мировой и Гражданской войн. Умер в эмиграции в Бизерте.

²⁴ Магдалинский Николай Иосифович (08.11.1890–?), инженер-механик лейтенант (28.07.1917). Окончил МИУ (1914). Участник Первой мировой войны.

²⁵ Мемуарист ошибся — адмирал Константин Павлович Пилкин скончался в Петербурге 12 января 1913 г.

²⁶ Рошин Валентин Александрович (17.06.1884–?), инженер-механик старший лейтенант за отличие (06.12.1913). Окончил МИУ (1906). Служил на ЭБР «Цесаревич» (1906–1907), судовой механик мин. «Бравый» (1907–1910). В 1912 (и по 1917) служил на КР «Россия». Участник Первой мировой войны. Младший наблюдающий за постройкой ЭМЭМ на Путиловской верфи (1917). В 1920–1921 гг. служил на Черном и Азовском морях, с 1922 г. — начальник механического отдела Технического управления.

²⁷ Новая форма для инженер-механиков введена приказом от 28.03.1913.

²⁸ Имеется в виду линейный крейсер «Мольтке».

²⁹ Подробнее см.: *Амирханов Л.И.* Морская крепость Императора Петра Великого. СПб, 1995.

³⁰ Имеется в виду неравный бой эскадры крейсеров контр-адмирал К.П. Иессена («Россия», «Громобой» и «Рюрик») с японскими крейсерами контр-адмирала Камимуря. В результате поврежденный «Рюрик» отстал и после яростного сопротивления был добит неприятелем. Подробнее см.: *Мельников Р.М.* «Рюрик» был первым. Л., 1989. С. 174–202.

³¹ Сурвилло Владимир Людвигович (1883–1962), инженер-механик капитан 2 ранга (01.01.1915). Окончил МИУ (1903), механич. отделение НМА (1908), кораблестроительный факультет Петроградского политехнического института (1922). Служил на кораблях БФ, судовой механик ЭМ «Эмир Бухарский» (1908–1909). С 1909 г. — преподаватель в МИУ, после революции — штатный преподаватель Курсов командного состава флота (1918–1921), с 1920 г. — преподаватель ВМА (одновременно с 1921 г. — в Политехническом и Кораблестроительном институтах). С 1946 г. — зав. кафедрой судовых вспомогательных механизмов Ленинградского кораблестроительного института, в 1950–1960 гг. — профессор и зав. кафедрой в Ленинградском институте инженеров водного транспорта.

³² В своих воспоминаниях великий князь упоминает лишь о нервном расстройстве, связывая его с контузией и потрясением при гибели эскадренного броненосца «Петропавловск» 31 марта 1904 г. на внешнем рейде Порт-Артура.

³³ Подробную характеристику Н.И. Берлинского см. также: *Лобач-Жученко Б.Б.* Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 40–42.

³⁴ Ганенфельдт Наталья Георгиевна (1897–?). Жена Н.В. Ганенфельдта (с января 1918), дочь флота генерал-майора Г.Н. Мазурова (1867–1918), сестра лейтенанта Н.Г. Мазурова (1893–1921) и чемпиона СССР по прыжкам в воду Г.Г. Мазурова (1909–1981).

³⁵ Белоброва Екатерина Сергеевна (1897–1980), ур. Савинова. Дочь С.И. Савинова (1865–1942), видного метеоролога и актинометриста, директора Павловской обсерватории. В 1913 г. – учащаяся Царскосельской министерской женской гимназии. С сентября 1917 г. – жена А.П. Белоброва.

³⁶ Сам Н.В. Ганенфельдт в автобиографии (апрель 1935 г.) записал: «В 1921 во время практических занятий потерял левый глаз» (РГАВМФ. Ф. р-322. Оп. 1. Д. 234. Л. 39).

³⁷ Как часто одну и ту же личность различные люди оценивают по-разному! Позволим себе привести мнение В.Д. Попова, племянника жены Н.В. Ганенфельдта: «С Николаем Владимировичем Ганенфельдтом, мужем Натальи, старшей сестры моей матери, Надежды Георгиевны, я общался постоянно в течение всей своей жизни, за исключением нескольких военных лет, так как мы жили в одном доме на Театральной площади в Ленинграде, многому у него научился, особенно отношению к людям. Исключительно умный, выдержанный, внимательный, приветливый и внешне очень красивый, он закончил службу в чине капитана 1 ранга и в должности заместителя начальника Высшего военно-морского пограничного училища. До этого он много лет служил в ВВМУ им. М.В. Фрунзе. Лишившись в ранней молодости зрения на один глаз, основную часть своей жизни он занимался воспитанием молодых кадров для флота. В их квартире всегда были гости, причем в дни застолий обычно все мужчины были морскими офицерами... При разезде гостей всегда возникали веселые недоразумения с шинелями, так как все были капитанами 1 ранга. Н.В. Ганенфельдт умер в преклонном возрасте в Ленинграде» (*Попов В.Д. Морские корни // Генеалогический вестник. 2001. Вып. 1. С. 53–54.*)

³⁸ Сын лейтенанта П.П. Шмидта упоминает А.Н. Лосева, как одного из приятелей отца по службе в 18 флотском экипаже (ок. 1894 г.), правда, пугает его имя: «...одну комнату мы сдавали, со столом, лейтенанту Николаю Николаевичу Лосеву, огромному, заросшему густой черной бородой мужчине, с застенчивой и незлобивой душой, очень сильному физически человеку. Все свободное время он просиживал, запершись на ключ, у себя в комнате, выходя только к чаю, обеду или ужину» (*Шмидт-Очаковский Е. Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»).* Воспоминания сына // Крымский архив. 1997. № 3. С. 81). Вероятно, именно своеобразный внешний вид и стал причиной появления упомянутого А.П. Белобровым прозвища.

³⁹ Л.А. Гросман преподавал отнюдь не историю военно-морского искусства. Нельзя не привести более доброжелательную характеристику этого офицера, данную занимавшимся у него Н.П. Солодковым (выпуск 1912 г.): «Минное дело читал добрейший капитан 2 ранга, лихой минный офицер, носивший, кроме значка минных классов, знак Археологического института. К концу двухчасовой лекции внимание гардемарин притуплялось, и капитан 2 ранга охотно шел навстречу, когда для отдыха его просили рассказать что-нибудь из своей жизни. Он немного шепелявил, но рассказывал всегда серьезно, как-то отворачиваясь и смотря в сторону. Рассказывал он о своей службе и плавании на миноносцах, о дивизионе, которым он командовал, о Финляндии, о шхерах, о том, как его семья там всегда жила на даче. Как-то раз, когда все темы были исчерпаны, он рассказал, как его маленькую дочь чуть не укусила змея, которых в той местности под камнями было очень много. Последний рассказ всем понравился не столько по содержанию, сколько

по оборотам речи шепелявого рассказчика и путанице персонажей. Их было в рассказе несколько, и все женского рода: дочка, змея, кукла, сажень дров и т. д.

С тех пор, когда надоедало слушать описание какого-нибудь сложного прибора и хотелось посмеяться, его просили рассказать “о змее”. Сначала он отнекивался, будто не понимая, но когда кто-нибудь из гардемарин наводил его мысль на Финляндию, на маленькую девочку, которая могла погибнуть от укуса змеи, то сердобольный папаша незаметно для себя начинал рассказ, всегда немного варьируя его, а слушатели, скрывая свои улыбки, переспрашивали рассказчика, для уточнения приблизительно так:

– ...Да, да, понимаете, купил сажень дров, — повествовал капитан 2 ранга, — привезли ее во двор. Леля, моя дочка, вышла и села играть в куклы... и вдруг она ползет.

– Кто ползет, господин капитан 2 ранга? — спрашивал с интересом А—в.

– Змея ползет, — бросал отрывисто в его сторону рассказчик и продолжал дальше: — Леля сидит и не замечает, прислонилась, понимаете, спиной к ней...

– К кому прислонилась, господин капитан 2 ранга? — с ужасом вскрикивает другой гардемарин. — Неужели к змее?

– К сажени дров, конечно, — мимоходом поясняет рассказчик, не замечая улыбок слушателей, увлеченный сам своим рассказом, продолжает дальше, но, не обладая красноречием, он часто ставит местоимения женского рода так, что их можно отнести и к змее, и к дочке, и к кукле, и даже к сажени дров, что вызывает новые вопросы “заинтересованных” слушателей. Заканчивается рассказ словами:

– Я подбегаю, хватаю топор, валяющийся около дров, и отрубая ей голову! — ...и опять кто-нибудь уже под общее фырканье спрашивает:

– Кому ей, господин капитан 2 ранга, кукле или...

Но капитан 2 ранга, на сей раз уже сердясь, грозит выслать нахала из класса и переходит к очередным минным делам» (*Солодков Н.П.* Морские рассказы. Париж, 1968. С. 52–53).

Тот же рассказ, в еще более художественной форме, воспроизведен в повести С.А. Колбасьева «Арсен Люпен».

⁴⁰ Эсминец «Новик» был построен на Путиловском заводе в Петербурге. А.П. Белобров видел приход корабля в столицу после установки более мощных котлов, которая осуществлялась в Германии. Подробнее см.: *Усов В.Ю.* Эскадренный миноносец «Новик». СПб., 2001.

⁴¹ Имеются в виду капитан 2 ранга Павел Петрович Дурново и его вдова Софья Петровна.

⁴² Рейер 1-й Армин Карлович, фон (23.10.1876—?), капитан 2 ранга (14.04.1913). Службу начал в 1899 г. младшим помощником судостроителя, в 1902 г. перешел во флот мичманом. Старший офицер ЭМ «Войсковой» (1911–1913), КР «Олег» (1913–1914). В период Первой мировой войны — помощник начальника Гатчинского дворцового управления.

⁴³ Максимов 2-й Михаил Прокофьевич (21.05.1868—?), инженер-механик капитан 1 ранга (06.12.1911). Окончил МИУ (1891). Служил в Гвардейском экипаже (24.03.1904–1917). В 1913 г. — старший судовой механик КР «Олег».

⁴⁴ Мицыун Витольд Августович (22.05.1880—?), инженер-механик лейтенант (06.12.1915). Окончил МИУ (1912). В 1913 г. — инженер-механик на КР «Олег».

⁴⁵ Шишацкий Константин Андреевич (12.05.1887—?), инженер-механик лейтенант (06.12.1915). Окончил МИУ (1912). В 1913 г. — инженер-механик на КР «Олег». Участник Первой мировой войны.

⁴⁶ Любинский Александр Александрович (05.08.1874—?), доктор медицины, коллежский советник (04.06.1911). В службе с 1899 г. Старший врач Гвардейского экипажа (04.06.1911—1917). В 1913 г. — старший судовой врач КР «Олег».

⁴⁷ Востросаблин Николай Александрович (07.10.1880—21.07.1967), надворный советник (03.05.1912). В службе с 1906 г. Младший врач Гвардейского экипажа (с 02.05.1911). В 1913 г. — младший врач КР «Олег». Участник Первой мировой войны. Скончался в Нью-Джерси (США).

⁴⁸ Имеются в виду линейный корабль «Гельголанд», линейные крейсера «Фон дер Танн» (первый германский корабль этого класса) и «Мольтке», малый крейсер «Дрезден».

⁴⁹ Кафе Боница славилось шоколадом со взбитыми сливками.

⁵⁰ Вуич Иван Эммануилович (18.03.1884 — 06.08.1979), капитан 2 ранга (дата неизвестна). Обучался в Училище правоведения, в 1907 г. поступил юнкером во флот, в 1909 г. произведен в мичманы. Штурманский офицер 2-го разряда (1911), минный офицер 1-го разряда (1914). В Гвардейском экипаже с 06.12.1913 г. С 1913 г. — старший минный офицер КР «Олег». Участник Первой мировой войны, кавалер трех орденов за боевые отличия. Старший минный офицер КР «Варяг», после Февральской революции списан по требованию команды. С июля 1917 г. входил в состав Морской миссии вице-адмирала А.В. Колчака в Америке. Участвовал в Гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Скончался в Париже, погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

⁵¹ Кузнецов Всеволод Николаевич (15.08.1879—?), лекарь, надворный советник (05.04.1914). Участник обороны Порт-Артура, кавалер двух боевых орденов. Младший врач 1-го Балтийского флотского экипажа (1912—1917), в 1913 г. — судовой врач УС «Воин».

⁵² Проходивший практику на том же судне летом 1914 г. гардемарин А.А. Завьялов позднее вспоминал: «А старшим офицером там был капитан 2 ранга Шейковский по прозвищу “Сашка черный” (...), мы его не очень любили, вспоминая прошлогоднее плавание на “Воине”, когда дежурство по гардемаринской палубе было равносильно стоянию под ружьем» (РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 171. Л. 25).

⁵³ Судя по всему, именно И.И. Полидоров стал прототипом одного из действующих лиц повести С.А. Колбасьева «Арсен Люпен» — старшего лейтенанта И. Посохова («Иван-Дермо»).

⁵⁴ В 1913 г. — еще капитан 2 ранга (см. биографическую справку).

⁵⁵ Того Хэйхатио (22.12.1847—30.05.1934), адмирал флота Японии (1913), маркиз (1934). На флоте с 1866 г. Получил военно-морское образование в Англии (1871—1878). В период японо-китайской войны 1894—1895 гг. командовал КР «Нанива». С 1900 г. — командующий эскадрой в Китае, в 1903 г. возглавил Соединенный флот Японии, руководил им в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. С 1905 г. — начальник Главного морского штаба, с 1909 г. — член Высшего военного совета. Воспитатель будущего императора Хирохито.

⁵⁶ Вице-адмирал А.И. Русин был назначен помощником начальника ГМШ 17.09.1913, в тот же день был подписан приказ, назвавший его преемником капитана 1 ранга В.А. Карцова.

⁵⁷ Антокольский Марк Матвеевич (21.10.1843—26.06.1902), скульптор, академик (1871). Окончил Академию художеств (1862). Автор горельефов, мраморных и бронзовых скульптур на исторические («Иван Грозный» (1871), «Нестор-летописец» (1889), «Ермак» (1891), «Петр I» (1872)) и религиозно-философские сюжеты.

⁵⁸ Воспитанник корпуса Б.Б. Лобач-Жученко в мемуарах упоминает, что учащиеся были обижены назначением вместо любимого А.И. Русина малоизвестного капитана 1 ранга, да еще зятя морского министра.

«Старшая гардемаринская рота выразила свое неудовольствие, учинив скандал на весь Петербург. Балом в Морском корпусе 6 ноября открывался в то время светский зимний сезон.

Для своих матерей и сестер гардемарины получали приглашительные билеты, которые по сговору были организованно переданы проституткам с Невского, с обещанием им денежного вознаграждения.

Многим из них удалось пройти на бал, который был скандально сорван.

Потом к Карцову привыкли, недолюбливая его лишь за привычку экзаменовывать у звездного глобуса дежурного по кухне, приносившего ему в кабинет пробу. Карцов проверял знание названий небесных светил. Сам он обладал феноменальной памятью» (*Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 64–65*).

А.П. Белобров о скандале на балу не упоминает, между тем подтверждение мы находим в приказе по корпусу от 17.01.1914. В нем объявляются взыскания воспитанникам, замеченным на вокзале в общении с двумя девушками «легкого поведения», бывшими на балу 06.11.1913, которые, по словам приказа, «были изгнаны по просьбе самих гардемарин».

⁵⁹ Приведем еще одно описание похорон Альманаха, позаимствованное из рассказа А.П. Лукина «Гнездо Петрово».

«В тот день все роты на цыпочках сходились на обед. Покойник!.. За столами царил тишина. А малыши-кадеты, сидевшие вблизи “Наварина”, в знак траура до половины спускали его флаг. А это строго воспрещалось. Сажали в карцера.

А вечером в курилке курился фимиам... Выносятся Златая книга. Заветнейшая из заветных: “Сказания о Колыбели Флота”. Как командиры рот ни прятали ее, ни запирали, всегда бывали смельчаки, что карцером и отпуском рискуя, шли напролом, в квартиру проникали и с превеликим торжеством обратно в роту книгу водворяли.

— И ты, Нептун, и вы, послы и гости, и ты, сэр Наутик Альманах, лежащий здесь, в гробе, послушайте ее.

— Внимание, смирно!
 Когда наш Корпус основался,
 Тогда разверзлись небеса,
 Завес священнейший порвался,
 И были слышны голоса:
 Курите, пейте, веселитесь,
 Посадят в карцер — не беда,
 Учить уроков не трудитесь:
 Не выйдет толку ни черта.

Скорей померкнет солнца свет,
На землю спустится Создатель,
Чем прав останется кадет,
А виноватым воспитатель.

Гардемарину нужен ром,
Когда бежит он по брам-рее,
Ведь спотыкнуться может он,
Не выпив рюмки романеи.

Кадету тоже нужен ром,
Когда идет он на экзамен,
Ведь может ошибиться он,
Сказав, что Цезарь был татарин.

Моряк стучится в двери рая.
Апостол Петр ему в ответ:
— Куда ты, рожа пропитая,
Для моряков тут места нет!
Когда настанет Страшный Суд —
Картина будет превосходна:
Все праведники в рай пойдут,
А моряки в кабак повзводно.

О, как прекрасен Божий мир!
Мы в нем набиты, как селедки,
И сожалеем об одном,
Зачем же море не из водки?!

Тотчас же появлялся ром
и по рукам пошла бутылка.
Затем настала тишина.
Перелисталася страница.

Далее цитировалась былина о корпусе, написанная на мотив стихов А. Толстого (*Лукин А.П.* Гнездо Петрово // *Морской журнал.* 1937. № 10–11. С. 23–24).

⁶⁰ Ныне в этом здании размещается Дом Ленинградской торговли (ДЛТ).

⁶¹ Выпускники корпуса нередко заказывали подобного рода памятные предметы. Например, выпускник 1912 г. Н.П. Солодков вспоминал, что его товарищи из класса № 13 «заказали перстни с цифрой 13 и после выпуска в офицеры носили их “на память”, бравирова “чертовой дюжиной”» (*Солодков Н.П.* *Морские рассказы.* Париж, 1968. С. 49).

Золотые дни

Воспоминания корабельного гардемарина

В предлагаемых воспоминаниях старшего лейтенант Бориса Александровича Арского Морской корпус не упоминается. Мы сочли необходимым включить их в сборник, потому что автор описал мечту каждого воспитанника — производство в офицеры и первые дни «свободной», «взрослой» жизни.

Рассказ был опубликован на страницах издававшегося в Париже журнала «Военная быль»¹.

Вернувшись в конце октября 1911 года корабельными гардемаринами из 6-месячного плавания на судах бригады крейсеров Балтийского моря и на линейных кораблях «Цесаревич» и «Слава», наш выпуск (за исключением первых, кажется 10 человек, откомандированных в заграничное плавание на крейсере «Аврора»), был отпущен 1-го ноября в кратковременный отпуск и списан в распоряжение Главного морского штаба. В первых же числах декабря надлежало всем быть в Петербурге, в ожидании производства в мичманы.

В начале декабря получена была долгожданная повестка из Главного морского штаба с приказанием явиться вечером, 5 декабря, в полной парадной форме в Морское министерство, на квартиру министра².

Как сейчас, помню волнения дома. Мои родители жили тогда на Б. Фонтанке, в Петербурге. Подобно сборам невесты к венцу, мы с братом Володи облачались в блестящую флотскую форму, с таким дивным сочетанием черного цвета с золотом мундира.

Сколько было приложено любовных забот в пригонке и выборе всего обмундирования — ведь за целый год до производства, во время пребывания нашего в старшей гардемаринской роте Морского корпуса, закройщики и агенты множества различных обмундировочных мастерских и магазинов Петербурга каждый вечер заваливали наше ротное помещение различными образцами обмундирования и принадлежностями нашего сложного флотского туалета.

Мы толпились, как в маскараде, в различных вариантах зимней, летней, парадной и повседневной формах одежд флота (согласно Морскому уставу — 15 комбинаций), дожидаясь очереди у зеркала.

Но вот настал и вечер 5-го декабря, канун Тезоименитства Государя Императора, и день нашего производства³.

Все было готово, пригнано, и все по праву теперь должно было принадлежать нам.

В назначенное время все собрались в аванзале квартиры морского министра, выстроившись по старшинству, имея в руках Высочайший приказ о производстве в мичманы и распределение по морям и экипажам.

Надо было видеть радостные лица молодых мичманов в шумном и возбужденном говоре, шутках, любовавшихся друг другом. Все как будто мигом похорошело и возмужало. Хотя и слышались корпусные прозвища, вроде: «рыжий», «дворник», «заклепка», «э-э-э-эр-минигельд», «верблюд», «Адашка», «Пей-Пейч», «индюк», «птица», «Мураевка» и много других, но они теперь уже не подходили к блестящим офицерам.

Торопились обсуждать предстоящие празднества, и так как общего обеда не предполагалось, то слышалось множество «рандеву» у Донона, Кюба, Медведя, «Вилла Родэ»⁴ и тому подобных зланных мест.

Но вдруг радостный говор стих и послышалась команда:

— Господа офицеры!

В дверях показалась маститая фигура седовласого красавца морского министра вице-адмирала Григоровича в окружении директора Морского корпуса контр-адмирала Русина, начальника бригады крейсеров контр-адмирала Стеценко и чинов многочисленного штаба.

После обычного поздравления с производством и восторженных криков «Ура!» за здоровье государя императора мы все мигом вылетели, как птички из клетки, на Адмиралтейскую площадь, гремя палашами по каменной мостовой. Мы лихо рассаживались по «извозцам», стоявшим длинной вереницей у подъезда министерства. В этот вечер и последующий день, 6-го декабря, мы были героями дня и покорителями всех женских сердец Петербурга.

Все, казалось, смотрели на нас, и все улыбались нам. Солдаты и городовые, и те, казалось, как-то особенно молодежато отдавали нам честь.

Мичманы рассыпались, по способности и по вкусу, по всем увеселительным местам столицы. А как праздновали этот день, всем морякам, я думаю, известно.

«Адски весело!» «Здорово шикарно!»

Но мы еще имели возможность до 17–20 декабря повеселиться и вдоволь пошикарить своими мундирами с лихо наброшенной николаевской шинелью, гарцуя на лихачах по улицам столицы.

20-го же декабря все должны были разъезжаться по местам службы.

Моя группа отправлялась в Либаву, в отряд новобранцев 1-й минной дивизии, которым командовал строевик того времени флигель-адъютант капитан 2-го ранга Фабрицкий.

Помощником его и председателем кают-компаний был всем известный весельчак и рассказчик анекдотов, капитан 2-го ранга⁵ Рааб-Тилен, который не раз ругал молодежь из-за различных «пикантных мичманских историй».

Жить пришлось, как и всем холостякам, в казармах, вблизи ротных помещений, где молодежь ютилась по 2–3 человека в немеблированных с каменным полом комнатах.

Меблировали же комнаты по своему вкусу и, главное, на свой счет. Конечно, нередко обитатели комнат обладали художественным вкусом, а потому комнаты декорировались в различных стилях, нисходя до обычного мичманского стиля, т. е. — кровать, стул и чемодан.

Мы жили трое — я, Милашевский⁶ и Феодотьев. Милочка был художник и любитель всегда что-нибудь мастерить, а потому его затея — украсить комнату в египетском стиле — проводилась исключительно им самим, так как мы с Бурбуськой все свободное время, с вечера до рассвета, были заняты балами, ужинами и усиленным ухаживанием.

Молодое мичманье как-то особенно напыщенно бравировало своим новым офицерским положением, а потому старалось во всех жизненных искушениях стоять наравне со старшими товарищами. Будь ли то карты, вино или женщины, молодой мичман старался показать свою лихость заправского «марсафлота», но и не раз с треском садился в галошу.

Помню, как в то же время пришел в Либаву минный заградитель «Амур», где я числился вахтенным начальником, и как мне по этому случаю пришлось являться командиру его, флигель-адъютанту, капитану 2-го ранга М. М. Веселкину.

«Амур», как и вся 1-я минная дивизия, стоял, ошвартовавшись, у стенки в порту Императора Александра III около самых казарм отряда новобранцев.

«Амур» блистал чистотой и надраенностью. Какое-то особенное чувство гордости вливалось в душу, когда я, вступая на его палубу, сознавал, что это мой корабль, мой дом, моя святыня. Но украшением корабля и символом его доблести был сам отец-командир, известный всему флоту чудо-богатырь, Михаил Михайлович Веселкин, любимец Государя.

Был воскресный день; офицеры все были в сборе после богослужения в кают-компани и ждали к обеду командира. Помню, как только вошел командир, то прежде всего «влетело» судовому священнику о. Иову (монаху) за то, что он неправильно употребил какой-то тропарь во время службы. Михаил Михайлович идеально знал церковную службу, а потому священнику надо было держать ухо востро. Как обычно, на «Амуре» обеденный стол ломился от всякого снадобья, и все было изысканно вкус-

но. А кто знает хлебосола с «душой нараспашку», Михаила Михайловича, тот знает, что, попав к нему на обед, живым не уйдешь. Закормит, напоит и спать уложит. Так и тогда Михаил Михайлович, стоя к кают-компани во весь свой богатырский рост, с засученными рукавами сюртука, держал в руках не то утку, не то гуся и готовился к священнодействию — жарению на вертеле.

В шутках и с чисто русским добродушием обратился он ко мне:

— Ну а ты, мичман, водку пьешь?

Вот тут-то и надо было мигом смекнуть молодому мичману, что более подходящее ответить командиру. Но я решил хвастнуть ответом: «Так точно, пью». Но, увы, ответ оказался неудачным.

Михаил Михайлович разразился своим громким, сочным смехом и полилась его безудержная, разухабистая русская речь; она переливалась такими свободными флотскими словечками, что я готов был провалиться сквозь палубу.

— Каков мичман! Еще молоко на губах не обсохло, а уж водку пьет! Посадить его рядом с командиром.

На это все залились смехом, зная, что ждет неопытного мичманишку, и, действительно, не знаю, как уместилось в моей утробе все то, чем потчевал меня отец-командир, но я со страхом и трепетом старался «держаться марку», чтобы не «стравить канат до жвака-галса».

Но, как всякая флотская трапеза нелегко сходит новичкам, так и тогда — расходилась погодушка, в буйной молодой головушке загудело, закружилось, затуманило и спесь мичманскую поубавило.

¹ Военная быль. 1956. № 20. С. 10–12.

² Квартира морского министра находилась на втором этаже выходящего к Зимнему дворцу крыла Адмиралтейства (Адмиралтейская наб., д. 2).

³ Интересно, что приказ о производстве корабельных гардемарин в офицеры был отдан только на следующий день, 06.12.1911. Очевидно, император подписал представление морского министра накануне. Получился интересный вечер — молодые люди уже были офицерами («Государь подписал!»), но выслуга в чине начиналась лишь со следующего дня.

⁴ Один из самых популярных ресторанов Петербурга, «Медведь», находился по адресу Б. Конюшенная д. 27, «Донон» — ул. Благовещенская д. 2 (было еще товарищество «Донон, Бетан и Татары», ресторан на Мойке 24), «Вилла Родэ» — Новая Деревня, ул. Строгановская 2. Ресторан Андрэ-Луи Матвеевича Кюба, в котором так любили обедать и обсуждать дела государственные сановники, располагался на Каменном о-ве, д. 24.

⁵ В 1911 г. фон дер Рааб-Тилен был еще старшим лейтенантом.

⁶ Вероятно, имеется в виду выпускник Морского корпуса 1911 г. Николай Адамович Милевский.

Главы из воспоминаний

Сергей Сергеевич Шульц родился 15 декабря 1898 г. в Костроме, где тогда служил его отец, географ и путешественник. Учился в петербургских гимназиях Штейнберга и К. Мая, а в 1913 г. поступил в младший общий класс Морского корпуса. Был очень дружен с Б.Б. Лобач-Жученко, впоследствии известным советским яхтсменом, автором воспоминаний о корпусе. За участие в снятии красного флага был 24 апреля 1917 г. исключен и направлен в инженерную маршевую роту. В январе 1918 г. окончил ускоренные курсы в Елисаветградском кавалерийском училище, участвовал в Ярославском восстании, после его поражения пробрался в Пермь. Здесь он служил в составе Второго дивизиона белой Камской речной флотилии. Будучи по образованию и моряком, и кавалеристом, организовал конную разведку сперва во флотилии, а после — при Морском учебном батальоне армии А.В. Колчака. За проявленную в боях храбрость трижды был награжден орденами. Между тем конец белой армии приближался. В ночь на 7 января 1920 г. в Иркутске был арестован адмирал Колчак. Тогда же вместе с большой группой офицеров Шульц был захвачен красными. Судить их, в отличие от верховного правителя, никто не собирался — утром вывели на городскую площадь и начали расстреливать. Спасло чудо — небольшой группе помогли бежать мобилизованные крестьяне (говорят, за это они сами платились жизнями).

В отличие от большинства товарищей по оружию, С.С. Шульц не стал эмигрировать. Его удержало чувство долга перед находившейся в Петрограде семьей. Ему опять повезло — во встреченной им на Подкаменной Тунгуске гидрографической экспедиции оказались знакомые выпускники Морского корпуса, они выдали документы о работе Сергея Сергеевича с ними в течение всех лет Гражданской войны. Летом 1921 г. он смог вернуться в Петроград.

В 1928 г. С.С. Шульц окончил географический факультет университета и поступил на работу в Институт геологических карт АН СССР. Он участвовал во многих экспедициях, стал одним из основоположников нового направления — новейшей тектоники, в 1941 защитил диссертацию и получил степень доктора геолого-минералогических наук. В 1949 г., предчувствуя арест, уехал преподавать в Среднюю Азию. Начиная с 1954 г.

более 20 лет он возглавлял кафедру геоморфологии геологического факультета ЛГУ. Являлся признанным авторитетом в СССР и за рубежом. Скончался 18 августа 1981 г., погребен на Нововолковском кладбище¹.

Фрагмент воспоминаний Сергея Сергеевича Шульца, написанных им в 1970-е гг., любезно предоставлен для публикации его сыном, С.С. Шульцем (мл.) — геологом, поэтом, историком.

Морской корпус

Осенью 1913 г., после напряженных занятий в Крупелях, мы с Брониславом Казимировичем Юзефовичем приехали в Петербург на экзамены.

После их благополучной сдачи я был принят в 6-ю роту Морского корпуса. Морской корпус помещался в большом трехэтажном здании, фасад которого выходил на Неву и занимал участок, ограниченный 11 и 12 линиями. Вдоль той и другой протягивались далеко идущие крылья здания. Против них помещались Патриотический (на 10 линии) и Елизаветинский (на 13 линии) институты. «Среди двух роз сидел матрос».

Вдоль фасада Морского корпуса протягивалась колоннада (белые колонны на желтом фоне здания). В левой части фасада помещался парадный подъезд. Из вестибюля широкая лестница поднималась во второй этаж. Здесь помещался приемный зал, куда приходили к нам родные и знакомые. На стенах висели белые мраморные доски с золотом написанными фамилиями окончивших первыми корпус последовательно по годам.

Вдоль невского фасада, помимо приемного зала по правой стороне коридора, находились какие-то административные помещения, в том числе большой кабинет дежурного по корпусу, а по левой стороне — карцеры. В конце коридора помещались две комнаты — лавочка и учебный класс, а после поворота вдоль 11 линии — классы и кабинет физики. Против него в коридоре Компасный зал. В первом и третьем этажах правого крыла находились помещения 5-й и 4-й кадетских рот.

С другой стороны от фасадного коридора и от парадного входа, вдоль крыла, идущего по 12 линии, шел узкий «звериный коридор» с барельефами зверей, украшавшими некогда парусные корабли. Коридор этот огибал залы музея и библиотеки и соединялся с другим, ведущим в столовый зал. В этом коридоре, помню, вдоль правой стены — кегельбан, и дальше вход в помещение 1-й роты, а слева за стеклом маленький кабинет дежурного офицера по первому (гардемаринскому) батальону и картинная галерея.

Столовый зал занимал пространство второго и третьего этажей и имел высоту около 10–12 метров, при длине более 70 метров и ширине примерно 40 метров. Он был двухсветный. Один ряд огромных окон выходил на 12 линию. Другой ряд окон находился напротив и выходил на двор. Вдоль правой стены зала до окон был вход в 1-ю роту и во двор, далее, после ряда окон — на лестницу в 3-ю роту, помещавшуюся в первом этаже.

На противоположном конце зала вход в шестую роту. Здесь стояла большая, почти достававшая потолка, модель брига «Наварин» с искусно сделанным такелажем, маленькими пушками и андреевским флагом на гафеле корабля.

У левой стены зала стоял памятник Петру Великому — основателю Корпуса. Этот большой (несколько больше человеческого роста) бронзовый памятник принадлежал к лучшим работам Антокольского. Решительность и сила мощной фигуры с откинутой назад рукой с тростью, в которой чувствуется движение и власть, с кадетских лет заставили поверить меня в Великого Императора и помириться с массой грубости и зла, принесенного им многим отдельным людям.

«Царь Петр любил порядок
Почти как царь Иван,
И так же был он сладок,
Порой бывал и пьян».

Но я на одну доску их не могу поставить. Может быть, причина тому памятник в Столовом зале Морского корпуса².

На стене за памятником висели белые мраморные доски с фамилиями георгиевских кавалеров, окончивших корпус.

Над частью зала у входа в него возвышались хоры, на которых в торжественных случаях, а также постоянно по вторникам и четвергам во время обеда играл оркестр высокого качества. Обычно в зале были расставлены многочисленные столы, за каждым из которых помещалось 14–15 человек — семь с одного конца и семь с другого (два «полустолья»). Во время строевых учений и парадов столы убирались.

Вход в шестую роту на уровне второго этажа соединял столовый зал с непосредственно примыкающим трехэтажным домом, выходящим на 12 линию, и отдельный внутренний двор. В первом этаже этого дома был выход на двор и помещались две соединенные арками спальни.

Во втором этаже находился ротный зал, с конторками по стенам. Здесь же были комнаты с индивидуальными шкафчиками для одежды (цейхгауз) и карта. На третьем этаже находились два класса, 61-й и 62-й, и зал.

Вот в этот-то дом, со входом с 12 линии, через двор, и был я приведен мамой в шестую роту Морского корпуса.

Исполнилась моя мечта. Но когда провожавшая меня мама ушла, я почувствовал себя очень одиноким. Никого родного. По роте ходили разно одетые мальчишки, кто в форме гимназиста или реалиста, кто в форме кадета, кто в домашней одежде — без формы.

Кадеты чувствовали себя независимо и даже пытались командовать. Особенно один из них, «старый кадет Горский» (потом выяснилось, что он в кадетском корпусе был-то всего год).

Я был в черных штанах и в синей шерстяной блузе — в костюме, очень похожем на то, что нам скоро было выдано. Без погон, конечно. Или, вернее, без белых шнурков, заменявших погоны у кадет шестой роты морского корпуса. Не помню. Чуть ли не в первый день одиночества присмотрелся я к реалисту Лобач-Жученко.

По внешнему виду состав кадет был достаточно пестрый. Однако все это были мальчишки из интеллигентных дворянских семейств, достаточно хорошо воспитанные, умеющие держать в руках ножик и вилку и, в общем, одинаково настроенные.

Возглавлял роту капитан второго ранга Николай Иванович Берлинский, по прозвищу Ветчина. Цвет лица у него был как ветчина. Говорили, что, работая в корпусе, он спускался под воду как водолаз. Кто-то из не любивших его матросов наступил на подающий воздух шланг. Однако Берлинского вытащили и откачали. Но следствием «любви матросов» остался цвет лица и перевод для «воспитания» кадет в корпус.

Воспитанием кадет шестой роты, кроме Ветчины, занимались: старший лейтенант Шестаков — известный штурман, лучший знаток шхер Балтийского моря, толстый, неуклюжий и добрый «Бабка»; лейтенант Скрыдлов (рыжий и тоже не злой) и лейтенант Страхович — «Манька», самый молодой, самый придирчивый враг кадетов (унтер-офицеров из гардемарин в шестой роте я не помню).

Все это подчинялось строгой системе в жизни и в занятиях. Кадеты получили номера (я был № 34), сохранявшиеся за ними и в последующих ротах. Номера были даны по порядку суммы баллов на вступительных экзаменах. В зависимости от номера кадеты были разделены на два отделения (класса). При этом все нечетные номера шли в первое отделение (61-й класс), все четные — во второе отделение (62-й класс). Например, скажем, Александров был (по экзаменам) первым учеником — 1-е отделение, а Вердеревский — вторым учеником — 2-е отделение. Таким образом, оба класса были более или менее равны по знаниям (я был 34-м, Борис — 42-м).

Распорядок дня был следующим. Побудка в 7 часов. Утром появлялся матрос-горнист или барабанщик и на пороге спальни трубил или бил побудку — сигнал для просыпавшихся кадет особенно неприятный. Надо было быстро вымыться и прочее, одеться и построиться в ротном зале. Оттуда нас строем, в ногу, вели в Столовый зал, и мы втягивались на свои полустоля.

Получали кружку чая и свежую булку. Если хотелось еще чая, можно было крикнуть дежурного (дневального) матроса с чайником. У меня ломался голос и я могучим басом кричал: «Дневальный!» (дневальный хватался за чайник), а потом — дискантом: «Чая!»

После чая — прогулка строем по улице. В бушлатах. По панели шел лишь дежурный офицер и сопровождавшие его ловчилы («ноги болят» или что-нибудь еще).

В 9 часов мы сидели в классах. После трех уроков — завтрак: котлеты с гарниром или рагу, или фаршмак, или (это лучше всего) гурьевская каша. Можно было попросить «добавочных котлет», тоже очень вкусных, горячих, со сковороды. Был и чай.

После завтрака опять уроки (два), отдых и в 5 часов обед из трех блюд. Суп, второе и сладкое (большей частью пирожные). После обеда и перебивая все садились в ротном зале за свои конторки и с 7 до 9 часов готовили уроки. Ходить по роте, разговаривать между собой не разрешалось.

Потом кто что.

В 10 чай и не позже 11 — в кровати.

Уроки, особенно в шестой роте, были разные. Мы любили географию. Преподавал ее Павловский — увлекательно рассказывал о своих многочисленных личных путешествиях по далеким странам.

По естественной истории у нас был старый-престарый выживший из ума преподаватель Аникиев. Он занимался только с одним (нашим) классом только для того, чтобы корпус имел право выплачивать ему зарплату как преподавателю, многие годы ведшему естествознание, не будучи в штате. Мы, мальчишки, зная, что он плохо слышит, вместо ответа несли всякий вздор или просто беззвучно шевелили губами. А однажды даже вымазали его стул клеем и он, к общему удовольствию, прилип.

Закон Божий преподавал Поспелов — батюшка толстый и добрый. Всем ставил высший балл и, по просьбе класса, рассказывал нам интересные события из своей жизни священника. Мы просили хором: «Батюшка! Расскажите нам что-нибудь божественное, посмешней».

Помню преподавателей иностранных языков: француз месье Гризар — тоже милый и добродушнейший человек. Ко мне он благоволил, хотя я и был безграмотным. Как-то скучающему у окна кадету пришло в голову завопить: «Балтийский завод горит!» Все повскакали со своих мест и бросились, некоторые перескакивая с парты на парту, к окнам.

Месье Гризар тоже подошел к окну: «Ou, ou?» Но ничего не увидев, рассердился. Но мы запели: «Vive la France et la Russie et M. Grizar aussi»³, — и старик умилился. Любопытно, что это повторялось с равным успехом ежегодно. И тогда, когда из классов нельзя было увидеть Балтийский завод!⁴

Мистер Скотт был фигурой совершенно английской. Плотный, среднего роста с красным в жилках лицом, он олицетворял уверенность и превосходство своей нации. Преподавал в Морском и Пажевском корпусах. Написал, вместе с мистером Бреем, учебник английского языка, отличавшийся иногда непревзойденными шедеврами. Так, например, на какой-то странице были помещены (без порядка) отдельные «русские» фразы, которые требовалось перевести на английский язык: «Что это за рыжая собака с белой головой?» «Это моя бабушка, которая ест орехи».

Он уверял, что все лучшее получила Россия из Англии. Например, чай был привезен в Архангельск при Петре, а потому и называется «чай».

(испорченное английское «tea»). А мы говорим, что чай еще при Иване Грозном привозили из Китая в Москву, а в Сибири и Средней Азии он был известен еще раньше. И назывался «чай».

Рассказывали, что в каком-то из прежних выпусков корпуса он спросил у кадета — почему его называют Толстой, а не Толстый? На что тот ответил: «А почему вас зовут Скотт, а не Скотина?» Однако мистер Скотт сразу отпарировал: «Потому, что я английский Скотт, а не русская скотина!»

Впрочем, он на кадет не жаловался, из класса не выгонял, а острил и строго требовал знаний⁵.

Однажды я, воткнув в парту несколько перьев, пускал катиться меж них вставочку (ручку). Он посмотрел и сказал: «Шулц играет». И меня долго дразнили этой всем понравившейся фразой.

Впрочем, со знаниями языка у меня было неблагополучно. В конце шестой роты только мои занятия на Пасху в Киеве с мисс Гарнет помогли мне получить удовлетворительный балл.

Что-то другие преподаватели мне не припоминаются.

Да! Много времени уделялось строевым учениям. Сначала это были занятия небольших групп, каждая со своим унтер-офицером (матросом-строевым и инструктором). У нас был боцманмат Белоконь (или Рябоконь). Он гонял нас без устали. Заставлял шагать в ногу. Поворачиваться «кругом марш!», отдавать честь и отвечать на приветствие.

Потом начались ротные занятия. Здесь уже командовал Ветчина. «Повзводно!»... Во главе 1-го взвода — Бабка, часто путает. Склонности к строю у него нет, так же как и у нас у всех. Резкие замечания Бабке, при кадетях, вызывали к нему сочувствие.

Наконец после соответствующей подготовки нас стали брать на большую прогулку всем корпусом по набережной Невы — до Зимнего дворца. Под звуки оркестра продефилировав перед дворцом, возвращались обратно. Происходило это раз в неделю. Кажется, по четвергам.

Шестая рота, в отличие от других рот, шла без винтовок и, естественно, в самом конце. Но и это было интересно.

Так в слушании и подготовке уроков, в строевой подготовке и во множестве всяких личных дел текла наша жизнь. В целом дружно текла. Вот только, как какой-то ритуальный спектакль, видели мы от поры до времени драку между кадетами Игорем Завадовским и Соломоном.

Завадовский был москвич из хорошей семьи (с которой мы впоследствии познакомились и подружились). Кадеты прозвали его Царь Пушка. Он рассказывал, что в Москве Царь-пушка такой огромной величины, что в ней спят нищие. А в Царь-колокол, в пролом его, может въехать тройка. Покрасоваться, покуражиться ему было необходимо. И вот, по-видимому, кем-то подзуживаемый, он объявлял еврейский погром и вызывал на кулачный бой кадета Соломона. Соломон был сыном выкреста, получившего высокий (генеральский) чин и добившегося приема своего сына

в Морской корпус. Мальчик с отчаянием отстаивал свою честь, но был слабее Завадовского, и в конце концов побоище с разбитыми носами кончилось победой Игоря. К стыду нашему надо сказать, что мы не вмешивались в это возмутительное издевательство, а ходили на заранее объявленный бой как в театр и следили лишь, чтобы бой шел по правилам. Нельзя наносить удары ниже пояса или в солнечное сплетение. Нельзя ставить подножку и тому подобное. Надо сказать, что мне жалко было Соломона, но я не смел, стеснялся об этом сказать. Потом перестал ходить на драку. Кончилось это тем, что Соломона родители взяли из корпуса⁶.

Скрашивал мою жизнь Геннадий Карцов — мой двоюродный брат, гардемарин первой (старшей) роты. Он часть приходил ко мне, и мы ходили по пустому залу. Для меня это был самый близкий человек. Я говорил ему все, чего не сказал бы своим сверстникам, чего не сказал бы дома. Он понимал все. Хотя Геннадий был старше меня (на 4–5 лет), но интересы, суждения наши были близки. И он так же, как я, любил наши встречи. Учился он хорошо. И в предыдущем 1912/1913 учебном году был вице-унтер-офицером в кадетской роте.

Вице-унтер-офицерами в кадетские роты назначались гардемаринны из 2-й роты (в гардемаринских ротах унтер-офицерми были гардемаринны 1-й роты), при этом проводился тщательный отбор. Отбирались лишь умевшие себя поставить, отличавшиеся хорошими успехами в занятиях и не имевшие взысканий.

Назначение гардемариннов в качестве младших воспитателей кадет имело глубокий смысл.

Выделенные гардемаринны продолжали свои занятия и посещали лекции у себя в ротах, а все остальное время проводили у кадет. Вместе с кадетами гуляли, вместе ели, возглавляя полустолья в столовом зале, и служили непререкаемым авторитетом во всех случаях кадетской жизни. Если ко всякому начальству кадеты относились настороженно и, пожалуй, отрицательно, то это не относилось к «унтер-офицерам» — старшим товарищам. Они передавали нам правила поведения, знакомили с традициями корпуса, готовили будущих своих товарищей — офицеров флота. В то же время они приобретали определенные командные навыки.

Обычно вице-унтер-офицер, перейдя из 2-й роты в 1-ю, становился унтер-офицером в гардемаринской роте, что давало ему некоторое преимущество при распределении по окончании корпуса.

Однако у Геннадия это не получилось.

По древней традиции во время выпускных экзаменов кончающих корпус гардемариннов, перед выпуском их в офицеры, тайно (хотя все начальство само когда-то кончало корпус и все знало) «хоронили Альманаха». Похороны происходили после выпускных экзаменов по астрономии в столовом зале и сопровождалась рядом неизменных и торжественных обрядов. Сам Альманах лежал в гробу в гардемаринском мундире. Вместо го-

ловы находился толстый справочник по мореходной астрономии на английском языке «Nautical Almanac» — много грустных минут приносил гардемаринам, обычно не блестяще знавшим английский язык.

Перед гробом исполняла ритуальные танцы душа Альманаха — в виде совершенно голого гардемарина, в ботинках и манжетах. Сходный облик имела и жена альманаха, следовавшая за гробом. Грустное песнопение слагалось из совершенно неприличных куплетов. Произносились прочувственные речи, обличавшие всю неприглядность справочника, а также связанных с ним преподавателей и руководителей.

Все завершалось салютом из всех орудий брига «Наварин» и некоторыми возлияниями, уже в пределах спальни старшей роты.

Подготовка к похоронам начиналась задолго до экзамена по астрономии. На стенах, на окнах и особенно в недоступных местах под высокими потолками в классах и даже в Столовом зале появлялись скорбные извещения: Альманах — заболел; Альманах болен, тяжело болен, при смерти. А по окончании экзамена — Альманах умер!

Так вот, в период подготовки старшей роты к экзамену вице-унтер-офицер Геннадий Карцов вел отделение (класс) кадет на занятия вдоль коридора с картинной галереей. Минуя помещение дежурного по батальону, Геннадий шепотом скомандовал: «Смирно, равнение направо». Кадеты повернули головы, но вместо печатания шага шли на цыпочках.

Дежурный офицер возмущенно спросил, что все это значит. Геннадий, опять-таки шепотом, ответил: «Альманах болен, господин лейтенант!»

В тот же день он был отстранен от «воспитательной работы» и ни во второй, ни в первой роте не был уже унтер-офицером.

Вот почему Геннадий Карцов имел время и возможность осенью 1913 г. приходиться ко мне.

Последнее событие в 1913 г., которое врезалось в память, был традиционно встретившийся праздник Морского корпуса — 6 ноября. Это была последняя парадная встреча нашего праздника.

С утра уже начались всякие приготовления. В частности, в ротном зале 6-й роты устраивался главный буфет. Какие-то артельщики расставляли столы, распечатывали в цейхгаузе ящики с едой, с посудой, с шампанским.

В Столовом зале — все для танцев. Оркестр на хорах. Для котильона была устроена передвигающаяся шлюпка, заполненная всевозможными значками, флагами, якорями и прочими сувенирами, большей частью изящно сделанными. В помещениях других рот устраивались гостиные и дополнительные буфеты.

Но днем все приготовления были закончены, и начиналась торжественная часть. Во-первых, — парад. Весь корпус поротно был построен в Столовом зале. Мундиры — начищены, блестели золотом. Винтовки, подсумки, фуражки с ленточками. Офицеры в полном параде, с палашами. Перед

фронтом высшие чины и гости. Начальник строевой части командует парадом. «Смирно. Для встречи слева. Слушай на караул! Господа офицеры». Как одна взлетают на грудь винтовки. Офицеры вздергивают «под высь» палаши и одновременно опускают их, и под звуки встречного марша все поворачивают головы налево. А из-под хор показывается директор (я не помню, был ли уже 6 ноября 1913 г. директором корпуса контр-адмирал В.А. Карцов или еще кончал свое директорство вице-адмирал Русин) и сопровождающие его блистающие орденами и лентами лица.

Резко обрываются звуки оркестра, и мы слышим голос директора корпуса: «Здравствуйте, гардемарины и кадеты!» — «Здравия желаем, ваше превосходительство!»

Далее следуют поздравления и соответствующие случаю слова о славе корпуса и славе русского флота. Все это нами, кадетами шестой роты, воспринимается полностью, с восторгом. Без появившегося позже навязанного скептицизма.

«К церемониальному маршу, на дистанцию двух линейных. Первая рота...» — раздается команда командующего парадом. Затем: «Первая рота, первый взвод», — это ротный командир, и, наконец, взволнованный голос отделенного начальника: «Первый взвод, равнение направо, шагом... марш!»

Под звуки марша Морского корпуса взвод за взводом проходит мимо начальства, кося глазами направо. Офицер перед взводом вздергивает ввысь палаш и потом опускает его перед собой.

Все это сливается в какую-то блестящую, звучную, мужественную игру.

После парада расходимся по ротам, ставим в козлы винтовки, снимаем подсумки, моемся и снова строимся, чтобы идти на традиционный обед.

На столах около каждого прибора красиво отделанное меню. С одной стороны список блюд: суп консомэ с пирожками, пожарские котлеты, гусь с яблоками, мороженое.

Гусь с яблоками сохраняется в меню со времен Елизаветы Петровны:

«Прислала нам царица
На праздник сто гусей,
С тех пор среди традиций
Храним обычай сей».

С другой стороны меню — музыкальная программа, исполняемая оркестром во время обеда. А на столе кружки и серебряные кувшины с гербами Морского корпуса. Они, правда, на кадетских столах, в отличие от офицерских, содержат не шампанское, а квас. Но его много, и он очень вкусный.

Рядом со столами кадет и гардемарин офицерские столы многочисленных гостей. А дальше близ брига блистают звезды и орденские ленты адмиралов.

Во время обеда произносятся соответствующие общие тосты, музыка сопровождает их тушами. Но потом все сливается в сплошной гул голов и частные выступления за отдельными столами.

Наконец мы вновь строем уходим по своим ротам. Делимся впечатлениями и готовимся к балу. Начинается съезд. Кроме морских и военных мундиров и штатских фраков появляются разнообразные красивые балные платья женщин, холеные обнаженные плечи и шеи, сверкающие украшения.

Мы проинструктированы как любезные хозяева. Должны проводить... показать... помочь... рассказать, что спросят, и так далее. В то же время большинство из нас получили пригласительные билеты для своих близких, и мы с восторгом ждем и встречаем наших приглашенных.

Надо сказать, что бал в Морском корпусе был одним из самых больших и парадных в Петербурге. Это объясняется огромным числом приглашенных, что можно было сделать только имея такое помещение. Столовый зал, как говорили, был самым большим открытым залом в столице. Зал Дворянского собрания отделялся от стен колоннами, и помещение для танцев было меньше. Оркестр — хороший оркестр, он был сменным, замещавшим основной оркестр в Мариинском театре, удобно размещался на хорах, не отнимал свободной танцевальной площади. Кроме того, множество классов и больших ротных залов были превращены в гостиные и буфеты, богато снабженные винами, шампанским и всевозможными закусками. А в некоторых ротных залах тоже были танцы. Удобно было и время бала — 6 ноября. Но главное, как говорили, было морское гостеприимство, богатство, любезность хозяев и продуманная организация.

Любопытно, что, несмотря на обилие вин (все это, конечно, было бесплатным), не было пьяных. Кадеты и гардемарины в буфетах могли съесть пару бутербродов, выпить лимонаду. Но вина — ни-ни! Категорически воспрещалось. При этом обилие офицеров делало нарушение этого правила немислимым. Сразу с бала виновный был бы отправлен в карцер. Но и офицеры, и штатские вели себя образцово. Вероятно, на балах, в соответствующем обществе, в присутствии дам не принято было напиваться. Но маленький «подогрев» поднимал настроение, и действительно было очень оживленно и весело. Я не помню порядка бала. Вероятно, он открывался полонезом. Явно был котильон, и мы стремились раздобыть своим дамам красивые безделушки.

Танцевали падекатр, падепатинер, венгерку, польку, наконец, мазурку. Но, конечно, венцом танцев был вальс. И умели танцевать, у нас танцы преподавались обязательно, придворным балетмейстером. И мы танцевали. Танцевали всюду.

Вслед за балом опять будни. Занятия, занятия. Хромаю по английскому языку. Строевые учения. Бассейн.

Попытка из третьей группы передвинуться хотя бы во вторую не удалась. Проплыть с требующейся скоростью вокруг бассейна мог. А вот прыжки не выходили. Раз попробовал и с маху об воду пузом треснулся. Я не думал, что может быть так больно. Как будто пополам меня разорвало. Правда, я и сейчас плаваю на боку и особенно на спине прилично. Но прыгаю только невысоко и только солдатиком (ногами вниз).

Так что дальше третьей группы не вышел. Впрочем, требования были поставлены в корпусе очень большие. В первую группу зачислялись кадеты, которые в походной форме, в бушлате, в высоких сапогах, могли обогнуть вдоль стенок бассейн (кажется, это было 25 сажень), не замочив винтовку и подсумок.

На гимнастику кадеты передевались в рабочую белую робу. И должны были прыгать в высоту и в длину, делать упражнения на турнике, на параллельных брусьях, на кобыле, на кольцах и прочее. Требования и здесь были большие. Но, достигнув их хотя бы по одному виду упражнений, ты становился «соколом» и на гимнастику приходил в синих гимнастических брюках и белой майке с синим кантом и якорем. Ну так я достиг! Не помню, в 6-й или в 5-й роте, но я стал «соколом» по прыжкам в высоту. Требовалось перепрыгнуть свой рост.

Так пролетел конец 1913 г. На Рождество и Новый год мы были отпущены в отпуск. (...)

Но вот и конец каникул. Снова в корпус. Но я уже стал другим. Это не первые дни осени 1913 года. Здесь в 1914 г. я уже кадет, возвращающийся домой, в корпус. (...)

«Верный»

Ну и вот оно наконец, первое плавание.

Через Неву нас перевезли на учебное судно «Верный». Это бывший крейсер II ранга с полным парусным вооружением и машиной⁷. Мы были подготовлены, но здесь на практике с удовольствием разобрались с основными помещениями «Верного».

Верхняя палуба в носовой части корабля называется баком. Под ним находится матросский кубрик. Над передней частью бака надстройка — полубак (под ней гальюны и умывальники). Задняя часть бака (до фокмачты) открыта. Это матросский клуб. Здесь можно поболтать и покутить, пользуясь постоянно тлеющим фитилем. Здесь же помещалась рында — небольшой колокол, на котором каждые полчаса отбивались «склянки». От одной до восьми. Затем через четыре часа снова половина и так далее до восьми склянок.

За баком расположен шкафут (между фок- и грот-мачтами). На «Верном» над ним находились мостик (на нем штурвал, компасы, рулевые, сигнальщики, вахтенный начальник) и ростры (на них поднимались катера). Под рострами — камбуз и другие помещения. Около грот-мачты люк, который вел в нижнюю — кадетскую палубу.

Затем самая парадная часть судна — шканцы. Надстроек над шканцами не было. В светлые стеклянные люки сверху видно было машинное отделение. Вдоль бортов на шканцах помещались «сетки», куда на день аккуратно ставились завернутые и зашнурованные койки.

Наконец, задняя часть корабля называлась ют. Надстройка над ним — полуют. Полуот — это самая пустынная часть корабля. Там у кормового флага стоял часовой. Там определялась лагом быстрота судна — сколько узлов в полминуты, сколько миль в час. (Отсюда ясно, сколь неправильно говорить: столько-то узлов в час). Там прогуливался командир, а вахтенный начальник с полуюта командовал подъемом флага.

На юте, под полуютом, помещались кают-компания, офицерские каюты и помещение командира корабля. Над ютом возвышалась третья мачта — бизань-мачта, а правый и левый борта, смыкаясь полукругом друг с другом, образовали гакаборт.

Я не останавливаюсь на описании стоячего и бегучего такелажа, всех этих штагов, брасов, топенантов и так далее, так как старый «Верный» не пользовался парусами и ходил в наше время только под паровой машиной.

Однако некоторое наследство старого парусника использовалось при подготовке моряков. В первую очередь это ванты — веревочные лестницы, идущие от бортов судна к середине мачты, к марсу. От краев деревянной площадки марсов поднимались степ-ванты к более высокому наблюдательному пункту — салингу. От салинга вдоль верхней части мачты тянулись лишь канаты с узлами, по которым можно было добраться до самой верхушки мачты — до клотика.

Внизу от бортов судна наружу выступали выстрелы — горизонтальные брусья, по которым на стоянках кадеты бежали до веревочных трапов, спускавшихся к привязанным к ним шлюпкам.

Деревянные широкие трапы опускались на стоянках, справа — парадный для командного состава, слева — хозяйственный.

На носу «Верного» далеко вперед торчал бушприт, а еще дальше — утлегарь. От них шли штаги к фок-мачте, вдоль которых поднимались кливера. А под бушпритом в сетке во время хода лежали вахтенные кадеты — «впередсмотрящие».

Надо было знать сигнальные флаги. Каждый из них именовался буквой славянского алфавита — аз, буки, веди... и так далее. Отдельно поднятые флаги в определенном месте значили только буквы, которыми можно было набрать любое слово. Но поднятая в другом месте, например, на фор-марселе, каждая буква-флаг имел определенное обозначение согласно

сигнальной книге (однофлажной, двухфлажной, трехфлажной). Например, буква И — иже — значило «ясно вижу».

Д (добро) — да, согласен.

А (аз) — нет, не имею.

Б (буки) — больше ход.

В (веди) — курс ведет к опасности.

Г (глагол) — поднимался на брандвахте.

Телеграфный флаг (белые и синие горизонтальные полосы) значил: читать по алфавиту.

Двухфлажный: например ЦЦ — переменить род движения.

Трехфлажный (главный разговорный набор), например, 5РГ — прощу разрешения сняться с якоря и идти по назначению.

Разобрав свои вещи (брезентовые «чемоданы») и места в кадетской палубе, мы собрались на полубаке и, чувствуя себя «старыми морскими волками», болтали и пели песни, по возможности неприличные. Посмотрев на нас, старый боцман сказал: «И не стыдно вам, господа кадеты, такую похабщину петь. Сейчас даже новобранцы-матросы себе этого не позволяют». Правда, мы потом слышали, что этот самый боцман употребляет далеко не любезные ругательства. Но это делалось, так сказать, «по службе» и «по традиции» во время авралов, а просто так в быту «крепких» слов на «Верном» я не слышал. Тем более в наше время матросов не били, даже боцман, не говоря уже об офицерах. Мы слышали и читали, что матросов били в 19-м веке, а в 20-м «господа офицеры» были культурные, парадные и корректные, на английский манер.

В кадетской палубе, как и на всем судне, было предельно чисто. Утром в 7 часов раздавалась «дудка» — «кадетам вставать, койки вязать!» Быстро вскакивали и, отвязав подвешенные к подволоку койки, аккуратно скатывали и ставили вертикально в «сетки» — специальное углубление в фальшборте на шканцах. В случае если корабль тонет, койки выбрасывались и благодаря пробковому матрасу служили как спасательные круги. Я не подвешивался, а спал, расстелив койку на тянущихся вдоль борта рундуках, в которых помещались индивидуальные, для личных надобностей каждого кадета, ящики.

Убрав койки, одевшись в рабочую робу — парусиновые штаны и рубаху (поверх форменки) — и помывшись, мы спешили на шканцы, где выстраивались повахтенно — первая вахта на правом борту, наша вторая — на левом. В 8 часов — подъем флага. Вахтенный начальник командовал: «На флаг и гюйс!» Гудели рожки: «Тата-тата-тата, тата-та, тата-та...» «Флаг и гюйс поднять!» Часовой у флага брал на караул, а все снимали фуражки. Андреевский флаг медленно полз на гафель бизань-мачты, ловко разворачиваясь, дойдя до стопа.

По торжественным дням происходил подъем флага с церемонией. Кадеты в черных брюках и в форменках выстраивались на [палубе]. Раз-

давалась команда: «Флаг и гюйс и флаги для расцветивания поднять!». Судно украшалось всеми сигнальными флагами. На корабле со старшим на рейде адмиралом играл духовой оркестр.

В будние дни после подъема флага и утреннего чая с булкой начиналась обычная уборка корабля: скатывали и протирали сперва швабрами, потом резиновыми скребками палубу, доводя ее до чистойшей белизны. Потом чистили медяшку. Сперва толченым кирпичом, потом чистолем, до ослепительного блеска. Во время войны все медные части были окрашены, деревянный настил на палубе снят.

Основной обязанностью всего личного состава военного корабля, в том числе и кадет, было несение вахт. Мы были разделены на две вахты. Первая — это 61-й класс, помещалась на правой стороне кадетской палубы, вторая — это мы, 62-й класс, на левой стороне. Каждая вахта делилась на два отделения, которые по очереди стояли вахты. По времени сутки были разбиты на пять вахт. С 12 ночи до 4 утра («собака»), с 4 до 8, с 8 до 12 дня, 12–6 вечера и с 6 до 12. Таким образом, время вахт менялось у каждого отделения.

В случае общих работ на судне раздавалась команда: «Подвахтенным вниз. Общим вахтам наверху остаться». Кадеты помогали спускать шлюпки. Сниматься с якоря: «Рулевые на руль, лотовые на лот, комендоры к канату. На кат и фиш. Лопаря выровнять. Слабину выбрать. Пошел тащить!» И тащили.

А затем начинались общие занятия. Если занятия по «морскому делу» — то сидели прямо на палубе, и боцман учил нас вязать морские узлы. А то еще бегали по вантам: «Через грот-салинг на марс!» Все это было интересно и весело.

А вот шлюпочные учения — это не всегда весело. Я был загребным на шестерке. И с нами ходил лейтенант Страхович. Грести по несколько часов подряд с непривычки было трудно. И не так уж тяжела была общая утомляемость, как болели ладони рук. Сперва стерлись до пузырей. Потом пузыри лопнули и прикосновение к рукоятке весла вызывало острую боль. А Страхович — садист, с явным удовольствием смотрел на страдания ребят, одергивал всех и, в то время как на других шлюпках от поры до времени кадеты «сушили весла», не давал нам отдыха. Свое возмущение я пытался выразить «презрительным» взглядом, но Манька, заметив это, сказал: «Что вы, Шульц, смотрите на меня, как баран на новые ворота?»

Вздых облегчения вызывали два «Це», поднятые на «Верном», что значило переменить род движения. Мы поднимали парус, а вслед за тем по вызову возвращались на корабль.

Однако времени хватало и на досуг. Обсудить поведение Маньки, поговорить о новостях, помечтать о будущих плаваниях, почитать книжку (я читал Дюма по-французски), написать письма домой. Все успевал сделать.

По праздниками в большой матросской палубе происходила церковная служба. Расставлялась загородка, вроде ширмы, изображавшая алтарь. Батюшка облачался в рясу. Один из матросов считался пономарем и с гордостью махал кадиллом. Палуба наполнялась церковным запахом. И все было чинно и торжественно. А на грот-мачте поднимался молитвенный флаг — буква Х.

Молились часто. И в воскресные, и в царские дни, и по поводу выхода в плавание и тому подобное.

Путь нашего плавания начался из Кронштадта. Его обширный рейд с множеством военных судов и сам город, пронизанный морским духом, прекрасный собор, купол которого видится морякам из очень далеких краев, особенно сквозь жидкий чай...

По пути на запад вдоль Финского залива мы шли в спокойную ясную погоду. Любовались морем и майским солнцем. На широте острова Гогланд по существующей традиции бросили в море по гривеннику. Это полагалось делать тому, кто впервые идет мимо Гогланда.

На западе Финского залива остановились в Ганге — по-фински Ханко, где мы побывали у высокого креста в память погибших моряков в Гангутском бою (1714 год), и наконец Либава, вернее порт Императора Александра III. Здесь много воспоминаний. Из порта на трамвае мы с Борисом проехали в город и пошли в знаменитое кафе Боница, выпили шоколад со взбитыми сливками. Это ритуал. Каждый порт чем-нибудь славится. Потом покатались на байдарках по озеру. Вернувшись в порт, мы проехали на гидроаэродром с самыми новыми самолетами. И вот что удивительно. Нас никто не спрашивал пропусков, никто не задерживал. Напротив, встречая кадет, все проникались особенным радушием. Например, один из летчиков морского авиационного отряда показывал нам гидросамолет и прокатил нас на нем по рейду (правда, не поднявшись без разрешения в воздух). А ведь мы были накануне войны. Из-за ее возможности «Верный» не пошел, как это предполагалось, в Стокгольм, а плавал только в своих водах.

Как будто в порту Александра III кадеты впервые, наряду с матросами, участвовали в погрузке угля. Это аврал. В нем работает весь состав корабля.

После довольно длительной стоянки в Либаве мы вышли в море и направились на север — в Финский залив. Но в этот же день началась буря. Ветер достигал такой силы, что в Осло сбросило в море огромные краны, весившие много тонн. Мы с Борисом стояли на вахте на верхнем мостике. Промокли, продрогли, забрались под какое-то укрытие, а стоявший с нами сигнальщик-матрос, жалея ребят, прикрыл нас чем-то. И мы заснули. Проснулись мы, когда нас обнаружил вахтенный офицер. И мы были поставлены на палубе под винтовку. А ветер все усиливался. Оказывается, командир повернул обратно и хотя и шел полным ходом на юг, «Верный» относилось на север.

Про нас забыли. А волны, перелетая через полубак, чуть не сбивали нас с ног. Наконец какой-то офицер, увидя нас, крикнул, чтобы мы шли в кадетскую палубу.

А на следующий день я проснулся совершенно больным и был положен в судовой лазарет.

Не помню, в каком порядке шли наши последующие стоянки. Наш самый длительный переход от Либавы до Бьерке (Приморск) и стоянку в Бьерке я пролежал в лазарете.

В Ревеле (Таллине) мы застали на рейде линейный корабль «Цесаревич», на котором плавал только что кончивший корпус Геннадий Карцев. Вместе мы походили по Ревелю. Посмотрели его старинную цитадель — Вышгород, посмотрели древний собор, башни, узкие улочки старого города. Ну, конечно, купили марципанов и в виде фруктов, и в виде мыла. Была даже совсем как фарфоровая тарелочка с бутербродом на ней и с рюмкой водки; но все это из марципана весьма искусно сделанное. {...}

В Таллине я бывал неоднократно. Конечно, сейчас он вырос и похорошел. Но и первое впечатление о Ревеле 1914 года осталось как об очень характерном древнем немецком городке со своей историей, со своим лицом.

И все же Ревель — это интересный провинциальный город, куда не ездили за костюмами или шляпами, и модных журналов там не было, если и вообще-то были журналы на эстонском языке. И защищать Эстляндию от русских в свое время было так же не интересно, как защищать ее от немцев, чувствовавших себя там как дома.

А сейчас Таллин — столица Эстонской ССР, куда ленинградцы ездят за покупками, а эстонцы не любят их и смотрят на русских сверху вниз.

Бросилась в глаза и общая, очень резкая разница между южным и северным берегами Финского залива. Южный — эстонский берег обрывается к заливу прямолинейным высоким обрывом (глинт), сложенным слоями песков разного цвета и глин.

Северный берег более суров. Он сопровождается бесконечным количеством каменистых (гранитных) островов (шхеры), большей частью заросших хвойным лесом. На южном берегу главным образом лиственный лес и посевов больше. И люди, живущие на северном берегу, — финны — более суровы, хотя в те времена оба берега Финского залива входили в состав Российской империи.

Из Ревеля мы перешли в Гельсингфорс. Большой порт. Много судов. Большой благоустроенный город. Перед входом на рейд, на острове, находится крепость. Русская крепость, с русскими войсками. Это не только символ, но и опора.

Нас удивило, что на обширном рейде, на множестве каменистых островов располагается зоопарк. На одном острове северные олени, на другом газели, серны, есть острова с ишаками, есть с грызунами, и так далее. Животные ничем не огорожены, мирно пасутся и охотно берут пищу из

рук посетителей. Есть и острова, где люди проходят между двух решеток, за которыми свободно ходят хищники. Здесь вы можете купить живого кролика или зайца и бросить его за решетку. Сразу за ним погонится волк или тигр.

Город тоже необычен. Наиболее парадная часть тянется вдоль залива. Это эспланада. На одной стороне дома, рестораны, театры. На другой стороне причалы для мелких судов и шлюпок. На улицах Гельсингфорса много военных моряков. Перед русским собором памятник Александру II — Царь-Освободитель.

Освобожденный от шведского господства город и страна получила землю, самоуправление, свои финансы, деньги, свою полицию. Финны не призывались в армию. Русские обязывались защищать Финляндию во время войны и представлять ее своими посольствами и консульствами во всем мире. Во главе Великого княжества Финляндского стоял российский император.

Положение весьма благоприятное. Прямо как английский доминион — Канада или Новая Зеландия. Но русские, увы, не умели себя поставить. Я помню, что мы повторяли рассуждения какого-то высокопоставленного лица: «Что такое Финляндия? Это скала, сосна и чухна! Притом скала — пустыня, сосна — кривая, а чухна — злая». И трудно чухне не быть злым.

Когда в начале плавания мы пришли в Ганге, мы узнали, что там очень много маленьких ресторанчиков. Они обслуживаются обычно одной семьей. Толстый финн сидит на улице. Курит сигары, читает газеты и делится новостями с проходящими мимо знакомыми. Они в Ганге все знакомы. И многие обедают у него в ресторации. Там одна большая комната с накрытым обеденным столом. Из этого «зала» проделано большое длинное окно с прилавком в кухню, где хозяйка готовит и подогревает пищу. Готовые блюда и миски выставляются на прилавок. Клиент (посетитель) сам берет чистую тарелку и накладывает себе по вкусу первое, второе, берет пирожное, если надо, наливает кружку пива и, если есть компания, рассуждает со знакомыми или с дочкой хозяйки, которая подбирает тарелки, наводит порядок и тому подобное.

Уходя, клиент, выйдя на улицу и закурив, поблагодарит хозяина и заплатит ему «за первое и второе и за кружку пива». А если он зашел выпить чашку кофе с пирожным, то за кофе. И оба расстаются с улыбкой и в хорошем настроении.

Но, как рассказывали, пришла русская военная эскадра, отметить, кажется, 200-летие Гангутского боя — победы молодого флота Петра над шведами. Городок приукрасился. В столовых готовились особенно вкусные блюда.

Внуки победителей охотно вваливались в ресторанчики. Съедали все, что там было. Выпивали все, что там было. И вываливались наружу, веселые и шумные. Но если хозяин намекал, что следовало бы заплатить...

Чухонцу били морду. Конечно, не во всех ресторанчиках происходили такие истории. Но!! Память и рассказы о победоносном русском флоте оставалась!

И в самом конце плавания 1914 г., когда мы с Борисом (Лобач-Жученко. — А.Е.) заблудились в Выборге и не могли найти свою гостиницу, нас не удивляло, что местные жители не стремились нас понять. Когда мы обратились к полицейскому — почтенному пожилому господину в каске (на немецкий манер), и он, явно зная русский язык (это полагалось финским полицейским), говорил ни «бельмейде» (что-то в этом роде) и разводил руками, — мы не удивлялись.

В Котле и Биорке мы стояли довольно долго. Мы грузили здесь уголь. В рабочей робе и в чехлах от фуражек на голове, совершенно черные, страшные и грязные, мы были похожи на настоящих угольщиков. Но такая общая, артельная работа, где, невзирая на звание, матросы, кадеты и офицеры на одних правах таскают корзины с углем, захватывала. Каждый старался не отстать от других, сделать свою работу не хуже и не дольше других.

А потом все вместе в баню. Мы уже привыкли, что в бане мелькают полуголые фигуры банщиц, не банщиков, а именно банщиц, и они не вызвали смущения, а также никто не позволял себе непристойных острот при «дамах». Хотя услугами банщиц русские и не пользовались.

То же и на пляжах в маленьких городках (не в Хельсинках). Здесь без костюмов купались целыми семьями. И мы среди финнов.

В конце плавания нас (желающих) отпустили на три дня в отпуск познакомиться с Финляндией, без права выезда из нее в Россию.

Мы с Борисом отправились в Выборг, полюбовались на массивный старый замок, на залив с заросшими соснами берегами и красивым парком «Монплизир» и решили поехать на Иматру. Это известный водопад или порог на реке Вуокса, где река на протяжении восьми километров с огромной скоростью несется в резко сужившееся ложе. Он поражает неудержимой стремительностью реки и общей красотой ландшафта. Вечером весь район «водопада» был освещен разноцветными электрическими лампочками и взвивавшимися бурным потоком ракетами. На берегу в ресторанах играли оркестры. И много лет помнится великолепное зрелище Иматры.

В те времена граница между Финляндией и Россией не охранялась пограничной стражей. Обычно не спрашивали паспорт или удостоверение. Однако таможенники наметанным глазом сразу определяли, не везете ли контрабанду. В Финляндии многие товары были дешевле, чем в России. Но если их везли для себя, таможня молчала. Можно было провезти и костюм, и ботинки, и коробку шоколада. Но если кто-либо повезет десять костюмов, или даже десять коробок шоколада, то их отберут.

По-видимому, были особые указания насчет военных моряков, и финские патрули спрашивали увольнительный билет. Кадеты знали это, и попыток уехать на три дня отпуска в Петербург не было. Болтались по каменистым склонам финской земли. У меня эти походы привели в полную негодность мои парадные «собственные» ботинки. И в Выборге купил себе новые. Красивые, прочные и дешевые.

Я упоминал выше, что, заблудившись в Выборге, мы не нашли общего языка с финским полицейским. Но гостиницу все же нашли и довольные, хотя и усталые, залегли спать. А наутро я надел новые ботинки, и мы поспешили на «Верный». Через некоторое время я был удивлен, получив посылку: «Кадету Шульц, учебный корабль “Верный”, следовать за судном». Это были мои стоптанные ботинки, брошенные в гостинице под кровать. Еще одна черта финнов. У нас уборщица, найдя ботинки, либо взяла бы их себе, либо выбросила бы. Но выяснять, кому и куда послать, наверное не стала бы.

Тогда в Биорке стояла большая наша эскадра. Подчищенная, свежееккрашенная в светло-серую «шаровую» краску, с адмиральскими флагами на мачтах. «Верный» скромно стал при входе на рейд и так же, как другие суда, занимался прихорашиванием и шлюпочными учениями. Ждали англичан. Говорили, что будут устроены разные встречи, а также соревнования на шлюпках.

И вот они появились: «Принцесс Ройял», «Куин Мэри» и другие суда, все окрашены в темно-серый цвет. Океанский, как решили мы.

Они величественно прошли мимо «Верного». Кадеты и матросы были выстроены на палубе. В это время с русского флагмана заговорили пушки. Двадцать один выстрел (салют нации) прозвучали последовательно с довольно большими промежутками (стреляло два больших орудия). Гости ответили тоже двадцатью одним выстрелом, но близко следующими друг за другом из бортовых орудий «Принцесс Ройял», который опоясался вспышками и дымом. Нам все это было очень интересно, и мы с благоговением смотрели на флот владычицы морей.

Адмиральские суда обменялись несколькими катерами. И в этот же день были гонки. Было много шлюпок и русских, и английских моряков. Но тут уж мы болели за своих. С самого начала вперед выскочили два русских вельбота. Они так и остались первыми. Было отрадно смотреть, как матросы в новых форменках редкими гребками далеко закидывали весла. А потом почти ложились на спину, давая все новые толчки.

Англичане гребли по-другому. В тельняшках. Так удобнее. На корме боцман попыхивает трубочкой. Почти не сгибая корпуса, не откидываясь, матросы гребли частыми резкими ударами. И мы с удивлением увидели, что вслед за нашими двумя вельботами прошли почти все английские шлюпки. Они перегнали большую часть наших гребных судов. И только среди последних перемежались с нашими.

Команды английских судов поспешно отпускались на берег. Могли заходить в рестораны, но предпочитали вместе с нашими матросами пить и петь в каких-то подозрительных кабаках. Вели себя вольно. В то же время, как нам рассказывали, на английских кораблях дисциплина была железная. Если матрос отказывался выполнить приказание офицера, тот обязан был его убить!

У нас матросов не убивали без суда и следствия. А матросы предпочитали и с удовольствием вспоминали времена парусного флота и офицеров, которые под суд не отдавали, а обходились собственными методами «парусного» воспитания.

Но все кончается. Ушла английская эскадра, ушли и наши суда.

Кончилось и наше плавание. Остался изящный значок первого плавания. (Якорь и два перекрещивающих его андреевских флагов. На них наложен двуглавый орел с короной, венчающей значок. На орле бело-красный спасательный круг с надписью «Верный». В середине герб Морского корпуса. Внизу флюгарка «Верного». На обороте значка надпись: «С.С. Шульц. Кампания 1914 г.») Мы с гордостью носили значок на пуговице мундира и чувствовали себя бывалыми моряками.

А вместе с тем мы действительно повзрослели. Научились узлы вязать, палубу убирать, бегать по вантам и грести на шлюпках. Да мало ли еще мелких морских уроков получили мы на «Верном»! А кроме того, посмотрели и море в разных его настроениях — и в штиль, и в бурю — и берега видели разные, и, наконец, разных людей с их нравами и особенностями — русских и английских моряков, эстонцев и финнов.

Из Биорке в Кронштадт. Это уже почти дом. Потом Морским каналом в Петербург, в корпус. И разлетелись к своим родным.

1917 год

Зима 1916/1917 г. была какая-то смутная. Закончив среднее образование, гардемарины Морского училища напряженно учились. Однако, хотя посещение лекций и было обязательно, но это не кадетские уроки. Тебя не спросят. Иногда можно и пропустить. Но заниматься надо. Надо сдавать «репетиции». Если провалишь, можно, договорившись с преподавателем, пересдать. Но это не освобождает от очередных репетиций по другим предметам. Смотришь, опять провал. Если набежит три, то вытащить хвост уже не удастся. К новому году отчислят.

И отчисляли. В военные годы в младшую гардемаринскую (3-ю) роту, помимо окончивших кадетские роты, принимали молодых людей со стороны. Кончивших сухопутные корпуса, гимназии или реальные училища, а иногда и студентов. Таких принимали вдвое больше, чем было морских кадет. Но почти половина «нигилистов» отсеивалась. Они не при-

выкли к порядкам корпуса, думали, что с «науками» справятся. А им приходилось, кроме того, учить «морское дело», много заниматься строевыми учениями, гимнастикой, плавать в бассейне, и свободного времени не оставалось.

Отчисленные обычно шли в военные училища. Смотришь, через год и на войну попадешь. Это и нам, морским кадетам, казалось заманчивым. Ускоренные выпуски в военных училищах за год, а иногда и за восемь месяцев выпускали офицеров. А в морском училище ускоренный военный выпуск готовился два с половиной года. Некоторые кадеты ушли. Из моего отделения — Сланский, Гринев, Олимпиев, а также мой ближайший приятель Кока Смирнов.

И я в конце 4-й роты колебался. В конторке, на обороте крышки, висела картина «Смотр кавалерии» и рисунки гусар в форме. Как и другим моим сверстникам, мне очень хотелось попасть на войну. Там люди умирают за родину, а ты тут сиди — зубри!

Но мечта о море и надежда на то, что мы успеем на войну, победила. А плавание на парусных шхунах, а потом на «Воине» летом 1916 г. закрепило мои морские привязанности. Да и друзья, и сам корпус, и ленточки, и якоря на погонах подкрепили решение.

Защищать родину!

Это ясно. С волнением мы читали в газетах сообщение с фронта. Видели портреты погибших и героев. Переставляли флажки на карте военных действий. Читали патриотические статьи. Военная и военно-морская история России нам была хорошо известна.

Но политически мы были абсолютно неграмотны. Чувствовалось, что что-то назревает. Слышали о диверсиях, о недостатке снарядов, о забастовках на заводах, о воровстве интендантов. Все это сливалось в какие-то темные силы. Как-то связывалось с врагами отечества, со шпионами, с немецкой партией. Агенты последней проникли даже во дворец. Говорили о каком-то старце. Распутине. Где тут правда? Где провокационные слухи?

Но все это как-то скользило по молодости, по жизнерадостности, по вере в будущее, в победу над врагами. После очень напряженных занятий, когда некогда думать, хотелось не задумываться и в короткие выходные дни.

Вместо моей привычной дружеской компании — Лобача, Смирнова и других, я с Мед(емом) и Петровым зачастил по субботам в какой-то богатый, но не совсем нашей среды дом. Там были две прехорошенькие девицы, их подруги и увивающаяся вокруг молодежь. Танцевали, ужинали, резвились, бездумно и бессмысленно.

А обстановка в стране накалялась. Дома, помню, тетя Надя что-то с возмущением говорила о «Николашке». Я попросил при мне, только что принявшем присягу, не смеять говорить таким образом.

В корпусе в ноябре (в декабре. — А.Е.) 1916 г. дежурный по роте гардемаринов Цеховский ночью застрелился из винтовки. И это как-то связывали с Распутиным.

Убийство Распутина 18 декабря 1916 г. было нами воспринято с удовлетворением. Великий князь Дмитрий Павлович, князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон и Пуришкевич рисовались нам как истинные патриоты.

А обстановка все накалялась. В январе, и особенно в феврале все говорили о беспорядках. Бастовали рабочие. В том числе встали и некоторые военные заводы. На фронте не хватало снарядов. В городе вдруг не стало хватать хлеба. Появились очереди. Это не те слова, что сейчас. Если собиралось человек десять, а булочник не открывал лавки, летели кирпичи, звенели стекла. Появившиеся для порядка разъезды казаков только посмеивались.

А хлеба в России было достаточно. В Петрограде не хватало, так как не было подвоза. Железные дороги были забиты воинскими грузами, и поезда с хлебом стояли на запасных путях. «Все для фронта», «Все для победы». Эти плакаты, развешенные и на путях, и в городе, как мне казалось, объясняли все. Страна с напряжением, с перебоями билась с врагом, а забастовки рабочих и требования хлеба — все это исходило и подготавливалось врагами отечества.

Мы чувствовали сгущение обстановки, но слушали лекции, сдавали репетиции. Как-то в февральское воскресенье я возвращался из отпуска. Почему-то не ходили трамваи. Было темно. Я шел пешком. Военный патруль грубо окликнул меня: «Матрос — стой». Подошли юнкера и извинились: «Простите, господин гардемарин. Мы проверяем документы». Придя в корпус, я услышал, что в городе беспорядки. Взбунтовались некоторые воинские части.

Пожар революции вспыхнул и быстро разгорался. Говорили, что верными правительству остались лишь несколько запасных полков гвардии (сами полки были на фронте), да военные училища.

Вечером 27 февраля 1917 г. все кадеты и гардемарины были выстроены в Столовом зале, и директор корпуса впервые рассказал нам, что делается. Он сказал, что корпус останется верен своему долгу. Потом все с подъемом (во всяком случае я) пели «Боже Царя храни». Однако это не помешало Борису Лобач-Жученко заметить, что дежурный по корпусу, наш бывший ротный командир — Ветчина, как мы его называли, внимательно следил, кто открывает рот во время пения гимна, а кто нет, и записывал в книжечку. «Вот сволочь!»

А на следующий день утром мы узнали, что Литовский полк сдался. Военные училища сдались... Корпус был окружен густыми толпами восставшего народа.

Винтовки стояли в ротах в козлах. Но патронов не было. Говорили, что ящики с патронами стоят в комнате дежурного по корпусу. Я схватил вин-

товку и побежал в комнату дежурного. Но она оказалась запертой. А по коридору двигалась группа офицеров во главе с Карцовым. Я прижался к стенке. Карцов взглянул на меня и пробурчал: «Анархия. Марш в роту».

Я узнал потом, что этот кортеж вышел на главный подъезд. Карцов что-то говорил толпе о нейтралитете. О подготовке командиров для русского флота. Но его не стали слушать, арестовали и увезли. Говорят, он покончил с собой.

Пробегая в роту через Столовый зал, я видел, как группа гардемарин старшей роты с винтовками защищала боковой вход в зал. Но ее прорвали и «народ» широкой волной хлынул в помещения, растекаясь по залам, коридорам, ротам.

Нас небольшими группами разместили по каким-то классам и комнатам. Я не помню, в каком зале был я. Помню только, что смотрел в окно на массы в одном из внутренних дворов. А через наш зал текли и текли люди, вооруженные нашими винтовками, палашами и, что особенно резануло меня, старинным оружием из корпусного музея.

Если бы нас организованно бросили для защиты чести корпуса, это было бы понятно, чем такая пассивная, жалкая, неясно по чьему распоряжению навязанная нам роль. Вскоре нас (без палашей) распустили на неделю по домам.

Дома я не видел особого ликования, хотя знал, что некоторые знакомые радуются и восхваляют «бескровную» революцию. Да, никто в Петрограде не защищал царскую власть. Да и защищать-то не было основания. Царь за себя и наследника отрекся от престола в пользу брата, великого князя. Михаил Александрович тоже отрекся до Учредительного собрания. А пока люди толпами ходили с бантами и красными флагами. Манифестации шли выразить свою верность Государственной Думе. Шли воинские части, в том числе Гвардейский экипаж во главе с великим князем Кириллом Владимировичем. Говорят, эту колонну обстрелял какой-то городской с крыши. Да, пожалуй, единственно верными режиму оказались городские. «Непорядок». А они стражи порядка! Рассказывали, что на Театральной площади сожгли городского!

А я забился дома. Мне было плохо. Я чувствовал себя всем чуждым, чужим.

Наконец пошел снова в корпус. Там, думаю, свои. Подходя к корпусу, увидел развевающийся на уровне второго этажа огромный красный флаг! Резануло! На лестнице обогнал гардемарина нашей роты Куриловича (или Раевского) с красным бантом на груди! В столовом зале на бриге вместо андреевского — красный флаг. Андреевский флаг — честь корабля!

В роте смятение. Хотя большинство старых классов переживают то же, что и я! Рота выстроена. Перед ней дежурный по корпусу капитан 2-го ранга (капитан 1-го ранга. — А.Е.) Берлинский с красным бантом. Это тот самый Ветчина, который несколько дней назад переписывал плохо поющих гимн.

Я плохо помню первое время после возвращения в корпус. Помню только, что я, вместе с Борисом Лобач-Жученко, Петровым и Крюгером, в одну из ночей пробрались к окну, из которого можно было вылезти на барьер второго этажа, сняли там красный флаг, затем, идя в роту через Столовый зал, сорвали красный флаг с брига, а затем, разорвав флаги на части, спустили их в уборной.

Наутро корпус гудел, как потревоженный улей. Говорили, что весть о флагах дошла до матросов 2-го флотского экипажа, и они собираются разгромить, передуть «змеенышей». Начальство вызвало представителей роты и требовало выдачи виноватых. Рота собралась, и высказывались разные мнения. Большинство твердо стояло на том, что мы, мол, не знаем, кто, и никого не выдадим. Но один из «нигилистов» сказал, что виновные сами должны выступить и сознаться, а не скрываться за спинами своих товарищей. И мы выступили, и наши четыре фамилии были немедленно сообщены по начальству.

Незамедлительно нас отвели в карцер. Но слух о намерениях матросов держался. Поэтому во избежание эксцессов была вызвана милиция, которая отвела нас в комендантское управление на углу Инженерной и Садовой. Человек десять милицейских, вооруженных винтовками, вели нас четырех по булыжным мостовым. Когда нам это надоело, и мы резко свернули на пустынный тротуар, стражи (главным образом студенты и штатские) испугались, стали щелкать затворами и так далее. Стрелять в людей по тем временам они еще не были обучены.

В комендантском управлении сохранился прежний, суровый стиль. Нас приняли, поместили в отдельную камеру, заперли. Мы — узники. Даже интересно. Но скоро стиль изменился. Оказывается, в этом же корпусе сидит матрос, выбранный в Кронштадте чуть ли не командиром 1-го флотского экипажа. Кронштадт. Мы уже слышали, что там творится. Сколько за «командиром» погубленных офицеров? Тип этот окружен легендами. А из Кронштадта уже навевывались матросы и грозили разнести комендантское управление. А пока он был хозяином. Стража его тронуть не могла. Бегала только по тайным адресам за водкой и угощениями.

За что же он арестован? Оказывается, приехав из Кронштадта, очутился он на Николаевском вокзале. Много народу. Офицеры в погонах (в Кронштадте — сняли), господа в котелках. Да что же это такое! Была ли революция! Выйдя на площадь, он стал орать (пьяный, конечно) и палить из револьвера. Но здесь не Кронштадт. Был схвачен, разоружен и отправлен в Комендантское управление. Здесь он и царил.

Услыхав, что привезли моряков (с ленточками), он явился к нам с дружескими чувствами. «За что, ребята, вас забрали?» «Флаг спустили». «Чего же вас забирать? Уж и флаг спустить нельзя? Что же это, старый режим!» Одним словом, камеру нашу перестали запирают, дали чайник, хлеба. И мы оказались в сочувствующей нам среде. Но на следующий день

«благодетель» уехал в Кронштадт. А в комендантское управление заходили другие матросы — узнать, где мы.

Кончилось это тем, что нас решили судить. Отправили в народный суд. Он состоял из председателя — какого-то революционного деятеля (юриста) и двух членов — солдата и рабочего. Начался суд. Одновременно и допрос, следствие и решение суда, опирающегося на пролетарскую совесть. Мы начали отвечать, но матросы, нас приведшие, подняли шум: «Что их допрашивать! Контры!» «Суд» призвал матросов к порядку, но так как они продолжали шуметь, потребовал удаления их из зала суда. А поведение наше за контрреволюцию не признали. Постановили отправить ребят в училище. Пусть там с ними разбираются, а держать нас в комендантском управлении ни к чему.

В сопровождении охраны от матросов нас отправили в корпус. Там — в карцер. Но в корпусе нас держать не решились из-за матросов и перевели в арестный дом при Государственной Думе на Шпалерной. Это было место заключения высокого ранга. Строго охраняемое. Со сменой караула. Не знаю, кто там сидел. Знаю только, что над нами во втором этаже сидела Вырубова⁸! Мы, естественно, ее ненавидели и, узнав, что она над нами, достали половую щетку и стали стучать в потолок. Караульные попытались нас уговорить. Однако из соседней комнаты к нам прибежали какие-то арестованные молодые офицеры, чтобы выразить свое одобрение. Стали друзьями. В общем, сидели мы интересно. Нам приносили щи и кашу из полка. Чай, булки покупали. Кроме того, питались обильными слухами. Как раз шло 1 мая. Рассказывали о массовой демонстрации. Сжигали чучело Чемберлена: «Лордам по мордам! Долой 10 министров-капиталистов!» Сколько помню, здесь уже мы услышали о Керенском, который внушал нам особую неприязнь. Но какой-либо политической платформы у нас и у наших соседей, естественно, не было, и все сведения воспринимались каждым по-своему. В окружающих нас событиях, в разнообразных газетах, листовках, лозунгах мы разбирались слабо. Однако слухи о том, что встали заводы, появившиеся выкрики «долой войну!» вызывали наше глубокое беспокойство. Родина, ее защита, — это священо. Это была основа нашего, может быть, не очень философски обоснованного, но искреннего и глубокого самосознания.

А время шло. Наконец нам объявили, что завтра, мол, в арестный дом придет главный военно-морской прокурор и вызовет нас к себе. Вызывали по одному. Я должен был описать подробно все, что было. То же сделали и мои товарищи. На следующий день всех вызвали. Прочли перепечатанные на машинке показания. Так? Подпишите. Я заявил, что не так. Что я писал «Государь отрекся от престола», а здесь написано «Николай отрекся от престола». Исправили. Подписали.

И наконец нас выпустили. Мы пошатались по улицам. Невский в подсолнечной шелухе, заполнен солдатами, рабочими, всякой разной публи-

кой. Никто не работает. Вся страна митингует. Собираются толпы, кто-то что-то говорит. Когда вылезал очередной «оратель», толпа кричала: «Хва-милия!» И если она звучала по-еврейски, особенно если «оратель» хорошо одет, раздавалось дружное: «Долой!» Запомнилось выступление одного вольноопределяющегося. В обтрепанной солдатской шинели, с русской фамилией, он был встречен благожелательно. Но когда услышали, что он не подделывается под понимание «солдатиков», а говорит громко и непонятно, все замерли во внимании. Вот его речь: «Товарищи!!! В наш меркантильный век универсального прогресса, гуманных и утилитарных идей, каждый индивидуум обязан демонстративно вотировать за апофеоз феминистических тенденций, имманентно эволюционирующих в церебральных сферах демократического интеллекта!» Все замерли. Потом послышалось: «Правильно!»

Наша четверка разъехалась. Борис Лобач-Жученко и Крюгер, родные которых жили вне Петербурга, уехали домой. Петров поехал к своему брату — корнету, служившему в пулеметном эскадроне в Ораниенбауме и жившему с молодой женой в Мартышкино⁹.

¹ Шульц С.С. мл. Сергей Сергеевич Шульц — человек и ученый: род, жизнь, судьба // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1996. Серия 7 (геология, география). № 4 (28). С. 83–99; Николаева Т.В. Сергей Сергеевич Шульц в Ленинградском университете // Там же. С. 3–8.

² В настоящее время памятник Петру I, находившийся в Столовом зале музея, украшает экспозицию Центрального военно-морского музея.

³ Ура Франции и России, а также месье Гризару (франц.).

⁴ Совершенно иное описание шутки с «пожаром Балтийского завода» см.: Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 46.

⁵ Учившийся в том же классе Б.Б. Лобач-Жученко оставил совершенно иное описание этого преподавателя: «Не могу не упомянуть о другом нашем “язычнике”, преподавателе английского языка Вальтере Скотте, с красной физиономией корабельного боцмана, ходившего... в засаленном сюртуке, обсыпанном трубочным табаком и пеплом. Летом он жил на родине, в Англии, приезжая на учебный сезон в Петербург, преподавал в двух учебных заведениях, получая по пять рублей за час. В день получек приходил в класс навеселе и любил, запустив руку в глубокий карман брюк, брэнчать монетами, иногда показывая нам пригоршню золота. Кредиток он не брал; напивался в матросских кабачках, расположенных в полуподвальных помещениях на набережной Невы. Перед его приходом я делал на классной доске надпись мелом — “Сейчас будет урок Скота”. Если надпись не стирал трус-дежурный, то наш англичанин, принимая рапорт, уже замечал ее, багровел еще сильнее, затем подбегал к доске и, смахивая губкой написанное, ревел: “Я английский Скотт, а не русская скотина!..”» (Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 46–47).

⁶ Кадет И. Завадовский в своем антисемитизме, к сожалению, был не одинок. Б.Б. Лобач-Жученко в воспоминаниях отмечал: «Из других капралов (так неофициально назывались в корпусе унтер-офицеры) мне запомнился Михаил Лисаневич, одессит и страшный юдофоб, натравливавший кадет на нашего товарища Андрея Соломона, как на еврея...» (*Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 43–44.*)

⁷ О «Верном» см. примечание 13 к воспоминаниям А.П. Белоброва.

⁸ Вырубова (урожденная Танеева) Анна Александровна (1884–1964), фрейлина императрицы Александры Федоровны (с 1904). Посредница между царской семьей и Г.Е. Распутиным. С 1920-го в эмиграции.

⁹ Борис Борисович Лобач-Жученко и эти события описал по-иному, нежели его друг: «Меня и многих моих друзей возмущало, что на фасаде нашего училища на всех флажштоках висели круглосуточно не то что Андреевские или перевернутые трехцветные флаги, а просто куски красной материи. (В то время такой расцветки были национальные флаги государства на острове Мадагаскар.) Мы с Сергеем Шульцем, Колей Петровым и Женей Крюгером решили снять хотя бы одну “красную тряпку”: в ночь на 15 апреля мы потихоньку пробрались в 34-й класс, открыли окно и содрали ближайший флаг, который затолкали в топку печи, не топившейся с незапамятных времен. И в ночь на 16 апреля все четверо были арестованы, а 17-го утром доставлены во временный суд 21-го района Петрограда (Фонтанка, 107). По рассмотрении нашего дела суд оправдал всех четверых, не найдя в наших действиях состава преступления, и вернул в училище. Однако исполнявший обязанности начальника (А.М. Бригер. — А.Е.) не принял нас и снова под караулом студентов с красными повязками на рукавах отправил в военную комендатуру на Фурштадскую, 40, где мы пробыли в общей камере до 21 апреля.

Я и Е. Крюгер, как не достигшие призывного возраста, были уволены из училища, а Сергей Шульц и Петров — откомандированы в инженерную маршевую роту, откуда, по их желанию, поступили в Елисаветградское кавалерийское училище» (*Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 73.*)

Документы РГАВМФ подтверждают, что флаг, вопреки утверждению С.С. Шульца, был не уничтожен, а просто спрятан в печь. Это, в глазах революционного суда, делало вину гардемарин не такой уж страшной. Приказы по корпусу подтверждают увольнение С.С. Шульца и Н.А. Петрова в инженерную маршевую роту.

Последние дни корпуса

Можно предположить, что очерк мичмана Г.Г. Фуса, фрагмент из которого приводится ниже, был встречен морскими офицерами-эмигрантами с восторгом. Именно так, по их мнению, и должна была происходить защита родного училища от революционной толпы его бравыми воспитанниками — со стрельбой, штыковыми атаками и добровольной сдачей по приказу начальства для предотвращения кровопролития. Читателей «Морского журнала», возможно, разочаровала опубликованная два месяца спустя статья бывшего инспектора классов училища флота генерал-лейтенанта А.М. Бригера, явившаяся прямым ответом на воспоминания Г.Г. Фуса. Предельно осторожно и корректно поставив под сомнение слова мичмана («вкрались некоторые неточности» и т. п.), генерал изложил свое видение событий, постарался все расставить по местам. Нарисованная им картина гораздо больше похожа на правду (к тому же она подтверждается другими имеющимися в нашем распоряжении свидетельствами, например мемуарами Б.Б. Лобач-Жученко и С.С. Шульца¹). Действительно, ничего не известно о потерях среди воспитанников, да и ни о каких группах убитых бунтовщиков, которые зримо представляются после прочтения статьи Г.Г. Фуса, сведений не встречается. Тем не менее, мы публикуем обе точки зрения.

Кому не дороги воспоминания далеких невозвратимых дней, проведенных в стенах Морского корпуса? Кто из офицеров, старых и молодых, одичавших морских волков и добродушных семьянинов, не думает с умилением и грустью о серебряных гривенниках в ножнах палашей, о 6 ноября, когда весь Петербург собирался на Васильевский остров, и, может быть, о карцерах, столь радушно открывавших всякому свои двери?

Прошли те дни, но у каждого из нас теплится вера, что вновь Андреевский флаг украсит океаны, и опять зашепчут старые, выдавшие многое на своем веку стены корпуса, свои сказки будущему поколению русских моряков...

Пала монархия, в своем падении увлекая государственность, право и порядок. Красные тряпки повисли на месте гордо реявших флагов. Умирал флот, умирали его офицеры, умирал и корпус.

Его гибель — одна из печальных страниц русской истории; одна из самых печальных для тех, кто поколение за поколением выходили из этой колыбели флота на служение своей Родине.

Однажды грязная лапа революции протянулась к чистой детской душе, к нетронутым жизнью юношам...

Закрылись двери родимого гнезда, и никто не знает, скоро ли наступит вновь та весна, когда оно выпустит первую стайку своих птенцов на морской простор.

В октябре 1913 г. состоялось назначение вице-адмирала А.И. Русина начальником Главного морского штаба. Вместо него директором Морского корпуса был назначен контр-адмирал² В.А. Карцов.

А.И. Русин пользовался вполне заслуженной любовью и уважением своих воспитанников, поэтому появление молодого, энергичного, со своими идеями на уме контр-адмирала Карцова встретило молчаливое недоверие и даже противодействие всем начинаниям. А их было много — началась коренная ломка всей системы воспитания, но, увы, адмирал не сумел дать себя понять и оценить.

Один за другим уходили старые, давно оторвавшиеся от флота воспитатели. Дисциплина вводилась железной рукой, не один виновный вылетел во 2-й Балтийский³. Подходил конец вольности дворянской. За пустячный бенефис месяцами всей ротой высиживали без отпуска. Редко пустовали карцера, и стройными шеренгами тянулись стоявшие под винтовкой.

Не мне судить о насущных реформах, произведенных адмиралом; они были в свое время оценены, и 6-го ноября 1916 года вторая пара орлов украсила плечи энергичного начальника, тогда уже Морского его императорского высочества наследника цесаревича училища.

Прошло более трех лет, прежде чем глаза наши раскрылись и мы, увидев нашего адмирала в его истинном свете, научились его уважать; но было уже поздно...

Бесшумно подкралась революция; был февраль 1917 г. В субботу, 25-го числа, не успевшие еще уйти в отпуск были неприятно поражены и взбудоражены приказанием начальника Училища прекратить отпуск воспитанников.

Тихо прошли суббота и воскресенье. 27-го, как всегда, нормально начались занятия. Часов около 6-ти горнисты заиграли большой сбор. Час необычный, но казалось, что все ждали этот сигнал, так взвинулось у всех настроение за последние дни.

Торопясь, наскоро накидывая подсумки и разбирая винтовки, роты строились на ходу и, не успели горнисты пробежать все помещения, как из всех дверей стали вливаться они в столовый зал.

Стукнула последняя рота прикладами, и тотчас же раздалось неподражаемое федоровское⁴:

— На прэво рэвнись!.. Смирнэ! Встреча с лева, шэй накрэ... ул!

Мы ожидали минимум морского министра, но в зал вошел только Карцов! Ни слова еще не было сказано, но чувствовалось, что это не прежний наш директор, разносящий без разбора и генерала Федорова, и несчастного кадетона, и зазевавшегося барабанщика, — грузный адмирал, который, казалось, своими руками вечно искал поручни мостика посередине Столового зала.

Все существо начальника Училища говорило, что перед нами был действительно наш начальник. В минуту трудную все потянулись к нему. Величавым спокойствием, уверенным взглядом обнадежил он фронт. Таким взглядом, наверное, смотрел он в ночную тьму, когда сквозь строй японских судов прорвался он на своем «Властном» из Порт-Артура в Чифу.

Речь его была длинна, на редкость складна и красива; как живой влагой, упивались все его словами, поднятое настроение наэлектризовало всех.

В коротких словах не пересказать эту речь, но весь смысл сказанное во фразе, которой адмирал закончил свое слово:

— Мы пришли сюда учиться на благо нашей Родины и нашего государства. Пусть на улицах бунтуют студенты, гимназистки вместе с подкупленными немцами врагами России, — мы не должны обращать на это внимания. Но если они войдут в стены корпуса, мы исполним свой долг и присягу до конца и с оружием в руках выйдем им навстречу.

Могучее «ура», какого, может, еще никогда стены корпуса не слышали, разнеслось по всем коридорам, ответило эхом из всех закоулков.

Училище было объявлено на осадном положении.

В бодром настроении роты вернулись в свои помещения. В третьей роте, в курилке, бывшей в то же время музыкальной комнатой, собрался ротный оркестр. Настежь открыли все окна, и на линии и на набережную полились торжественные и мощные аккорды гимна. Притихшая толпа дезертиров и рабочих медленно растаяла в сумраке надвинувшейся ночи. Тушились огни, у окон нижних помещений и входов затемнели силуэты часовых и наблюдателей. Полтора года гардемарин и кадет было назначено в ряд. Во всех ротках чистились винтовки, кто точил палаши...

Спать легли в подсумках с винтовками у изголовья. В спальне 4-й роты от окна к окну ходил адмирал и зорко вглядывался в непроглядную тень, с этой стороны ожидая нападения.

Около часу ночи вдруг раздался шепот:

— Идут!

Адмирал высунулся из окна.

— Спрятаться под окнами. Не стрелять без моей команды!

На набережной толпа матросов нерешительно маячила минут десять и исчезла.

Впоследствии узнали, что это была часть 2-го Балтийского экипажа, не пожелавшая примкнуть к взбунтовавшимся матросам и пришедшая искать убежища в корпусе. Их встретили дневальные и предупредили, что кадеты выставили везде пулеметы и стреляют по всякому подходящему, советуя поэтому уйти подобру-поздорову. Провокация удалась, и верные присяге матросы вернулись в экипаж.

Остаток ночи прошел спокойно.

Утром же к корпусу стали подбираться толпы вооруженных бунтовщиков с красными флажками на штыках. Тут были рабочие, студенты, дезертиры, матросы. К 10-ти часам утра на 12/13 линии расположился в полном своем составе лейб-гвардии Финляндский полк⁵. Немного позже подошел с другой стороны один из резервных стрелковых полков. У парадного подъезда загалдела толпа.

Приказав никому не трогаться с места, адмирал вышел на крыльцо. Его окружила кричащая толпа.

— Молчать!

Толпа стихла.

— Выслать мне трех человек... Чего вам нужно?.. Галдите... ничего не поймешь...

Из толпы выделился прапорщик с красным бантом, рабочий и солдат в расстегнутой шинели, который развязно обратился к начальнику Училища:

— Мы вишь, желаем...

— Я тебе не вишь, а адмирал... ваше превосходительство... Встань смиренно, руку под козырек! Теперь говори, что тебе надо.

Но солдату договорить не пришлось. На адмирала накинули шинель, вмиг спеленали, кинули в стоявший возле автомобиль.

Известие о пленении Карцова быстро облетело корпус. Находившиеся в вестибюле выбежали на набережную, но автомобиля и след простыл. Толпа наваливала, все поспешили ретироваться. К дверям выдвинули два пулемета. Бунтовщики, увидя их, отхлынули и к подъезду больше не подходили.

Большая часть гардемарин собралась в Столовом зале, когда из Сахарного двора, охранявшегося стрелками, в зал начали вливаться финляндцы.

— Идут! — раздался крик и тотчас же другой: — Бей их!

— Ура! — со штыками наперевес кинулись гардемарины в атаку, очищая лестницу и дворы от непрошенных гостей.

По необъяснимой причине патроны не были розданы, часть неоткрытых ящиков лежала в комнате дежурного по корпусу.

Видя, что офицеров нет, лишь бледные тени некоторых растворились в углах, гарды и кадеты набросились на ящики, пытаясь ударами прикладов и штыков открыть их. Ящики не поддавались, тогда два гарда, раска-

чав хорошенько один ящик, ударили изо всей силы им об другой. Из обочих посыпались патроны, их хватали и запихивали за пазуху сколько влезет.

В дверях стал один из капралов, не впуская лишних, налаживая порядок и передачу.

Подошедший неторопливой, развалистой походкой капитан 2-го ранга Z, недавно назначенный из действующего флота⁶, своим спокойствием, а главное, своей саблей и револьвером сильно импонировал взбудораженным воспитанникам.

— Смирно!.. Не толпиться у дверей. Получившие патроны расходиться по местам. Цельтесь хорошо, но стреляйте редко, неизвестно, сколько дней нас будут осаждать, — и, увидя бочком пробивавшегося по коридору старшего лейтенанта С., своим видом напоминавшего постороннего штатского, добавил с иронией:

— Вами будут командовать ваши унтер-офицеры.

4-я рота разместилась у окон Столового Зала, куда уже стреляли с улицы. Старший лейтенант N, переходя от одного к другому, показывал, как надо обращаться с арисаками⁷, только что выданными нам вместо посланных на фронт трехлинеек.

В дверях гардемарины успешно отбивали атаки солдат и после каждой тащили наверх трофеи — винтовки, шинели, фуражки, чайники и даже сапоги.

Человек тридцать гардемаринов 3-й роты засели на чердаке, открыв продольный огонь по линиям.

Стреляли по способности. Около гардемаринов 3-го образовалась куча пустых пачек и обойм. Стрелял он не целясь, благо толпа сгрудилась посереде улицы, взятая в два огня с противоположных углов. Остальные стреляли кто по краснофлажникам, кто по прапорщикам, кто по орателям.

— Не стреляйте, свои, — донеслось с улицы. На Сахарный двор внеслись галопом шесть юнкеров казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища. Один из них, не видя нигде офицеров, подошел к одному из капралов.

— Господин старший унтер-офицер, наше училище занято бунтовщиками, мы явились просить вашего гостеприимства.

— Милости про... В атаку, за мной!

— Ура!

— На коня! Шашки вон! В атаку, рысью марш!

Блестящей контратакой снова краснофлажники были выбиты из дворов, оставляя за собой груды трофеев и кое-где убитых и раненых. Часть была загнана в подвал и после короткой перестрелки взята в плен. Их увели в карцера, где уже сидело немало.

5-я рота с мичманами К-ым⁸ и Х-ым⁹ заперла ворота на 12-ю линию. Эта линия ураганным огнем 3-го была быстро очищена от толпы, и каде-

там пришлось лишь сдерживать натиск шестиротников¹⁰, желавших также принять участие в защите Училища.

Около часу послышалась команда:

— По ротам! Во фронт!

Инспектор классов, флота генерал-лейтенант Бригер, вступил в исполнение обязанностей начальника училища.

Роты выстроились в своих помещениях, пулеметы были убраны, а бунтовщикам было сообщено, что они могут спокойно войти в корпус и взять все, что им нужно...

Воспитанники были уволены в отпуск впредь до распоряжения. Старшие гардемарины, произведенные вскоре в офицеры, в корпус уже не возвращались.

Вернувшиеся нашли помещения разгромленными. Хозяничавшие победители воспользовались случаем унести все, что попало под руку.

На очереди стоял плаванский вопрос. Всех тянуло на действующий флот, поэтому постановление дневальных, — нечего им кататься, пусть повоюют, — было принято без возражений.

Товарищи, сами того не подозревая, дали гардам возможность слиться с флотом в эти тяжелые для России дни. Плавание на лайбах на Транзундском рейде, при растерявшемся начальстве и отсутствии жизненно-го опыта у гардешников вряд ли дало положительные результаты.

Блестящая же практика, вынесенная из этого боевого плаванья, дала новое настроение гардам, помогла им найти свое лицо в смутную годину бедствий.

Осенью в училище вернулись не растерянные, ничего не понимающие воспитанники, как то было, а приобщенные к флоту морские волчата. Три десятка георгиевских кавалеров и один убитый в бою были ясным доказательством значения этого плаванья.

Несколько иначе сложилась судьба 4-й роты.

Посланные на восток в годичное заграничное плавание под командой старшего лейтенанта Афанасьева, они разоружили команды «Орла», «Бодрого» и «Грозного» и вернулись во Владивосток после переворота¹¹.

¹ Воспоминания С.С. Шульца см. с. 192 наст. изд. Б.Б. Лобач-Жученко ограничился лишь одним абзацем: «Из событий Февральской революции запомнилась попытка захвата нашего здания кучкой подвыпивших солдат из лейб-гвардии Финляндского полка, отбитая ружейным огнем гардемарин второй роты, среди которых отличился как снайпер наш Георгий Чернышев» (*Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 72*).

² В момент назначения — капитан 1-го ранга.

³ Имеется в виду исключение из корпуса и зачисление юнкером флота во 2-й Балтийский флотский экипаж.

⁴ Т. е. генерал-майора Ф.И. Федорова, и.д. заведующего строевой частью училища.

⁵ Лейб-гвардии Финляндский полк, конечно, находился на фронте. В Петрограде располагался его запасной батальон.

⁶ В феврале 1917 г. среди офицерского состава училища не было ни одного капитана 2 ранга, «переведенного из Действующего флота», все они находились на воспитательной и преподавательской работе с довоенного времени. Единственным исключением был капитан 2-го ранга Н.А. Сакеллари, будущий известный советский штурман. Он хоть и состоял штатным преподавателем с 05.08.1913, в течение некоторого времени в 1914–1915 гг. являлся и.д. флагманского штурманского офицера штаба начальника 2-й бригады крейсеров Балтийского моря, за что был награжден боевым орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом (29.06.1915).

В статье Л.И. Павлова эти слова приписаны капитану 2-го ранга И.И. Шанявскому, однако тот в действующем флоте не служил. К тому же Л.И. Павлов вообще известен склонностью к приукрашиванию действительности в своих произведениях, он не был очевидцем этих событий, окончив корпус в 1915 г. Его изложение событий дано на основании статей Г.Г. Фуса и А.М. Бригера (*Павлов Л.И. Гибель гнезда Петрова // Павлов Л.И. Тебе, Андреевский флаг. Сан-Франциско, 1977. С. 83*).

⁷ Имеются в виду японские винтовки системы «Арисака», закупленные в ходе войны. Ими активно заменялись отправляемые на фронт винтовки Мосина во многих тыловых частях и на корабля.

⁸ Видимо, Куфтин Евгений Алексеевич, прикомандированный к училищу.

⁹ Среди личного состава училища, перечисленного в приказе № 2 от 03.03.1917, не значится ни одного мичмана с подходящей фамилией.

¹⁰ Т. е. кадетов 6-й, самой младшей роты училища.

¹¹ Офицеры и гардемарины (Морского училища и Отдельных гардемаринских классов) вспомогательного крейсера «Орел» и миноносцев «Бодрый» и «Грозный», находившихся в учебном плавании, во время стоянки в Гонконге в конце 1917 г. отменили деятельность комитетов, после чего большинство матросов покинули суда. После этого миноносцы были переданы союзникам, а «Орел» ради получения денег стал возить грузы на Дальнем Востоке. Корабли вернулись в белый Владивосток в декабре 1919 г. (Подробнее см.: *Козлов Д., Крицкий Н. Плавание вспомогательного крейсера «Орел» в 1915–1920 гг. // Моряки в гражданской войне. Сб. (Белая гвардия. № 4. Спецвыпуск). М., 2000. С. 29–35*).

День 28 февраля 1917 года в Морском е.и.в. наследника цесаревича корпусе¹

В № 23 (11) «Морского журнала» в статью «Последние дни Корпуса» вкрались некоторые неточности, которые я не могу оставить без внимания, так как волею судеб мне пришлось быть одним из главных действующих лиц в период переживания Корпусом бурных дней революции.

Вообще, когда очевидец рассказывает о каком-нибудь событии, в котором действующей силой является значительная народная масса, он чаще всего может передать более или менее верно лишь то, что непосредственно входило в его поле зрения; все же остальное, особенно внутренний смысл совершавшегося события, может выяснить только история, основанная на фактах, тщательно и документально проверенных.

Вот почему, несмотря на неоднократные просьбы моих друзей издать мемуары о жизни корпуса в период революции, охватывающий 1917–1918 годы, я не считал для себя возможным приступить к этой работе, не имея под рукою документальных данных, но доверяя лишь своей памяти, личным впечатлениям и бесчисленному множеству носившихся слухов. Поэтому и в данном случае, внося поправки, я буду говорить лишь о том, чему сам был свидетелем, сначала как лицо подчиненное, а затем как начальник Морского училища.

На странице 26 автор статьи пишет: «Около часу послышалась команда — “По ротам! Во фронт!” Инспектор классов, флота генерал-лейтенант Бригер, вступил в исполнение обязанностей начальника училища. Роты выстроились в своих помещениях, пулеметы были убраны, а бунтовщикам было сообщено, что они могут спокойно войти в Корпус и взять все, что им нужно...».

В действительности же произошло вот что: вечером, накануне нашего шествия черни на училище, начальник училища вызвал меня в аванзал, откуда он не уходил до утра 28 февраля, и приказал мне обходить караульные посты и иметь особенное наблюдение за младшими караульными, дабы они не применяли выданного им оружия без действительной и крайней надобности. В три часа утра я был отпущен домой и когда вошел в обычный час в инспекторскую канцелярию, то узнал, что после моего ухо-

да, под утро, по приказанию начальника училища караул был снят, и патроны у караульных отобраны, так как стало ясно, что до утра ничего особенного не произойдет. Возможно, что некоторое значение имел еще и доклад двух штатных преподавателей корпуса, полковника Н. (Никитина Михаила Васильевича. — *А.Е.*) и флота генерал-майора Г. (Гросмана Леонида Александровича. — *А.Е.*), бывших в классах «отдельных гардемарин», которые днем 27 февраля, во время классных занятий, подверглись нашествию толпы, причем уроки не прерывались, а начальнику классов удалось уговорить толпу не мешать занятиям гардемарин, мирно сидевших в классах. Это был, так сказать, авангард, внявший уговорам каперанга Ф. (Фролова Сергея Ивановича. — *А.Е.*), начальника гардемарин, что, однако, не избавило Отдельные гардемаринские классы, как впоследствии стало известно, от вторичного нашествия огромной толпы, отобравшей оружие и съестные припасы.

28 февраля, около 10 часов утра, огромная толпа народу вперемешку с солдатами, двигаясь с Большого проспекта, подошла к воротам 6-й роты и стала ломиться в них, требовать их открытия и выдачи пулеметов, которые будто бы находятся в саду. Начальник училища вместе с адъютантом Д. (Дорианом Виктором, мичманом. — *А.Е.*) направился через столовый зал в сад 6-й роты и, встретив меня, пригласил пойти с ним. Надо было отправить толпу к парадному подъезду корпуса, где адмирал намеревался ее встретить. Однако к железным воротам сада невозможно было подойти, так как толпа не только бушевала, требуя их открытия, но и раздавались выстрелы, причем пули, ударяясь о противоположную стену, разрывались.

Все же адъютант, оставаясь в мертвом пространстве, крикнул толпе идти на набережную, к парадной лестнице, где находится начальник училища, и отправился вслед за ним.

Часть толпы хлынула на набережную, но подходили новые волны и пытались пробиться в сад, ломая ворота. Подойдя к углу дома 6-й роты, около ворот, я ждал момента прекращения стрельбы, чтобы направить толпу на набережную. Вдруг я увидел сквозь вторые ворота сада толпу, прорвавшуюся через деревянные, разбитые ею ворота около реального училища, бегущую по направлению к Сахарному двору. Стрельба прекратилась. Я подошел к воротам и стал уговаривать толпу не ломиться в сад и идти к парадной двери корпуса. Но толпа не переставала требовать открытия ворот, угрожая их сломать. Тогда я сказал, что пуцу выборных, на что слышались возгласы согласия. Толпа утихла, дневальный открыл ворота, человек шесть вошли и, увидев пустой сад, смущенно вышли и громко сказали, обращаясь к толпе: «Тут никого нет и никаких пулеметов нет, пойдем на набережную!» Ворота сейчас же были закрыты, и я направился в аванзал. Когда я проходил по Столовому залу, ко мне подошел командир роты, помещавшейся около Столового зала, и просил меня

успокоить гардемарин, которые, вопреки приказанию начальника училища не выходить из роты, разобрали ружья и собираются идти отражать толпу. Я вошел в роту; гардемарины стояли с ружьями во фронт. Мне удалось успокоить их примером «отдельных гардемарин», их дисциплинированностью, не позволившей им нарушить приказание своего начальника. Ружья были поставлены в пирамиды, и я направился на парадную лестницу. На набережной собралась толпа в несколько тысяч человек. Главную массу составляли солдаты лейб-гвардии Финляндского полка и 180-го пехотного запасного батальона, в котором, кстати сказать, числилось более 11000 человек. Многие из них были вооружены. Внизу, в вестибюле, у тамбура лестницы я увидел начальника училища, разговаривающего с группой вооруженных солдат, а за ними толпу, галдящую и жестикулирующую. Начальник училища был один, а потому, спустившись по лестнице, я подошел к нему и спросил, не будет ли каких приказаний. Начальник училища сказал мне, что ценою нескольких ружей (числа точно не помню) ему удастся избавить корпус от осквернения толпой, и приказал мне обойти роты и ускорить исполнение его приказания.

Когда, исполнив приказание, я вернулся на парадную лестницу, то увидел, что адмирал уже оттеснен на нижнюю площадку лестницы, а вестибюль и первый марш лестницы запружены солдатами; шум стоял невообразимый... Адмирал, подняв голос, крикнул толпе, что внутрь корпуса он не пустит, но пусть выберут несколько человек, которых проведут по помещениям корпуса, и они убедятся, что никаких пулеметов у нас нет. От толпы отделилось несколько человек, в числе коих был наглого вида вольноопределяющийся. Адмирал приказал мне провести их по корпусу. В числе выборных, к моему изумлению, оказалось два офицера лейб-гвардии Финляндского полка.

Я решил не вести выборных в ротные помещения, а идти через музей в Столовый зал и вывести на двор. Когда они по моему указанию вошли в помещение беспроволочного телеграфа, то один из упомянутых офицеров шепнул мне на ухо: «Ради бога, спасите нас, помогите нам скрыться»; я посоветовал им подняться по церковной лестнице, а там сами увидят, как им спастись...

При входе в музей я просил выборных не трогать руками моделей судов, так как некоторые части их тонки и хрупки и легко ломаются. Впереди шел музейный служитель, старик Черепанов (кто его не знает?!..), а за ним группа выборных; я же замыкал кортеж, в видах охраны музейных предметов. К чести выборных надо сказать, что они шли осторожно, ничего не трогали, а вольноопределяющийся рассказывал мне, что гардемарины стреляли с крыши из пулемета и ранили солдата и бабу. При этом он добавил, что корпусу даром это не пройдет!

В артиллерийской комнате выборные подробно осмотрели старинные медные фальконетки² и признали, что для дела они не годятся.

Когда мы вошли в библиотеку, то из Столового зала несся страшный шум и гам. Черепанов нагнулся к замочной скважине и, посмотрев в нее, с испуганным лицом спросил меня, открывать ли дверь, так как зал наполнен людьми! Я приказал открыть и после нашего прохода сейчас же закрыть ее на ключ и не уходить из музея.

Столовый зал был набит вооруженными и невооруженными солдатами, уличной толпой, и было несколько женщин. Все громко говорили, некоторые кричали. Увидев меня, бросились ко мне, жестикулируя и что-то требуя.

За шумом разобрать было совершенно невозможно, а потому я крикнул: «Смирно!» Толпа затихла, и я сказал: «Вот ваши выборные; они ищут пулеметов, а их нет у нас».

Тут выступил вольноопределяющийся из группы выборных и заявил, что он своими глазами видел через окно пушки и пулемет. Дело, очевидно, шло об учебно-артиллерийской батарее; поэтому я ответил, что это учебный пулемет, который гардемарины, изучая его устройство, разбирают и собирают, и что для стрельбы он не пригоден.

Вольноопределяющийся возразил, что пулемет вовсе не учебный, а самый «настоящинский». Я рассмеялся и пояснил, что изучают пулемет всегда настоящий, а не модель его, и что поэтому, если из него сейчас стрелять, то он, скорее всего, обманет ожидания стрелка.

Тут произошло нечто неожиданное: вблизи меня стоял огромного роста унтер-офицер лейб-гвардии Финляндского полка. Он вступил в диспут. Презрительно взглянув на вольноопределяющегося, он сказал ему: «Эй ты, голова! Где ты видал, чтобы на игрушечном пулемете обучались солдаты? Сам-то ты, видно, пулемета и не нюхал! Генерал правду сказал — учатся всегда на настоящих». Затем, обратившись к толпе, зычным голосом крикнул: «Нечего нам тут в столовке делать! Выходи все на улицу, да на двор; там у нас больше дела будет!» И начал подгонять толпу к выходам. Нашлись помощники и стали выпроваживать толпу. Исход ее продолжался, вероятно, полчаса. С недовольным видом уходил и вольноопределяющийся. Присмотревшись к нему, я заметил, что у него не было военной выправки и, скорее всего, он походил на переодетого штатского.

Как только зал опустел и выходные двери были закрыты, я направился на парадную лестницу к начальнику училища.

Там была мертвая тишина; уже не было ни души, даже швейцара. Только на верхней площадке стоял кто-то из лазаретных санитаров в белом халате и задумчиво смотрел вниз. Я спросил его: «Куда же девалась толпа? Где начальник училища?» Он вкратце рассказал мне, что вооруженные солдаты, а за ними и другие, становились все наглее и наглее, наконец, директор не стерпел, видимо, что-то сказал повелительно, а что именно, он за шумом не расслышал. Его вдруг обступили, арестовали и в автомобиле увезли в Думу.

Я был поражен и сейчас же пошел в комнату дежурного по корпусу офицера, где узнал, что пока я возился с толпой в Столовом зале, другая часть толпы бросилась по квартирам офицеров отбирать оружие и разыскивать двух скрывшихся офицеров лейб-гвардии Финляндского полка, которым удалось бежать. Ружья большей частью забраны, и сейчас грабят арсенал. Я направился в арсенал через Столовый зал; тут я увидел начальника хозяйственной части с двумя хозяйками училища, которые сообщили мне, что гардемарин и кадет кормить нечем, так как вся провизия съедена, даже мука. Как голодные звери, набросилась толпа на продукты, причем некоторые говорили, что они уже трое суток на улице и ничего не ели.

В арсенале шел грабеж оружия. С трудом начальнику строевой части, адъютанту и мне удалось отстоять часть палашей как оружие скорей декоративное, чем боевое, и часть ружей и револьверов.

Когда и эта толпа убралась, я, как старший в чине, сейчас же соединился по телефону с начальником Главного морского штаба адмиралом Стеценко и доложил ему известные мне подробности случившегося нашествия на училище и об аресте начальника училища.

Адмирал Стеценко приказал мне подождать у телефона, пока он доложит морскому министру. Вернувшись к телефону, адмирал передал мне словесное приказание морского министра вступить в исполнение обязанностей начальника Морского училища. Я задал вопрос, не будет ли еще каких-нибудь приказаний и в случае повторного нашествия (о чем слухи уже дошли до меня) могу ли я надеяться на помощь? На это я получил почти дословно следующий ответ: «Вам предоставляется управляться по способности, так как мы теперь не в таком положении, чтобы оказать вам помощь. Сделайте все возможное, чтобы сохранить вверенные вам молодые жизни и имущество его величества. Я знаю, что для вас наступило трудное время. Помогите вам Бог!»

Таким образом, я вступил в командование уже почти совсем обезоруженным училищем, причем в нем состояло 173 человека нижних чинов инструкторской команды и музыкантов, уже распропагандированных и настроенных враждебно к гардемаринам и кадетам, не говоря уже об офицерских чинах (как это всем известно). Кроме того, они были вооружены с головы до ног.

Впрочем, пример Владимирского юнкерского училища показал, что, будучи хорошо вооруженными и более подготовленными к сухопутному бою, чем гардемаринны и малолетние кадеты Морского корпуса, они все же не могли отстоять своего училища, а многие молодые жизни, которые пригодились бы еще России в момент ее восстановления, потеряны безвозвратно.

Адмирал Виктор Андреевич Карцов геройски своею грудью отстаивал корпус от осквернения толпы; но он сберег и жизни вверенных ему государством и родителями молодых людей и детей, впоследствии по-

служивших и России в боевом флоте в организованных белых армиях, и будущих ее слуг. И это достигнуто только потому, что по его приказу не был сделан ни один выстрел в обезумевшую, остервеневшую толпу. И за это ни один зрелый и вдумчивый человек, уже вышедший из сферы юношеских представлений и кадетских легенд, не может сделать ему никакого упрека!

Перейдя к дальнейшим рассказам статьи, побудившей меня взяться за перо, я не могу не испытать чувства удивления: как могло случиться, что никто из подчиненных мне офицерских чинов, старших и младших, с которыми я неоднократно обсуждал все данные свершившихся в знаменательный день 28 февраля 1917 г. событий, никто из нижних чинов ни разу не обмолвился об атаках гардемарин, да еще с участием части конных лихих юнкеров кавалерийского училища. Не менее странно, что делегации от Финляндского полка и от 180-го пехотного запасного батальона, а впоследствии милиция — инкриминировали гардемаринам лишь стрельбу с чердака и упоминали о нанесенном ранении одной женщине и одному солдату. Этого только уже было достаточно, чтобы корпусу и его обитателям угрожало уничтожение в двух случаях, о которых не буду упоминать, так как это завлекло бы меня далеко.

И ни разу в этих жалобах не упоминались лихие конные атаки гардемарин. Вероятно, они все же были; но, надо помнить, что они были совершенно бескровные для обеих сторон, так как никто из гардемарин и кадет не был ни убит, ни ранен. Это факт всем известный!

Ротные комитеты были в училище введены по приказу военно-морского министра Временного правительства, и значение их гардемаринам могло казаться большим, как это и изображено в статье «Последние дни корпуса», потому что внутренняя жизнь корпуса, несмотря на захлестывания революционных волн, шла почти в прежнем порядке, что потребовало немало усилий со стороны воспитательного состава корпуса. Но, к чести гардемарин и кадет, я должен сказать, что в большей части своего состава они сами шли навстречу начальству в этих их усилиях, так как они отлично понимали (особенно после захвата власти большевиками), что дни корпуса сочтены и надо успеть извлечь из него те познания, без которых нельзя стать офицером флота.

В действительности ротные комитеты имели значение скорее внешнее, для отвода ударов по корпусу, которые могли прекратить его существование и до окончания курса гардемаринами обеих старших рот, и до получения ими соответственных аттестатов. К обладанию этими последними они очень стремились, доказательством чему служит следующее обстоятельство. По водворении большевиков я намеревался покинуть службу. Слух об этом быстро дошел до гардемарин, и на собрании своем они постановили просить меня не покидать корпус и довести их до выпуска. Это постановление было сформулировано и напечатано на машинке; были выбраны делегаты, явившиеся ко мне, которые подтвердили, что

просьба эта исходит от всех наличных гардемарин. Конечно, я отложил приведение в исполнение своего намерения до конца их курса. Плавание гардемарин на судах боевых флотов было вызвано вот какими обстоятельствами: шла война, и выпустить гардемарина с одной теоретической подготовкой (да и то по ускоренному курсу, пройденному в трудных условиях революционных переживаний) было нельзя. Нужно было во что бы то ни стало создать ему практическое применение, дать практическую подготовку будущему офицеру флота, сейчас же со скамьи корпуса попадающему на боевую службу.

После долгих стараний сформировать хотя бы подобие обычного отряда судов корпуса для крайне ограниченного района плавания оказалось, по условиям военного времени, абсолютно невозможным.

Тогда явилась мысль, может быть, и смелая, но единственно возможная, — распределить гардемарин и старших кадет (желающих) по судам Балтийского и Черноморского флотов. Одновременно было выражено пожелание по примеру прежних лет отправить старших кадет (вместо гардемарин) в плавание на Дальний Восток, за исключением тех, которые, получив аттестат об окончании среднего учебного заведения, не пожелали бы продолжать дальнейшее специально морское образование (имелась в виду возможность внезапного закрытия корпуса). Этот план был рассмотрен высшим начальством и одобрен, но не сразу, а после сношений с обоими командующими флотами, которые, в свою очередь, обсуждали этот вопрос с командирами судов.

Гардемаринам было предложено расписаться по флотам и их судам на присланные вакансии. Кадеты были отправлены на Дальний Восток. История их плавания известна. Гардемарины, наверно, помнят мое напутствие перед отправлением их на боевые эскадры и отряды.

Я говорил им приблизительно следующее: «Не предъявляйте никаких требований в содержании вас на судах флота, которые выделяли бы вас из среды команды. Не гнушайтесь никакой работы, какая бы черная она ни была, а наоборот, старайтесь сделать ее лучше, чем делают матросы; этим заслужите их уважение.

Не вступайте с ними ни в какие беседы на политические темы, но не избегайте общения с ними, не относитесь к ним свысока.

Матросы любят учиться. И вот этих-то обращающихся к вам с просьбою научить их чему-нибудь постарайтесь заинтересовать и старательно научить; став, таким образом, их добровольными учителями, вы еще в большей мере заслужите уважение и почтение, и я уверен, что они сумеют выразить вам эти чувства. Учитель, особенно добровольный, всегда выше ученика, в духовном, конечно, смысле. В этом выгода вашей позиции.

Однако избегайте амикошонства; держите себя с тактом как по отношению к матросам, так и к офицерам, которыми вы сами станете вскоре.

Весьма возможно, что в этом плавании вам придется исполнять младшие офицерские обязанности».

Вскоре из плаваний я получил от нескольких гардемарин письма, в которых они сообщали, что не забыли моих наставлений, в точности исполняли их и результаты превзошли их ожидания. На некоторых судах уже через несколько недель гардемаринны оказались председателями матросских комитетов и влияние их было признано благотворным.

На некоторых судах матросы сами ходатайствовали о лучшей обстановке жизни гардемарин; но в большинстве случаев гардемаринны благо-разумно отказывались от резкого выделения их в этом отношении из среды команды. Об этом мне тоже писали гардемаринны.

Когда пришло время возвращения гардемарин в корпус, то на некоторых судах матросы старались их задержать, а при расставании говорили: «Кончайте ваши занятия и возвращайтесь к нам, вы будете нашими любимыми офицерами». Это я слышал от нескольких гардемарин.

Опыт удался вполне; его, однако, нельзя было бы повторить, когда водворился большевизм. Матросы из людей обратились в зверей, с которыми уже нельзя было иметь человеческого общения.

Но опыт этот не новый: в английском флоте молодые *midshipmen* шли в бой нередко 16-летнего возраста. В данном же случае он оригинален лишь в том отношении, что был произведен не только в военное, но и в революционное время. Инициатива его возникла из условий военного времени и ни в малой мере не принадлежит «дневальным» корпуса; возможно, конечно, что, узнав о предполагаемом проекте распределения гардемарин по судам флотов, кое-кто из низших чинов мог поспорить на эту тему, но и только.

Я не буду следовать дальше за героической частью рассказа о мучительно умиравшем корпусе. Думаю только, что сверхдвухсотлетняя доблестная служба его царю, Отечеству и родному флоту заслуживает деликатного отношения к его страданиям, предшествовавшим его концу, конечно, временному, так как воскреснет он физически в день воскресения России; дух же его жив и поныне, пока живы его питомцы, любящие его, одухотворяемые его идеалами и жалеющие его в трудные минуты его страданий.

Многое нужно было бы написать о тех трудностях, характерных для революционного времени, которые начальнику и офицерам училища пришлось преодолевать в бурный период двойной революции, но ведь в данный момент я писал лишь по поводу статьи «Последние дни корпуса», а потому ограничусь этими строками.

¹ Статья впервые опубликована: Морской журнал. 1930. № 1. С. 9–17.

² Фальконет — небольшое чугунное дульнозарядное орудие; обычно вес ядра не превышал 0,5–1,5 кг.

20 лет спустя: последнее 6-е ноября в Петрограде (6 ноября 1917 г.)

Одна из самых устойчивых традиций Морского корпуса — ежегодное торжественное празднование Дня корпуса. Церемонию и следующий за ней бал описывали многие выпускники. А как старались отметить его на чужбине! Это ведь был их общий день. День памяти. Светлые воспоминания о юности и былом благополучии.

Быстро летит время. Вот уже почти четверть века отделяет нас от празднования в последний раз шестого ноября в стенах нашего старого и дорогого всем корпуса. Кажется, это было вчера, но начинаешь вспоминать и видишь, как много забылось, как в памяти осталось только самое главное, и тогда становится понятным, какой громадный промежуток времени отделяет нас от того момента. И только несколько записей, сделанных наспех карандашом в записной книжке, случайно уцелевшей до сих пор, позволяют мне в кратких чертах воскресить это событие.

Должен сказать, что во время большевистского переворота, а именно 25 октября, в корпус пришла рота солдат, а может быть, и больше, и со всем своим скарбом они разместились в Столовом зале. Заняли всю его левую половину. Дух, конечно, стоял в зале отчаянный, так как товарищи, не желая мерзнуть, окон не открывали. Таким образом, весь батальон корпуса для еды «втиснулся» в правую сторону зала. Чтобы не «раздражать» бесцельно эту «публику», молитвы не пели и выходили из-за столов без строя, по способности. Подходило 6-е ноября. Мы с волнением и нетерпением ждали ухода из зала «товарищей» и боялись, что, не дай Бог, они останутся на шестое. Тогда все погибло...

Наконец желанный момент настал: 4-го ноября они покинули корпус. И в этот день за обедом у нас не было чая: не успели его заварить, так как все дневальные были взяты на уборку зала и натирание паркета.

5-го ноября (воскресенье) зал был чист и сиял, как и раньше. Идет первый снег. Улицы покрыло белым мягким покровом. Нева сизая, сизая и дивно красива в своих белых берегах.

Вечером, одевши все новое, желающие пошли в церковь. В это время уже было отменено обязательное хождение в церковь. Церковь, уютная и нарядная, блистала под ярким светом люстры и множества свечей. Служило несколько священников и дьяконов. Много офицеров и посторонней штатской публики. Все дышало торжественностью, события внешнего мира были где-то далеко, далеко; здесь же все было тихо и мирно. Служба затянулась и кончилась только в 20 часов 45 минут.

После чая у нас в роте качали дежурного офицера мичмана Ромашева, фельдфебеля старшего гардемарина (а теперь мичмана) Репина и других унтер-офицеров.

6-го, одевшись с утра в первый срок, нас ждал первый сюрприз за утренним чаем: к нему подали белые как снег сладкие булки. Если вспомнить то время, когда так тяжело было с продовольствием, и особенно в Петрограде, то, конечно, будет понятным наш искренний восторг перед белыми сладкими булками.

Затем желающие отправились в церковь, но до конца службы постоять не пришлось: пришедшие унтер-офицеры вызвали нас в роты. Там, построившись и после тщательного осмотра ротным командиром, пошли в столовый зал, где выстроился весь батальон. Батюшка отслужил молебен и сказал проповедь. Затем говорил начальник училища генерал Бригер. После чего, пройдя мимо начальника училища, вернулись в роты. В час дня пошли обедать. Столы были красиво убраны. Начальник училища и все офицеры обедали вместе с нами. Было немного и некорпусных офицеров.

На первое был подан бульон и пирог с капустой. На второе — традиционный гусь с капустой. Гуся были объемистые порции. И, наконец, на третье был чай со сладким яблочным пирогом. Все было очень вкусно, обильно, и мы все остались чрезвычайно довольны и удивлялись, как нашему начальству удалось в переживаемое трудное время достать все необходимое для обеда. До ужина все были свободны и каждый делал, что хотел.

В шесть часов вечера был ужин. Ужин оказался самый простой и даже скудный для наших кадетских appetитов: кусок мяса с картошкой. Обычного чая не было. Ввиду того, что весь запас сахара и белой муки ушел на обед, мы до самого закрытия училища не получали больше сладкого чая после завтрака и обеда, а также белых булочек к утреннему чаю. Они были заменены куском черного хлеба.

Вот как прошло и ушло в вечность последнее шестое ноября старого корпуса. С каким теплым чувством вспоминаешь теперь эти давно и безвозвратно ушедшие дни!

Моя служба на флоте и флоту

Олег Федорович Данилевский родился 22 декабря 1902 г. в Финляндии, где служил тогда его отец-офицер. В августе 1913 г. он поступил в находившийся в Варшаве Суворовский кадетский корпус (с началом войны переведенный в Москву). Встреча с Черным морем, Севастополем перевернули жизнь молодого человека. В 1916 г. он переводится в только открывающийся Севастопольский морской кадетский корпус. Год обучения только усилил желание стать моряком, но обстоятельства оказались сильнее. Летом 1917 г. корпус в Севастополе был закрыт, кадеты переведены в Петроград. О.Ф. Данилевский наблюдал последние дни старого Морского училища (до мая 1918 г.), а потом, после небольшого перерыва — становление возникших на его базе Курсов командного состава флота (зачислен в августе 1920 г.). Вновь вмешались обстоятельства — спустя полгода после Кронштадтского восстания «бывший кадет» был списан на флот. И еще одна попытка получить военно-морское образование (в Батумском военно-морском училище, созданном независимой Грузией в 1922–1923 гг.) оказалась неудачной. После недолгой службы старшиной-рулевым на Балтике и Каспии О.Ф. Данилевский уволился со службы и окончил институт. В 1931–1985 гг. он трудился на Ижорском заводе, создавая броню для кораблей. Лауреат Государственной и Ленинской премий, заместитель главного инженера завода по металлургии... И еще — автор интересных воспоминаний.

Рукопись мемуаров хранится у дочери О.Ф. Данилевского. Составители благодарят военно-морского историка капитана 1 ранга в отставке В.Ю. Грибовского за помощь в публикации.

В начале лета 1915 года в яркое солнечное утро поезд подходил к Севастополю. Уже тогда в мои детские годы этот город, овеянный славой Севастопольской обороны, будил в душе воспоминания о его славных защитниках: Нахимове, Корнилове, Истомине, Тотлебене и многих других, о затопленных кораблях. Вот поезд нырнул в один туннель, в другой, и вдруг открылась сияющая бухта, а на ней военные корабли Черноморского флота! Настоящие!

Это было чудо! Я тогда еще не знал, что это мое будущее, что моя жизнь на многие годы будет связана с морем, с военным флотом.

Севастопольский морской кадетский корпус

А весной 1916 года мама прочитала в газете объявление об открытии в Севастополе морского кадетского корпуса, начиная от 4 класса, и условия приема в него. Я как раз заканчивал третий класс, и мама предложила мне перевестись в Севастополь. После Кастрополя, после Черного моря, уже начитавшись Станюковича, разве я мог мечтать о чем-либо ином?

До того времени в России был только один морской корпус, в Петрограде, основанный Петром I как навигационная школа в 1701 году в Москве (в Сухаревой башне), в дальнейшем переведенный в Петербург. После многочисленных реорганизаций к 1916 году корпус состоял из трех гардемаринских классов (1-я, 2-я и 3-я роты) и трех кадетских (7-й, 6-й и 5-й классы, соответственно 4-я, 5-я и 6-я роты). В каждом классе по 4 отделения численностью по 25 чел. Фактически к выпуску из корпуса доходило 70–80 человек. Россия осуществляла программу строительства большого флота, и такого количества молодых офицеров флота (по окончании корпуса — гардемаринских классов — выпускники получали звание корабельного гардемарина, а после стажировки — звание мичмана, первый офицерский чин на флоте) было явно недостаточно. (Насколько мне помнится, во время войны 1914–1917 гг. звание мичмана присваивалось сразу по окончании Морского корпуса¹. А в 1917 году, когда нас перевели из Севастополя, вообще гардемаринских классов было только два: один — старший (т. е. 2-й гардемаринский класс оставался в Петрограде, а 1-й гардемаринский класс был во Владивостоке, на Тихом океане. Следовательно, перед этим был ускоренный выпуск). Было принято решение выделить из корпуса кадетские классы в самостоятельный Морской корпус с четырехгодовым сроком обучения (4-й, 5-й, 6-й и 7-й классы) с размещением в Севастополе, в Петрограде же оставить Морское училище в составе трех гардемаринских классов и необходимым увеличением численности. В осуществление этого в 1916 году в Севастополе открывался Морской кадетский корпус и производился набор в 4-й класс, а в Петрограде в этот год был нормальный прием в 5-й класс. Прием производился по результатам переходных экзаменов из 3-го в 4-й класс. У меня все было благополучно, и я был допущен к медицинскому осмотру, являвшемуся по сути единственным, но строгим экзаменом. Особенно обращалось внимание на зрение, где требовались не только острота, но и точное различие самых тонких цветовых оттенков. Медицинский осмотр был в Севастополе, в августе, и мы поехали туда с мамой прямо из Кастрополя. Все закончилось благополучно, и нас отпустили до вызова. Вызвали к 1 октября. Было принято 125 человек, распределенных на 5 отделений по 25 человек. Так был создан Севастопольский морской кадетский корпус. Мы были первыми, мы его открывали. Разместили корпус на Северной стороне, на Парижской батарее, рядом с Новой Голландией —

дачей командующего Черноморским флотом (Парижской батареей это место было названо потому, что во время Севастопольской обороны 1854–1853 гг. там была расположена батарея орудий, снятых с корабля «Париж»). Попасть в это место можно только водным путем, поэтому к корпусу был прикреплен небольшой пароход «Алушта», а начальство обслуживалось катерами. Размещались временно в двух жилых зданиях. Большое здание, предназначенное для размещения всего корпуса в его законченном развитии, еще строилось там же, выше. Официальное открытие корпуса состоялось 5 октября — наследник царского престола был шефом корпуса. Было торжественное богослужение, на котором присутствовал командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак. А еще через два дня, 7-го октября, мы стали свидетелями большой трагедии. Рано утром нас разбудил сильный взрыв. Кто-то подбежал к окну, выходящему на рейд, и закричал: «Пароход горит!» Мы повскакивали с коек и подбежали к окнам. Над ближайшим к нам линкором «Императрица Мария» стоял высокий черный столб дыма. Вскоре прозвучал еще один мощный взрыв с пламенем, нос корабля стал погружаться в воду, а корабль — крениться на правый борт. Крен становился все больше, корабль перевернулся вверх килем и в таком положении затонул. Это было страшное зрелище, запомнившееся в деталях до сегодняшнего дня.

Всем была выдана форма, при этом группа переведенных из кадетских корпусов получила погоны с вензелем, ленточку и кокарду на фуражку. Остальным — большинству, пришедшим из гимназий и реальных училищ, как необученным военным правилам и обязанностям, эти эмблемы формы были задержаны.

Погоны были белые с накладным золотым вензелем, а на ленточке длинная надпись от уха до уха: «Морской Е.И.В. Насл. Цесар. Кад. Корп.» Это расшифровывалось так: «Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Кадетский корпус». Дальше пошли нормальные классные занятия, строевые учения, шлюпочные учения. Обстановка в корпусе была хорошей. Начальство подобралось приличное и по тем временам либеральное. И директор корпуса контр-адмирал Ворожейкин, и командир роты капитан 2 ранга В.В. Берг (переведенный из Петроградского морского училища) жили в тех же домах, где и мы. Директор по воскресеньям приглашал по очереди несколько кадет и угощал чаем с пирогом и пирожными. Несмотря на войну, Севастополь жил полной жизнью. Приморский бульвар был полон гуляющей публикой. Молодежь распевала на мотив модной песенки свои, морские. При этом у каждой бригады кораблей были свои слова. Так, бригада крейсеров пела:

Могучею сталью сверкая
на рейде стоят крейсера,
и только приказ ожидая,
готовы поднять якоря.

Привет: А там, на Приморском бульваре,
моряками аллеи полны,
таинственно шепчутся пары
под шум черноморской волны.

А минная бригада, как всегда более легкомысленная, пела так:

Вот после горячего боя
за бон миноносцы идут,
и волны морского прибоя
любовно к бульвару бегут.

А там, на Приморском бульваре,
я вижу в бинокль наяву,
сгорает в любовном угаре
она на моем рандеву.

На Рождество разъехались по домам. А с января началась усиленная подготовка к приезду Николая II. Подготовка к приезду Николая II заключалась для нас, кадетов, в усиленной строевой подготовке. Строевыми занятиями занимались числившийся в составе корпуса флота штабс-капитан и его помощник, то ли боцман, то ли фельдфебель. С особенным усердием он гонял нас маршем и при здравании требовал, расправив грудь: «Отвечать мне, как его императорскому величеству». А вместо Николая пришла Февральская революция. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак сделал все, чтобы слухи о происходящих в Петрограде событиях не дошли раньше времени в Севастополь. Но все же слухи пробивались, и мы узнавали их от матросов команды корпуса. Только 5 марта на Нахимовской площади был собран гарнизон Севастополя и команды кораблей флота. Привезли и нас, предварительно сняв погоны и зашив на ленточке «Е.И.В. Насл. Цесар.». Выступил А.В. Колчак. Рассказал, что в России произошла революция, что царь отказался от престола и власть в стране перешла к Временному правительству и произнес здравицу в его честь. Прокричали «Ура!» Потом прозвучала команда: «К церемониальному маршу!» Под звуки оркестра мы прошли мимо Колчака. Он стоял у здания Морского собрания (сейчас этого здания нет, оно разрушено во время Великой Отечественной войны, на его месте в настоящее время мемориал героической обороны Севастополя 1941–1942 гг.). Что-то прокричали в ответ на приветствие и вернулись в корпус. Так совершилась Февральская революция в Севастополе.

В Севастополе мы, понятно, знакомимся с кораблями. Для этого надо было на Графской пристани попросить разрешения и на очередном катере, с любого корабля — гостеприимство было обеспечено...

Занятия в корпусе продолжались по установленному расписанию. В конце мая (или начале июня) учебный год закончен, мы были переведены

в 5-й класс и распущены на летние каникулы. Никто не предполагал, что мы расстаемся с Севастопольским корпусом навсегда.

Морское училище

Лето 1917 года мы опять провели в милом Кастрополе и там же узнали, что мне возвращаться в Севастополь не надо, что Севастопольский корпус расформирован, а мы все переведены в Морское училище в Петрограде, куда нам и следует явиться². Занятия начались с некоторым опозданием, в сентябре. С интересом мы знакомимся с этим старейшим учебным заведением, с его порядками, традициями, замечательной картинной галереей, громадным Столовым залом, украшенным трофейными флагами турецких кораблей, мраморными досками с фамилиями окончивших с отличием Морской корпус, бронзовым Петром и бригам «Наварин», вздымавшим свои мачты к самому потолку. Знакомились с обитателями. К этому времени в училище было 4 роты: старшая: 2-й гардемаринский курс (3-й старший гардемаринский курс был выпущен досрочно) 4-я, 5-я и наша 6-я роты. 1-й гардемаринский курс был в практическом плавании на Дальнем Востоке на Тихом океане. По заведенному порядку в каждое отделение всех рот были назначены унтер-офицеры из старшей гардемаринской роты, а также ротный фельдфебель, которые все время, кроме своих классных занятий, проводили в ротах, к которым были прикреплены, там же и спали в специально отведенной комнате. Вся жизнь роты проходила в отведенном помещении за исключением классных занятий, на которые все училище собиралось по своим классам в едином классном коридоре, а также для приема пищи, когда все роты строем проходили в Столовый зал и рассаживались поротно по установленным местам, каждое отделение во главе со своим унтер-офицером. Особенно запомнился строго соблюдавшийся обычай чтения, а большей частью пения предобеденной и послеобеденной молитвы. Кто-то в старшей роте начинал «Очи всех» и все училище подпевало: «на тя Господи уповают и ты даеши им пищу во благовремени. Отверзаяши ты щедрю руку свою», ну и дальше до конца. Так же и после обеда: «Благодарим тя, Христе Боже наш», и дальше.

В старом здании старого училища, понятно, были свои предания, легенды. Так, например, рассказывалось, что по ночам в Столовом зале является какая-то белая дама, а в одной из печных ниш в Компасном зале классного коридора был замурован гардемарин, выдавший заговор, по которому должны [были] быть подпилены цепи, державшие потолок столового зала, и обрушить его на корпусный совет, который должен был собраться для исключения нескольких гардемарин, замешанных в политических обществах.

С Компасным залом связаны еще и другие воспоминания. Во времена Морского училища во время уроков, проходивших в классах, в Компасном зале сидел дежурным офицер. (Компасный зал назывался потому, что был круглым, и пол был выложен паркетом так, что представлял картушку компаса, разделенную, как положено на морских компасах, на 32 румба). Если случалось, что кого-либо выставляли из класса за непристойное поведение, он должен был явиться к дежурному офицеру, соответствующим образом доложить и стоять при этом в центре картушки компаса, дежурный офицер, записав провинившегося в журнал, называл румб, на котором надо было стать. При этом, стоя в центре, сделать точный поворот на заданный румб, сделать три-четыре шага вперед, остановиться на краю картушки на заданном румбе и повернуться лицом к офицеру. Если поворот на румб был сделан неточно, то задание повторялось. И еще одно воспоминание, но уже из времен Училища комсостава 1920 года. Компасный зал пересекал классный коридор, а по перпендикулярному диаметру были две двери — одна выходила на лестницу во двор и на 3-й (жилой) этаж, а противоположная — в темный зал перед помещением штурманского отделения. В промежутках между этими дверьми и классным коридором в Компасном зале были четыре ниши, в которых стояли круглые голландские печи. По вечерам, накинув на себя простыни, со светившейся папиросой во рту, мы стояли в этих нишах и поджидали запоздавших, возвращавшихся из города, и выходили к нему с четырех сторон. Эффект был что надо, только и слышно было, как буквально скатывался с лестницы очередной попавшийся.

Были и свои баллады и стихотворения. Начало одной из них помню до сего времени:

Дело было близко к полночи,
Все уже сомкнули очи,
И весь корпус, стар и мал,
Сладким сном уж засыпал.
В спальнях слышится сопение,
Свист и легкое храпение...
Даже трели, только я
Не скажу чтоб соловья,
Потому что были ноты
Прямо дьявольской работы.
Ну да кто тут разберет,
Не об этом речь идет.
Словом, все уж захрапели,
Растянувшись на постели,
И заманчивые сны
Были им судьбой даны:

Кто кусок хороший мяса,
Кто склонение компаса,
Кто братишку, кто гитару,
Кто собачью конуру
Видел в образах неясных
И таинственно прекрасных
И, как сказочный Кашей,
Улыбался до ушей,
Но в картинной галерее
Дело было мудренее,
Что-то призрачное там
Расплывалось по стенам...

и так далее, а как не помню.

Была одна интересная официальная традиция, неизменно подтверждавшаяся в течение более ста лет — это жареный гусь на обед в день корпусного праздника. Традиция эта пошла со времен Елизаветы Петровны, приславшей Морскому корпусу в день его праздника сто гусей. Это событие нашло место и в корпусной бытине, где говорилось:

Прислала нам царица
На праздник сто гусей,
С тех пор в ряду традиций
Храним обычай сей.

И даже осенью 1917 года в уже голодном Петрограде, в день корпусного праздника 6-го ноября, т.е. после Октябрьской революции, эта традиция не была нарушена — на обед был жареный гусь!

И еще одна, но уже забавная традиция. По понедельникам на завтрак подавалась рисовая запеканка, получившая название «святой морской соленедельник». Злые языки уверяли, что в этой запеканке можно было найти остатки мясных блюд, подававшихся в течение истекшей недели.

Так подошла осень, 25 октября 1917 года. Окна нашей роты, находившейся на втором этаже, выходили на Неву и на 11-ю линию. Мы наблюдали накануне, как прошла «Аврора» и бросила якорь прямо против корпуса, как пришли и швартовались миноносцы. Накануне из отряда моряков, находившегося в училище, нас предупредили, чтобы, во избежание недоразумений, мы не выходили на улицы. Предчувствуя какие-то события, мы глядели в окна. Николаевский мост был разведен, и на берегу виднелись вооруженные патрули. Мы видели, как от «Авроры» и других кораблей отошли шлюпки с вооруженными матросами, как высадились вблизи моста, после чего патрули исчезли и мост был сведен, и по нему с Васильевского острова двинулась толпа. Все-таки кто-то у нас умудрился сбежать в город. Узнали, что матросами занята телефонная станция на

Большой Морской, что матросы, солдаты и рабочие сосредотачиваются вокруг Зимнего дворца. Мы были далеки от политики, мы просто ничего не понимали, и в силу малых лет, и в силу воспитания. Однако Керенский популярностью не пользовался. 25-го и 26-го слышалась из города стрельба. Что там происходило, мы не знали. А 27-го в Неву вошел крейсер «Олег» и стал на якорю позади «Авроры». На «Олеге» двухорудийные башенные установки с 6-дюймовыми орудиями, он сильнее «Авроры». За кого он пришел? Они переговаривались клотиковыми фонарями по азбуке Морзе, и мы поняли, что это пришла подмога. А накануне 26-го октября нас, все училище, собрали в столовом зале, где было объявлено, что Временное правительство во главе с Керенским низложено. Так пришла Октябрьская революция в Морское училище. Ни гардемарины, ни кадеты не участвовали ни в каких выступлениях.

В декабре, как всегда, были распущены на Рождественские каникулы. По возвращении в училище застал еще сводную роту, в которую были включены все оставшиеся на каникулы в училище. Обязанности вице-фельдфебеля исполнял гардемарин Сережа Колбасьев. Это было мое первое знакомство с ним. Почему-то мы были недовольны «правлением» Колбасьева и кричали: «довольно Колбасы, дайте нам Гаркушу!» Гарковенко (Гаркуша) тоже был гардемаринком старшей роты.

По-видимому, чувствовали приближение конца, потому что уже в конце февраля гардемаринская рота начала готовиться к ночному представлению. Я не знаю, какое название носила эта традиция Морского корпуса — это был освященный годами ритуал старшей гардемаринской роты, перед выпуском из корпуса (как жаль, что полного описания этой традиции не оставил никто из окончивших Морской корпус, во всяком случае я не встречал в известной мне литературе, то, что я видел, — и постараюсь передать — это только часть). Началось с того, что однажды утром мы обнаружили приклеенное на стене объявление о том, что уважаемый сэр Альманах тяжело заболел («Альманах» — это ежегодный журнал, издаваемый Гринвичской обсерваторией в Англии, содержащий положения планет и звезд на каждый день года и являвшийся необходимым справочником для каждого штурмана при счислении места корабля в море). Потом бюллетени о состоянии здоровья сэра Альманаха, с указанием температуры, появлялись каждый день. Но вот в одном из очередных бюллетеней было объявление о резком ухудшении состояния с просьбой не тревожить больного резкими звуками, в училище наступила тишина. Прекратилась беготня, в строю шли не «печатающая» шаг. В столовой тоже тишина, как вошла старшая рота и расселась по столам, мы и не слышали, не слышали и обычного шума от придвигаемых стульев. На следующий день бюллетени объявили о смерти сэра Альманаха. Основные события были разыграны в 12 час. ночи в Столовом зале. Там состоялись похороны сэра Альманаха. Тело покойного — журнала «Альманах» в натуре — было положено на лафет трофейной

китайской пушки, стоявшей в зале, который выкатили на середину зала в сопровождении почетного эскорта совершенно голые гардемарины, но в фуражках и подпоясанные ремнем с портупей и палашами наголо (палаша входили в форму гардемарин). Потом началось отпевание, в котором перечислялось все корпусное начальство и преподаватели с характеристиками, подчас весьма нелестными и в выражениях непечатных. Потом состоялось сожжение Альманаха.

Настроение в училище было подавленное. Чувствовалось наступление конца. Вспоминается куплет песенки, звучавшей во всех ротах:

Болят сердце, болят печень, сильно болят грудь.
Эх, вы, славные денечки, вас уж не вернуть.

А 9 марта 1918 года училище было ликвидировано. Так перестал существовать Морской корпус на 217 году своей жизни.

¹ Интересно, что правило формально соблюдалось — выпускников сперва производили в корабельные гардемарины, а спустя 3–4 дня — в мичманы.

² Севастопольский морской кадетский корпус был упразднен решением Адмиралтейств-совета от 22.07.1917. В Морское училище в Петрограде осенью 1917 г. был переведен 121 человек, четверо из них к новому месту учебы не явились. Список переведенных см.: РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 8146. Л. 5–6 об.

Именной указатель работавших, окончивших или учившихся в Морском корпусе

База Алексей Михайлович (30.04.1853—03.02.1917), адмирал (25.03.1912). Юнкер флота (1873), гардемарин (1875), мичман (1876). Адьютант генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича (1884—1901). Одновременно: старший офицер корвета «Витязь» (1890), КР «Азия» (1891—1892), командир КР «Азия» (1892—1895), КР I р. «Светлана» (1895—1899); командующий (1899—1901), командир (1901—1902) Гвардейского экипажа. Командующий Учебным отрядом МК (1902). В Свите с 06.05.1902 г. И.д. помощника главноуправляющего торговым мореплаванием и портами (1903). Член и управляющий делами Особого комитета Дальнего Востока (1903—1905); проводил крайне вызывающую политику по отношению к Японии. Произведен в вице-адмиралы с увольнением в отставку (11.01.1910), два года спустя повышен в чине. С. 76.

Абрамович Николай Иванович (10.05.1885—март 1907), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). После производства в офицеры распределен на Черное море, но через великого князя Константина Константиновича добился перевода в Порт-Артур (прибыл 15.03.1904). Офицер КР I р. «Аскольд». Покончил с собой, исключен из списков флота (26.03.1907). С. 73.

Авалов Иосиф Давыдович, князь (?—?). В 1911 г. — надворный советник, преподаватель химии в МК и Горном институте. С. 105, 127.

Авелан Федор Карлович (31.08.1839—17.11.1916), адмирал (17.04.1905). Окончил МК (1857). Командовал КР «Азия» (1878—1879), клипером «Вестник» (1879—1884), корветом «Рында» (1884—1885; 1886—1890), фрегатом «Светлана» (1885—1886). Начальник штаба Кронштадтского порта (1891—1893). Командующий эскадрой в Средиземном море (1893—1894), помощник начальника (1895—1896), начальник (1896—1903) ГМШ. Управляющий Морским министерством (10.03.1903—29.06.1905). Член Государственного совета (1914—1916). Умер в Петрограде, погребен на Смоленском лютеранском кладбище. С. 75.

Агафонов 2-й[†] Михаил Сергеевич (28.04.1891—?), лейтенант (01.01.1915). Окончил МК (1911). Участник Первой мировой войны, служил на ЧФ. С. 108.

Агафонов 1-й Сергей Сергеевич (28.04.1891—?), лейтенант (01.01.1915). Окончил МК (1911), Арт. академию (1918). В 1912 г. — вахтенный начальник УС «Воин». Флаг-офицер Дивизии ПЛ (1915), слушатель Арт. академии (1915—1918), на преподавательской работе (1919—1922). Старший арт. приемщик (1923—1924), помощник начальника арт. отдела (1924), помощник начальника (1926—1930) Технического управления УВМС, затем служил во 2-м и 5-м управлениях УВМС. С. 108, 109.

Адлерберг Александр Александрович (02.06.1885—14.05.1905), мичман (28.04.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Император Александр III» (1904—1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (20.06.1905). С. 73.

Акимов Борис Николаевич (13.04.1882—06.1916), лейтенант. Окончил МК (1904). В 1909 г. уволен от службы. Разжалован. В 1916 г. — старший унтер-офицер команды пеших разведчиков, погиб в бою с немцами под Двинском. Посмертно восстановлен в звании лейтенанта. С. 77.

Александров Владимир Петрович (25.06.1899—?), воспитанник МК. Переведен в младший общий класс МК по конкурсу аттестатов из 1-го КК (09.09.1913). С. 173.

Алтухов Алексей Захарович (08.01.1867—?), полковник по Адмиралтейству за отличие² (25.03.1912). Офицер армии (1889), перешел на службу в морское ведомство (1899). В 1913 г. — командир 5-й роты в МК. Командир 1-го морского полка Отдельной морской бригады (с 25.01.1916). С. 117.

Андреев Николай Святославович (29.04.1882—1918), старший лейтенант за отличие (30.07.1916). Окончил МК (1904). Участвовал в походе 2-й эскадры флота Тихого океана (вахтенный офицер КР II р. «Терек»). В 1909 г. вышел в запас, в годы Первой мировой — снова на флоте. Расстрелян в Петрограде. С. 77.

Андросов 2-й Дмитрий Григорьевич (25.05.1884—1920), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1904). Участник обороны Порт-Артура (1904). В период Первой мировой войны — командующий МЗ «Константин» (1914—1915), старший офицер КР «Алмаз» (1915—1916). Кавалер пяти боевых орденов (из них три — за Порт-Артур). Командир КЛ «Терец» (1917). С 13.09.1919 г. — и.о. начальника штаба главного командира Севастопольского порта. Умер от чахотки. С. 73.

Аникеев (?-?). В 1913 г. — преподаватель естественной истории в МК. С. 174.

Анцов (Анцев) Михаил Рейнгольдович (20.02.1879—?), капитан 1 ранга за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1899). И.д. старшего офицера (1908—1909), старший офицер (1909—1911) ЭМ «Гайдамак». Младший (24.01.1911 —

01.08.1911), затем старший отделенный начальник МК. Командир Свеаборгской отдельной флотской роты (с 26.08.1913). Дело-производитель Главной ликвидационной комиссии БФ (1918). Инструктор статистики Главного морского технико-хозяйственного управления (1919). Начальник части личного состава Управления военно-морскими учебными заведениями (1920). Начальник уставной части (1921), помощник начальника отделения прохождения службы (1922), редактор организационной части строевого отдела (1923–1924) Морского штаба Республики. В период службы в МК носил прозвище Тихоструй. С. 92, 98.

Анцов Николай Спиридонович (23.07.1856–?), полковник по Адмиралтейству при отставке. Окончил МК (1876), АОК (1881). После 12 лет службы в строю в 1888 г. перевелся на службу по Адмиралтейству в чине капитана. В чине подполковника по Адмиралтейству (17.04.1894) служил ротным командиром МК (с 03.06.1895). В период службы в МК носил прозвище Судак. С. 86, 87.

Аренс Евгений Иванович (04.01.1856–05.11.1931), генерал флота (06.12.1915) в отставке (1916). Окончил МК (1876) и НМА (1896). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., член Комиссии по описанию действий морских команд на Дунае (с 1880). Председатель Комиссии по написанию истории Гвардейского экипажа (с 1896). Старший офицер императорской яхты «Александрия» (1893–1898), заведующий загородными судами и Петергофской военной гаванью (1898–1913). С 1896 г. в НМА читал курс русской военно-морской истории. Ординарный профессор НМА (с 21.08.1910), член Главного военно-морского суда (1913–1914), член Александровского комитета о раненых (с 1914). Автор большого числа исторических трудов. Скончался в Ленинграде, погребен на Новодевичьем кладбище. С. 9, 26–49.

Арский 2-й Борис Александрович (14.01.1890–16.12.1970), старший лейтенант (1919). Окончил МК (1911). В годы Первой мировой служил на Балтике, в Гражданскую — на Севере, у генерала Миллера. Скончался в г. Осло (Норвегия). Брат В.А. Арского. С. 9, 166–169.

Арский 1-й Владимир Александрович (07.07.1891–?), лейтенант (01.01.1915). Окончил МК (1911) по успеваемости лучше старшего брата Бориса, а потому во флотской иерархии оказался «первым». Участник Первой мировой и Гражданской войн (на стороне красных), утонул на Каспии. Известно, что в сентябре 1926 г. в Париже по нему служили поминальную церковную службу. С. 166.

Арфин Николай Иванович (04.02.1889–?), старший лейтенант за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1909). В 1912 г. — ревизор КР «Россия». Участник Первой мировой войны. С. 112.

Афанасьев (?–?). В 1909 г. — гардемарин МК, утонул во время гонок на шлюпках в Балтийском порту. С. 95.

Афанасьев 3-й Михаил Митрофанович (04.10.1884—1950), капитан 2 ранга (дата неизвестна). Окончил МК (1905). Командующий мин. № 273 (1912), № 259 (1912), «Лейтенант Малеев» (1914—1915). Старший офицер (1916—1917), командир (1917—1919) КР «Орел». Скончался в Гонконге. С. 202.

Афанасьев Павел (?—?). В 1909 г. — кадет МК. С. 86.

Ахрамович Игорь Осипович (29.04.1893—01.09.1966), лейтенант (дата неизвестна). Обучался в МК, должен был окончить вместе с выпуском МК (1914 I)³, но, вследствие перевода в юнкера флота, произведен в офицеры на три месяца позднее товарищей по обучению в МК (13.10.1914). Из «Бюллетеня Общества офицеров Российского императорского флота в Америке» (1964. № 1 (103). С. 2): «Прибыл в США из Греции в 1921, где пробыл три года. Сперва пробовал заниматься музыкой, но это не давало заработка, поэтому стал браться за всякую работу, ездил в такси, был клерком в англиканской церкви. В 1930 г. поступил в Pratt Institute в Нью-Йорке, который в 1931 окончил по библиотечному делу. После этого 28 лет прослужил в городских библиотеках, сперва в Нью-Йорке, потом в Бруклине. В 1958 вышел на пенсию. Два раза овдовел». Покончил с собой во Флориде. С. 81, 85, 129, 136.

Баранов 3-й Николай Николаевич (14.12.1885—14.05.1905), мичман (28.04.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Император Александр III» (1904—1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (20.06.1905). С. 73.

Барлевен Арвед Константинович, фон (07.06.1884—ранее 1962), старший лейтенант (01.01.1915). Окончил МК (1905), АОК (1909). Флаг-офицер штаба командующего отрядом крейсеров в Тихом океане (1905), временно флаг-офицер при командующем отрядом крейсеров, возвращающихся из Тихого океана (1906). Переведен в БФ (07.02.1906). Служил младшим арт. офицером на КР «Диана» (1909—1910), «Россия» (1911—1914). С мая 1914 г. — в Сибирском флотском экипаже, затем в МГШ (1914—1918). Уволен от службы 18.03.1918. Был женат на дочери контр-адмирала К.П.Иессена Евгении (1882—1962). С. 111—112.

Баргенов Алексей Александрович (27.02.1885—08.03.1907), лейтенант «за отличие в делах против неприятеля» (09.01.1906, старшинство в чине с 25.11.1905⁴). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Ослябя» (1904—1905), участвовал в Цусимском сражении, спасен после гибели корабля. Покончил с собой, исключен из списков (12.03.1907). Погребен на Новодевичьем кладбище в СПб. С. 73.

Барыков Федор Евгеньевич (01.08.1862—?), флота генерал-майор за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1883). Служил на клипере «Крейсер» (1884—1887), ЭБР «Император Александр II» (1889). Младший (с 21.01.1895), старший (15.04.1902—01.05.1914) отделенный начальник в МК. Начальник военно-испра-

вительной тюрьмы морского ведомства в СПб. (1914–1915), затем командующий Кемским морским районом (с 21.12.1916). Уволен от службы 16.01.1918 г., впоследствии проживал в эмиграции. С. 65, 66.

Барятинский Владимир Владимирович (20.12.1874–07.03.1941), капитан 2 ранга (дата неизвестна). Окончил МК (1894). После двух лет службы в Гвардейском экипаже вышел в отставку, занявшись литературной и театральной деятельностью. С 1898 г. издавал газету «Северный курьер». С 1901 г. вместе со своей женой, артисткой Л.Б. Яворской, руководил «Новым Театром», на сцене которого поставил свою сатирическую трилогию — «Перекаты», «Карьера Наблюдкого» (1901) и «Его Превосходительство» (под общим заглавием «Сергей Наблюдкий»), «Последний Иванов» (1902), «Пляска жизни» (1903), историческую драму «Светлый Царь» (1904). Другие его пьесы: «Шелковичные черви» (1906), «Контора счастья» (1907), «Комедия смерти» (1910). В Англии и Франции читал лекции по истории русской литературы, переводил произведения русских поэтов на французский. В 1916 г. призван на флот мичманом. Уволен в отставку лейтенантом 02.10.1917 г. В эмиграции — председатель Объединения офицеров Гвардейского экипажа. Умер в Париже. С. 9, 57, 60–64.

Безпяттов Михаил Михайлович (30.07.1863–?), флота генерал-майор за отличие (14.04.1913). Окончил МК (1883), гидрогр. отд. НМА (1890). Младший (с 26.10.1891), старший (16.08.1896 — 01.07.1904) отделенный начальник МК. Начальник Архангельского торгового морского училища (1904–1909). Штатный преподаватель астрономии в МК (03.08.1909–1918), затем — на Курсах командного состава. С. 129.

Белкин Николай Михайлович (04.12.1873–29.05.1909), капитан 2 ранга (29.03.1909). Сын героя Синопа и Севастополя контр-адмирала (1904) М.Ф. Белкина (1825–12.02.1909). Окончил МК (1894). В 1904–1905 гг. — ревизор, затем и.о. старшего офицера воздухоплавательного крейсера «Русь». Командир ПЛ «Лосось» (1907), старший офицер УС «Хабаровск», одновременно — зав. обучением управлению подводными лодками УОПП (1907–1908). Заведующий Отрядом подводного плавания ЧМ (с 24.03.1908). Погиб при столкновении ПЛ «Камбала» с ЭБР «Ростислав». Погребен в с. Введенское Ярославского уезда. С. 57.

Белобров 2-й Алексей Павлович (23.02.1889–1962), лейтенант (06.12.1912). Окончил МК (1908), Арт. академию (1919). В 1912–1913 гг. находился в прикомандировании к МК. Участник Первой мировой войны. Слушатель Арт. академии (1915–1919). Помощник главного артиллериста штаба БФ (1919). В августе 1921 г. — помощник главного артиллериста штаба Морских сил Республики. В ходе «филбтрации» находился в заключении (авг. 1921 — май 1922). Помощник начальника арт. отдела Главного морского технико-хозяйственного управления (с 1923). Флагманский артиллерист штаба РККФ (1925). В 1930-е гг. — помощник начальника отдела Научно-исследовательского арт. института ВМС.

Погребен на Сестрорецком кладбище. Брат А.П., Д.П. и С.П. Белобровых, сын П.П. Белоброва. С. 78, 79, 87, 88, 96–98, 100, 104, 108, 111, 112, 114, 117, 126, 134, 137, 141, 153, 157.

Белобров Андрей Павлович (01.10.1894–08.01.1981), инженер-капитан 1 ранга запаса (1950). Окончил МК (1914 I), ШОК (1917), гидрогр. отдел ВМА (1924). Участник Первой мировой войны. Штурман-ский офицер ЭМ «Гайдамак» (1916). Командир ЭМ «Амурец» (1918–1919), в т. ч. во время Видлицкой операции. Флагманский штурман штаба начальника ДОТа (1919). Слушатель Морской академии (1920–1924), с авг. 1921 по февр. 1922 гг. во время «фильтрации» находился в заключении. Участник гидрографических экспедиций на Севере (1924) и на ЧМ (1928–1932). С 1932 г. преподавал в ВМУ им. М.В. Фрунзе, затем был зам. начальника Военно-морского гидрографического училища им. Г.К. Орджоникидзе (1939–1941), зам. начальника ВВМУ им. М.В. Фрунзе (до 1948), начальник кафедры в 1 г. Балтийском ВМУ. После ухода в запас — начальник кафедры в Ленинградском высшем мореходном училище (1950–1954), зав. кафедрой гидрографии в Ленинградском высшем инженерном мореходном училище им. С.О. Макарова (1954–1973). Автор большого числа научных трудов, кавалер шести орденов. Погребен на Сестрорецком кладбище. Брат Ал.П., Д.П. и С.П. Белобровых, сын П.П. Белоброва. С. 9, 48, 78–165.

Белобров 1-й Дмитрий Павлович (07.04.1885–1964), старший лейтенант за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1906), ШОК (1908). Служил на КР «Богатырь» (1906–1907), «Адмирал Макаров» (1908–1909), «Олег» (1910–1917). В 1909 г. — в прикомандировании к МК, младший отделенный начальник. Участник Первой мировой войны, награжден четырьмя боевыми орденами. Начальник организационного отделения МГШ (1917). Командир ЛК «Полтава» (1918–1919). Начальник распорядительной части штаба БФ (1920). Помощник начальника строевого управления Морского штаба Республики (1921), в ходе «фильтрации» находился в заключении (1921). Помощник начальника Управления военно-морских учебных заведений (с 1923 г.). В 1930 г. — начальник специальных курсов командного состава ВМС РККА. В 1930-е гг. преподавал навигацию и лоцию в ВВМУ им. М.В. Фрунзе и Военно-морской академии. Погребен на Сестрорецком кладбище. Брат Ал.П., А.П. и С.П. Белобровых, сын П.П. Белоброва. С. 79–82, 86, 90, 97, 104, 108, 110, 111, 113, 114, 116, 117, 128, 132, 135, 138, 141, 148, 153, 157.

Белобров 1-й Павел Петрович (29.06.1856–1906), капитан Корпуса флотских штурманов (06.12.1897). Окончил Штурманские училище. В службе с 1874 г., офицер с 1878 г. Командир барказа «Бригитовка» (1886–1888), Ревельского плавучего маяка (1888–1896), судна таможенной флотилии «Нырок» (1896–1899). Откомандирован в распоряжение Министерства финансов для службы на судах отдельного корпуса пограничной стражи (1899–1900). Командир портовых судов «Бригитовка» (с 29.05.1900), «Лаг», младший помощник директора

маяков и лоции БМ (с 01.12.1903). Отец А.П., Ал.П., Д.П. и С.П. Белобровых. С. 78, 115, 153, 157.

Белявский Капитон Васильевич (1833–?). Из семьи священнослужителя. Окончил Смоленскую духовную семинарию и С.-Петербургскую Духовную академию (1857). Учитель Александро-Невского духовного училища (с 1858). В 1860 г. возведен в степень магистра и в 1861 рукоположен в священники к церкви Св. Спиридона при С.-Петербургском Елизаветинском училище с назначением законоучителем в этом училище. Священник церкви МК, законоучитель (1872–1906). Автор книги «Очерк истории церкви Морского кадетского корпуса» (СПб., 1900). В период службы в МК имел прозвище Коза, Коза в сарафане. С. 47, 87, 156.

Берг Аксель Иванович (29.10.1893–09.07.1979), инженер-адмирал (08.08.1955), академик АН СССР (1946). Окончил Александровский КК (1908), МК (1914 I), ШОК (1917), ВМИУ (1923, экстерном), электротехнич. факультет ВМА (1925). Участник Первой мировой войны – вахтенный начальник на ЛК «Цесаревич» (1914–1916), офицер связи на английской ПЛ Е8 (1916–1917). Служил на подводных лодках (1918–1921). Преподаватель ВМИУ (1925–1927). Начальник Научно-исслед. морского института связи в Ленинграде (1932–1937). Находился в тюрьме (1937–1940), восстановлен в ВМФ. Профессор в ВМА (1940–1944). Зам. наркома электронной промышленности СССР (1943–1944). После Великой Отечественной войны находился на административной и научной работе в области радиолокации, радиоэлектроники, радиотехники. В отставке с 1960 г. Автор большого числа научных трудов. Погребен на Новодевичьем кладбище в Москве. С. 108, 139, 150.

Берг 1-й Владимир Владимирович, фон (05.10.1879–01.1963), капитан 1 ранга. Окончил МК (1900). Младший (с 02.05.1905), старший (01.10.1910 – 08.03.1916) отделенный начальник МК, затем до лета 1917 г. – ротный командир Морского кадетского корпуса в Севастополе. В период Гражданской войны – ротный командир воссозданного в Севастополе МК, после эвакуации флота в Бизерту занимал аналогичную должность в МК в Бизерте. Скончался в Эквадоре. С. 108, 110, 216.

Берлинский Михаил Иванович (?–?). В 1909 г. – гражданский инженер в г. Ревеле, занимавшийся подготовкой поступающих в МК. С. 79.

Берлинский 2-й Николай Иванович (24.05.1873–?), капитан 1 ранга «за отличную ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны» (22.03.1915, старшинство с 01.01.1915). Окончил МК (1893), водолазную школу (1899). В МК – младший (с 01.09.1901), старший (с 18.12.1906) отделенный начальник, ротный командир (04.04.1911 – 1918). В период службы в МК имел прозвище Ветчина, Ветчина с горошком. Начальник водолазной части и партии (1919–1921), начальник школы рулевых и сигнальщиков БФ (1922),

с 1923 г. — преподаватель Морского политического училища им. тов. Рошаля. С. 117–120, 173, 175, 192, 193.

Берсенов Анатолий Владимирович (23.12.1891—20.12.1950), лейтенант (28.07.1917). Окончил МК (1914 I). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Умер в Тунисе. С. 81, 129, 130.

Бертенсон Михаил Львович (15.10.1882—27.05.1933), капитан 2 ранга (30.07.1915). Окончил МК (1903). В эскадре З.П.Рожественского — флаг-офицер при штабе зав. транспортными судами 2-й эскадры флота Тихого океана, с 06.01.1905 г. — ревизор КР I р. «Аврора»; участвовал в Цусимском сражении. В 1906–1910 гг. служил на КР «Богатырь». Младший адъютант ГМШ (1911–1917), командующий яхтой «Стрела» (1916–1917). Уволен в отставку по болезни (31.03.1917). Служил в РККФ (1918–1919). Сотрудник редакционно-издательского отдела ВМС РККА (1919–1926), штатный преподаватель Специальных курсов командного состава ВМС РККА (1927–1931; 1932–1933). Погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. С. 149

Билибин Иван Николаевич (04.04.1884—1918 (1919?)), старший лейтенант (01.01.1915). Окончил МК (1904). В Цусимском сражении — вахтенный офицер КР I р. «Олег». Участвовал в расстреле 05.09.1906 г. осужденных за восстание в Свеаборге (зачитывал приговор). Командующий МЗ «Константин» (1915). Старший офицер ЭМ «Туркменец-Ставропольский» (1915), и.д. старшего офицера КР «Богатырь» (1915–1916). Командир ЭМ «Сторожевой» (1917). Убит красными на Волге во время Ярославского восстания в июле 1918 г. (по другим данным — расстрелян в апреле 1919 г.). С. 73.

Бирилев Алексей Алексеевич (16.03.1844—06.02.1915), адмирал (01.07.1907). Юнкер флота (1859), произведен в офицеры (1864). Командир броненосного фрегата «Адмирал Лазарев» (1880), мин. «Взрыв» (1880–1885), МКР «Лейтенант Ильин» (1886–1887), клипера «Пластун» (1888), КР I р. «Минин» (1890–1902), ЭБР «Сисой Великий» (1893), ББО «Адмирал Ушаков» (1893), ЭБР «Гангут» (1893 и 1894). Начальник УАО БФ (1897 и 1900), Отдельного отряда судов в Средиземном море (1900–1901), командующий соединенным Практическим отрядом обороны побережья Балтийского моря (1903); главный командир флота и портов, начальник морской обороны Балтийского моря и одновременно военный губернатор Кронштадта (1904–1905), командующий Балтийским, а затем Флотом Тихого океана (1905). Морской министр (29.06.1905 — 11.01.1907). Погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. С. 95.

Блохин Константин Платонович (21.05.1862—10.02.1913), контр-адмирал при отставке (21.01.1913). Окончил МК (1883). Младший (с 03.06.1895), старший (09.09.1900—1903) отделенный начальник МК. Будучи старшим офицером КР I р. «Дмитрий Донской» (07.06.1904—16.05.1905) образцово проявил себя в неравном бою с японскими крейсерами (в ходе Цусимского сражения). Командир ПС «Азия» (1906—1909). Начальник 2-го (1909), 7-го (1909) дивизионов мин. БМ. Командир КР «Россия» (1909—1912). Умер в Петербурге, погребен на Смоленском православном кладбище. С. 111.

Богданов Михаил Михайлович (12.11.1883—1920), капитан 2 ранга (06.12.1916). Окончил МК (1904). Участвовал в заграничных плаваниях на ТР «Пезуапс» (1905), яхте «Эриклик» (1907), ПХ «Колхида» (1907—1908). Адьютант штаба Севастопольского порта (1911—1918), один из организаторов убийств офицеров в Крыму (1917—1918). Участвовал в Гражданской войне на стороне красных: флаг-капитан по распорядительной части штаба Волжской флотилии, начальник штаба той же флотилии. Умер в 1920 г. С. 73.

Бодиско Александр Дмитриевич (04.09.1885—1937), капитан 2 ранга за отличие (19.01.1915, со старшинством с 01.01.1915). Окончил МК (1904). Участвовал в походе 2-й эскадры флота Тихого океана (ревизор ТР «Анадырь», 1904—1905). В 1912—1913 гг. состоял в Комиссии для наблюдения за постройкой кораблей в БМ, с 1913 г. — служил на Адмиралтейском суд. заводе. В период Гражданской войны находился в составе ВСЮР, эвакуировался в Константинополь. В 1921 г. вернулся на родину, расстрелян. С. 73.

Бологов Николай Александрович (25.05.1894—22.06.1969), контр-адмирал (04.06.1940) в отставке (1948). Окончил Воронежский КК (1909), МК (1914 I), МОК (1917). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Ревизор и ротный командир вспомогательного КР «Митава» (1914—1915). Флаг-офицер штаба 2-й бригады КР БМ (1915—1916). Старший минный офицер ЭМ «Константин» (1917—1918). Командир ЭМ «Выносливый» (1919—1920), «Самсон» (1920—1921), ЛК «Парижская коммуна» (1921). Начальник Учебного отряда БМ (1924), ВМУ (1924—1926). В 1929—1932 гг. — военно-морской атташе в Японии, затем на штабной службе. С 1934 г. находился на различных должностях в ВМА. Начальник исторического (1941—1943), международно-правового (1943—1946) отделов ГМШ ВМФ. В 1946—1948 гг. служил в Военно-политической академии им. В.И. Ленина, затем в отставке. Скончался в Москве, погребен на Ваганьковском кладбище. С. 138, 139.

Брей (?-?), преподаватель Александровского лицея и МК, соавтор учебника английского языка. С. 82, 104.

Бригер Александр Михайлович (17.02.1861—20.05.1931), флота генерал-лейтенант «за отлично ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны» (22.03.1915, со старшинством с 01.01.1915). Окончил МК (1882),

НМА (1886). В 1891 г. перешел на службу по Адмиралтейству штабс-капитаном. Штатный преподаватель МК (с 03.09.1896). Инспектор классов МК (10.07.1906–28.02.1917), после ареста В.А. Карцова — начальник МК (утвержден 15.04.1917) до его ликвидации в марте 1918 г. Умер в эмиграции под Парижем. С. 9, 82, 128, 140, 144, 196, 197, 202–211, 213.

Брисецкий (?–?). Участник революционного кружка в МК (в 1871–1872). С. 13.

Бубнов Алексей Капитонович (?–02.1915). Инженер путей сообщений, действительный статский советник (01.01.1913). Окончил университет. В службе с 1888 г. В 1911 г. — преподаватель теоретической механики в МК, штатный преподаватель с 01.07.1912 по февраль 1915 г. Скончался, исключен из списков (09.02.1915). Брат П.К. Бубнова. С. 104, 107.

Бубнов 2-й Петр Капитонович (14.08.1857–?), флота генерал-майор. Окончил МК (1877) и гидрогр. отделение НМА (1880). Участвовал в съемке и промерных работах в Абовских и Аландских шхерах (1882–1884). Младший отделенный начальник (с 14.06.1886), штатный преподаватель (с 19.09.1888) МК. В 1891 г. перешел на службу по Адмиралтейству. В 1911 г. — преподаватель математики в МК. Брат А.К. Бубнова. С. 104.

Бугаев Георгий Леонтьевич (19.12.1893–30.12.1942), лейтенант (06.12.1916). Окончил МК (1914 I), курсы подводного плавания (1916). Участник Первой мировой (служил на БМ) и Гражданской (ЧМ, ПЛ «Утка») войн, затем проживал в эмиграции. С. 81, 129, 136.

Бугураев Хрисанф Константинович (03.03.1891–10.05.1916), лейтенант (10.04.1916). Окончил МК (1912), УОПП (1913). Участник Первой мировой войны; командир ПЛ «Сом», погиб при столкновении ПЛ со шведским ПХ «Ingermanland» у Аландских островов. С. 98.

Буксгевден 2-й Петр Карлович, барон (03.07.1886–31.01.1909), лейтенант (06.12.1907). Окончил МК (1904). Младший штурманский офицер КР I р. «Олег», участвовал в Цусимском сражении. Командир газолиновой миноноски № 10 (1909). Покончил с собой в Гельсингфорсе, исключен из списков (16.02.1909). С. 73.

Бунин Петр Николаевич (29.06.1886–13.09.1958), старший лейтенант за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1908). Участвовал в оказании помощи пострадавшим при землетрясении в Мессине (1908). Служил на КР «Россия» (с 1909), в т. ч. младшим, с 1912 г. — старшим штурманским офицером. Весной 1917 г. — флагманский штурманский офицер штаба начальника 1-й бригады ЛК БМ. Участник «Ледового похода» БФ (1918), затем бежал в Финляндию. Преподавал в Морском училище во Владивостоке, участвовал в переходе КР «Орел» на ЧФ

(1920), остался в Дубровнике (Югославия). С 1926 г. преподавал в Сербском морском корпусе, подполковник в отставке. Скончался в Югославии. С. 111.

Бураков Евгений Николаевич (06.08.1874—04.06.1900), лейтенант (18.04.1899). Окончил МК (1894). Погиб на КЛ «Кореец» в бою с фортами Таку (Дагу) при подавлении восстания ихэтуаней («Боксерского восстания») в Китае. Исключен из списков (19.06.1900). Некролог см.: Бутаков А. Памяти лейтенанта Е.Н. Буракова // Котлин. 1900. № 288. Его брат — лейтенант (1907) Георгий Бураков (27.10.1880 — 04.01.1912), МК (1903). С. 57.

Бурачек 3-й Всеволод Евгеньевич (21.06.1884—06.09.1908), лейтенант (13.04.1908). Окончил МК (1904). Вахтенный начальник мин. «Бравый», участвовавшего в Цусимском сражении и прорвавшегося во Владивосток. Покончил с собой во Владивостоке, исключен из списков (17.09.1908). С. 73, 77.

Бутаков 4-й Григорий Иванович (21.02.1873—20.05.1960), контр-адмирал при отставке (28.04.1920). Окончил МК (1894), МОК. Старший офицер КР «Аврора» (1907—1910). Командир яхты «Нева» (1910—1914), КР «Аврора» (1914—1916). Управляющий делами в Советании по морским перевозкам (1916—1917). Участник Первой мировой и Гражданской войн (ВСЮР). Умер в Каннах. С. 58.

Буцевич Александр Викентьевич (13.11.1849—1885), лейтенант (01.01.1876) в отставке (07.06.1882). Окончил МК (1869), офицерский класс при МК (1874). Гардемарином плавал на черноморских корветах «Львица» и «Память Меркурия» (1867—1870) и фрегате «Петропавловск» на БМ (1871). В 1875 г. откомандирован в Министерство путей сообщения, выполнял съемки и промеры на Северной Двине (1875—1876). Член Исполкома «Народной воли» (с 1882 г.), один из руководителей ее военной организации. В апреле 1883 г. приговорен к смертной казни за организацию офицерских кружков и динамитной мастерской, казнь заменена бессрочной каторгой. Умер в Шлиссельбургской крепости. С. 10.

Вердеревский. — Неясно, о ком идет речь. В младший общий класс МК 05.09.1913 г. были зачислены два сына коллежского советника брата Вердеревские: Андрей Владимирович (17.10.1899—02.1981) и Виктор Владимирович (18.04.1898—?). Вероятно, имеется в виду Виктор, так как известно, что он и в советское время был дружен с С.С. Шульцем и Б.Б. Лобач-Жученко. Репрессирован, провел в лагерях и ссылках 18 лет. В 70-е гг. проживал в г. Нальчике. Его брат А.В. Вердеревский служил у белых, получил чин мичмана, скончался в Германии. С. 173.

Вердеревский 1-й Дмитрий Николаевич (04.11.1873—22.08.1947), контр-адмирал (06.12.1916). Окончил МК (1893), АОК (?). Находился в запасе флота (1895—1897; 1902—1904). Член Комиссии морских арт. опытов в СПб. (1901—1902). Ранен во время мятежа на КР «Память Азова» (1906). Преподаватель в АОК (1906—1914); одновременно — старший офицер УС «Петр Великий» (1908),

флагманский арт. офицер штаба начальника соединенных отрядов БМ (1909), Действующего флота БМ (1909–1910), командир ЭМ «Генерал Кондратенко» (1910–1911), первый командир новейшего ЭМ «Новик» (1911–1914). Командир КР «Адмирал Макаров» (1914), «Богатырь» (1915–1916). Командующий (1916), начальник (1916–1917) Дивизии ПЛ БМ. В апреле-мае 1917 — начальник штаба командующего Флотом БМ, с 23.05.1917 г. — начальник 1-й бригады ЛК БМ, с 02.06.1917 г. — командующий БФ. Морской министр в составе Временного правительства (30.08 — 11.11.1917). Уволен от службы (22.11.1917). Скончался в эмиграции в Париже, погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. С. 125.

Верховцев 2-й Анатолий Александрович (02.10.1884—15.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Наварин» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (10.07.1905). С. 73.

Веселкин Михаил Михайлович (13.11.1871—05.01.1918), контр-адмирал за отличие Свиты ЕИВ (06.12.1915). Окончил Императорский Лицей. Юнкер флота (1893), мичман (12.09.1894). Младший флаг-офицер штаба начальника эскадры Тихого океана (1900–1902), старший флаг-офицер штаба командующего Флотом в Тихом океане (1904–1905). Старший офицер яхты «Нева» (1906). Адъютант морского министра (1906–1907), великого князя Алексея Александровича (1907–1908). Флигель-адъютант (06.12.1908). Командир ЭМ «Инженер-механик Дмитриев» (1909), «Достойный» (1909–1910), МЗ «Амур» (1910–1913), строящегося ЛКР «Бородино» (1913–1916), одновременно в годы Первой мировой войны руководил Экспедицией особого назначения на Дунае. Комендант Севастопольской крепости (1916–1917). Уволен по болезни с мундиром и пенсией (20.08.1917). Расстрелян в Архангельске. С. 58, 168, 169.

Вечеслов 1-й Владимир Степанович (09.01.1876—1934), капитан 1 ранга за отличие (06.04.1914). Окончил МК (1894), ШОК (1901). Командир ЭМ «Инженер-механик Дмитриев» (1906–1908). Флагманский штурманский офицер штаба начальника соединенных отрядов БМ (1908–1909), Действующего флота БМ (1909–1910). Командир ЭМ «Охотник» (1910–1914). Наблюдающий по морской части за постройкой кораблей на БМ (1914). Начальник 1-го дивизиона ЭМ БМ (1914–1916), удостоен Георгиевского оружия (25.04.1916). Командир крейсера «Громобой» (1917). В резерве чинов Морского министерства с 13.04.1917 г. Начальник организационного отдела МГШ (1917–1919). Начальник штаба Волжской флотилии и Каспийского флота (1920). Инспектор по морской части военной и морской инспекции РВСР (с 02.10.1920). Уволен в отставку (22.07.1922). С. 58, 59.

Вильгельмс Алексей Альфредович (11.03.1894—?). Окончил МК (1914 II). Участник Первой мировой войны, во время Гражданской — служил на Балтике на эсминцах, затем командовал батареей на форту «Красная Горка» (окт. 1919). И.д. командира ТЩ «Инженер-механик Дмитриев» (1923). Уволен в запас в мае 1924 г. Три его брата также были морскими офицерами: Павел (01.03.1882 —

09.08.1904), МК (1901), мичман, погиб в Порт-Артуре; Борис (26.08.1884 — 17.01.1905), МК (1903), мичман, смертельно ранен ударами ножа матросом в Либаве на ББО «Адмирал Сенявин» (14.01.1905); Петр (29.06.1888 — 25.03.1938), МК (1908), лейтенант, умер в Югославии. С. 87.

Вильгельмс 1-й Альфред Карлович (07.12.1854—25.06.1916), контр-адмирал при отставке (24.04.1906). Окончил МК (1874), МОК (1888), КВМН НМА (1897). Командир шхуны «Зоркая» (1888–1890), КЛ «Гроза» (1891–1892). Старший офицер КР II р. «Вестник» (1892–1893), КР I р. «Владимир Мономах» (1893–1895). Командир КР II р. «Опричник» (1895–1897), МКЛ «Гиляк» (1897–1898), ББО «Вещун» (1898–1899), ПХ «Геок-Тепе» (1899–1901), ББО «Кремль» (1902–1903). Командир Ревельского полуэкипажа (1903–1906). С 1906 г. в отставке. В период Первой мировой войны — командир госпитального судна «Вперед», потопленного на Черном море германской ПЛ U38; погиб с кораблем. С. 87.

Вилькицкий Борис Андреевич (09.03.1885—06.03.1961), контр-адмирал (16.10.1919). Сын генерала Корпуса гидрографов (25.02.1913) А.И. Вилькицкого (01.06.1858—26.02.1913). Окончил МК (1902), гидрогр. отделение НМА (1908). Участник обороны Порт-Артура (1904). Старший офицер КЛ «Грозный» (1910). Флагманский штурманский офицер штаба командующего Морскими силами БМ (1912–1913). Командир ТР «Таймыр» (1913–1915), одновременно — помощник начальника гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. В ходе плавания была открыта Земля Императора Николая II (ныне Северная Земля). За отличие произведен во флигель-адъютанты (20.03.1914). Командир ЭМ «Летун» (1915–1917). В период Гражданской войны занимался гидрографическими исследованиями на Севере, в эмиграции с 1926 по 1928 г. работал в Бельгийском Конго. Умер в Брюсселе, в 1996 г. прах перенесен на Смоленское православное кладбище в С.-Петербурге. С. 98.

Витгефт Владимир Вильгельмович (21.11.1884—1917), капитан 1 ранга (08.09.1915, старшинство с 14.04.1914). Отец: контр-адмирал В.К. Витгефт (02.10.1847—28.07.1904), участник обороны Порт-Артура, погиб в сражении в Желтом море; брат Александр (28.07.1879—29.08.1965), капитан 2 ранга, умер в Германии. Окончил МК (1904), АОК (1908), основной (1913) и дополнительный (1914) курсы ВМО НМА. За отличия при обороне Порт-Артура награжден шестью орденами и чином лейтенанта; дважды ранен. Участвовал в спасении жителей разрушенного землетрясением итальянского города Мессина (1908). По данным А.Е. Иоффе, А. Чижова и ряда других отечественных историков, убит матросами в Кронштадте. Эмигранты же писали, что он умер в апреле 1917 г. от последствий старых ранений. С. 73.

Воеводский Степан Аркадьевич (22.03.1859—18.08.1937), адмирал (06.12.1913). Сын адмирала А.В. Воеводского (1813–1879). Окончил МК (1878), кораблестр. отделение (1884) и ВМО (1903) НМА. Командир МКЛ «Храбрый» (1899–1901), УС «Верный» (1901–1903), КР «Герцог Эдинбургский» (1904–

1906). Начальник НМА, директор МК (1906–1908). Товарищ морского министра (1908–1909), морской министр (08.01.1909–18.03.1911). Член Государственного Совета (с 18.03.1911). Уволен от службы (21.10.1917). Умер в Виши, погребен в Ницце. С. 8, 48, 87, 88.

Воейков Михаил Павлович (01.11.1853–?), капитан-лейтенант при отставке (06.04.1884). Участник революционного кружка в МК (в 1871–1872). Окончил МК (1874). Совершил кругосветное плавание на корвете «Баян» и клипере «Гайдамак» (1874–1879). В 1880 г. служил в Тихом океане флаг-офицером командующего отдельным отрядом судов, пытался покончить с собой. В 1882 г. переведен с Тихого океана на Каспий, в 1883 г. — в Балтийский флот. С. 13.

Войневич Дмитрий Николаевич (15.11.1895–?), лейтенант (дата неизвестна). Окончил МК (1915). Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах (ВСЮР, КР «Алмаз»). Скончался в эмиграции. С. 99.

Воробьев А.Н. В 1913 г. — инженер-механик капитан 2 ранга, преподаватель паровой механики в МК. — Вероятно, имеется в виду Воробьев Павел Васильевич (23.12.1878–?), инженер-механик капитан 1 ранга (30.07.1916). Окончил МИУ (1898), механич. отделение НМА (1908). И.д. судового механика мин. «Властный», участник обороны Порт-Артура, кавалер трех боевых орденов. Штатный преподаватель МК (14.04.1914 — 1917), одновременно наблюдающий по механической части за постройкой кораблей в БМ (1913–1917). С. 141, 143.

Ворожейкин (?–?). В 1913 г. — штатный преподаватель химии в МК. С. 127.

Ворожейкин Сергей Николаевич (19.01.1867–26.03.1939), вице-адмирал (13.10.1935, произведен великим князем Кириллом Владимировичем). Окончил МК (1886), АОК (1899). Старший офицер КР I р. «Генерал-Адмирал» (1904), УС «Герцог Эдинбургский» (1904–1906). Командир УС «Крейсер» (1906–1907), ЭМ «Туркменец-Ставропольский» (1907–1909). Начальник 1-го дивизиона миноносцев БМ (1909–1911). Командир КР «Богатырь» (1911–1912), КР «Россия» (1912–1914). Председатель комиссии по постройке Морского кадетского корпуса в Севастополе (с 1914), директор этого корпуса (с 1916). В 1918 г. — начальник штаба Главного командира портов северо-западной части ЧМ. В 1919 г. назначен директором Морского корпуса в Севастополе; в Бизерте — председатель экзаменационной комиссии в корпусе, заведующий морским обучением воспитанников корпуса. Скончался в Бизерте. С. 136, 216.

Воронцов-Вельяминов Сергей Иванович (25.09.1883–18.12.1904), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Убит шрапнелью на Митрофаньевской горке при защите Порт-Артура (командир десантной полуроты). Исключен из списков (17.01.1905). С. 73, 76.

Из писем его однокашника Д.И. Дарагана: 02.04.1904 г. — «Воронцов должен быть очень хорош на миноносце. Он страшно спокоен, почти мешковат»;

23.12.1904 г. — «Бедный Воронцов. Когда его миноносец взорвало, он пошел на берег. Раньше ему везло. Одна пуля сбила кокарду, другая пробила бинокль на груди, третья же его положила» (РГАВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 201. Л. 33, 167).

Всеволожский 4-й Петр Андреевич (07.01.1884—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Император Александр III» (1904—1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (20.06.1905). С. 73.

Вуколов Семен Петрович (24.08.1863—?), действительный статский советник (06.12.1911). В службе с 1891 г. Старший помощник начальника Научно-технической лаборатории морского ведомства (1904—1917), преподаватель химии и курса взрывчатых веществ в МК. С. 143.

Вульф 1-й Павел Николаевич (16.01.1843—1909), вице-адмирал при отставке (16.10.1906). Окончил МК (1862). Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Командир ПХ «Родимый» (1878), ШХ «Абин» (1883—1884) и «Келасуры» (1884—1885), монитора «Тифон» (1885), клипера «Разбойник» (1886—1890), КР I р. «Рюрик» (1891—1894), «Адмирал Корнилов» (1894—1895), командир Ревельского порта и директор маяков и лоции БМ (1899—1906). Его сын Владимир (23.10.1880—31.03.1904), МК (1899), лейтенант (06.12.1903), погиб в Порт-Артуре на ЭБР «Петропавловск». С. 115.

Гадд 1-й Георгий Оттович (14.01.1873—30.06.1952), контр-адмирал (13.03.1930, произведен великим князем Кириллом Владимировичем; такие производства не признавались большинством военно-морских организаций). Сын выпускника МК (1849), капитана 2 ранга в отставке, позднее генерал-лейтенанта (1893) О.Ф. Гадда (1831—1898). Окончил МК (1894). Участвовал в заграничных плаваниях на ЭБР «Император Александр II» (1896), КР «Адмирал Корнилов» (1896—1897), КР I р. «Рюрик» (1897—1899). В 1902—1904 гг. служил на КР II р. «Боярин» и других судах эскадры Тихого океана. Участвовал в обороне Порт-Артура: командир миноносцев «Сильный» (10.06 — 01.10.1904) и «Бойкий» (01.11—07.11.1904); в плену (22.12.1904 — 01.04.1905). Командир ПХ «Скаттуден» (1905—1908), миноносца «Прочный» (1908—1909), ЭМ «Разящий» (1909—1910), ТР «Хабаровск» (1911—1912), ЭМ «Сибирский стрелок» (1913—1914). Начальник 3-го (1914—1915), 7-го (1915) дивизионов эсминцев БМ. Командир ЛК «Андрей Первозванный» (1915—1917). Командующий 2-й бригадой ЛК БМ (.04—07.1917). В резерве чинов министерства с 21.07.1917, уволен от службы 29.01.1918. За участие в русско-японской войне удостоен трех боевых орденов, за Первую мировую — еще одного и Георгиевского оружия. Умер в Копенгагене. С. 58.

Галанин Валерий Иванович (24.01.1865—18.03.1915), контр-адмирал (24.03.1915). Окончил МК (1886). Командир мин. № 213 (1903—1904). Старший офицер ЭБР «Слава» (1904—1907). Командир УС «Верный» (1908—1911), УС

«Рында» (1911), ЛК «Евстафий» (07.12.1911 — 18.03.1915). Участник Первой мировой войны. Умер в Севастополе, исключен из списков (30.03.1915). С. 92.

Ганенфельдт Николай Владимирович (24.03.1893—?). Обучался в Александровском КК (1906–1909), окончил МК (1914 I). Служил на ЛК «Цесаревич» вахтенным начальником, затем 2-м минным офицером (1914–1917), участвовал в Моонзундском сражении. Минный специалист ЭМ «Капитан Белли» (1918), слушатель минного отдела соединенных классов (1918–1919; 1920–1921), не окончил за расформированием классов. Помощник портового минера Нижегородского военно-морского порта (1919–1920). Минный специалист ПЛ «Тур» (1921–1922), помощник командира той же ПЛ (1922). В июле 1922-го уволен от службы по болезни. С 1922 г. — помощник начальника учебного отдела Военно-морского подготовительного училища, с 1925 г. — заведующий учебной частью Параллельных классов при ВМУ, с 1926 г. — помощник начальника учебного отдела ВМУ. И.д. начальника (с 1932), начальник (с 1933) учебно-технического отдела ВМУ. Начальник учебного отдела ВМУ в эвакуации (1943–1944). Умер в Ленинграде после войны. С. 81, 85, 118, 119, 121, 129, 131, 150, 152, 153, 161.

Гаррисон Генрих Иванович (1835—?), действительный статский советник в отставке (1898). Британский подданный. Прибыл в Россию в 1851 г. и сдал экзамен в С.-Петербургском университете на звание домашнего учителя английского языка, со следующего года принят в МК учителем английского. В 1854 г. по экзамену получил свидетельство на звание учителя английского языка и литературы в гимназиях. В 1857 г. поступил на государственную службу учителем английского при Главном немецком училище Св. Петра, в 1861 г. определен в МК на такую же должность. В том же году уволен по прошению от службы в училище евангелической церкви Св. Петра, в 1868 г. переведен за штат в МК, а в 1870 г. уволен в отставку. В 1876 г. вновь поступил в МК штатным преподавателем, на следующий год стал также преподавателем английского в Технологическом институте. В отставке по болезни (1881–1883). Вновь преподаватель МК (1883–1898). С. 40.

Гейден Георгий Александрович, граф (18.12.1893–1919), мичман (27.08.1915). Сын вице-адмирала (1916) графа А.Ф. Гейдена (1859—?). Окончил МК (1915), произведен в офицеры на месяц позднее товарищей. Участвовал в Гражданской войне на Севере, попал в плен к красным, расстрелян в Холмогорах. С. 121.

Гельцер Ф.И. (?–?). Артист балета, в течение нескольких десятилетий конца XIX — начала XX в. — преподаватель танцев в МК. С. 43, 44, 150.

Герасимов (?–?). В 1909 г. — боцманмат⁵ в МК. С. 81.

Герашеневский Зиновий Николаевич (30.10.1858 — ?), полковник по Адмиралтейству при отставке (24.12.1907). Гардемарин (1881), произведен в офицеры (1882).

Младший (с 18.10.1891), старший (03.06.1895—01.07.1902) отделенный начальник МК. Зачислен на службу по Адмиралтейству (20.09.1900) капитаном со старшинством с 01.01.1895. Помощник начальника (1902—1904), и.д. начальника (1904—1906), начальник (1906—1907) приморского торгового порта в г. Мариуполе. С. 68.

Геринг (Гверинг) Павел Петрович (?—?), генерал-майор при отставке (1875). Окончил МК (1841). Служил в БФ, в 1849 г. прикомандирован к МК, в 1850 г. зачислен в штат; с 1860 г. командовал 1-й кадетской ротой. С. 39.

Геркен 1-й Алексей Федорович (23.06.1875—14.05.1905), лейтенант (18.04.1899). Сын адмирала Ф.А.Геркена (1835—1906). Окончил МК (1894). В 1897—1899 гг. служил на КР II р. «Крейсер». Старший минный офицер ЭБР «Бородино», погиб в Цусиме. Исключен из списков (27.06.1905). С. 57.

Гернет 2-й Владимир Викторович, фон (23.03.1885—1919), старший лейтенант (01.01.1915). Окончил МК (1905). Младший отделенный начальник МК (17.08.1909—30.11.1914), затем и.д. члена временной строительной комиссии для наблюдения за постройкой МК в Севастополе. Начальник штаба Речных сил ВСЮР, умер от сыпного тифа в Новочеркасске. С. 80, 92, 98.

Гирс 3-й Сергей Иванович (08.08.1884—1911), лейтенант (06.12.1907) в отставке (04.10.1910). Окончил МК (1904). Умер от тифа. С. 73.

Гладкий 2-й Сергей Владимирович (08.07.1886—23.02.1966), старший лейтенант за отличие (30.07.1916). Окончил МК (1907). Вся служба прошла на Черном море; в годы Первой мировой войны служил в Минной бригаде, участвовал во взятии Трапезунда (1916). Участник Гражданской войны. С 1924 г. проживал в США. Член Общества бывших русских морских офицеров в Америке, председатель общества (1938) и его исторической комиссии, первый редактор журнала «Морские записки» (1943—1946). Скончался в Нью-Йорке. С. 69—77.

Головизнин 1-й Константин Семенович (09.04.1870—?), капитан 2 ранга (06.12.1906). Окончил МК (1891). Служил на Черном море — старший офицер ЭБР «Двенадцать Апостолов» (1906—1907), УС «Днестр» (1907—1908), командир мин. «Стремительный» (1908—1910), ЭМ «Капитан-лейтенант Баранов» (1910—1912). Севастопольским военно-морским судом приговорен к исключению из службы и заключению в крепости на год и четыре месяца за растрату казенных денег (28.06.1912). Два его брата также были морскими офицерами: Николай (01.03.1877—26.02.1904), МК (1897), лейтенант (14.04.1902), минный офицер легендарного «Стерегущего»; Владимир (13.03.1880—02.11.1939), МК (1900), капитан 1 ранга, участник Первой мировой и Гражданской войн, скончался в эмиграции в Нью-Йорке. С. 53.

Головнин 2-й Дмитрий Сергеевич (17.09.1884—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Князь Суворов»

(1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (20.06.1905). С. 73.

Горский Николай Николаевич (03.12.1898–?). Переведен в младший общий класс МК по конкурсу аттестатов из Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса (09.09.1913). Проживал в СССР. Будучи репрессированным, провел 18 лет в различных лагерях и поселениях, в том числе на Соловках. В 60-е гг. написал ряд научно-популярных книг по океанографии. В 1970-е гг. жил в Москве. С. 173.

Граф 1-й Гаральд Карлович (29.12.1885–25.03.1966), контр-адмирал (1939; произведен великим князем Владимиром Кирилловичем). Окончил МК (1904). На ТР «Анадырь» участвовал в Цусимском сражении. Минный (1914–1916), старший офицер (1916–1917) ЭМ «Новик». В эмиграции — начальник политической канцелярии великого князя Кирилла Владимировича (с 1924). Автор воспоминаний «Моряки» (Париж, 1930; СПб., 1997) и «На «Новике»» (Берлин, 1922; СПб., 1998). С. 8, 59, 68, 75, 76, 156.

Гризар Иван Львович (1852–?), действительный статский советник (18.04.1910). В службе с 1880. Штатный преподаватель французского языка в МК с 30.09.1894. В начале 20-х гг. по-прежнему преподавал в ВМУ. С. 81, 104, 175.

Григорович 2-й Василий Константинович (22.12.1853–07.06.1893). Окончил МК (1876), краткий курс по минному делу МОК (1889). Плавал на ФР «Князь Пожарский», германском ПХ «Цимбрия» (переход в Америку для приема кораблей), КР «Азия». Вахтенный офицер, затем ревизор корвета «Витязь» (1880–1884) во время перехода на Дальний Восток и плаваний в Тихом океане; списан по болезни в Россию. Служил на броненосной лодке «Смерч» (1885), ФР «Адмирал Лазарев» (1886–1888). С 1889 г. командовал миноносной № 154. Погребен в Ревеле. Младший брат адмирала И.К. Григоровича. С. 40.

Григорович Иван Константинович (26.01.1853–03.03.1930), адмирал (27.09.1911). Окончил МК (1874). Командир КР «Разбойник» (1895), ББО «Броненосец» (1895–1896), минного крейсера «Воевода» (1896). Морской агент в Англии (1896–1898). Командир ЭБР «Цесаревич» (1899–1904). Участник обороны Порт-Артура, командир порта Артур (28.03.1904–21.12.1904). Начальник штаба ЧФ и портов ЧМ (1905–1906). Командир порта Императора Александра III (1906–1908). Главный командир флота и портов и начальник Морской обороны Балтийского моря и военный губернатор Кронштадта (01.10.1908–31.01.1909). Товарищ морского министра (с 09.02.1909). Морской министр (19.03.1911–31.03.1917). Член Государственного Совета (с 01.01.1914). В отставке с 31.03.1917. Эксперт Военно-морской исторической комиссии по использованию опыта мировой войны (1920). Преподавал морскую практику в Учебном управлении Морского штаба Республики (1922). В 1923 г. выехал на лечение во Францию, умер в Ментоне. Брат В.К. Григоровича. С. 40, 106, 116, 150, 152, 167, 208.

Гринев Иван Николаевич (08.07.1897—?), воспитанник МК. Зачислен в младший общий класс 09.09.1913 приказом за № 173 (переведен по конкурсу аттестатов из Донского императора Александра III кадетского корпуса). В период Первой мировой войны перевелся в одно из военных училищ. С. 190.

Гросман 2-й Леонид Александрович (08.12.1867—?), флота генерал-майор за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1888), ШОК (1890), МОК (1892), Археологический институт (1910). В МК — младший (с 07.02.1900), старший (11.09.1906) отделенный начальник, ротный командир (24.11.1908—06.04.1909), затем до 1918 г. — штатный преподаватель минного дела. В 1909—1911 гг. одновременно являлся начальником 10-го резервного дивизиона миноносцев БМ. Во время летних кампаний обычно являлся флагманским минным офицером штаба начальника учебного отряда МК (1908, 1911—1914). В советское время продолжал службу в ВМУ. С. 123, 132, 161, 162, 205.

Грундштрем Георгий Иванович (22.08.1842—?), полковник по Адмиралтейству (1890) в отставке (1895). Окончил МК (1861). В МК: младший (1872—1874), старший (1874—1875) отделенный начальник, командир роты (1875—1895). До 1889 г. плавал на судах МК. С. 39, 40.

Гуляницкий Николай Степанович (1856—?), воспитанник МК (1872—1875). Уволен по собственному желанию, в том же году поступал в Горный институт. С. 43, 44.

Деларов (?—?). В 1912—1913 учебном году — кадет МК, затем перешел в Пажеский корпус. С. 121.

Де-Ливрон 3-й Мартын Борисович (20.09.1881— .11.1926), капитан 2 ранга (06.12.1916). Окончил МК (1903), АОК (?). Вахтенный офицер КР I р. «Адмирал Нахимов», участник Цусимского сражения. В 1912 г. — старший арт. офицер КР «Россия», затем наблюдающий по арт. части в Комиссии для наблюдения за постройкой кораблей в БМ. Скончался в Нью-Йорке. С. 111.

Денисов Михаил Константинович (12.09.1892—?), мичман (13.10.1914). Обучался в МК, переведен в юнкеры флота по морской части, 24.07.1914 произведен в корабельные гардемарины, затем, по экзамену, в мичманы. Участник Первой мировой войны. Вахтенный начальник ЛК «Слава» (1917). Флаг-секретарь штаба Бригады ЛК БФ (1918). Старший помощник командира КР «Баян» (1919—1920), ЛК «Гангут» (1921). С 1922 г. — помощник заведующего классами ВМУС. С. 129, 140.

Диков Иван Михайлович (17.07.1833—30.09.1914), адмирал (06.12.1905), генерал-адъютант (14.05.1906). Юнкер флота (1854), гардемарин (1855). Командир ПХ «Прут» (1870—1871). Помощник директора черноморских и азовских маяков (1871—1877). Участник русско-турецкой войны, начальник отряда Нижне-Ду-

найской флотилии (1877–1878). Заведующий минной частью ЧФ (1881–1885). Командир фрегата «Дмитрий Донской» (1885–1886). И.д. Главного инспектора минного дела (1886–1892). Младший флагман (1890), командующий (1893–1896) Практической эскадры ЧМ. Председатель МТК (1897–1901). Член Адмиралтейств-совета (1898–1907). Морской министр (11.01.1907–09.01.1909). Член Государственного совета (1909–1914). Умер в Петрограде, погребен во Владимирском соборе в Севастополе. С. 87.

Дитман Иван Владимирович (23.08.1884–1912), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Уволен в запас (02.04.1907). С. 73.

Добровольский 1-й Кирилл Романович (06.06.1854–15.02.1907), контр-адмирал при отставке (24.04.1906). Участник революционного кружка в МК (в 1872). Окончил МК (1874), МОК (1888). В 1876–1886 гг. служил на Дальнем Востоке. Старший офицер монитора «Стрелец» (1890). Командир шхуны «Бакан» (1890–1891), КЛБО «Бурун» (1892–1895). Старший офицер ББО «Адмирал Грейг» (1895), КР II р. «Забияка» (1895–1896), МКЛ «Манджур» (1896–1897). Командир ТР «Тунгуз» (1897–1898), МКЛ «Бобр» (1898–1900). В период подавления восстания ихэтуаней в Китае был старшим из командиров международного отряда на р. Пейхо, участвовал в штурме фортов Таку (Дагу) в ночь на 04.06.1900. Врио младшего флагмана эскадры Тихого океана (25.07 – 09.09.1900), участвовал во взятии Бейтана (07.09.1900). Командир 1-го (1901), 2-го (1902–1904) флотских экипажей, ББО «Не тронь меня» (1901–1904). Погребен в Десятинском Богородицком Рождественском женском монастыре в Новгороде. С. 13, 25.

Доможиров Александр Михайлович (21.07.1850–25.02.1902), контр-адмирал за отличие (06.12.1901, со старшинством с 01.04.1901). Окончил МК (1870), после чего гардемаринном участвовал в кругосветном плавании на клипере «Изумруд» (до 1874). Окончил гидрографич. отделение НМА (1876). Служил на клипере «Джигит» (1877–1883), после чего наблюдал за постройкой мин. «Геленджик» (Тулон, 1882–1883). Морской агент в Германии (1884–1888). Старший офицер КР «Адмирал Нахимов» (1889–1890), командир КР II р. «Забияка» (1892–1894). В ГМШ: старший делопроизводитель (1891–1892; 1894), начальник военно-морского учебного отдела (1894–1896). Командир КР I р. «Россия» (1896–1900). Участвовал в подавлении восстания ихэтуаней в Китае (1900–1901), награжден золотым оружием. Член конференции НМА (1895–1902), начальник НМА и директор МК (01.04.1901–25.02.1902), командующий Учебным отрядом МК (1901). Скончался в СПб, исключен из списков 04.03.1902. С. 76.

Дориан Виктор Карлович (26.08.1893–06.1920), мичман (30.07.1915). Окончил МК (1915). В 1917 г. — и.д. адъютанта МК. Служил в РККФ. Скончался, исключен из списков (15.06.1920). С. 205.

Драценфельс Курт Эдгарович, фон, барон (14.12.1889–?), лейтенант (06.12.1916). Окончил МК (1911). В 1913 г. — вахтенный начальник КР «Олег»,

переведен на КР «Громобой». Участник Первой мировой войны, в 1919 г. служил у белых во Владивостокском порту. Умер в эмиграции. С. 134.

Дрешер Яков Матвеевич (?–16.03.1876), капитан 1 ранга (1870). В 1844 г. поступил из вольноопределяющихся на службу в 1-й Финский флотский экипаж квартирмейстером, переименован в юнкера (1845), произведен в мичманы (1847). Участвовал в Крымской войне (оборона Свеаборга (1854), состоял в отряде КЛ, 1855). Командир ФР «Кастор» (1861–1864), винтового ФР «Громобой» (1864–1866), с 1866 г. — ФР «Светлана» и «Дмитрий Донской». В 1869–1870 гг. — командир отряда судов Черноморской флотилии, с 1870 г. капитан 1 ранга. В 1873 г. являлся членом комиссии для разработки нового положения о воинской повинности. С 1875 г. начальник отряда судов МК. С. 31.

Дриженко 1-й Александр Кириллович (30.08.1854–?), контр-адмирал при отставке (10.04.1906). Окончил МК (1876). Служил на Черном море: командовал мин. «Ялта» (1888–1893), являлся старшим офицером МКР «Гридень» (1893–1894), «Капитан Сакен» (1894), ПХ «Эриклик» (1895–1896) и ЭБР «Двенадцать Апостолов» (1896–1898), командовал ТР «Казбек» (1898), ПХ «Эриклик» (1898–1900), МКЛ «Кубанец» (1900–1901). Флаг-капитан штабов старших флагманов Практической эскадры Черного моря (1903) и Черноморской флотской дивизии (1903–1904). Командир 29-го флотского экипажа и ЭБР «Екатерина II». Старший брат известного гидрографа, исследователя оз. Байкал Федора Кирилловича Дриженко (22.04.1858–16.04.1922), выпускника МК (1877), генерала Корпуса гидрографов при отставке (08.05.1917). С. 41.

Дубенко Афанасий Николаевич (31.03.1883–1906 (1907?)), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Исключен из списков (08.01.1907). В книге А.Г. Тарсаидзе «Морской корпус за четверть века. 1901–1925» (Нью-Йорк, 1944. С. 51) указано: «Убит Сикорским в 1905 г.». С. 73.

Дурново 1-й Павел Петрович (23.07.1874–22.01.1909), капитан 2 ранга за отличие (20.05.1905). Окончил МК (1893). В 1903–1904 и 1905–1908 гг. — адъютант генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича. Командир миноносца «Бравый» (1904–1905), после Цусимского сражения прорвался во Владивосток. Командир канонерской лодки «Хивинец» (1909). Скончался в г. Пирей (Греция), погребен в СПб. В память капитана 2 ранга П.П.Дурново в МК учреждена ежегодная премия его памяти в размере 500 руб. (16.12.1909). С. 130, 162.

Дуров Владимир Андреевич (29.09.1883–1936 (1937?)), старший лейтенант (06.12.1915). Окончил МК (1904). В годы Первой мировой войны — командующий мин. № 215 (1915–1916), «Прочный» (1916–1917), старший офицер МЗ «Волга» (1917). В 1920–1921 гг. служил вахтенным начальником, затем старшим офицером, командиром посыльного судна «Китобой» при переходе из Ревеля на Черное море, а затем в Бизерту. Умер в эмиграции. С. 73.

Дюбриель-Эшапар Александр Владимирович (16.08.1852—?). Окончил МК (1875). С. 17.

Епанчин Алексей Павлович (09.02.1823 — 23.06.1913), генерал по Адмиралтейству (01.01.1904), переименован в адмиралы при отставке (18.12.1909). Окончил МК (1841), Офицерский класс (1845). Прикомандирован к МК для преподавания астрономии и навигации (1845), зачислен в штат (1846); помощник инспектора классов (1851–1855), командир гардемаринской роты (1855–1860), инспектор классов (с 15.02.1860), и.д. директора (с 08.11.1871), директор МК (08.04.1873–27.06.1882), начальник НМА (28.01.1877–27.06.1882). Член Комитета морских учебных заведений (1882–1887), состоял при генерал-адмирале великом князе Алексее Александровиче (1904–1908). Погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. С. 7, 21, 23, 25, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 47.

Из воспоминаний академика А.Н. Крылова: «Епанчин почти всю свою службу провел в Морском училище, сперва как преподаватель математики и морских наук, затем долгое время был инспектором классов и с 1876 г. (с 1871. — А.Е.) начальником училища. В общем, воспитанники его любили, прозвище ему было «папаша», он был доступен и часто прощал проступки, в особенности хорошо учившимся. [...] Епанчин часто заходил в классы на уроки математики, навигации, астрономии, предлагал вопросы, иногда давал пояснения, и мы видели, что он отлично владеет этими предметами...» (*Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С. 63, 65*). По его мнению, «общее направление преподавания при Епанчине было: “как можно меньшему учить, как можно большему учиться самим”» (Там же. С. 64).

Еремеев Михаил Александрович (30.12.1880—?), подполковник Корпуса корабельных инженеров за отличие (06.12.1913). Окончил МИУ, кораблестроит. отделение НМА (1906). С 1908 г. служил на Адмиралтейском суд. заводе. В 1913–1914 гг. — преподаватель теории корабля в МК. С. 141, 142.

Ермолаев Платон Иванович (02.11.1832—06.03.1901), вице-адмирал (28.03.1893). Окончил МК (1849). В 1849–1854 гг. плавал на судах БФ, в 1854–1855 гг. командовал батареей при обороне Свеаборга, награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й ст. с мечами. Служил на ПХ «Ижора» (1857–1859), ФР «Олег» (1860–1865). Старший офицер ФР «Александр Невский» (1867–1868). Командир корвета «Варяг» в отряде судов МК (1870–1884), броненосного фрегата «Адмирал Лазарев» (1885–1886), 7-го флотского экипажа (1886). Врио начальника ГМШ (1887). Командир Владивостокского порта (1888–1893), военный губернатор Владивостока (1888), младший флагман Тихоокеанской эскадры (1889–1892). Погребен в СПб. на Смоленском православном кладбище. С. 30.

Есаулов Алексей Алексеевич (18.02.1865—?), флота генерал-майор (1913) в отставке (23.03.1915). Окончил МК (1886). В МК: младший (29.04.1896–07.07.1903), старший (07.07.1903–20.02.1906) отделенный начальник, ротный

командир (20.02.1906–28.09.1909), заведующий строевой и хозяйственной частями (28.09.1909–23.03.1915). В отставке по болезни. С. 87, 144.

Житков Константин Георгиевич (19.09.1883–1918 (1919?), капитан 2 ранга за отличие (10.04.1916). Окончил МК (1904), МОК (1907). На КР I р. «Аскольд» участвовал в обороне Порт-Артура (1904). С 1910 г. — сотрудник комиссии по описанию действий флота в русско-японскую войну. Главный редактор журнала «Морской сборник» (1912–1917). В 1917 г. — начальник распорядительного отдела ГУЛИСО. Погиб во время Гражданской войны в Ростове-на-Дону. Автор ряда исторических трудов, в том числе биографий адмиралов Г.И. Бутакова, С.О. Макарова, Н.О. фон Эссена. С. 73.

Жолкевич Георгий Михайлович (19.04.1884–14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный начальник ЭБР «Бородино» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (27.06.1905). С. 73.

Жуковский Григорий Иванович (23.03.1884–14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Князь Суворов» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (20.06.1905). С. 73.

Забудский Константин Григорьевич (28.11.1871–?), капитан-лейтенант (11.06.1907) в отставке (07.01.1908). Окончил МК (1894). С. 58.

Завадовский Игорь Александрович (01.07.1898–?), воспитанник МК. Зачислен по экзамену в младший общий класс (05.09.1913). С. 175, 176.

Завалишин 1-й Александр Евгеньевич (02.03.1867–08.04.1936), флота генерал-майор (06.12.1915, старшинство в чине с 30.07.1915). Окончил МК (1887), гидрогр. отдел НМА. Участвовал в исследовании Тихого океана, по желанию С.О. Макарова один из мысов назван мысом Завалишина. В МК: младший (с 02.09.1902), старший (26.07.1904) отделенный начальник, ротный командир (02.10.1906–1917). Прозвище — Мотор. В 1918–1919 гг. преподавал математику в Симферопольской гимназии, затем зачислен в Морской кадетской корпус в г. Севастополе (с 20.10.1919). Умер в Тунисе. С. 105, 159.

Загорянский-Кисель Андрей Сергеевич (18.08.1858–?), контр-адмирал (03.01.1911). Окончил МК (1878). Старший офицер МКР «Гайдамак» (1896–1897), КР I р. «Адмирал Корнилов» (1897–1898). Командир КЛБО «Ерш» (1898–1901), МКР «Всадник» (1901–1902), МКЛ «Гремящий» (1902–1903), 2-го флотского экипажа (1905–1908), КР «Россия» (1907–1909), 2-го Балтийского флотского экипажа (1909–1911). Командир порта императора Александра III (Либавя). В первые дни войны, действуя согласно инструкции, уничтожил порт, хотя никакой угрозы ему не было; уволен в отставку. С. 137.

Заев Алексей Николаевич (09.03.1881—04.12.1966), контр-адмирал (14.04.1920). Окончил МК (1902), АОК (1907). По окончании МК служил в УАО БФ. Участник обороны Порт-Артура, ранен в голову (с потерей глаза) и в руку на мин. «Выносливый» во время боя с японскими миноносцами в ночь на 26.02.1904. Младший (с 17.08.1909), старший (02.08.1912—1914) отделенный начальник МК. В период Первой мировой войны на ЧМ — старший офицер яхты «Алмаз» (1914—1915), ЛК «Три Святителя» (1915—1916). В годы Гражданской войны служил в белой Волжской флотилии (командующий с июня 1919), являлся начальником авиации в Севастополе, с февраля 1920 г. — и.о. начальника штаба ЧФ. Командуя ТР «Самара», участвовал в переходе в Бизерту. С 1922 г. проживал в США. Скончался в Нью-Йорке. С. 106.

Зайцевский Игорь Николаевич (06.05.1892—18.05.1979), лейтенант (дата неизвестна). Учился вместе с А.П.Белоборовым, но окончил МК на полгода позже, видимо, оставшись на второй год (1914 II). Участник Первой мировой войны, морской летчик (1916). Служил в Красной армии, 11.04.1918 г. перелетел к финнам. После Гражданской войны — в эмиграции. Умер в Стокгольме. С. 81, 121.

Залесский 2-й Владимир Иванович (06.07.1883—?), капитан 2 ранга (06.12.1915). Окончил МК (1902), АОК (1904). В качестве младшего арт. офицера ЭБР «Сисой Великий» участвовал в Цусимском сражении, затем находился в японском плену (1905—1906). В 1913 — старший арт. офицер КР «Олег». Находился в прикомандировании к МГШ (1913—1914), затем в Германии являлся старшим офицером строящегося КР «Муравьев-Амурский» (1914). После начала войны служил на Балтике — старший офицер ЭМ «Москвитянин» (1914—1915), «Легкий» (1915), командир ЭМ «Легкий» (1915—1916), ЭМ «Сибирский стрелок» (1917). С. 133, 134.

Зарудный Александр Викторович (27.08.1874—не ранее конца 1917), капитан 1 ранга (06.04.1914, старшинство в чине с 06.12.1913). Окончил МК (1894). В качестве старшего арт. офицера КР I р. «Олег» участвовал в Цусимском сражении 14—15.05.1905. Старший офицер ЭБР «Евстафий» (1907), ЛК «Ростислав» (1907—1908). Командир мин. «Сметливый» (1908—1909), яхты «Колхида» (1909—1910), ЭМ «Жуткий» (1910), ЭМ «Беспокойный» (1913—1915), начальник 2-го дивизиона ЭМ ЧМ (1915—1916), командир ЛК «Синоп» (1916—1917). Застрелен во время революции. С. 58.

Зеленецкий Ростислав Дмитриевич (31.10.1865—18.11.1928), контр-адмирал «за отличную ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны» (30.07.1915). Окончил МК (1886). Служил в Гвардейском экипаже. Старший офицер имп. яхты «Штандарт» (1903—1907), командир ЭМ «Войсковой» (1907—1910), КР «Олег» (1912—1913), имп. яхты «Штандарт» (1913—1917). Скончался в эмиграции в Белграде. С. 117.

Зенилов Николай Исаакович (28.11.1874—01.08.1904), лейтенант (06.12.1898). Окончил МК (1894). Флаг-офицер при младшем флагмане прак-

тической эскадры ЧМ (1896). Участвовал в заграничных плаваниях на МКЛ «Донец» (1898–1899), КР I р. «Рюрик» (1902–1904). В бою с японской эскадрой контр-адмирала Камимуря первоначально был старшим минным офицером, затем заменял раненых старшего офицера Н.Н. Хлодовского и командира Е.А. Трусова; смертельно ранен в голову в боевой рубке. С. 57, 59.

Зернин Николай Владимирович (11.11.1894–?), лейтенант (06.12.1916). Окончил МК (1914 I). Брат известного в эмигрантской среде писателя-мариниста старшего лейтенанта Александра Зернина (31.01.1891–11.03.1962), выпускника МК (1911). С. 86, 94, 138, 139.

Зотов Рафаил Владимирович (11.09.1848–16.09.1893), подполковник по Адмиралтейству (1888). Окончил МК (1869), АОК (1880). В 1869–1873 гг. плавал на корвете «Боярин», совершил кругосветное плавание, с 1874 г. командир роты на этом корвете. Участвовал в работе Комиссии по описанию дел Архива Морского министерства. В 1875 г. переведен в Сибирскую флотилию, служил на шхунах «Ермак» и «Манджур». В 1879 г. переведен на БФ, служил на броненосной батарее «Не тронь меня», винтовом корвете «Аскольд» (1880–1881). В 1882 г. временно прикомандирован к Гидрографическому департаменту; помощник редактора (1886–1889), редактор (1889–1893) «Морского сборника». В 1888 г. переведен на службу по Адмиралтейству. Погребен на Волковском православном кладбище в СПб. С. 28, 29.

Зубарев Яков Константинович (14.12.1880–?), капитан 2 ранга (30.07.1916). Окончил реальное училище, в 1902 г. поступил во флот юнкером, 17.05.1904 произведен по экзамену в мичманы. Окончил АОК (1906), ВМО НМА (1911), класс подводного плавания (1916). Младший отделенный начальник (11.10.1911–02.08.1912), затем до 1916 г. адъютант МК, преподаватель истории военно-морского искусства. Командир ПЛ «Змея» (1916–1917). Начальник дивизии ПЛ БФ (1918–1923), отдельного дивизиона ПЛ (с 1923 г.). Член Постоянной комиссии по приему вновь построенных и отремонтированных кораблей (с 1929 г.). С. 121, 137, 141–143.

Зыбин Николай Николаевич (08.11.1835–10.07.1905), генерал-лейтенант по Адмиралтейству (1895). Окончил МК (1854), Офицерский класс МК (1857). Участник обороны Свеаборга. В МК: в прикомандировании (с 1858), штатный преподаватель (с 1868). Автор учебников по девиации и навигации. Член конференции НМА (с 1877). С 1887 г. член Особого отделения по профессиональному образованию Ученого комитета Министерства народного просвещения. С 1895 г. — почетный опекун С.-Петербургского опекунского совета Учреждений императрицы Марии. Скончался в Луге, погребен в СПб. на кладбище Новодевичьего монастыря. С. 40.

Иванов Андрей (?–?). В 1909 г. — кадет МК. С. 86.

Иванов Владимир Давыдович (31.08.1872–?), подполковник по Адмиралтейству за отличие (14.04.1913). Начал службу в ноябре 1899 г. подпоручиком

по Адмиралтейству, спустя полмесяца произведен в мичманы. Смотритель инструментальной камеры и депо карт в Николаеве (1904). В чине лейтенанта находился в запасе (11.12.1906 — 16.07.1907). Младший отделенный начальник МК (17.08.1909—1910). Помощник управляющего Санкт-Петербургской речной полиции с зачислением капитаном по Адмиралтейству с 09.08.1910. С. 92.

Иванов 13-й (с 1904 г. — Иванов-Тринадцатый) **Константин Петрович** (16.05.1872—02.12.1933), контр-адмирал (13.03.1930). Окончил МК (1894). Младший арт. офицер КР I р. «Рюрик», в последние часы боя с японской эскадрой контр-адмирала Камимурэ принял командование кораблем. Находился в японском плену (1904—1906). За проявленное мужество и мастерство получил своеобразную награду — номер старшинства (13) был включен в его фамилию. Старший офицер КЛ «Донец» (1907—1908), УС «Хабаровск» (1908). Зав. отрядом ПЛ Владивостокского порта (1908—1910), начальник дивизиона ПЛ Тихого океана (1910—1912). Командир КР «Жемчуг» (1912—1914), строящегося ЛКР «Измаил» (1915—1916). В 1916 командовал КР «Пересвет» во время его перехода с Дальнего Востока на Север; крейсер подорвался и погиб на mine около Порт-Саида. В эмиграции жил и умер в Лионе (Франция). Его дети также не приняли революцию: Константин (16.02.1894—28.08.1964), кадет МК, умер в эмиграции; Анатолий (16.05.1900—1918), с 1915 г. учившийся в МК, воевал и погиб в составе партизанского отряда полковника В.М. Чернецова. С. 57, 59.

Измайлов 3-й Андрей Арсеньевич (01.07.1884—28.09.1914), лейтенант (06.12.1907). Окончил МК (1904), минный офицер 1 разряда (1911). Электротехник южного района береговых наблюдательных постов и станций БМ (10.10.1912—1913). Старший минный офицер КР «Паллада», торпедированного в Финском заливе ПЛ U26 и погибшего со всем экипажем. С. 73.

Изыльметьев Федор Дмитриевич (05.06.1832—1900), генерал-лейтенант по Адмиралтейству при отставке (14.06.1892), тайный советник (08.09.1892). Окончил МК (1851). Прикомандирован к МК с 1855, ежегодно участвовал в плаваниях с воспитанниками; командир роты в МК (1869—1877). Начальник Технического училища морского ведомства (с 31.08.1886). С. 19, 40.

Иосса Андрей Александрович (13.11.1887—?), лейтенант (06.12.1913). Окончил МК (1908). Служил по Адмиралтейству (1908—1910), затем перешел во флот мичманом. Помощник начальника гидрогр. экспедиции БМ (1910—1912). Летом 1912 г. — вахтенный начальник УС «Воин». В 1912—1914 находился в прикомандировании к МК, затем — младший отделенный начальник МК (01.09.1914—1917). Начальник канцелярии ГУЛИСО (1918). В Училище командного состава флота — делопроизводитель (1919), флаг-секретарь начальника (1920), помощник начальника училища по административно-распорядительной части (1921—1922). Помощник заведующего классами ВМУ (с 1923). С. 108.

Ишеев Петр Петрович, князь (?—1974), полковник. Поступил в МК в 1895 г., после окончания общих классов перешел вольноопределяющимся в кавалергар-

ды; в 1904 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище. Скончался в США. 9, 65–68.

Казанский Алексей Владимирович (25.03.1855–?), тайный советник (06.04.1914). В службе с 1879 г. Старший врач МК (17.11.1908–1918). С. 144.

Казаринов Николай Михайлович (06.12.1882–18.02.1963), капитан 2 ранга за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1904). Служил на Черноморском флоте, в основном на флаг-офицерских должностях. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции проживал в Аргентине, умер в г. Мендоса. С. 73, 77.

Каллистов Николай Дмитриевич (23.04.1883–16.12.1917), капитан 2 ранга за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1904). В 1909 г. прикомандирован к МГШ, с 1912 г. — сотрудник исторического отделения. В годы Первой мировой войны — старший офицер ЭМ «Беспокойный» (1915–1916), «Живой» (1916–1917). Командир ЭМ «Пронзительный» (1917). Расстрелян матросами на Малаховом кургане в Севастополе. Известный историк флота; предполагавшееся в 1918 г. издание собрания трудов не было осуществлено из-за Гражданской войны. С. 73.

Каменев Михаил Михайлович (13.01.1893–29.07.1960), лейтенант. Окончил МК (1914 I), ШОК (?). Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1920 г. — офицер посыльного судна «Китобой» во время известного перехода с Балтики на ЧМ. Проживал в Германии, после окончания Второй мировой войны арестован, в течение 12 лет находился в советских лагерях. В 1957 г. вернулся к семье в ФРГ, где и скончался. С. 150.

Каменьщиков Николай Петрович (07.09.1881–?). В 1910 г. — преподаватель космографии в МК. Штатный преподаватель МК (1916). В советское время — директор Главной физической обсерватории. С. 98.

Канин Александр Васильевич (19.05.1891–?), лейтенант (28.07.1917). Обучался в МК, в 1913 г. из младшего специального класса отчислен за неуспеваемость в юнкера флота, в 1914 г. произведен в офицеры вместе с выпуском МК (1914 I). В 1916 г. служил вахтенным начальником на КР «Варяг». С. 140.

Карпинский Борис Андреевич (09.12.1887–20.04.1921), старший лейтенант за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1908). В 1912 г. — штурман УС «Воин». Участник Первой мировой войны. Расстрелян после Кронштадтского восстания. С. 108, 109, 160.

Карцов Виктор Андреевич (31.01.1868–02.05.1936), вице-адмирал (06.12.1916). Окончил МК (1889). Командир мин. «Кондор» (1901–1902). В 1904 г. — лейтенант, командир мин. «Властный» (1903–1906), отличился при обороне Порт-Артура, был награжден четырьмя боевыми орденами. Командир мин. «Генерал Кондратенко» (1907–1908), УС «Хабаровск» (1908–1910). Мор-

ской агент во Франции, Бельгии, Испании и Португалии (1910–1913). Командир КР «Аврора» (1913–1914). Директор Морского корпуса (и.д. с 17.09.1913, в должности с 03.08.1914). Захвачен толпой 28.02.1917, увезен в тюрьму, уволен в отставку (15.04.1917). Проживал в СССР, в 1930 г. арестован и сослан в Архангельск, где и скончался. Зять морского министра адмирала И.К. Григоровича. С. 144–146, 164, 178, 192, 198–201, 204–209.

Карцов Геннадий Геннадьевич (28.01.1895–20.04.1921), лейтенант (06.12.1912). Окончил МК (1914 I). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Расстрелян после Кронштадтского восстания. С. 176, 177.

Катков Борис Васильевич (14.10.1882–29.04.1917), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1902). Участник обороны Порт-Артура (1904), после капитуляции не покинул команду и находился в японском плену. В 1913 г. — ревизор КР «Олег». Старший офицер КР «Баян» (1915–1917). Застрелился на своей квартире в Петрограде. С. 133, 134.

Качулков Михаил Александрович (20.02.1894–?), лейтенант (06.12.1916). Окончил МК (1914 I). С. 138.

Керн Георгий Федорович (17.12.1864–15.05.1905), капитан 2 ранга (01.01.1904). Окончил МК (1883). Старший офицер КР II р. «Джигит» (1900–1901), «Крейсер» (1901–1902). Командир ПХ «Нева» (1902–1904), мин. «Громкий» (1904–1905). Погиб в Цусимском сражении, исключен из списков (27.06.1905). С. 104.

Китаев Николай Мефодиевич (20.01.1883–?), старший лейтенант за отличие (06.12.1916). Окончил МК (1905). Младший отделенный начальник МК (26.04.1910–1915). В 1913 г. командовал яхтой «Павлик». С. 130.

Клеопин Платон Иванович (23.03.1847–?), генерал-майор по Адмиралтейству при отставке (1902). Окончил МК (1868) и Гимнастическое заведение (1872). В МК: младший отделенный начальник (1874–1880), адъютант (1880–1885), старший отделенный начальник (1885–1891), ротный командир (1891–1902). С. 35.

Из воспоминаний Д.В. Никитина: «Раньше адъютантом училища был Константин (ошибка автора; Константин, брат П.И. Клеопина и также морской офицер, в МК не служил. — А.Е.) Иванович Клеопин, — рассказывает Костя [Головизнин]. — И когда он приказы по училищу сочинял, то почему-то у него все в стихах выходило. Вот на 6 ноября он и написал приказ насчет иллюминации Столового зала:

На все печи
Поставить по двадцать три свечи
Друг против друга,
В виде полукруга.

(*Фокагитов Д.* (Д.В. Никитин). Шестое ноября // Морской журнал. 1931. № 11 (47). С. 15).

Клыков Александр Михайлович (07.08.1874—07.01.1951), контр-адмирал (1919). Окончил МК (1894). Старший офицер МКЛ «Запорожец» (1907—1909). Заведующий обучением в Учебном отряде ЧФ (1913—1915), одновременно командир ЭМ «Лейтенант Шестаков». Начальник 3-го дивизиона ЭМ ЧМ (1915—1916), командир ЛК «Ростислав» (1916), «Императрица Екатерина Великая» (1916—1917), командующий 1-й бригадой ЛК ЧМ (1917—1918). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Скончался в США. С. 57, 58.

Князев Валериан Ильич (04.10.1884—14.08.1914), лейтенант (13.04.1908). Окончил МК (1904), МОК (1910). Командир речной КЛ «Сибиряк» (1908—1909). Непосредственно наблюдающий по минной части и электротехнике за постройкой кораблей в Балтийском море (1914). В начале Первой мировой войны — начальник отделения тральщиков; погиб при подрыве ГЩ «Проводник» на немецкой mine. С. 73.

Князев 3-й Юрий Михайлович (07.06.1884—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Император Александр III» (1904—1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (20.06.1905). С. 73.

Ковалевский Лев Владиславович (01.08.1895—13.04.1934), мичман (30.07.1915, старшинство с 09.06.1915). Окончил МК (1915). Морской летчик, участник Первой мировой и Гражданской войн. Погребен на Новодевичьем кладбище в С.-Петербурге. С. 120.

Колбасьев Сергей Адамович (03.03.1898⁶—?), известный советский писатель. Обучался в МК до марта 1918 г., на стороне красных участвовал в Гражданской войне на Волге, Балтийском и Азовском морях. После демобилизации в 1922 г. работал переводчиком в торгпредствах в Афганистане и Финляндии (до 1928), затем жил в Ленинграде и занимался литературной деятельностью. Член Союза советских писателей. Арестован 09.04.1937, приговорен к высшей мере Особой тройкой УНКВД Лен. области по статье 58-6-10 УК РСФСР. Посмертно реабилитирован в 1956 г. Автор повестей «Арсен Люпен» (о Морском училище в 1916—1917 гг.), «Джигит», «Река», «Командиры кораблей», «Салажонок», рассказов и стихов. С. 9, 60, 221.

Колечицкий Дмитрий Борисович (25.08.1884—1921), капитан 1 ранга. Окончил МК (1904), АОК (1907). И.д. флагманского арт. офицера штабов начальника Черноморской минной дивизии (1913—1914), командующего флотом ЧМ (1914—1917). Командир ЭМ «Гаджибей» (1917). Участник Первой мировой и Гражданской войн (ВСЮР), кавалер трех боевых орденов. В районе Варны утонул в шторм со шхуной, которой командовал. С. 73.

Колумбус Александр Петрович (?—?). Окончил университет (1906). Коллежский советник (08.04.1914). С 1910 по 1917 г. — преподаватель русского языка

ка в МК (штатный — с 01.07.1912). В советское время (1920–1930-е гг.) оставался преподавателем всех последовательно возникавших на базе МК курсов и училищ. С. 98, 104, 140, 141, 146.

Колчак Александр Васильевич (04.11.1874–07.02.1920), адмирал (18.11.1918). Окончил МК (1894). Участник экспедиции барона Э.В. Толля на яхте «Заря» (1900–1902), руководитель группы поисков Толля (1903–1904). Участник обороны Порт-Артура, командир мин. «Сердитый» (1904). Заведующий Северным (Балтийским) столом оперативного отдела МГШ (1906–1908). Командир ТР «Вайгач» (1908–1910). Зав. I-м отделением оперативного отдела МГШ (1911–1912). Командир ЭМ «Уссуриец» (1912–1913) и «Пограничник» (1913–1914). Начальник оперативного отделения штаба командующего МСБМ (с 09.12.1913), флаг-капитан по оперативной части (01.01.1915–19.12.1915). Начальник Минной дивизии БФ (19.12.1915–28.06.1916). Командующий Флотом ЧМ (28.06.1916–06.06.1917). В годы Гражданской войны — Верховный правитель России (18.11.1918–04.01.1920). Расстрелян в Иркутске. С. 55–59, 163, 170, 216, 217.

Комелов Михаил Михайлович (06.07.1890–?), лейтенант за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1912). Флаг-офицер штаба командующего Флотом БМ (1915), и.д. старшего флаг-офицера по оперативной части того же штаба (1915–1917). С. 104, 151.

Кондратьев Борис Георгиевич (23.09.1884–28.07.1904), мичман (28.09.1904). Окончил МК (1904). В Порт-Артуре — вахтенный офицер КР I р. «Диана», убит в сражении с японским флотом в Желтом море. Исключен из списков (09.08.1904). С. 73.

Конский Петр Алексеевич (?–?). В 1904 г. — преподаватель русского языка в Морском кадетском корпусе. С. 73.

Кордо-Сысоев Евгений Викторович (29.05.1884–?), старший лейтенант (01.01.1915). Окончил МК (1904), МОК (1905). В 1912 г. — старший минный офицер КР «Россия», позднее и.о. старшего офицера того же КР (1915). Командир ПС «Освободитель» (1917), КЛ «Хивинец» (1918), ЭМ «Финн» (1919), КР «Баян» (1920). С 1922 г. служил в Управлении военно-морскими учебными заведениями. С. 112.

Коринфский Георгий Петрович (09.06.1883–28.09.1914), лейтенант (13.04.1908). Окончил МК (1904). Участник помощи пострадавшим во время землетрясения в Мессине (1908). Вахтенный начальник КР «Паллада», торпедированного в Финском заливе ПЛ U26 и погибшего со всем экипажем. С. 73.

Корнилов Николай Александрович (31.12.1865–10.10.1936), флота генерал-майор (06.12.1915). Сын сенатора А.А. Корнилова (1801–1856), лицейского то-

вариша А.С. Пушкина; племянник вице-адмирала, героя Севастополя В.А. Корнилова (1806–1854). Окончил МК (1886). Младший (с 15.08.1898), старший (03.08.1903–10.07.1906) отделенный начальник, затем ротный командир МК. Начальник Санкт-Петербургских соединенных Училищ дальнего плавания и судовых механиков торгового флота Имп. Петра I (с 22.11.1913). В 1932 г. репрессирован, умер в Ленинграде по возвращении из ссылки в день 50-летия научно-педагогической деятельности. Погребен на Смоленском православном кладбище. В период службы в МК носил прозвище Макака. С. 80, 82, 84, 95, 98, 144.

Коссаковский Борис Дмитриевич (05.11.1882–?), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1916). Окончил МК (1904), АОК (?). Участвовал в походе 2-й эскадры флота Тихого океана (вахтенный офицер ТР «Иртыш»). И.д. флагманского арт. офицера штаба начальника Бригады крейсеров БМ (1913–1916). Участник Первой мировой войны. По данным эмигрантов, погиб после революции. С. 77.

Кочуков Александр Викторович (11.06.1882–14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Бородино» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (27.06.1905). С. 73.

Краббе Николай Карлович (20.08.1814–03.01.1876), адмирал (30.08.1869), генерал-адъютант (26.09.1858). Окончил МК (1832). Участник боевых действий на Кавказе (1837, 1839), Хивинского похода (1840). Адъютант, затем состоящий для особых поручений при начальнике ГМШ князе А.С. Меншикове (1838–1854). Вице-директор (1854–1855), директор (по 1860) инспекторского департамента Морского министерства. Управляющий Морским министерством (1860–1876). Погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. 19–22.

Кравков Сергей Николаевич (11.09.1893–?), лейтенант (28.07.1917). Окончил МК (1914 I). С. 85, 130, 131, 156.

Краевский Михаил Сергеевич (25.05.1884–14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Младший штурманский офицер ЭБР «Князь Суворов» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (20.06.1905). С. 73.

Крафт 2-й Михаил Евгеньевич (10.06.1888–1951), капитан 2 ранга (28.03.1920). Окончил МК (1908). Младший отделенный начальник МК (1911–1914) (первоначально находился в прикомандировании к корпусу, официально в должности с 14.12.1913). Подводник (с 1916), участник Первой мировой и Гражданской войн (ВСЮР). Скончался в Колумбии. С. 104, 129, 144.

Кротков 2-й Владимир Аполлонович (01.08.1884–11.12.1916), старший лейтенант «за отличие в делах против неприятеля» (20.06.1916). Сын генерал-лейтенанта по Адмиралтейству А.С. Кроткова (1848–1917), участника боя ПХ «Веста» с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд», известного артиллериста и ис-

торика. Окончил МК (1904). В качестве младшего штурманского офицера ЭБР «Сисой Великий» участвовал в Цусимском сражении, после гибели корабля попал в плен. Находился в запасе флота (11.08.1908–14.10.1909; 25.01.1910–26.07.1914). В годы Первой мировой войны воевал в составе Конно-подрывного отряда БФ при Кавказской туземной конной дивизии, с 01.04.1915 — командующий 2-й пулеметной батареей Отряда БФ при той же дивизии; награжден двумя боевыми орденами. Убит на Румынском фронте. С. 73.

Круссер Георгий Пафнутьевич (23.04.1878—?), капитан 2 ранга (06.12.1913, старшинство в чине с 06.12.1912). Окончил военное арт. училище (1899), поручик 38-й арт. бригады. В 1901 сдал экзамены за курс МК, перешел во флот мичманом. Окончил АОК (1906). Младший (с 25.09.1910), старший (с 01.08.1911) отделенный начальник МК, одновременно флагманский арт. офицер штаба командующего учебным отрядом МК в кампании 1912–1914 гг. Старший офицер УС «Верный» (с 1915). Командир УС «Азия» (1916–1917). С 07.06.1917 — член Комиссии морских арт. опытов, с 1925 г. — член комиссии Научно-испытательного арт. полигона РККА, помощник начальника полигона (1930–1931). Помощник начальника отдела Научно-исследовательского арт. института ВМС (с 1931), начальник отдела Научно-испытательского арт. полигона (с 1933). С. 121, 134, 135, 140, 141, 147.

Крыгин Михаил Андреевич (01.11.1890 — 1938), капитан 2 ранга (25.12.1918). Окончил МК (1912). Морской летчик (1915). Участник Первой мировой и Гражданской войн (ВСЮР). Погиб в Испании, воюя на стороне генерала Франко. С. 104, 151.

Крюгер Евгений Евгеньевич, фон (02.02.1899—?), воспитанник МК. Зачислен в младший общий класс МК по экзамену (05.09.1913). Уволен на попечение брата, лейтенанта Н.Е. фон Крюгера (01.05.1917). С. 193–196.

Кудинович Анатолий Николаевич (26.06.1865—..11.1911), генерал-майор по Адмиралтейству (25.01.1911). Окончил МК (1884); в 1892–1894 гг. обучался на гидрографическом отделении НМА, окончил первым с 12-ю баллами, занесен на мраморную доску. В 1898 г. перешел на службу по Адмиралтейству. В МК: младший отделенный начальник (08.08.1892–31.01.1898), штатный преподаватель (31.01.1898—..11.1911). Одновременно — старший делопроизводитель отделения по делам Эмеритальной кассы морского ведомства (07.02.1898–17.06.1911). В связи с неизлечимой болезнью для увеличения пенсии семье был произведен в генерал-майоры. Исключен из списков высочайшим приказом от 22.11.1911, из списков МК — 01.12.1911. С. 105.

Кузнецов 2-й Валериан Николаевич (15.05.1885—1920?), капитан 2 ранга. Окончил МК (1904), минный офицер 1 разряда (1910). Старший офицер УС «Безань» (1914–1915), и.д. старшего офицера УС «Рион» (с 07.07.1915), одновременно преподавал в Минной школе. По данным эмигрантов, погиб в 1920 г. С. 73.

Кулеш Сергей Людвигович (?–11.07.1907), капитан 1 ранга при отставке (28.02.1894). Участник революционного кружка в МК (в 1871–1872). Обучался в МК, переведен в юнкера флота. В 1874 г. произведен в гардемарины, 30.08.1875 — в мичманы. Командир ПХ «Красноводск» (1890–1892). Умер и погребен в Кронштадте. С. 13, 18, 19.

Кульнев Илья Ильич (09.01.1885–07.05.1915), старший лейтенант. Окончил МК (1904). Участвовал в Цусимском сражении в качестве вахтенного офицера ББО «Генерал-Адмирал Апраксин», попал в плен. Окончил теоретические курсы авиации при Петербургском политехническом институте, затем Севастопольскую авиашколу. Известный морской летчик, погиб во время тренировочного полета в гавани г. Ревель; исключен из списков (18.05.1915). С. 73.

Кульстрем Карл Федорович (23.12.1831–15.01.1907), контр-адмирал при отставке (05.01.1887). Окончил МК (1850), Офицерский класс. Участник Крымской войны (защита Кронштадта, 1855). Командир КЛ «Пищаль» (1856–1858). В штате МК с 05.09.1858; командовал рядом КЛ, корветом «Баян» (1867–1871) в составе отряда учебных судов МК. Инспектор классов МК (22.11.1871–1884). Скончался в СПб. С. 21, 25.

Купреянов Борис Васильевич (26.04.1881–?), старший лейтенант при отставке (07.04.1913). Окончил МК (1904). С. 73.

Курилович. — Возможно, Курилов Владимир Викторович (1898–?), воспитанник МК с 1914 г., окончил МК (1918). Старший помощник командира ЭМ «Эмир Бухарский» (1918–1919), старший флаг-секретарь начальника дивизиона ПЛ ЧМ (1920), командир ТР «Анатра» и ТЩ «Язон» (1921–1922). С 1923 г. — старпом МЗ «Первое мая». С. 193.

Кутневич Василий Михайлович (10.02.1860–?), полковник по Адмиралтейству. Окончил МК (1880) и НМА (1884). В 1891 г. перешел на службу по Адмиралтейству. В течение более чем десятилетия — заведующий минной чертежной Кронштадтского порта (с 1892). В 1909 г. — полковник, преподаватель физики в МК. С. 81, 100.

Куфтин Евгений Алексеевич (28.04.1893–?), лейтенант. Окончил МК (1915). Участник Первой мировой войны (на Черном море). В феврале 1917 г. находился в прикомандировании к МК. В период Гражданской войны служил в белом флоте, в т.ч. в 1919–1920 гг. состоял в МК в Севастополе. Умер в эмиграции. С. 201, 203.

Лавров Михаил Иванович (10.07.1873–23.11.1904), лейтенант (18.04.1899). Окончил МК (1894), АОК (1901), Учебно-воздухоплавательный парк военного ведомства (1902). В 1896–1900 гг. находился в плавании на Средиземном море и Дальнем Востоке на ЭБР «Наварин» и «Сисой Великий». Назначен заведующим

морским воздухоплавательным парком в Порт-Артуре (1903), прибыл в крепость 19.02.1904. В марте — мае 1904 г. командовал береговой батареей № 1, защищавшей вход в гавань. С мая 1904 г. вел интенсивные работы по созданию воздухоплавательного парка. Смертельно ранен 21.11 при защите г. Высокая, скончался в Морском госпитале в ночь на 23.11. Исключен из списков (17.01.1905). С. 57.

Лахматов Павел Яковлевич (19.12.1883—?), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1916). Окончил МК (1902), МОК (1906); подводник (1916). В запасе (08.01.1907—13.10.1908). Флагманский минный офицер 6-го дивизиона миноносцев БМ (1909). Младший (09.08.1910—17.09.1913), затем старший отделенный начальник МК. С 10.11.1916 входил в Постоянную комиссию по испытанию судов военного флота. С. 98, 134, 135.

Леман 2-й Арсений Константинович (29.02.1884—15.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Наварин» (1904—1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (10.07.1905). С. 73.

Леонов (?-?). В 1909 г. — капельмейстер оркестра МК. С. 83.

Ливеровский Алексей Васильевич (28.09.1870—?), статский советник (01.07.1912). В службе с 1893 г. Младший врач МК (29.11.1899—1918). С. 91, 141.

Лидерс Борис Эммануилович (10.03.1884—11.02.1943), старший лейтенант за отличие (06.12.1916). Окончил МК (1906). В 1911 г. — прикомандированный к МК офицер, младший отделенный начальник. В 1912 г. — вахтенный офицер КР «Россия». Скончался в Хельсинки. С. 104, 112.

Лобач-Жученко Борис Борисович (04.11.1899—21.09.1995), подполковник (18.04.1947) запаса (с 18.12.1947). Зачислен в младший общий класс (05.09.1913) по экзамену. Уволен на попечение отца 23.04.1917. В 1919 г. служил в военкоматах Псковской губ. Окончил 1-е спец. отделение Авиационных курсов командного состава (29.04.1920), летчик-наблюдатель. Участвовал в боевых действиях на польском фронте (авг. 1920), при подавлении восстания в Тамбовской губ. (май 1921) и ликвидации «белофинской авантюры» в Карелии (март 1922). Служил в Высшей школе летчиков-наблюдателей, Школе морских летчиков; демобилизован (1930). Преподавал в московских (1930—1933), ленинградских (1933—1935), вновь московских вузах. Призван в начале июля 1941 г., служил начальником филиала учебного отдела 2-го запасного авиационного полка, ст. преподавателем военно-морских дисциплин Курсов усовершенствования начсостава при ВМАУ им. Сталина, с 1943 по 1947 г. — старшим преподавателем, затем начальником кафедры штурманской подготовки Высших офицерских курсов авиации ВМФ. В запасе с 18.12.1947. После войны преподавал в Рижском мореходном училище Министерства морского флота. Известный яхтсмен, автор большого количества работ о своей прабабушке, писательнице М. Вовчок. На пенсии жил и умер в Москве. С. 154, 164, 170, 173, 185, 187, 191—197, 202.

Лосев Александр Николаевич (07.04.1865—?), флота генерал-майор за отличие (06.12.1913). Окончил МК (1885), гидрогр. отделение НМА (1892). Находился в прикомандировании к МК (1897—1898). Младший делопроизводитель (1899—1900), редактор карт (1900—1906) ГГУ. В 1904 г. перешел на службу по Адмиралтейству, в 1914 г. зачислен по флоту. Штатный преподаватель гидрографии МК (29.05.1906—1918), затем — на Курсах командного состава и в ВМУ. В период службы в МК носил прозвище Нищий. С. 121, 129, 141, 142, 161.

Лукин 3-й Иван Михайлович (01.04.1886—13.05.1957), старший лейтенант (30.07.1916). Окончил МК (1906), МОК (1910). В 1913 г. — старший минный офицер КР «Олег». Участник Первой мировой и Гражданской войн. Скончался в Париже. С. 134.

Лутохин Николай Павлович (?—?). Воспитанник МК, исключен до 1872 г. За связь с народниками в 1872 г. выслан в административном порядке под надзор в Вологодскую губ., освобожден в 1878 г. С. 13, 15, 22.

Луцкий Владимир Владимирович (?—?). Окончил МК (1874). Член военной организации «Народной воли». С. 11—15, 17—20, 23, 24.

Львов 2-й Лев Константинович (23.11.1884—1917?), капитан 2 ранга за отличие (30.07.1916). Окончил МК (1904), МОК (1906). В годы Первой мировой войны — преподаватель в Минной школе. Сведения эмигрантов расходятся: убит в конце 1917 г. или погиб в армии А.И. Деникина. Брат Николай (25.02.1886—03.03.1917), старший лейтенант, убит матросами. С. 73, 77.

Любомиров Николай Павлович (13.09.1885—?), старший лейтенант за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1906). Младший отделенный начальник МК (01.08.1911—1914), летом 1912 г. — флаг-офицер, летом 1913 и 1914 гг. — и.д. старшего флаг-офицера штаба командующего Учебным отрядом МК. С. 139.

Мазуров Николай Георгиевич (04.03.1893—20.03.1921), лейтенант (06.12.1916). Обучался во 2-м КК, затем в МК (1914 I). В начале 1918 г. — младший арт. офицер КР «Адмирал Макаров», позднее — старший арт. офицер ЛК «Севастополь»; расстрелян после Кронштадтского восстания. Сын флота генерал-майора Г.Н. Мазурова (1867—1918). С. 85, 118, 131.

Майков Валериан Валерианович (02.09.1885—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер, командир носовой башни 254-мм орудий ЭБР «Ослябя», погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (10.07.1905). С. 73.

Макаров 5-й Леонид Николаевич (22.12.1883—15.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Младший штурманский офицер ЭБР «Наварин» (1904—1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (10.07.1905). С. 73.

Макасей-Шибинский Владимир Григорьевич (18.06.1887—?), старший лейтенант за отличие (03.10.1916, старшинство с 30.07.1916). Окончил МК (1907). В 1912 г. — вахтенный начальник КР «Россия». Участник Первой мировой войны. В 1918 г. — зав. штурманским депо в Кронштадте. По сведениям А.П. Белоброва, погиб в тюрьме в 1930-х гг. Брат Вс.Г. Макасея-Шибинского. С. 112.

Макасей-Шибинский Всеволод Григорьевич (01.04.1893—1920), лейтенант (06.12.1916). В 1913—1914 гг. — фельдфебель 2-й роты МК. Окончил МК (1914). По данным лейтенанта А.А. Завьялова, «в 1920 г. был командиром яхты “Горислава” в Мурманске. На яхте были расквартированы до крайности распущенные бельгийские добровольцы. После переворота в Мурманске 22.02 они выдали командира яхты большевикам, а сами ушли на пароходе “Ломоносов” в Варде, в Норвегию. Далее было несколько вариантов его гибели» (РГАВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 171. Л. 6). Брат В.Г. Макасея-Шибинского. С. 139.

Малютин Евгений Евгеньевич (26.11.1884—12.1904), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Офицер мин. «Прозорливый». Покончил с собой, исключен из списков (13.12.1904). С. 73.

Мамантов (Мамонтов) Николай Александрович (10.02.1893—?), мичман (27.08.1915). Окончил МК (1915). Старший флаг-секретарь штаба командующего Транспортной флотилией (1918). Командир мин. «Твердый» (1920). Старпом ПС «Адмирал Завойко» (с 1921 — «Красный вымпел»), с 1924 г. — командир того же корабля. Командир дивизиона ТЩ МСБМ (1926—1931), с 1932 г. — старший производитель гидрогр. работ. С. 125.

Марциновский (?-?). С 1910 г. — преподаватель гимнастики в МК. С. 99.

Машковцев Николай (?-?). В 1909 г. — кадет МК. С. 85.

Медем Алексей Павлович, барон (22.02.1898—27.08.1974), мичман (1918). Воспитанник МК с 1913 г., входил в состав так называемого «выпуска 1918 г.». Участвовал в Гражданской войне, в т. ч. на Азовском море. После эвакуации из Крыма 14 месяцев провел в английском лагере в Танума (Басра, Месопотамия), откуда в августе 1921 г. отправлен во Владивосток; с эскадрой Г.К. Старка эвакуировался на Филиппины. С 1924 г. жил в Шанхае, затем на Сахалине (у японцев), снова в Шанхае. Плавал на китайских пароходах, с 1930 г. работал в Шанхае техником по использованию электрических аппаратов, позднее переехал в Австралию. Скончался в Сиднее. С. 191.

Мессинг Дмитрий Иванович (21.06.1887—?), старший лейтенант (28.07.1917). Окончил МК (1906). В 1913 г. — вахтенный офицер КР «Олегр». С. 134, 136.

Мешков Николай Владимирович (1857—05.1907), полковник по Адмиралтейству. Окончил МК (1878). В течение ряда лет служил в МК. Скончался в СПб., погребен на Смоленском православном кладбище. С. 68.

Мешков Сергей Владимирович (03.02.1858—19.01.1910), генерал-майор по Адмиралтейству при отставке (18.01.1910). Окончил МК (1879). Яркий пример офицера, большая часть службы которого прошла в МК, — младший (26.10.1891—25.07.1892), старший (25.07.1892—15.08.1898) отделенный начальник, ротный командир (15.08.1898—03.09.1907; одновременно в 1899 г. — старший офицер УС «Верный»), штатный преподаватель (03.09.1907—18.01.1910). В период службы в МК имел прозвище Серя. Погребен на Смоленском православном кладбище в СПб. С. 71.

Милашевич 2-й Николай Григорьевич (01.05.1889—?), старший лейтенант (06.12.1916). Окончил МК (1908), ШОК (1912). В 1913 г. — младший штурманский офицер КР «Олег». Участник Первой мировой и Гражданской войн. Старший штурманский офицер ЛК «Гангут» (1915). Командир ЭМ «Финн» (1917), «Изяслав» (1918). Начальник штаба Северного отряда Волжско-Каспийской военной флотилии (1919). Командир ЛК «Парижская коммуна» (1921), ЭМ «Забяка» (1922). С 1923 г. — старший производитель гидрогр. работ Управления безопасности кораблевождения. С. 134.

Милевский Николай Адамович (06.03.1890—21.03.1920), лейтенант «за отличную ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны» (30.07.1915). Окончил МК (1911). Служил в Амурской и Сибирской флотилиях, затем флотилии Северного Ледовитого океана. Командир мин. «Беспокойный» (1917), «Бесстрашный», «Бесшумный», затем «Капитан Юрасовский»; убит на последнем матросами в Архангельске. С. 168–169.

Миллер Борис Людвигович (09.01.1893—13.02.1965), лейтенант (06.12.1916). Окончил МК (1914 I) первым по успеваемости, занесен на мраморную доску. Участник Первой мировой войны — служил на КР «Адмирал Макаров», затем офицером связи на английской ПЛ «Е1» на БМ. Скончался в г. Сиднее (Австралия). С. 150.

Минин Александр Николаевич (22.10.1877—?), капитан 2 ранга (06.12.1912). Окончил МК (1898), АОК (1903). В период русско-японской войны — арт. офицер КР II р. «Кубань». Старший офицер УС «Верный» (1911). В МК — младший (с 26.08.1911), старший (с 12.09.1912) отделенный начальник, ротный командир (14.04.1914—18.04.1915), преподаватель логии. Командир УС «Воин» (с 1915), «Петр Великий» (1917), «Океан» (1918). Начальник Ледокольного спасательного отряда (1919). С 1922 г. — штатный преподаватель ВМУ. С. 121, 122, 140, 141.

Михайлов 5-й Георгий Николаевич (17.10.1889—03.06.1938), лейтенант (06.04.1914). Обучался в МК, отчислен за полгода до выпуска, переименован в юнкера флота; после сдачи экзаменов произведен в офицеры одновременно с однокурсниками (06.12.1910). Участник Первой мировой войны. Расстрелян в Москве. С. 88.

Михайлов 3-й Павел Иванович (16.02.1883—?), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1902), МОК (?), ВМО НМА (1912). Младший минный офицер КР I р. «Адмирал Нахимов» (1904—1905). В Цусимском сражении после гибели корабля попал в японский плен. Младший отделенный начальник МК (01.09.1908—1910). Командующий мин. «Послушный» (1913—1914), старший офицер МЗ «Нарова» (1914—1915), командир мин. «Лихой» (1916), «Финн» (1918). С. 80, 98.

Могучий Борис Александрович (25.10.1893—?), лейтенант (28.07.1917). Окончил МК (1914 I). Участник Первой мировой войны. Впоследствии служил в польском флоте, в частности, командовал КЛ «Генерал Халлер». Вышел в отставку в 1932 г. в чине капитана 3 ранга. С. 147.

Молоховец 2-й Владимир Константинович (24.05.1889—04.01.1966), старший лейтенант (дата неизвестна). Окончил МК (1910). В 1913 г. — мичман, вахтенный начальник КР «Олег». В годы Первой мировой — вахтенный начальник императорской яхты «Штандарт». Скончался в эмиграции в Оксфорде. С. 134.

Мордвинов Александр Павлович (25.11.1873—?), капитан 2 ранга при отставке (13.10.1908). Окончил МК (1894). Вахтенный начальник КР I р. «Владимир Мономах» (1904—1905), участник Цусимского сражения, затем находился в плену. Некий «капитан 2 ранга в отставке Мордвинов» лишен права на ношение мундира высочайшим приказом по Морскому ведомству № 869 от 03.11.1908. С. 58.

Назаревский Николай Александрович (07.10.1893—?), лейтенант (28.07.1917). Окончил МК (1914 I) и ВМО Морской академии (1923). В 1916 г. служил на ЭМ «Самсон». Командир ПС «Труд» (1923—1924). С. 86.

Невельской 2-й Владимир Алексеевич (12.01.1841—?), капитан 1 ранга при отставке (1888). Окончил МК (1858). Служил на корабле «Вола» (1858—1859), ПХ-ФР «Храбрый» (1860—1862). Офицер Гвардейского экипажа (1863—1883). Участник подавления Польского восстания (в 1863—1864 гг. командовал баржей на р. Висла). Находился в заграничных плаваниях на ФР «Светлана» и «Дмитрий Донской» (1865—1869). Командир КЛ «Лихач» (1873—1883), миноноски «Канарейка» (1883), затем на береговых должностях. С. 31, 48.

Невельской Геннадий Иванович (23.11.1813—17.04.1876), адмирал (01.09.1874), исследователь Дальнего Востока. Окончил МК (1832), офицерский класс (1836). Командир ТР «Байкал» (1847—1851), на котором перешел на Дальний Восток (1848—1849), исследовал Северный Сахалин, устье р. Амур (доказал, что Сахалин является островом). Начальник Амурской экспедиции (1851—1855). Член МТК (с 1857), Амурского комитета (1859—1861), ученого отделения МТК (с 1866). Скончался в СПб., погребен на Новодевичьем кладбище. С. 31, 48.

Нелидов 2-й Дмитрий Дмитриевич (28.04.1881—04.06.1957), капитан 2 ранга (06.12.1914). Окончил МК (1901), МОК (1903). Командующий мин. № 121 (1907—1908). Младший (с 01.09.1908), старший (16.09.1911—1915) отделенный начальник МК. Старший офицер УС «Верный» (1914—1915). Начальник Рижской флотилии (1916—1918). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Начальник красной Чудской флотилии (1918), перешел с ней на сторону Н.Н. Юденича. Командир черноморского ТР «Шипка» (1920—1922), участник перехода в Бизерту. Скончался в Нью-Йорке. С. 139.

Нелюбович Тадеуш Владиславович (?-?). Выпускник Технологического института. Инженер, коллежский советник, преподаватель электротехники в МК (01.07.1912—1918). С. 121.

Никитин 2-й Андрей Владимирович (26.03.1875—23.01.1944), капитан 1 ранга «за отличие в делах против неприятеля» (10.04.1916). Окончил МК (1894), АОК (?), УОПП (1909). В запасе флота (1900—1901). В период русско-японской войны — арт. офицер КР II р. «Днепр». Старший офицер КЛ «Терец» (1907—1908), ЛК «Синоп» (1908). Командир ПЛ «Щука» (1909—1911). Старший офицер КР «Жемчуг» (1911—1912). Помощник начальника УОПП (1912—1914). В годы Первой мировой войны — командир ЭМ «Эмир Бухарский» (1914—1916), наблюдающий за постройкой ПЛ в БМ (1916—1917). В период Гражданской войны находился в армии А.В. Колчака. Умер в Сизтле (США). С. 58.

Никитин 1-й Дмитрий Владимирович (28.06.1870—08.08.1962), контр-адмирал при отставке (24.10.1917). Окончил МК (1891). Участник подавления «Боксерского восстания» (1900—1901), обороны Порт-Артура (1904), старший офицер КР I р. «Россия» (1905), «Богатырь» (1906—1907). Командир мин. «Подвижный» (1907—1909), ЭМ «Сибирский Стрелок» (1909—1912), начальник 2-го дивизиона 1-й Минной дивизии БМ (1913—1914), командир УС «Николаев» (1914—1915), «Двина» (1915—1917), одновременно — помощник начальника Учебно-минного отряда БФ. В резерве чинов Морского министерства с 01.05.1917. Преподавал в русской гимназии в Йокогаме (1919), недолго служил у А.В. Колчака, затем переехал в США. В эмиграции жил и умер в Сизтле, работал до 84-летнего возраста. Писатель-маринист (псевдоним — Д. Фокагитов), публицист, автор двух книг и многих статей. Брат А.В. Никитина. С. 9, 50—59.

Никитин Михаил Васильевич (26.12.1871—?), полковник по Адмиралтейству за отличие (06.12.1911). Окончил МК (1891), гидрогр. отделение НМА (1900). В МК: штатный преподаватель (с 19.08.1902), помощник инспектора классов (11.09.1906—14.07.1914), вновь штатный преподаватель; после событий Февральской революции назначен и.д. инспектора классов с оставлением штатным преподавателем (03.03.1917), утвержден в должности инспектора классов (28.05.1917). В РККФ — заведующий (1918), начальник (1919—1921) учебного отдела Курсов командного состава флота, штатный преподаватель Морской академии (1922—1924), затем ВМУ им. М.В. Фрунзе (1920—1930-е гг.). С. 25.

Никольский Александр Григорьевич (22.10.1892—?), лейтенант за отличие (12.11.1915). Окончил МК (1912). Один из помощников начальника гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (1913–1915). С. 98.

Нирод Георгий Михайлович, граф (10.06.1884—15.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Младший штурманский офицер КР I р. «Светлана», погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков 06.06.1905. Его брат Алексей (29.10.1882—27.01.1904), МК (1902), мичман, погиб в бою у Чумульпо на КР I р. «Варяг». С. 73.

Нордштейн Николай Константинович (17.05.1884—11.07.1936), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1916). Окончил МК (1904), офицер-подводник (1907). Командир ПЛ «Белуга» (1908–1910). Ведал в МГШ воздухоплавательной частью и всеми вопросами подводного плавания (с 10.02.1914). Командующий ПЛ «Волк» (1915), командир ПЛ «Единорог» (1915–1916), «Язь» (1916–1917). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Умер в Риге. С. 73.

Нюман Георгий Эдуардович (09.12.1881—24.08.1904), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Покончил с собой, исключен из списков (30.08.1904). С. 73.

Оболенский Иван Михайлович, князь (02.11.1856—27.02.1910), генерал-лейтенант по Адмиралтейству (25.03.1903), генерал-адъютант (1904). Окончил МК (1875). Участвовал в заграничном плавании на ФР «Светлана» (1876–1877), боевых действиях минных катеров против турок на Дунае (1877). В Гвардейском экипаже (1878–1881). Уволен от службы лейтенантом (1881). Уездный (с 1882), губернский (с 1888) предводитель дворянства Симбирской губ., Херсонский (с 1897), Харьковский (1902–1903) губернатор, генерал-губернатор Финляндии (1904–1905). Действительный статский советник (1896), в 1903 г. переименован в генерал-лейтенанты с зачислением по Адмиралтейству. С. 35.

Огильви 2-й Владимир Владимирович (03.01.1888—?), старший лейтенант за отличие (06.12.1916). Окончил МК (1907). Участник Первой мировой войны. На ЛК «Цесаревич» — старший штурманский офицер (в 1914), и.д. старшего офицера (.03—05.1917), затем служил на КР «Адмирал Макаров». С. 151.

Одржеховский Владимир Вячеславович (10.04.1884—?), капитан 2 ранга за отличие (30.07.1916). Окончил МК (1904), АОК (1906). Служил на КР «Авро-ра» (1909–1912). Младший (с 13.05.1913), старший (08.09.1914—22.03.1915) отделенный начальник МК. Участник Первой мировой войны — старший офицер ЭМ «Пронзительный» (1915), помощник старшего офицера ЛК «Императрица Екатерина Великая» (1915–1916), командир ЭМ «Капитан Сакен» (1917). Врио флаг-капитана штаба начальника отряда судов и портов восточной части ЧМ (1917). С. 139.

Олимпиев Николай Викторович (15.05.1898—?), воспитанник МК. Зачислен в младший общий класс 12.09.1913 по экзамену; в период Первой мировой войны перевелся в одно из военных училищ. С. 190.

Остелецкий 3-й Павел Павлович (26.05.1880—01.01.1946), контр-адмирал (25.09.1919). Окончил МК (1899), МОК (1903), основной (1911) и дополнительный (1912) курсы ВМО НМА. Участник обороны Порт-Артура, кавалер четырех орденов. Младший (с 11.09.1907), старший (05.07.1908—1912) отделенный начальник МК. Старший офицер УС «Воин» (1912), ЛК «Синоп» (1912—1914). Флаг-капитан по распорядительной части штаба командующего Флотом ЧМ (1915—1916). Командир КР «Кагул» (1916—1917). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Награжден семью боевыми орденами, в т.ч. четырьмя — за Порт-Артур. Состоял при Морском управлении штаба главнокомандующего ВСЮР (1918—1919). Командир КР «Генерал Корнилов» (бывший «Кагул») (1919), отряда кораблей ЧФ, участник взятия Одессы 24.08.1919. Врио НШ ЧФ (.10—11.1919), командующий 1-м отрядом кораблей ЧФ при эвакуации в Константинополь, затем в Бизерту. Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. С. 108.

Остелецкий Степан Павлович (18.10.1875—10.1914), капитан 2 ранга (06.12.1908). Окончил МК (1894). Старший офицер ПС «Алмаз» (1907), УС «Минин» (1907—1909), ТР «Ладога» (1909). Командир ЭМ «Дельный» (1909—1911), МЗ «Уссури» (1911—1913). Начальник 2-го дивизиона минной бригады Сибирской флотилии (04.11.1913—10.1914). Скончался от заражения крови во время маневров. С. 58.

Павлинов 1-й Владимир Яковлевич (13.05.1878—?), полковник Корпуса гидрографов (30.07.1915). Окончил МК (1897), гидрогр. отделение НМА (1902). В 1913 г. — преподаватель девиации магнитных компасов в МК. Зачислен в Корпус гидрографов подполковником в звании гидрографа-геодезиста (27.01.1914). Помощник зав. компасным делом во флоте (с 27.01.1914). Заведующий компасным делом во флоте (с 1918 до середины 20-х). С. 141, 142, 147.

Павлинов Павел Яковлевич (12.04.1881—?), старший лейтенант «за отставкой»⁸ (05.06.1915). Окончил МК (1900). Младший флаг-офицер штаба командующего отдельным отрядом судов в Средиземном море (1901—1903). Младший (с 18.10.1904), старший (с 01.10.1910) отделенный начальник МК. В период службы в МК носил прозвище Лошак. В запасе флота с 09.05.1911, в период Первой мировой вновь вернулся на службу. Проживал в СССР. С. 81, 141.

Павлинов Яков Иванович (02.10.1849—?), генерал-лейтенант по Адмиралтейству. Окончил МК (1869), НМА (1874). В 1886 г. перешел на службу по Адмиралтейству с производством в подполковники. Член конференции НМА (с 13.02.1888). Инспектор классов МК (15.12.1897 — 1902). Шесть его сыновей стали морскими офицерами: Владимир, Александр (1879—1908), окончил МК (1897), старший лейтенант (1907), участник обороны Порт-Артура, умер от холеры; Павел; Сергей (1882—1913), МК (1901), лейтенант, участник Цусимского сражения (ЭБР «Орел»), покончил с собой; Андрей (1884—?), МК (1903), капитан 2 ранга; Николай (1886—?), МК (1905), капитан 2 ранга, проживал в Эстонии, погиб в советском лагере после 1940 г. С. 141.

Павлов 2-й Владимир Александрович (12.07.1890—?), лейтенант (06.12.1915). Окончил МК (1911). С. 86.

Павлович Андроник Лукич (?—?). В 1909 г. — преподаватель естественной истории в МК. С. 81.

Павловский (?—?). В 1913 г. — преподаватель географии в МК. С. 174.

Панаев Платон Аркадьевич (10.11.1884—1918?), старший лейтенант «за отличную ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны» (08.06.1915, старшинство с 01.01.1915). Окончил МК (1905). Участвовал в русско-японской войне (КР I р. «Россия», 1905). Один из ветеранов Амурской речной флотилии — командир КЛ «Сибиряк» (1909—1911), член Клуба офицеров флотилии, автор книги «К десятилетия Амурской речной флотилии» (Пг., 1917). По непроверенным данным, умер от болезни в 1918 г. С. 76.

Парфененко Владимир Александрович (31.05.1893—?), лейтенант (28.07.1917). Окончил МК (1914 I). В годы Первой мировой — морской летчик на Балтике, в марте 1918 г. на гидросамолете перелетел в Финляндию. В эмиграции проживал в Парагвае, в качестве летчика участвовал в войне этой страны с Боливией в 1932—1935 гг., позднее состоял инструктором парагвайских ВВС. С. 109.

Паскевич Владимир Иванович (?—?). Участник революционного кружка в МК (в 1872). Окончил МК (1874). С. 13, 14, 18, 23.

Паскин 2-й Александр Александрович (23.10.1881—10.11.1947), капитан 1 ранга (26.11.1914, старшинство с 14.04.1914). Окончил МК (1900), водолазную школу (1904). Вахтенный начальник миноносца «Громкий» (1904—1905), ранен при гибели корабля в Цусимском сражении, попал в плен. Помощник начальника Водолазной школы и партии (23.01.1906—21.10.1907). В МК: младший (с 24.11.1908), старший (с 17.06.1910) отделенный начальник, и.д. ротного командира (с 01.08.1911), ротный командир (22.04.1913—1915). Начальник учебного отдела МГШ (1920), на административной работе в Управлении военно-морских учебных заведений (1923—1925). Преподаватель ВМА (с 1929). Погребен на Богословском кладбище в СПб. Брат С.А. Паскина. С. 104, 111, 112, 114, 116, 118, 124, 134.

Паскин 1-й Степан Александрович (19.03.1880—20.12.1937), капитан 1 ранга за отличие (02.10.1917). Окончил МК (1899). Аdjутант (17.08.1904—1905 и 03.03.1908—06.1912), младший отделенный начальник (29.05.1906—03.03.1908) МК. Старший офицер КЛ «Сивуч» (1912), ЛК «Император Александр II» (1912—1914). Командир ПС «Воевода» (1914—1915), ЭМ «Искусный» (1915), КЛ «Хивинец» (1915—1917). По данным общества «Мемориал», в 1937 проживал в Ленинграде, где работал бухгалтером счетной конторы Дзержинско-

го райжилсоюза. Арестован 04.11.1937 г., приговорен к расстрелу 11.12.1937 г. Брат А.А. Паскина. С. 82, 114.

Пель 1-й Александр Николаевич (16.09.1874—?), капитан 1 ранга (22.03.1915, со старшинством с 01.01.1915). Один из ветеранов Сибирской флотилии. Окончил МК (1894), АОК (1901). По окончании МК зачислен в Сибирский флотский экипаж, на Дальнем Востоке с 14.04.1895. Участвовал в плаваниях на мин. «Уссури» (1895), ЭБР «Император Николай I» (1895), ТР «Алеут» (1895–1897), ледоколе «Надежный» (1897–1898, 1900), ТР «Камчадал» (1899), МКР «Гайдамак» (1899–1900), в 1902 г. — на мин. «Грозовой». В 1900 г. переведен на Балтику, после окончания АОК — вновь в Сибирский флотский экипаж (1902), в 1903 г. стал командиром мин. № 206, в 1904 г. — мин. № 205, на котором участвовал в русско-японской войне. Командир мин. «Бравый» (1905–1906), «Беспощадный» (1906–1907). Старший офицер ТР «Монгугай» (1907–1908), КР «Жемчуг» (1908–1909). Командир ЭМ «Бодрый» (1909–1910), ТР, затем МЗ «Алеут» (1910–1911), МЗ «Шилка» (1912–1913), «Уссури» (1913–1915). Начальник 2-го дивизиона мин. Сибирской флотилии (1915). Командир КР «Орел» (1915–1917). Командующий флотилией (08.07–06.09.1918), затем штаб-офицер для поручений при командующем флотилией. Уволен в отставку 01.02.1921. В советский период — на преподавательской работе во Владивостоке, зав. Учебной частью Морского техникума. В 1932 г. приговорен к расстрелу, замененному в 1933 г. на 10 лет лишения свободы. С. 58.

Петров (?–?). В 1909 г. — доцент Горного института, преподаватель алгебры и геометрии в МК. С. 81.

Петров 7-й Борис Михайлович (08.02.1881–1921), старший лейтенант «за отличную ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны» (01.01.1915). Окончил МК (1904). Командующий мин. № 111 (1908–1909). С 29.11.1915 — и.д. ротного командира в Отдельных гардемаринских классах. Расстрелян после Кронштадтского восстания.

Из воспоминаний: «Примерно через неделю после поступления к нам пришел знакомиться с ротой наш постоянный ротный командир старший лейтенант Б.М. Петров 7-й, бывший порт-артурец (sic! — А.Е.). Думаю, что лучшего ротного командира трудно себе и представить. Под его грубоватой и суровой внешностью скрывалось замечательное сердце. Строгий, лаконичный в своих распоряжениях, о каждом из нас он заботился, как о родном сыне» (*Понафидин Д.Д.* Отдельные гардемаринские классы // Военная быль. 1965. № 75. С. 22). С. 73, 77.

Петров Николай Александрович (17.12.1898—?), воспитанник МК. Зачислен в младший общий класс МК по экзамену (12.09.1913); за участие в снятии со здания МК красного флага переведен в маршевую инженерную роту (20.04.1917). Б.Б. Лобач-Жученко в мемуарах утверждал, что Петров был принят в МК сверх штата, по распоряжению морского министра. С. 191, 193–196.

Печаткин Сергей Владимирович (12.09.1891—22.05.1915), мичман (16.07.1914). Окончил МК (1914 I). Вахтенный начальник МЗ «Енисей», погиб при потоплении корабля германской ПЛ U26. С. 115.

Пешков Никита Федорович (21.07.1887—1938?), старший лейтенант (дата неизвестна). Окончил МК (1908). В 1913 г. — вахтенный начальник КР «Олег». В 1916—1917 гг. состоял в аналогичной должности на КР «Варяг». Участвовал в Первой мировой и Гражданской (армия А.В. Колчака) войнах. Остался в России, по некоторым данным, умер в лагере в 1938 г. С. 134.

Пилипенко Александр Семенович (07.02.1881—19.03.1953), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1903), АОК (1913). В качестве вахтенного начальника КР I р. «Олег» участвовал в Цусимском сражении. В 1912 г. служил в МК. И.д. старшего офицера (1914—1915), старший офицер (1915—1916) КР «Диана», командир ЭМ «Видный» (1916—1917), «Всадник» (1917). Участвовал в Первой мировой и Гражданской (ВСЮР) войнах. Скончался в Париже, погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. С. 112.

Пилкин 2-й Алексей Константинович (07.03.1881—14.03.1960), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1914). Окончил МК (1902), ШОК (?). Отличился при обороне Порт-Артура (1904), был награжден четырьмя орденами и золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1912 г. — старший штурман, в 1913—1914 гг. — помощник старшего офицера КР «Россия», а затем — и.д. старшего офицера (1914), старший офицер (1915) того же корабля. Командир ЭМ «Москвитянин» (1915—1916), «Новик» (1916—1917). Участник Первой мировой (три боевых ордена) и Гражданской войн. Впоследствии проживал в Англии, а затем во Франции. Умер в Ницце. Сын адмирала К.П. Пилкина (1824—1913), брат контр-адмирала В.К. Пилкина (1869—1950). С. 111.

Плансон Константин Антонович (30.11.1861—1920), вице-адмирал «за отличную усердную службу и труды во время военных действий» (18.04.1915, старшинство с 30.07.1915). Службу начал прапорщиком КФШ (27.09.1882); будучи подпоручиком, перешел во флот мичманом (07.11.1888). Окончил гидрогр. отделение НМА (1888), АОК (?). Старший офицер КР I р. «Россия» (1901—1903). Служил в штабах командующего Практическим отрядом обороны побережья БМ (1904) и Кронштадтского порта (1904—1905). Командир МКР «Стерегущий» (1905—1907). Начальник 2-го дивизиона ЭМ БМ (1907—1908). Командир КР «Олег» (1908—1911). Начальник Черноморской минной дивизии (1912—1913), начальник штаба командующего МСЧМ (1913—1914), Флотом ЧМ (1914—1916). Член Адмиралтейств-совета (1916—1917). Убит в Севастополе (по другим данным, умер от воспаления легких). С. 116.

Плен Иван Михайлович (30.05.1874—28.08.1953), полковник (дата неизвестна). Окончил МК (1894). В запасе флота (1897—1904). Адьютант великого князя Кирилла Владимировича (1904—1905). Уволен от службы (29.05.1906), последний

флотский чин — лейтенант (17.04.1905). Погребен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа; на надгробии изображен якорь. С. 58, 59.

Погорельский Владимир Евсеевич (10.05.1885—16.12.1917), старший лейтенант (10.04.1916). Окончил МК (1904). Младший флаг-офицер штаба начальника Учебного отряда ЧФ (1905), флаг-офицер штаба командующего Практическим отрядом ЧМ (1907). Командующий МЗ «Бештау» (1914—1916), старший офицер КР «Прут» (1916—1917). Расстрелян матросами на Малаховом кургане в Севастополе. С. 73.

Погуляев Сергей Сергеевич (07.03.1873—13.03.1941), контр-адмирал Свигты за отличие (29.02.1916, старшинство в чине с 23.12.1913). Окончил МК (1894). Адьютант управляющего Морским министерством (1902—1905), морского министра (1905—1906). Морской агент во Франции (1906—1911). Старший офицер КР «Адмирал Макаров» (1911). Флигель-адъютант (06.05.1911). Командир ЭМ «Капитан Сакен» (1911—1913), КР «Кагул» (1913—1916). Начальник 1-й бригады ЛК ЧМ (1916), начальник штаба командующего Флотом ЧМ (1916—1917). Состоял на французской службе, с февраля 1919 г. — во главе Особого отдела русского Политического совещания в Париже, ведал всеми вопросами, касавшимися находившихся за границей военнопленных и военнослужащих, кроме чинов Военной миссии. Погребен в Париже на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. С. 57, 58.

Подгурский Николай Люцианович (13.08.1877—01.11.1918), контр-адмирал за отличие (18.07.1917). Окончил МК (1897), МОК (1903); офицер-подводник (1907). В 1904 г. в Порт-Артуре — лейтенант, старший минный офицер КР I р. «Баян», с 27.11 — заведующий изготовлением «ручных бомбочек». В середине августа использовал против японских окопов метательные минные аппараты; 09.09 применил для той же цели шаровые мины и «ручные бомбочки», благодаря чему удалось выбить противника с захваченных позиций на склоне г. Высокая. Награжден за храбрость пятью орденами и золотой саблей с надписью «За храбрость». Помощник старшего офицера КР «Богатырь» (1906—1907). Командир ПЛ «Дракон» (1908—1909), мин. «Ретивый» (1909—1910), старший офицер КР «Россия» (1911—1912), командир ЭМ «Генерал Кондратенко» (1913—1914), КР «Россия» (1914—1915), бригады, затем дивизии подлодок Балтийского моря (1915), Отряда судов Ботнического залива (1916). Участник Первой мировой войны, награжден орденом. Умер в Ревеле. С. 111.

Подъяпольский 3-й Владимир Ардальонович (30.10.1882—?), капитан 2 ранга за отличие (10.04.1916). Окончил МК (1903), ШОК (1904). Младший отделенный начальник МК (06.04.1912—1913). Помощник начальника учебного отдела ГМШ (1915). Заведующий мобилизационной частью в С.-Петербургском порту (1916—1917), командир Петроградского порта (1917—1918). В 1919 — член Коллегии водного транспорта. Командир Мурманского военного порта (1920). Начальник хозяйственного отдела Управления военно-морских учебных заве-

дений (1922), демобилизован (1922). В 1923 вернулся на службу на должность начальника топливной части Петроградского порта. С. 118.

Поливанов 1-й Сергей Матвеевич (29.06.1882—26.12.1964), капитан 1 ранга за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1902). Участник обороны Порт-Артура, накануне сдачи прорвался в Чифу (Китай) на паровом катере «Ольга». Помощник, с 30.08.1912 — и.д. старшего офицера КР «Россия», в 1913 г. — старший офицер того же КР. Командир ПС «Бакан» (1913—1915). Участник Первой мировой войны. В 1917 г. — начальник Охраны водного района г. Архангельска. Умер в Брюсселе. С. 111.

Полидоров 1-й Иван Иванович (11.12.1885—22.04.1961), старший лейтенант за отличие (06.12.1915, со старшинством с 06.12.1914). Окончил МК (1905). Командир мин. № 219 (1910—1912). Младший (с 04.10.1912), старший (24.12.1914—1917) отделенный начальник МК. Скончался в Брюсселе. С. 139, 163.

Политовский Сергей Сигизмундович (03.10.1880—08.11.1936), капитан 1 ранга (28.06.1917). Окончил МК (1900). В Цусимском сражении — младший минный офицер КР I р. «Олег». Помощник (1910), и.д. (1911—1913), старший офицер (1913—1914) КР «Богатырь». Командир ЭМ «Крепкий» (1914—1915), «Гайдамак» (1915—1917), «Капитан 2 ранга Белли» (1917), КР «Богатырь» (1917—1918). Скончался в эмиграции в Таллине. С. 111.

Попандопуло (Корфино) Юрий Николаевич (28.09.1888—30.01.1952), старший лейтенант за отличие (10.04.1916). Обучался в МК, переведен в юнкера флота (1905), произведен в корабельные гардемарины (1906), затем по экзамену — в мичманы (1907). В 1910 г. — штурман УС «Верный». Окончил УОПП (1914). Командующий ПЛ «Карась» (1915—1916). Умер в Чикаго. С. 92.

Поспелов Михаил Иоаннович (?—?). В 1913 г. — священник в МК. С. 174.

Постельников 1-й Анатолий Юрьевич (22.11.1874—21.11.1904), лейтенант (06.12.1898). Окончил МК (1894). Участник заграничных плаваний на ЭБР «Император Александр II» (1896—1898), мин. «Касатка» (1900), КР I р. «Варяг» и судах эскадры Тихого океана (1901—1904). В период обороны Порт-Артура: вахтенный начальник на МКЛ «Отважный»; командирован в распоряжение командующего Квантунской крепостной артиллерией (06.02—06.06.1904); временно на мин. «Бдительный» (03.09—13.10.1904), затем возвращен на «Отважный». Умер на госпитальном ПХ «Монголия». Исключен из списков (17.01.1905). С. 57.

Потемкин 1-й Владимир Николаевич (22.10.1885—18.11.1938), капитан 1 ранга (30.11.1919). Окончил МК (1904). Ранен в Цусимском сражении на мин. «Громкий», после гибели миноносца попал в плен. Командующий мин. «Статный» (1908—1912). Старший офицер ЭМ «Уссуриец» (1915), командир ЭМ «Искусный» (1915—1917). В конце 1917 г. в Ростове рядовым поступил в Георг-

гиевский полк, затем в боях с красными командовал «морской ротой», был тяжело ранен (в голову с потерей глаза) под Батайском 02.02.1918. В апреле–августе 1919 г. — командир бронепоезда «Князь Пожарский», отличился в боях за Харьков, затем — командир Отряда бронепоездов морской тяжелой артиллерии. В 1920 г., будучи командиром Керченского порта, осуществил эвакуацию. Командир ТР «Ялта» (1920–1921). Умер в Париже от последствий ранений. Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. С. 73.

Прикот Николай Николаевич (10.09.1884–14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Бородино» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (27.06.1905). С. 73.

Прокопович 2-й Всеволод Константинович (26.01.1874–03.1912), капитан 2 ранга с увольнением от службы (04.06.1908). Окончил МК (1894). С. 57.

Протасьев Николай Александрович (28.07.1884–14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Бородино» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (27.06.1905). С. 73.

Прохоров 1-й Константин Викторович (22.10.1873–22.05.1915), капитан 1 ранга за отличие (06.12.1914). Окончил МК (1894). В Цусимском сражении — старший штурманский офицер КР I р. «Аврора», после гибели командира и ранения старшего офицера некоторое время управлял кораблем. Затем — старший офицер того же корабля (1905–1907). Командир ЭМ «Деятельный» (1907–1908), «Расторопный» (1908–1910), ТР «Николаев» (1910–1913). Заведующий обучением в МОК (1910–1913). Командир МЗ «Енисей» (14.01.1913–22.05.1915), погиб с кораблем, торпедированным германской ПЛ U26 в районе о. Оденсхольм. С. 57.

Пышнов Александр Михайлович (27.08.1873–?), капитан 1 ранга (06.12.1913). Окончил МК (1894). Командир ЭМ «Всадник» (1911–1913), ЛКР «Измаил» (1914), КР «Рюрик» (1914–1917), начальник 2-й бригады крейсеров БМ. В резерве чинов Морского министерства (с 19.05.1917). С января 1918 г. — в распоряжении Центробалта. По сведениям А.Е. Иоффе, до окончания Гражданской войны служил в центральных учреждениях флота в Петрограде (Прим. А.Е. Иоффе к книге: *Тимирев С.Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 175). С. 58, 59.

Рааб-Тилен фон дер, Тимофей Леонидович (22.01.1880–11.04.1929), капитан 1 ранга. Окончил МК (1899), МОК (1903); офицер-подводник (1907). Командир ПЛ «Форель» (1904–1906), «Окунь» (1906–1908), «Дракон» (1909–1910), ЭМ «Инженер-механик Зверев» (1912–1916), ТР «Рига» (1916–1917). Участник Первой мировой войны. Скончался в Париже. С. 168, 169.

Раевский Андрей (?-?). В 1917 г. — гардемарин МК. С. 193.

Ральцевич Вячеслав Александрович (?-?), надворный советник (10.06.1915). В 1910 г. — преподаватель истории в МК (в штате с 01.07.1912 по 1917), штатный преподаватель гимназии и реального училища д-ра Шеповальникова. С. 98.

Ренгартен Иван Иванович (19.10.1883—14.01.1920), капитан 1 ранга за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1904). В период обороны Порт-Артура — офицер ЭБР «Полтава», участвовал в сражении 28.07.1904. На сухопутном фронте ранен пулей навывлет в локоть правой руки и осколком снаряда в правый висок (09.08.1904). За попытку побега из японского плена приговорен к 5 годам одиночного заключения (27.06.1905), но освобожден 06.10.1905; вернулся из плена 21.01.1906. Преподаватель МОК (1911—1912). С 12.04.1912 — 2-й флагманский минный офицер штаба командующего МСБМ (с 17.07.1914 — ФБМ); с 14.01.1917 — помощник флаг-капитана по оперативной части и начальник разведывательного отделения; с 10.03.1917 — флаг-капитан по оперативной части. Уволен в отставку 30.04.1918. Преподавал в Морской академии на кафедрах Истории морской войны и Службы генерального штаба, был редактором оперативного отдела Морискома (1918—1920). Умер от сыпного тифа, заразившись при возвращении из Москвы в Петроград. Создатель радиопеленгатора, автор «Очерков по тактике минного дела», «Воспоминаний порт-артурца» (СПб., 1910) и интереснейших дневников. С. 74.

Репин Павел Васильевич (?-?). Обучался в МК с 1916 до марта 1918 г. Затем служил в белой Онежской флотилии (1918), в 1919—1920 гг. находился в Финляндии, где был произведен в мичманы. В 1920 г. прибыл в Константинополь, откуда был эвакуирован в Тунис, после переехал в Братиславу, учился и работал в Брно. В 1931 г. — председатель отделения Военно-морского союза в Праге. Личный фонд хранился в Русском зарубежном историческом архиве в Праге, в 1945 г. переданном СССР (в настоящее время — Ф. р-6023 в Государственном архиве Российской Федерации). С. 213.

Риджес (?-?). В 1909 г. — преподаватель английского языка в МК. С. 82.

Римский-Корсаков Воин Андреевич (14.07.1822—04.11.1871), контр-адмирал (1865). Обучался в морской роте Александровского КК (1830—1833), окончил МК (1838). В 1838—1852 гг. плавал на судах БФ, в т. ч. командиром тендера «Лебедь» (1851—1852) производил гидрографические работы в Финском и Ботническом заливах. С 1852 г. на ФР «Паллада», при переходе из Англии в Японию в 1852—1853 гг. командовал паровой шхуной «Восток», занимался гидрографическими исследованиями устья Амура и Татарского пролива. Во время Крымской войны в составе Камчатской флотилии. Командир корвета «Оливуца» (1856—1857) при переходе с Дальнего Востока на БМ. Командир учебно-арт. корабля «Прохор» (1858—1860), Начальник штаба главного командира Кронштадтского порта (1860—1861). И. д. директора (с 1861), директор (1865—1871) МК. Умер в г. Пизе (Италия), погребен в СПб. на Смоленском православном клад-

бище. Старший брат композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова, выпускника МК (1870). С. 7, 29.

Римский-Корсаков 1-й Николай Александрович (23.04.1852–.01.1907), вице-адмирал за отличие (14.11.1906). Окончил МК (1870). Адьютант генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича (1880–1888). Старший офицер КР «Ярославль» (с 09.04.1883 – «Память Меркурия») (1882–1884), «Забияка» (1884–1885), корвета «Аскольд» (1885), фрегата «Дмитрий Донской» (1886–1887). Морской агент (атташе) во Франции (1888–1891). Командир яхты «Стрела» (1891–1894), ББО «Адмирал Чичагов» (1894), КР I р. «Рында» (1894–1896), ББО «Генерал-адмирал Апраксин» (1896–1898), императорской яхты «Штандарт» (1898–1901). Архангельский губернатор (1901–1904). Начальник НМА и директор МК (26.04.1904–07.08.1906), затем товарищ морского министра. Скончался, исключен из списков (15.01.1907). С. 8, 76.

Романов Алексей Александрович, великий князь (02.01.1850–01.11.1908), адмирал (01.01.1888). Сын императора Александра II, брат Александра III, дядя Николая II. Старший офицер (1872–1873), командир (1874–1877) фрегата «Светлана», командующий (1873–1877), командир (1877–1881) Гвардейского экипажа. Главный начальник флота и морского ведомства с правами, предоставленными генерал-адмиралу (с 13.07.1881), генерал-адмирал (15.05.1883–02.06.1905). Скончался в Париже, погребен в Петропавловском соборе, исключен из списков (08.11.1908). С. 70, 75.

Романов Алексей Михайлович, великий князь (16.12.1875–18.02.1895), мичман (15.09.1894). Причислен к выпуску МК (1894). Скончался от туберкулеза в Сан-Ремо (Италия). Сын великого князя Михаила Николаевича. С. 57.

Романов Кирилл Владимирович (30.09.1876–12.10.1938), контр-адмирал Свиты ЕИВ (23.02.1915). После получения домашнего образования по экзамену произведен в мичманы и зачислен в Гвардейский экипаж (14.05.1896). Флигель-адъютант (20.05.1896). Участвовал в ряде дальних плаваний, служил старшим офицером КР I р. «Адмирал Нахимов» (12.08.1902–1903). В период обороны Порт-Артура – капитан 2 ранга (01.01.1904), начальник военно-морского отдела штаба командующего Флотом в Тихом океане вице-адмирала С.О.Макарова (с 09.03.1904). При гибели ЭБР «Петропавловск» получил ожоги и контузию, выехал в Европейскую Россию, а затем на лечение за границу. За вступление в брак вопреки воле государя исключен из службы (с 02.10.1905 по 03.11.1908). Старший офицер (1909–1910), командир (1912) КР «Олег». Штаб-офицер Военно-морского управления штаба верховного главнокомандующего (21.07.1914–1915). Командир Гвардейского экипажа (16.03.1915–1917). В эмиграции принял на себя императорский титул (1924). Умер в Париже. С. 70–72, 75, 116, 117, 136, 192.

Романов Константин Николаевич, великий князь (09.09.1827–13.01.1891), адмирал (09.09.1855). Сын императора Николая I Павловича. Шеф Гвардейско-

го экипажа (с 1831), генерал-адмирал русского флота (22.08.1831—13.01.1891; фактически управлял флотом: временно — с 21.01.1853 по 23.02.1855, официально — с 23.02.1855 по 13.07.1881), член (1850—1865, 1881—1891), председатель (01.01.1865 — 13.07.1881) Государственного совета. Активный участник либеральных реформ в царствование его старшего брата Александра II. С. 29, 30.

Русин Александр Иванович (08.08.1861—17.11.1956), адмирал (10.04.1916) в отставке (01.06.1917). Окончил МК (1881) и гидрогр. отделение НМА (1888). Морской агент в Японии (1899—1904). Командир ЭБР «Слава» (1905—1907), начальник НМА (1908—1910), директор МК (1908—1913). Начальник ГМШ (1913—1914) и МГШ (1914—1917), одновременно начальник МШВГ (1916—1917). В 1919 г. — сотрудник 2 отделения III секции Единого государственного архивного фонда (бывшего Архива Морского министерства). В эмиграции жил и умер в Касабланке, являлся председателем Всезарубежного объединения русских морских организаций (ВОМО). С. 8, 87, 88, 95, 103, 106, 110, 115, 120, 136, 144, 164, 167, 178, 198.

Рыбалтовский Анатолий Александрович (24.04.1868—07.1919), флота генерал-майор за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1889), МОК (?), КВМН НМА (1903). Командир мин. «Прозорливый» (1904—1905). Старший офицер КР II р. «Африка» (1905—1906), ЛК «Император Александр II» (1906—1908). Командир ЭМ «Лейтенант Бураков» (1908), «Внимательный» (1908—1909), «Казанец» (1909—1913). Начальник сводного резервного дивизиона мин. БМ (1913—1914). Начальник Кольской базы (1917). В 1919 г. — начальник Кронштадтской морской базы, расстрелян после восстания на фортах «Красная горка» и «Серая лошадь». С. 131.

Рыков Александр Николаевич (14.08.1874—05.01.1918), флота генерал-майор (06.12.1914). Окончил МК (1894), курс Морской учебно-строевой команды (1897), АОК (1902). На Дальнем Востоке с 1901 г. В период обороны Порт-Артура — лейтенант (06.12.1898), старший арт. офицер ЭБР «Полтава», в марте явился из отпуска. В бою 28.07.1904 г. был ранен в левое колено, 31.07 ногу пришлось ампутировать; в дальнейшем ходил с протезом и тростью. Вернулся в Россию через Шанхай и Севастополь 21.05.1905. За отличия награжден четырьмя орденами и чином капитана 2 ранга. Начальник Инвалидного Императора Павла I дома (затем — Дома инвалидов имени «Свободного флота Российской Республики») (1917). Расстрелян в Архангельске. С. 57, 58.

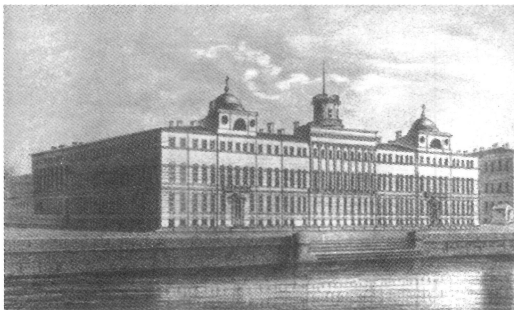
Сакеллари Николай Александрович (29.09.1880—1936), капитан 2 ранга (30.07.1916), в РККФ — флагман 2 ранга. Выпускник физико-математического факультета Новороссийского университета (г. Одесса), юнкер флота (1903), мичман (1904). Вахтенным офицером ЭБР «Орел» участвовал в Цусимском сражении, находился в японском плену. Окончил гидрогр. отделение НМА (1913). Штатный преподаватель МК (05.08.1913—1918), Курсов командного состава (1918). Одновременно — и.д. флагманского штурманского офицера 2-й бригады КР БМ (1914—1915), командующий УС «Астарта» (1915), командир УС «Рогне-

Здание Морского корпуса начала XX века

Здание Морского корпуса начала XX века

Здание Морского корпуса в 1850 году

Сергей Сергеевич Шульц –
гардемарин Морского училища
(1916)

Сергей Сергеевич Шульц –
видный геолог (фотографии
предоставлены С. С. Шульцем мл.)

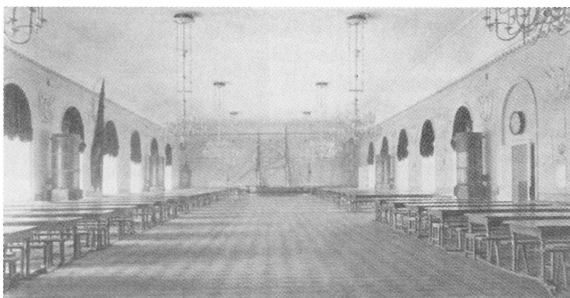

Памятник
И.Ф.Крузенштерну –
адмиралу,
кругосветному
мореплавателю,
директору Морского
кадетского корпуса.
Установлен на
набережной напротив
здания корпуса,
торжественно открыт
6 ноября 1873 года

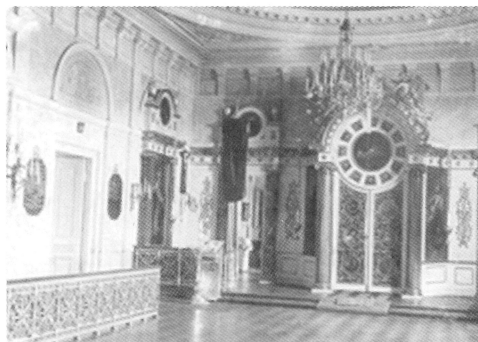

Дмитрий Сергеевич
Арсеньев (Из книги:
Plotto, Alexandre V. Au
service du pavillon de
Saint-Andre. (Serving the
St. Andrew Flag).
Paris, 1998)

Столовый зал – место обедов, построений, балов и
вступительных экзаменов

Церковь Святого Исповедника
Павла в Морском кадетском
корпусе. Начало XX века
(фотография предоставлена
Д. М. Васильевым)

Алексей Павлович Епанчин (Из книги: Plotto, Alexandre V. Au service du pavillon de Saint-Andre. (Serving the St. Andrew Flag). Paris, 1998)

Александр Михайлович Доможиров (Из книги: Plotto, Alexandre V. Au service du pavillon de Saint-Andre. (Serving the St. Andrew Flag). Paris, 1998)

Карл Федорович Кульстрем,
инспектор классов
с 1871 по 1884 год

Воин Андреевич Римский-Корсаков,
контр-адмирал

Григорий Павлович Чухнин (Из книги: Plotto, Alexandre V. Au service du pavillon de Saint-Andre. (Serving the St. Andrew Flag). Paris, 1998)

Николай Александрович Римский-Корсаков (Из книги: Российский флот в фотографиях из Национального исторического музея в Афинах (конец XIX – начало XX вв.). М., 1996)

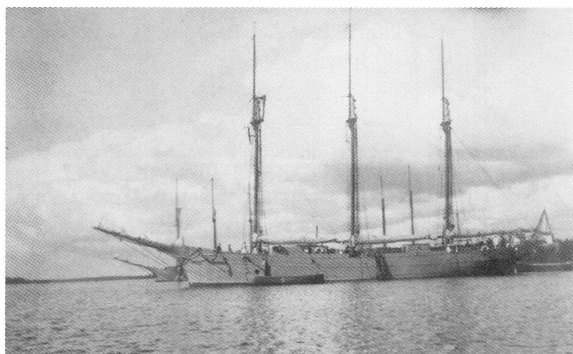
Александр Иванович Русин (Из книги: Plotto, Alexandre V. Au service du pavillon de Saint-Andre. (Serving the St. Andrew Flag). Paris, 1998)

Капитан Васильевич Белявский, священник и законоучитель Морского корпуса в 1872–1906 гг.

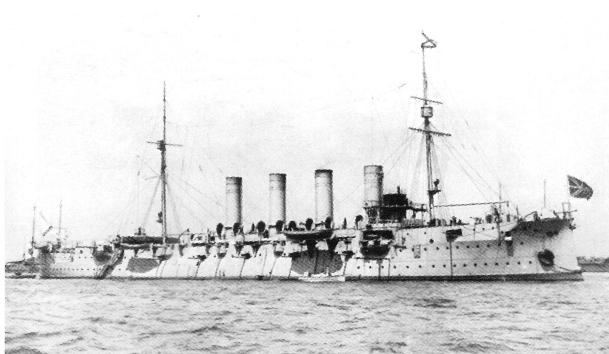

Шлюпочное ученье

«Муссон» (1911 г.)

(фотография предоставлена С. Н. Харитоновым)

Крейсер «Россия»

Александр Евгеньевич Завалишин
(Из книги: Plotto, Alexandre V. Au service du pavillon de Saint-Andre.
(Serving the St. Andrew Flag).
Paris, 1998)

Владимир Кузьмич Чернышов (Из
книги: Plotto, Alexandre V. Au service du
pavillon de Saint-Andre. (Serving the
St. Andrew Flag). Paris, 1998)

Виктор Андреевич Карцов (Из книги:
Plotto, Alexandre V. Au service du pavillon de
Saint-Andre.
(Serving the St. Andrew Flag). Paris, 1998)

Георгий Васильевич Вахтин, в
1916 году – командир учебного
судна «Бора» (Из книги:
Вспоминая Российский
императорский флот. М., 2001)

Александр Александрович Паскин
(фотография предоставлена
Т. Г. Вангенгейм)

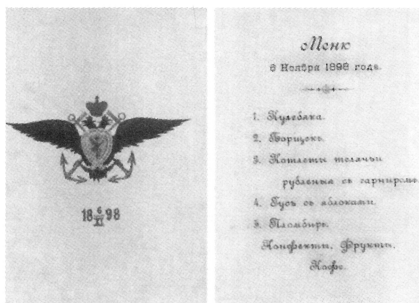
Николай Александрович Сакуллари
(фотография предоставлена
Т. Г. Вангенгейм)

Борис Павлович Хлюстин – гардемарин (1903 год) Борис Павлович Хлюстин – инженер-контр-адмирал советского флота (фотографии предоставлены Т. Г. Вангенгейм)

К празднованию 200-летия корпуса (1901 год) был подготовлен комплект различных мундиров, носившихся воспитанниками за минувшие два века (Из книги: Доценко В.Д. Русский морской мундир. 1696–1917. СПб., 1994)

Меню праздничного обеда в день Корпуса, 6 ноября 1898 г. (Из книги: Вспоминая Российский императорский флот. М., 2001)

Проводы в Порт-Артур выпускников Морского кадетского корпуса, досрочно произведенных в офицеры. Февраль 1904 года (рис. В. А. Табурина для журнала «Нива»)

«Моряк» (фотография предоставлена С. Н. Харитоновым)

Олег Федорович Данилевский,
бывший кадет, лауреат
Государственной и Ленинской премий

да» (1916–1917). В советское время преподавал в Морской академии, заведовал штурманской частью во время ряда дальних плаваний — перехода ПС «Воровский» на Дальний Восток (1924), ЛК «Парижская Коммуна» и КР «Профинтерн» с Балтики на ЧМ (1929–1930); преподавал в ВМА. Автор ряда учебников по девиации, навигации, кораблевождению. С. 203.

Салтыков Николай (?–?). Участник революционного кружка в МК (в 1871–1872), арестован в феврале 1872 г., освобожден. С. 14, 24.

Самойлов Адриан Михайлович (30.09.1883–14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ТР «Камчатка» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (20.06.1905). С. 73.

Саско Борис Владимирович (06.07.1891–10.05.1916), лейтенант (01.01.1915). Окончил МК (1911). Участник Первой мировой войны. Слушатель УОПП. Погиб на ПЛ «Сом» при столкновении со шведским ПХ «Ingermanland» у Аландских островов. С. 86.

Саткевич Владимир Александрович (24.12.1876–?), капитан 1 ранга (10.04.1916). Окончил МК (1896), гидрогр. отделение НМА (1904), МОК (1900). Старший штурманский офицер ЭБР «Орел» (1904–1905), участник Цусимского сражения; был в японском плену. Старший офицер УС «Европа» (1907–1910). Заведующий обучением нижних чинов Учебно-минного отряда БФ (1910–1913). Командир УС «Воин» (1913–1915). С. 137, 138.

Сафонов Михаил Иванович (31.10.1893–1924), старший лейтенант (12.10.1917). Окончил МК (1914 I), Офицерскую школу морской авиации (1916). Морской летчик, участник Первой мировой войны, один из лучших асов русского флота в той войне. Отличился в воздушных боях над Моонзундскими островами в октябре 1917 г. С ноября 1917 г. — командир 2-го истребительного авиаотряда. Служил в ВВС Финляндии, Великобритании, жил в Китае. Погиб в аварии. С. 85, 86.

Свиньин Владимир Александрович (16.07.1881–12.09.1915), капитан 1 ранга (12.09.1915). Окончил МК (1901), МАА (1908). Младший штурманский офицер ЭБР «Ретвизан» (1902–1904), участник обороны Порт-Артура. Преподаватель АОК (1909–1911). Флагманский арт. офицер штаба начальника бригады ЛК БФ (1911–1913), штаба командующего МСБМ (1913–1914), штаба командующего флотом БМ (1914–1915). Убит шрапнелью с немецкой береговой батареи в рубке ЛК «Слава». Погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. С. 147.

Свиридов (?–1911). Гардемарин 3-й роты МК, застрелился. С. 124.

Серебренников 1-й Петр Иосифович (Осипович) (22.06.1853–14.05.1905), капитан 1 ранга за отличие (18.04.1899). Окончил МК (1874). Старший офицер

КЛ «Дождь» (1890–1891). Командир МКР «Гайдамак» (1896–1897), МКЛ «Кореец» (1897–1898), ББО «Вешун» (1898) и «Стрелец» (1899), КР I р. «Россия» (1900–1902), 18-го флотского экипажа (1902–1904), ЭБР «Бородино» (1902–1905). Погиб в Цусимском сражении, исключен из списков (27.06.1905). С. 23.

Серебряков Эспер (Еспер) Александрович (1856–1920). Воспитанник МК с 1870 г., участник революционного кружка в МК (в 1871–1872), арестован в феврале 1872 г., освобожден. Перешел в юнкера флота (26.10.1872). Участник народовольческого кружка в Кронштадте (1880), военной организации «Народной воли». В 1883 г. во избежание ареста эмигрировал. Командующий болгарской Дунайской флотилией (1885). С. 7, 9–25.

Сибиряков Ксенофонт Александрович (1832–?), действительный статский советник (1891) в отставке (1894). Окончил Московский университет со степенью лекаря (1854). За участие в обороне Севастополя награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. с мечами и Св. Анны 3-й ст. с мечами. В 1857 г. прикомандирован к С.-Петербургскому порту. Судовой врач ПХ-ФР «Громобой» (1860), корветов «Калевала» (1860–1863), «Рында» (1864–1867), ПХ-ФР «Соломбала» (1867–1869), ПХ-ФР «Громобой» (1869). Старший судовой врач 6-го флотского экипажа (1869–1870). Надворный советник, младший врач МК (1870–1878), флагманский врач отряда судов МК (1873–1894), старший судовой врач 8-го флотского экипажа (1878–1887), старший врач МК (1887–1894). С. 38.

Синицын Валериан Николаевич (17.01.1884–1921), старший лейтенант за отличие (06.12.1915, старшинство с 06.12.1914). Окончил МК (1905), МОК (1911). Младший (с 03.12.1912), старший (с 07.12.1915) отделенный начальник МК, командующий учебным судном «Бриз» (с 08.06.1915). Начальник электрической части Петроградского порта (1917). Уволен от службы 12.01.1918 с возбуждением уголовного дела. Служил в РККФ, арестован во время фильтрации, умер в тюрьме Владимира-на-Клязьме от сыпного тифа. С. 92.

Скотт Вальтер (?–?). Преподаватель английского языка в МК в начале XX в., соавтор учебника английского языка. С. 81, 174, 175, 195, 196.

Скрыдлов Федор Георгиевич (10.05.1884–04.06.1965), старший лейтенант за отличие (28.07.1917). Окончил МК (1907). В апреле 1909 г. перешел подпоручиком в гвардию, но в декабре того же года вернулся во флот прежним чином мичмана. В 1912 г. — вахтенный начальник УС «Воин». Перед войной — в прикомандировании к МК, младший отделенный начальник. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Скончался в г. Детройте (Мичиган, США). С. 108, 173.

Сланский Георгий Михайлович (?–?). Воспитанник МК с 1913 г.; в период Первой мировой войны перевелся в одно из военных училищ. С. 82, 141.

Сланский Григорий Ефимович (28.09.1894—?), лейтенант (28.07.1917). Окончил МК (1914 I).

Смирнов Георгий Яковлевич (03.03.1891—?), старший лейтенант. Окончил МК (1911). Служил на КР «Аврора» (1911–1912), «Олег» (1913–1914). И.д. старшего отделенного начальника Отдельных гардемаринских классов (с 29.11.1915). В 1917–1919 гг. плавал с гардемаринами на Тихом океане на КР «Орел». В эмиграции проживал во Франции. С. 86.

Смирнов Николай Саввинович (?–?). Воспитанник МК; в период Первой мировой войны перевелся в одно из военных училищ. С. 190, 191.

Соколов Виктор Петрович (31.01.1883—?), подполковник Корпуса корабельных инженеров (06.12.1916). Окончил МИУ (1904). Служил на Адмиралтейском судостроительном заводе (с 1908). В 1911 г. — преподаватель кораблестроения в МК. С. 105.

Соловкин Алексей (?–1912). Обучался в одном из кадетских корпусов, в 1909 г. перевелся в МК. Гардемарин 2-й роты МК, застрелился. С. 85, 124.

Соломон Андрей (?–?). С 1913 г. — воспитанник МК. С. 175, 176, 196.

Степанов Иван Иванович (12.06.1825—?), генерал-лейтенант по Адмиралтейству при отставке (1885). Окончил МК (1844), офицерский класс МК (1847). В 1847–1849 гг. служил на судах ЧФ. С 1850 г. прикомандирован, затем переведен в МК. Во время Крымской войны в 1854 г. командовал полубатальоном IV бригады Гребной флотилии в Або, участвовал 10.08 в бою с английским фрегатом и награжден орденом Св. Станислава 3 ст. В 1857–1859 гг. совершил кругосветное плавание на ФР «Аскольд» с воспитанниками МК и юнкерами. С 1860 г. командир 1-й роты МК. Командир корвета «Баян» (1866). С 1869 г. заведующий строевой и хозяйственной частью МК. С. 36, 37.

Стеценко Константин Васильевич (21.05.1862—?), адмирал (06.12.1916). Окончил МК (1881), МОК (1883), гидрогр. отделение (1888) и КВМН (1897) НМА. Командир ПХ «Онега» (1900). Флаг-капитан начальника эскадры Тихого океана (1900–1903), флаг-офицер штаба командующего Флотом в Тихом океане (1904–1905). Командир КР I р. «Аскольд» (1905–1906), «Рюрик» (1906–1908). Начальник штаба начальника соединенных отрядов БМ (1908–1909), начальника Действующего флота БМ (1909–1911). Начальник бригады крейсеров БМ (1911). Командующий Сибирской флотилией (1911–1913). Состоял при морском министре (1913–1914). Начальник ГМШ (1914–1917). Член Адмиралтейств-совета с 07.03.1917, уволен от службы по болезни 15.06.1917. В 1918 г. находился в заключении в Петропавловской крепости. С. 167, 208.

Столица Петр Константинович (21.09.1884–1919), капитан 2 ранга (28.07.1917). Окончил МК (1904), МОК (1911); офицер-подводник (1916). Участник обороны Порт-Артура (вахтенный начальник ЭБР «Ретвизан»), кавалер трех

боевых орденов; после сдачи крепости добровольно пошел в плен вместе с командами. Командир КЛ «Киргиз» (1908–1909). Участник Первой мировой войны — командир 2-й роты 1-го батальона Гвардейского экипажа, воевавшего на сухопутном фронте (1914), затем — командующий ПЛ «Кашалот» (1916–1917) на Черном море; награжден боевым орденом. По данным эмигрантов, погиб во время Гражданской войны на стороне белых. С. 77.

Страхов Борис Петрович (15.07.1886—06.1917), старший лейтенант (06.12.1915). Окончил МК (1906), основной (1912) и дополнительный (1913) курсы гидрогр. отделения НМА. Младший флаг-офицер командующего 1-м отрядом минных судов БМ (1907–1909), ревизор ЭМ «Охотник» (1909), вахтенный начальник КР «Рюрик» (1910), старший штурманский офицер КР «Рюрик» (1913–1916). Флагманский штурманский офицер штаба начальника 1-й бригады КР БФ (1916). 17.11.1916 командирован на Дивизию ПЛ, с января 1917 г. — командир строящейся ПЛ «Ягуар». Погиб во время боевого похода на ПЛ «Львица», исключен из списков 15.10.1917. Зять адмирала Н.О. фон Эссена. С. 75.

Страхович Николай Васильевич (10.08.1886—?), старший лейтенант (06.12.1916). Окончил МК (1906). Младший отделенный начальник МК (17.06.1909–1914). В эмиграции проживал в Париже. С. 80, 98, 108, 109, 173, 183.

Сурандер Ахиллес Акселевич (19.05.1891—17.05.1971), лейтенант (01.01.1915). Окончил МК (1911). Участвовал в плавании КР «Аврора» в Сиам (1911–1912). В годы Первой мировой служил на ЭМ «Сторожевой». В эмиграции жил и умер в Гельсингфорсе. С. 86, 130.

Суханов Николай Евгеньевич (24.10.1851—19.03.1882), лейтенант. Участник революционного кружка в МК (в 1872 г.), арестован в феврале 1872 г., освобожден. Окончил МК (1872). С осени 1879 г. — член Исполнительного комитета «Народной воли», руководитель ее Военной организации, участник подготовки покушения на императора Александра II 01.03.1881. Арестован 28 апреля 1881 г., осужден, расстрелян в Кронштадте. С. 14, 19, 21.

Сухомель Вацлав Модестович (09.02.1864—?), флота генерал-майор за отличие (14.04.1913). Окончил МК (1883) и механ. отд. НМА (1886). В 1891 г. перешел на службу по Адмиралтейству. Штатный преподаватель МК с 30.09.1896 по 1918 г. Начальник Управления военно-морских учебных заведений (1918–1920), адъютант (1921), преподаватель Военно-морского гидрографического училища (1922), ВМА (с 1923). С. 104, 108.

Тавастшерна Григорий Александрович (08.05.1885—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер КР II р. «Жемчуг», погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (30.05.1905). Его брат Александр (13.05.1888—05.05.1925), МК (1907), капитан 2 ранга, умер в Пирее (Греция). С. 73.

Терпигоров Николай Сергеевич (20.03.1873—?), капитан по Адмиралтейству за отличие (10.04.1916). Окончил МК (1894) последним по списку. Осужден с «исключением из службы, без лишения чинов, с потерей лишь некоторых особых прав и преимуществ, лично и по состоянию ему присвоенных» (07.06.1904); «всемиловитвейше повелено» считать уволенным от службы (16.06.1913). Определен на службу с зачислением штабс-капитаном по Адмиралтейству (17.08.1915). С. 58.

Тивяшев Григорий Петрович (30.04.1884—16.12.1917), лейтенант за отставкой (21.03.1916). Окончил МК (1904). Уволен от службы 11.09.1907, вернулся на флот во время Первой мировой войны — и.д. старшего офицера ПС «Салгир» (1916), УС «Рион» (1916—1917). Расстрелян матросами на Малаховом кургане в Севастополе. С. 73.

Типольт Николай Александрович, барон (05.06.1884—20.11.1967), капитан 2 ранга за отличие (06.07.1915). Окончил МК (1904), АОК (1908), основной (1912) и дополнительный (1913) курсы ВМО НМА. Участвовал в походе 2-й эскадры флота Тихого океана на ТР «Анадырь» и КР II р. «Рион» (1904—1905). Старший арт. офицер КР «Аскольд» (1908—1909). Флаг-офицер штаба начальника Отряда заградителей БМ (1913—1915). Помощник флаг-капитана по оперативной части штаба командующего ФБМ (с 16.12.1915). Командир ЭМ «Пограничник» (1917). Помощник флаг-капитана по оперативной части штаба командующего Флотом ЧМ (1918—1919). В эмиграции — шофер парижского такси (1921—1940), конторский служащий. Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. С. 8, 71, 73—75, 77.

Типольт Николай Аполлонович, барон (01.08.1864—05.07.1948), генерал-майор за отличие (06.12.1916). Окончил МК (1886). Младший (14.08.1900—1901), старший (11.09.1906—26.07.1910) отделенный начальник МК. Младший (1910—1914), затем старший помощник командира С.-Петербургского порта. Зачислен в резерв чинов Морского министерства (31.03.1917), вскоре отправлен в отставку. Умер в Парагвае. С. 80, 98.

Тирбах Петр Игнатьевич (11.06.1890—20.03.1953), старший лейтенант за боевые отличия (28.11.1916). Воспитывался в Хабаровском Амурском КК, в период русско-японской войны участвовал в боевых действиях в Манчжурии в составе Уссурийского казачьего полка. Поступил в Михайловское арт. училище (29.06.1907), перевелся в МК (14.09.1907), который окончил в 1910 г. Флаг-офицер штаба командующего МСБМ (с 22.06.1913). И. д. старшего флаг-офицера по оперативной части штаба командующего Флотом БМ (с 05.01.1917). После Гражданской войны в эмиграции. В 1930-е гг. жил в Шанхае. Умер в Лос-Анджелесе. С. 88.

Трубецкой Георгий Юрьевич, князь (1888—21.07.1909). В МК с 1904 г., в 1909 г. — гардемарин, покончил с собой. Племянник будущего контр-адмирала

князя В.В.Трубецкого (1868–1931). В 1909 г. женился на Надежде Петровне Соколовой, в том же году родился сын Юрий. С. 95.

Трухачев Петр Львович (10.11.1867–04.11.1916), вице-адмирал при отставке (31.10.1916). Окончил МК (1887). В период обороны Порт-Артура — командир мин. «Бесстрашный» (1904–1906); после сражения 28.07.1904 прорвался в Циндао. И.д. зав. миноносцами Владивостокского порта (1906). В Гвардейском экипаже (с 20.10.1906). Старший офицер яхты «Стрела» (1906–1907), императорской яхты «Александрия» (1907–1909). Командир императорской яхты «Марево» (1909–1910), ЭМ «Войсковой» (1910–1912), КР «Олег» (1913–1915). Командующий, затем начальник Минной дивизии (1915), 1-й бригады крейсеров БФ (1915–1916). Умер во время лечения в Новороссийске, тело перевезено в Петроград (07.11.1916). С. 133.

Тундерман 4-й Константин Карлович (03.03.1875–14.05.1905), лейтенант (18.04.1899). Окончил МК (1894). Младший арт. офицер ЭБР «Ослябя» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. С. 57.

Удимов Дмитрий Иванович (?–?). В 1909 г. — священник в МК. Репрессирован в советский период. С. 82, 87, 104, 126, 144, 146, 154, 156.

Уклонский 1-й Александр Семенович (22.08.1852–.04.1904), полковник по Адмиралтейству (28.01.1902, со старшинством в чине с 06.12.1901). Участник революционного кружка в МК (в 1871–1872). Окончил МК (1874). Командир мин. «Батум» (1890–1892), старший офицер МКЛ «Запорожец» (1892–1894), командир ТР «Пендераклия» (1895–1896), «Бомборы» (1896–1897). Старший помощник капитана над Севастопольским портом (1902–1904). Скончался, исключен из списков (02.05.1904). С. 13, 18.

Усаров Георгий Александрович (?–?). Обучался в МК с 1916 до марта 1918 г., окончил МК в Бизерте (1922). С. 212, 213.

Фабрицкий Симеон Симеонович (14.02.1876–25.02.1941), контр-адмирал за отличие с зачислением в Свиту (28.06.1916). Окончил МК (1894). Минный офицер (с 1903), старший офицер (1906–1907) имп. яхты «Полярная звезда», старший офицер КР «Диана» (1907), «Олег» (1907–1909), имп. яхты «Александрия» (1910). Флигель-адъютант (06.12.1907). Командир ЭМ «Амурец» (1910–1913), начальник отряда новобранцев 1-й Минной дивизии. Начальник 3-го дивизиона ЭМ МСБМ (1913–1914). С 23.05.1915 — начальник морской бригады сухопутного фронта Морской крепости Императора Петра Великого, в октябре 1916 перестроенной в отдельную Балтийскую морскую дивизию. После Февральской революции — в резерве чинов Морского министерства. В отставке (с 22.06.1917). В 1918 г. командовал Донской флотилией, с мая 1919 г. — Черноморской морской дивизией белых. В 1920 г. эвакуировался в Константинополь, с 1935 г. проживал в Бельгии. Умер в Брюсселе, погребен на кладбище Иксель. С. 57, 58, 168.

Фалеев (?-?). В 1909 г. — преподаватель истории в МК. С. 81, 98.

Федоров Федор Иванович (21.10.1867—?), флота генерал майор «за отлично ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны» (30.07.1915). Окончил МК (1888), АОК (1898). Младший (с 15.10.1900), старший (с 16.01.1906) отделенный начальник МК, флагманский арт. офицер штаба командующего Учебным отрядом МК (1904—1906), ротный командир МК (с 03.09.1907) (в февр. 1917 — и.д. заведующего строевой частью). В период Гражданской войны работал в канцелярии Курсов командного состава флота, Училища командного состава флота. Арестован во время «филтрации» (1921). С. 90, 110, 138, 139, 146, 154, 198, 199.

Федоровский Хрисанф Феокистович (?-?). Воспитанник МК, составитель проекта петиции об исключении из МК членов революционного кружка (1872); МК не окончил. С. 23, 24.

Феодотьев Владимир Михайлович (07.06.1892—1920), лейтенант (06.12.1915). Окончил МК (1911). Участник Гражданской войны на стороне белых (в 1920 г. — командир порта Тамань), утонул в Азовском море. С. 168.

Фесенко Иосиф Иванович (03.07.1883—1918), старший лейтенант за отличие (03.05.1916, старшинство с 06.12.1915). Окончил МК (1904), Водолазную школу (1905). Помощник начальника Водолазной школы (1906—1912). В запасе с 11.06.1912, в годы Первой мировой войны — вновь на службе. По данным эмигрантов, погиб после революции. С. 77.

Филонов Петр Максимович (?—1910). Преподаватель русского языка в МК, умер осенью 1910 г. Погребен на Смоленском православном кладбище. С. 81, 98.

Флоров Александр Александрович (22.08.1882—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный начальник ЭБР «Князь Суворов», погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков 20.06.1905. С. 73.

Фролов 1-й Сергей Иванович (28.06.1869—?), контр-адмирал за отличие (18.07.1917). Окончил МК (1890), МОК (1897), гидрогр. отделение НМА (1900). Старший офицер КР II р. «Кубань» (1904—1906), ЭБР «Чесма» (1906). Командир УС «Воин» (1908—1913), одновременно в 1909—1910 гг. — ротный командир МК, затем преподаватель мореходной астрономии. Заведующий Отдельными гардемаринскими классами (1914—1917), командир ЛКР «Кинбурн» (1915—1917). Начальник Управления военно-морских учебных заведений (1920—1921), председатель (1922), управляющий делами (с 1923) Военно-морского учебного комитета. С. 105, 108, 123, 140, 159, 160, 205.

Фомин Владимир Юрьевич (15.09.1883—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Князь Суворов», погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков 20.06.1905. С. 73.

Фус (Масленников) Георгий Георгиевич (?—24.08.1936), мичман. Гардемарин МК, находился в училище до окончания занятий в марте 1918 г. Скончался в Ницце. С. 197, 203.

Халкевич Николай Петрович (30.05.1881—?), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1902). На крейсерах Владивостокской эскадры участвовал в русско-японской войне, кавалер двух боевых орденов. В МК: младший (14.10.1909—21.01.1913), затем старший отделенный начальник, преподаватель морского дела, в начале 1917 г. — и.д. ротного командира. В период службы в МК носил прозвище Мороженщик. С. 105, 119, 120.

Хамрат Лев Александрович (?—?). Воспитанник МК, в 1872 г. вместе с Е.А. Серебряковым перешедший в юнкера флота. С. 24.

Хвостов Иосиф Андреевич (?—05.1875), капитан-лейтенант (01.01.1869). В 1836 г. поступил кадетом в 1-й штурманский полуэкипаж, 11.04.1848 произведен в прапорщики Корпуса флотских штурманов. После переименования в мичманы (11.07.1851) продолжил службу на Балтике, в 1855 г. участвовал в защите Свеаборга от англо-французского флота. Переведен в МК (15.09.1859), ежегодно летом плавал с воспитанниками; старший отделенный начальник (с 09.08.1868), командир 2-й роты (с 11.12.1871). Скончался, исключен из списков (07.05.1875). С. 39.

Хлопов Владимир Владимирович (?—?). Окончил МК (1874). С. 17, 18, 20, 24.

Хлюстин Борис Павлович (05.02.1884—20.08.1949), инженер-контр-адмирал (04.06.1940), доктор военно-морских наук (1947), профессор (1938). Окончил МК (1904), гидрогр. отделение НМА (1910). Участник обороны Порт-Артура, кавалер трех боевых орденов. Старший офицер ЭМ «Сибирский стрелок» (1908). Старший штурман ЛК «Андрей Первозванный» (.10.1910—.03.1912), флагманский штурман Минной дивизии (.03—.08.1912), бригады ЛК (.08—.10.1912) БФ. Преподаватель (.10.1912—.07.1914), затем до марта 1918 г. — помощник инспектора классов МК. Последнее звание в Российском императорском флоте — капитан 2 ранга (06.12.1913). Служил в РККФ. В ВМУ им. М.В. Фрунзе Б.П. Хлюстин являлся: преподавателем и зав. учебными пособиями (.10.1918—.05.1922), начальником учебного отдела и помощником начальника училища (.05.1922—.07.1929), преподавателем (.07.1929—.05.1932), начальником цикла кораблевождения (.05.1932—.11.1939), кафедры кораблевождения (.11.1939—.04.1940), кафедры навигации (.04.1940—.11.1941). В период Великой Отечественной войны: начальником кафедры кораблевождения в Высшем военно-морском пограничном училище НКВД (.11.1941—.05.1943), преподаватель цикла кораблевождения Курсов офицерского состава КБФ (.05.1943—.05.1944), начальник кафедры девиации ВВМУ им. М.В.Фрунзе (.05.1944—.07.1947). Начальник кафедры кораблевождения Высшего военно-морского пограничного училища МВД (.09.1947—

.03.1949), затем в отставке. Погребен на Волковском лютеранском кладбище в Ленинграде. Автор ряда учебников по мореходной астрономии. Его младший брат Николай (02.08.1888—14.10.1966) окончил МК (1908), старший лейтенант, умер в США. С. 107, 129, 132, 140.

Хмызников Павел Константинович (22.02.1896—?), мичман (30.07.1915, старшинство с 09.06.1915). Окончил МК (1915). Подводник (1917). Вахтенный офицер КР «Россия» (1915). Помощник командира (1917), и.д. командира (1918) ПЛ «Волк». Флаг-секретарь Службы связи БМ (1919). В 1920 г. — производитель работ Гидрогр. экспедиции по исследованию устья р. Лена, в 1921 г. — помощник начальника экспедиции, с 1922 г. — старший производитель работ Отдельного Северного гидрографического отряда. Географ, работал в Арктике. По данным А.П. Белоброва, репрессирован в 1930-е гг. С. 120, 121.

Холодняк Алексей Иванович (19.03.1891—?), лейтенант (06.12.1915). В 1910—1911 гг. — вице-фельдфебель 4-й роты МК. Окончил МК (1912), гидрогр. факультет ВМА (1928). Младший отделенный начальник МК (1915—1917). И.д. редактора журнала «Морской сборник» (1918). Помощник по хоз. части начальника Морской академии (1919—1920). Затем служил в Управлении военно-морских учебных заведений, начальник Военно-морского подготовительного училища (1923—1924). Начальник учебного отдела (1929—1931), помощник начальника (1931—1932), начальник штаба (с 1932) ВМУ им. М.В. Фрунзе. С. 98, 104.

Цвингман 2-й Иван Георгиевич (19.05.1885—23.02.1918), капитан 2 ранга за отличие (06.12.1915). Окончил МК (1904), минный офицер 1 разряда (1908). Участник Первой мировой войны, старший офицер ЛК «Императрица Екатерина II» (1915—1918). В январе 1918 г. осужден революционным трибуналом в Севастополе к 12 годам за участие в разгроме предполагавшегося в 1912 г. мятежа на флоте, убит матросами вместе с другими содержавшимися в тюрьме офицерами. С. 73.

Цеховский Борис (?—12.1916). Воспитанник МК (3-я рота), покончил с собой, исключен из списков корпуса (15.12.1916). С. 191.

Цывинский 2-й Евгений Генрихович (30.10.1885—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Бородино» (1904—1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (27.06.1905). Сын вице-адмирала (1910) в отставке (1911) Г.Ф.Цывинского (1855—1938). Брат Георгий, МК (1914 I), погиб 28.09.1914 на КР «Паллада». С. 73.

Цыгальский (?—?), подполковник. В 1913—1914 гг. — преподаватель фортификации в МК. С. 141, 143.

Чайковский Николай Клементьевич (08.05.1884—1920), капитан 2 ранга (28.07.1917). Окончил МК (1904), минный офицер 1 разряда (1908). В период

Первой мировой — командующий МЗ «Георгий» (1914–1915). После эвакуации в Константинополь белой армии убит в Крыму красными. С. 73.

Чарыков Анатолий Андреевич (?–?). Воспитанник МК, исключен до 1872 г. С. 13.

Черепанов (?–?). Служитель музея МК. С. 206, 207.

Черкасов Анатолий Нилович (07.06.1874–16.06.1904), лейтенант (06.12.1898, старшинство за пребыванием в запасе с 14.03.1900). Окончил МК (1894). В запасе (1903–1904). Погиб в Петербурге при первом самостоятельном погружении на первой русской боевой подводной лодке «Дельфин», исключен из списков 21.06.1904. Погребен на Смоленском православном кладбище в СПб. С. 57.

Черниловский-Сокол Николай Иванович (27.08.1881–26.11.1936), контр-адмирал (.06.1918). Окончил МК (1901), МОК (1905). Младший штурман, затем ревизор КР I р. «Варяг» (1901–1904); за участие в легендарном бою с японцами у Чемульпо награжден орденом Св. Георгия 4 ст. (23.02.1904). В прикомандировании к МК (1906–1907). Младший (11.09.1907–01.08.1911), старший (01.08.1911–14.04.1914) отделенный начальник МК, преподаватель минного дела. Старший офицер КР «Кагул» (1914–1916), командир ЭМ «Дерзкий» (1916–1917). В 1918 г. командовал украинским ЧФ. В сентябре 1919 г. выехал из Одессы во Владивосток, где командовал Сибирской флотилией (12.02.1920–29.05.1921). Отстранен от должности; в отставке с 20.07.1921 г., после чего выехал в Китай. В эмиграции работал в компании «Andersen, Mayer and Co». Умер в Тяньцзыне. С. 104, 141, 144.

Чернышев Владимир Кузьмич (09.12.1866–16.04.1939), флота генерал-майор за отличие (06.12.1916). Окончил МК (1887), гидрогр. отделение НМА (1894). Один из ветеранов МК: младший (с 02.09.1895), старший (с 02.05.1904) отделенный начальник, штатный преподаватель (с 11.09.1906), помощник инспектора классов (24.09.1912–12.05.1916), затем инспектор классов Севастопольского морского кадетского корпуса. В эмиграции жил в Медоне, с 1933 г. — в Ницце, где умер и погребен. С. 129.

Чернышев Георгий (?–?). В 1917 г. — гардемарин МК. С. 202.

Чухнин Григорий Павлович (23.01.1848–29.06.1906), вице-адмирал (06.04.1903). Окончил МК (1865). Старший офицер КР «Азия» (1878–1879), корвета «Аскольд» (1879–1882), клипера «Гайдамак» (1882), фрегата «Генерал-Адмирал» (1882–1886). Командир КЛ «Манджур» (1886–1890), ББО «Не тронь меня» (1892), КР I р. «Память Азова» (1892–1896). Младший флагман эскадры Тихого океана (1896, 1901–1902), командир Владивостокского порта (1896–1901). Начальник НМА и директор МК (01.07.1902–26.04.1904). Главный командир Черноморского флота и портов ЧМ (с 26.04.1904). За энергичные дей-

ствия по подавлению революционного движения ранен эсеркой Е.Измайловой (январь 1906), смертельно ранен 28.06.1906 матросом Акимовым на даче «Голландия». С. 8, 71, 75, 76.

Шанявский 1-й Игнатий Игнатьевич (19.12.1883—не позднее 1964), капитан 2 ранга (06.12.1916). Окончил МК (1904), МОК (1909), ШОК (?). Вахтенный офицер ЭБР «Ослябя», 30.12.1904 переведен на ЭБР «Сисой Великий»; участвовал в Цусимском сражении 14–15.05.1905, попал в плен. Младший (18.07.1910–01.09.1914), затем старший отделенный начальник МК, одновременно в 1915 г. — командующий УС «Либава». После революции служил в польском флоте. Умер в Англии. С. 80, 82, 98, 131, 132, 144, 151, 302.

Шейковский Александр Иванович (21.10.1880—09.07.1933), капитан 1 ранга (21.06.1917). Окончил МК (1902). Вахтенный, затем штурманский офицер КР П р. «Новик» (08.09.1902 — 17.08.1904), участник всех боев этого крейсера с японцами. Младший (с 04.11.1906), старший (17.06.1910 — 07.01.1913) отделенный начальник МК. Старший офицер УС «Воин» (1913–1914), командир УС «Муссон» (1915–1916), одновременно — младший (с 21.01.1913), старший (с 25.08.1914) отделенный начальник, ротный командир (18.05.1915–1916) МК. Командир КР «Аскольд» (1917–1918). Командующий ЧФ (.03 — .08.1919). Скончался в Константинополе. С. 110, 138, 139, 163.

Шестаков Иван Ильич (27.01.1883—?), старший лейтенант (за выполнение ценза службы в МК) (06.12.1916, старшинство с 06.12.1915). Окончил МК (1905). В прикомандировании к МК (1913–1914), младший отделенный начальник МК (24.03.1914–1918), одновременно прикомандирован для занятий к МГШ (1916–1918). В отставке с 1918 г. Штатный преподаватель ВМУ им. М.В. Фрунзе (1925–1937). Уволен по болезни (1937). С. 173, 175.

Шидловский 2-й Вадим Всеволодович (08.12.1889—?), лейтенант (20.02.1914). Окончил МК (1909). В 1910 г. — офицер УС «Верный». С. 92–94.

Шильдер-Шульднер Федор Эдуардович (07.02.1889—09.05.1970), лейтенант (06.12.1913). Окончил МК (1909). В 1910 г. — офицер УС «Верный». Производитель гидрогр. работ Комиссии по обзору Финляндских шхер (1912–1913). Участник Первой мировой войны. И.д. старшего офицера ПЛ «Рысь» (1917). В период Гражданской войны — офицер для поручений при генерал-лейтенанте Миллере (1919), и.д. старшего офицера ЛК «Чесма» (1920). Умер во Флориде (США). С. 92.

Шиповалов Василий Петрович (06.03.1884—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный начальник УС «Моряк» (10.05—10.08.1904), мин. «Пылкий» (13.08—27.10.1904). Пассажир (с 27.10.1904), вахтенный офицер (03.12.1904—08.02.1905) КР П р. «Днепр», затем вахтенный офи-

цер ЭБР «Ослябя». Погиб в Цусимском сражении, исключен из списков (15.05.1906). С. 73.

Шипулинский Захарий Александрович (04.09.1869—?), капитан 1 ранга «за отличие в делах против неприятеля» (02.11.1915, старшинство с 23.08.1915). Обучался в Новороссийском университете (г. Одесса). Юнкер флота (1892), мичман (30.05.1894). Окончил АОК (?). Флагманский арт. офицер штаба начальника Практической эскадры ЧМ (1905). Старший офицер ЛК «Ростислав» (1910–1911). Флагманский арт. офицер штаба командующего МСЧМ (1911–1913). Командир КЛ «Донец» (1913–1915), ЭМ «Быстрый» (1915–1916), флаг-капитан по распорядительной части штаба командующего Флотом ЧМ. Участник Первой мировой войны. С. 58.

Шишкин Борис Николаевич (02.05.1883—14.05.1905), мичман (28.01.1904). Окончил МК (1904). Вахтенный офицер ЭБР «Князь Суворов» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков (20.06.1905). С. 73.

Шмидт Николай Владимирович (20.10.1863—?), полковник по Адмиралтейству за отлично ревностную службу (30.07.1915). Окончил МК (1883) и Академию Генерального штаба (1891). С 1884 г. служил в гвардии, в 1908 г. находился на гражданской службе (статский советник). Зачислен по Адмиралтейству капитаном с производством в подполковники (06.05.1912). В 1909–1917 гг. — преподаватель географии в МК. С. 81, 98.

Шмидт 3-й Петр Петрович (05.02.1867—06.03.1906), лейтенант (06.12.1895). Окончил МК (1886). В отставке (1889–1892; 1898–1904) служил в Добровольном флоте. Старший офицер ТР «Иртыш» (1904). Уволен от службы 07.11.1905. Возглавил восстание на КР I р. «Очаков», осужден, расстрелян. С. 146, 161.

Шокальский Юлий Михайлович (05.10.1856—26.03.1940), флота генерал-лейтенант (25.03.1912). Окончил МК (1877), гидрогр. отделение НМА (1880). Преподаватель МК (1883–1908). Зав. библиотекой Морского министерства (1890–1907), зав. гидрогр. службой Главного гидрогр. управления (1907–1917). Преподаватель, профессор НМА, затем ВМА. Директор Ленинградского картографического института (с 1925). Известный океанограф, географ, картограф, президент Географического общества (1917–1931), почетный член АН СССР (1939). Погребен на Литераторских мостках Волковского православного кладбища. С. 147.

Штромберг Александр Павлович, барон (05.09.1854—10.10.1884), лейтенант. Окончил МК (1875), служил на Балтике и Тихом океане. В 1880 г. один из организаторов революционного кружка моряков в Кронштадте, один из руководителей Военной организации «Народной воли». После убийства Александра II арестован, за отсутствием улик сослан в Верхоленск (1881). В 1883 г. возвращен из ссылки, приговорен к смерти и повешен вместе с Н.М. Рогачевым в Шлиссельбургской крепости. С. 10.

Шульгин Анатолий Григорьевич (05.09.1884—1919), капитан 2 ранга. Окончил МК (1904), штурманский офицер 2 разряда (1912). Участник ряда заграничных плаваний (КР «Адмирал Макаров», 1908—1912; УС «Океан», 1912; ТР «Анадырь», 1912), спасения жителей разрушенного землетрясением итальянского г. Мессина (1908). Командующий ПС «Дозорный» (с апреля 1915). Скончался от саркомы. Сын флота генерал-лейтенанта Г.И. Шульгина, шурин Б.П. Хлюстина. С. 74, 108, 109.

Шульгин Григорий Иванович (05.03.1856—1923), флота генерал-лейтенант (1911). Окончил МК (1877), гидрогр. отделение НМА (1884). МК окончил первым по успеваемости, с занесением на мраморную доску и награждением премией имени адмирала П.И.Рикорда. В МК — преподаватель астрономии, помощник инспектора (с 1897), инспектор классов (1902—10.07.1906). Помощник начальника (с 1907), начальник (1910—1917) НМА. В 1918—1923 гг. — преподаватель Училища командного состава флота, помощник начальника учебной части ВМУ. Автор ряда неоднократно переиздававшихся учебников по астрономии, тригонометрии, морской съемке для воспитанников МК и училищ торгового мореплавания. С. 105.

Шульц Сергей Сергеевич (15.12.1898—18.08.1981), доктор геолого-минералогических наук (1941), профессор. Обучался в МК с 1913 по 1917 г., за участие в снятии со здания МК красного флага исключен (24.04.1917) и направлен в инженерную маршевую роту. Окончил ускоренный курс Елисаветградского кавалерийского училища (январь 1918). Участвовал в Ярославском восстании, затем в белом движении в Сибири. Окончил геологический факультет ЛГУ. В течение многих лет работал в Институте геологических карт АН СССР, заведовал кафедрой на геологическом факультете ЛГУ. Известный ученый-геолог, создатель теории новейшей тектоники. С. 9, 170—197, 202.

Шульц Эвальд Карлович, фон (16.06.1869—?), капитан 1 ранга (дата неизвестна). Окончил МК (1888). В запасе с 02.04.1900. Командир КР пограничной стражи «Беркут» (с 1904). В эмиграции проживал в Ревеле, погиб после установления советской власти. С. 102.

Щербачев 3-й Олег Александрович (04.05.1885—10.01.1928), капитан 1 ранга (28.03.1920). Окончил МК (1904), АОК (1908), ВМО НМА (1914). В Цусимском сражении ранен на ЭБР «Орел», попал в плен. Участвовал в спасении жителей разрушенного землетрясением итальянского г. Мессина (1908). И.д. старшего офицера ЛК «Петропавловск» (1914—1915), командир КЛ «Храбрый» (1915—1917). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Умер в Генуе. С. 74.

Эбербах Оскар Карлович (14.07.1864—?), статский советник (25.12.1912). В службе с 1891 г. Младший врач МК (14.09.1896 — 1918). С. 91.

Эйкар Николай Францевич (18.10.1865—?), флота генерал-майор (02.02.1912). Окончил МК (1887), Юридическую академию (1896). Перешел на

службу по Адмиралтейству в 1891 г. И.д. следователя при военно-морском суде Владивостокского порта (1897–1900), следователь Севастопольского военно-морского суда (с 1900). Обер-аудитор командующего Флотом в Тихом океане, участник обороны Порт-Артура (1904). Судья Кронштадтского военно-морского суда (1905–1917), преподаватель военно-морской администрации и законоведения в МК (14.04.1914–1917). С. 141, 143.

Эллис 1-й Вениамин Александрович (02.04.1875–14.05.1905), лейтенант (06.12.1898). Окончил МК (1894). Флаг-офицер штаба начальника эскадры Тихого океана (1899–1900). Старший арт. офицер ЭБР «Император Александр III» (1904–1905), погиб в Цусимском сражении. Исключен из списков 20.06.1905. С. 57.

Эмеретли — Неясно, о ком идет речь. Или Эмеретли Павел Антонович (15.01.1890–01.1982), капитан 2-го ранга, выпускник МК (1912), бывший летом 1912 г. корабельным гардемаринном, или его брат Эмеретли Михаил Антонович, в 1914 г. перешедший из 2-й роты МК вольноопределяющимся (юнкером) во флот и произведенный в мичманы 09.06.1915. С. 115.

Эссен Николай Оттович, фон (11.12.1860–07.05.1915), адмирал (14.04.1913). Окончил МК (1881), механич. отделение НМА (1886), АОК (1891). Командир мин. № 120 (1897–1898), ПХ «Славянка» (1901–1902), КР II р. «Новик» (1902–1904), ЭБР «Севастополь» (1904). Участник обороны Порт-Артура. Наибольшее значение имела его деятельность на Балтике, где он командовал Отрядом минных крейсеров (1906), дивизией эсминцев (1906–1908), Соединенными отрядами БМ (1908–1909), Действующим флотом (1909–1911), Морскими силами (1911–1914), Флотом БМ (1914–1915). Умер в Ревеле, погребен в Петрограде. С. 114, 115, 135.

Юрковский Александр (?–?). Воспитанник МК, исключен до 1872 г. С. 13.

Яновский Василий Александрович (06.03.1885–03.03.1917), старший лейтенант (06.12.1914). Окончил МК (1904). Флагманский штурманский офицер штабов начальника Действующего флота Тихого океана (1908–1911) и командующего Сибирской флотилией (1911). В годы Первой мировой войны находился на приморском фронте морской крепости Императора Петра Великого, с сентября 1916 г. — и.д. старшего офицера ЛК «Император Павел I». Убит матросами. С. 77.

¹ Добавление номера к фамилии являлось общепринятым в русской армии и флоте. Оно показывало, кто из носителей данной фамилии старше в чине (при одном чине — старше в производстве, т.е. дольше его носил), причем 1-й был «старше» 2-го и т. д. При этом в приказах фигурировали чин, фамилия и номер, имена и отчества обычно не указывались. С годами номер мог меняться в случае

исключения из списков более старших представителей фамилии или опережения их «на служебной лестнице». При присвоении генеральских или адмиральских званий номера ликвидировались. После Великой октябрьской социалистической революции прежняя иерархия была устранена, а вместе с ней — и номера после фамилий. В данном указателе приводятся только последние в служебных карьерах офицеров номера (или последние на 1917).

² Движение офицеров по службе во многом определялось их старшинством, т. е. чином и датой производства в чин. Те, кто дольше находился в чине, имели преимущественное право на получение более привлекательных в служебном отношении должностей. Старшинство членов одного выпуска из Морского корпуса определялось по среднему баллу, складывавшемуся из баллов за обучение, морскую практику и поведение. В соответствии с таким порядком офицеры располагались в специально издававшихся справочных книгах. Обогнать других можно было в случае досрочного производства в очередной чин. Такие производства (в отличие от осуществленных «по линии») сопровождалось вписывавшимися в приказ формулировками «за отличие», «по статуту ордена Св. Георгия», «за отличие в делах против неприятеля». К 1917 г. существовали и такие: «за боевые отличия», «за военные отличия», «за отлично ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами войны» и «за выполнение ценза службы в Морском училище». В отдельных случаях в виде поощрения имели место производства с указанием более ранней даты, с которой отсчитывалось старшинство (например, 06.12.1914 со старшинством с 01.04.1914).

³ В связи с началом войны и увеличением потребности в офицерах флота (для уменьшения постоянно имевшегося в мирное время некомплекта) в конце 1914 г. старшая рота гардемарин Морского кадетского корпуса была произведена в мичманы. Таким образом, в этом году состоялось два выпуска. Входящие в первый из них были произведены в корабельные гардемарины 03.05.1914, в мичманы 16.07.1914, а во второй — 04.11.1914 и 06.11.1914 соответственно. Для удобства в эмигрантской литературе были введены сокращения МК (1914 I) и МК (1914 II).

⁴ См. примечание 2.

⁵ Боцманмат (от «боцман» и «mate» (помощник, *англ.*) — в русском флоте унтер-офицерский чин строевого состава, соответствовавший старшему унтер-офицеру в армии.

⁶ Так в метрическом свидетельстве. Сам С.А. Колбасьев день рождения отмечал 16.03 по новому стилю (т.е. 04.03 по старому).

⁷ В свидетельстве о смерти, выданном дочери, указано, что он был расстрелян 30.10.1937. Те же данные содержатся в базе данных Общества «Мемориал». В то же время в хранящихся в архивах документах НКВД есть отметка о переводе заключенного в другое отделение тюрьмы в январе 1938 г. Имеется также свидетельство очевидца, находившегося в декабре 1937 г. с С.А. Колбасьевым в одной камере.

⁸ При возвращении офицера из отставки на действительную службу для него высчитывалась дата старшинства в чине (меньшая, чем ранее). Это позволяло «встроить» человека в общую систему чинопроизводства, не обидев тех, кто служил непрерывно.

Сокращения, употребляемые в именованном указателе:

АН	— Академия наук
арт.	— артиллерийский (-ая)
АОК	— Артиллерийский офицерский класс
ББО	— броненосец береговой обороны
БМ	— Балтийское море
БРКР	— броненосный крейсер
БФ	— Балтийский флот
ВВМУ	— Высшее военно-морское училище
ВМА	— Военно-морская академия
ВМАУ	— Военно-морское авиационное училище
ВМИУ	— Военно-морское инженерное училище
ВМО	— Военно-морской отдел
ВМС	— Военно-морские силы
ВМУ	— Военно-морское училище
ВМФ	— Военно-морской флот
врио	— временно исполняющий обязанности
ВСЮР	— Вооруженные силы Юга России
ГМШ	— Главный морской штаб
ГУК	— Главное управление кораблестроения
ГУКиС	— Главное управление кораблестроения и снабжения
ГУЛИСО	— Главное управление личного состава
ДОТ	— Действующий отряд Балтийского флота
и.д.	— исполняющий должность
имп.	— императорский (-ая, -ой)
и.о.	— исполняющий обязанности
КВМН	— Курс военно-морских наук
КИМ	— Корпус инженер-механиков
КК	— кадетский корпус
КЛ	— канонерская лодка
КЛБО	— канонерская лодка береговой обороны
КМА	— Корпус морской артиллерии
КР	— крейсер
КР I р., II р.	— крейсер I, II ранга
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛК	— линейный корабль
ЛКР	— линейный крейсер
МАА	— Михайловская артиллерийская академия
МГШ	— Морской Генеральный штаб
МВД	— Министерство внутренних дел
МЗ	— минный заградитель
мин.	— миноносец

МИУ	— Морское инженерное училище Императора Николая I (до 1898 — Морское техническое училище Императора Николая I, до 1896 — Техническое училище морского ведомства, до 1872 — Инженерное училище морского ведомства)
МК	— Морской корпус (с 1867 по 1891 и в 1916–1918 — Морское училище; с 1891 по 1906 — Морской кадетский корпус)
МКЛ	— мореходная канонерская лодка
МКР	— минный крейсер
МОК	— Минный офицерский класс
МСЧМ	— Морские силы Черного моря
МТК	— Морской технический комитет
МШВГ	— Морской штаб верховного главнокомандующего
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НМА	— Николаевская морская академия
ПВО	— противовоздушная оборона
ПЛ	— подводная лодка
ПС	— посыльное судно
ПСИМ	— помощник старшего инженер-механика
ПХ	— пароход
ПХ-ФР	— пароходофрегат
р.	— ранг
РВСР	— Реввоенсовет Республики
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная армия
РККФ	— Рабоче-крестьянский Красный флот
САСШ	— Северо-Американские Соединенные Штаты
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
США	— Соединенные Штаты Америки
ТР	— транспорт
ТЩ	— тральщик
УАО	— Учебно-артиллерийский отряд
УВМС	— Управление Военно-морских сил
УОПП	— Учебный отряд подводного плавания
УС	— учебное судно
ФБМ	— Флот Балтийского моря
ФР	— фрегат
ЧМ	— Черное море
ЧФ	— Черноморский флот
ШОК	— Штурманский офицерский класс
ШХ	— шхуна
ЭБР	— эскадренный броненосец
ЭМ	— эскадренный миноносец

XVIII век

Данилов П. Жизнь моя. Записки адмирала Данилова. 1759–1806. Кронштадт, 1913. С. 28–41.

Сенявин Д.Н. Записки / Предисл. Н.В. Новикова // Морской сборник. 1913. Т. 377. № 7. Паг. 8-я. С. 5–6. Др. публ.: *Гончаров В.* Адмирал Сенявин. Биограф. очерк с прил. записок адмирала Д.Н. Сенявина. Изд. 2-е, испр. М.-Л., 1945. С. 99–142.

Выписки из памятной книжки Николая Александровича Нордштейна // Шукинский сборник. М., 1905. Вып. 4. С. 193–195.

Штейнгель В.И. Автобиографические записки // Штейнгель В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. Записки и письма. С. 81–82, 89–99. Др. публ.: Исторический вестник. 1900. Т. 80. № 4–6; *Штейнгель В.И.* Записки барона В.И. Штейнгеля. Под ред. П.Е. Щеголева // Общественные движения в России в первую половину XIX века. Т. I. Декабристы. СПб., 1905. С. 281–495.

XIX век

Записки графа Федора Петровича Толстого. М.: РГГУ, 2001.

Отрывочные воспоминания старого моряка. Поступление в Морской корпус и выход в офицеры // Морской сборник. 1890. Т. 237. № 5. Паг. 4-я. С. 51–63.

Броневский Д.Б. Воспоминания // Русская старина. 1908. Т. 134. № 6. С. 538–576.

Стогов Э.И. Записки // Русская старина. 1903. Т. 113. № 1. С. 145–148; № 2. С. 274–282.

Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережившем. 1805–1850. СПб., 1882. С. 42–70.

Даль В.И. Автобиографическая записка // Русский архив. 1872. № 11. Стб. 2246–2250. Др. публ.: *Даль В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.; СПб., 1897.

Даль Е.В. Владимир Иванович Даль. (По воспоминаниям его дочери) // Русский вестник. 1879. Т. 142. № 7. С. 71–112.

Завалишин Д.И. Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 г. // Русский вестник. 1873. Т. 105. № 6. С. 623–655.

Завалишин Д.И. Записки декабриста. М., 1906. С. 20–49.

Загоскин А.Л. Морской шляхетный корпус в воспоминаниях. 1822–1826 гг. // Русская старина. 1886. Т. 52. № 12. С. 709–716.

Зеленой А.И. Морской кадетский корпус в воспоминаниях адмирала Александра Ивановича Зеленого. 1822–1826 // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 89–98.

Энгельгардт Н.А. Морской кадетский корпус. Из воспоминаний. 1822–1829 // Русская старина. 1884. Т. 41. № 2. С. 375–380.

Митурич П.В. Морской кадетский корпус в 1823–1828 гг. (Из воспоминаний ген.-майора Петра Васильевича Митурича) // Исторический вестник. 1888. Т. 33. № 9. С. 507–543.

Качалов Н.А. Записки. Сообщ. М.Н. Шульман (дочь авт.) // Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 5–23; № 7–8. С. 218–246; № 11. С. 62–98; 1917. № 2. С. 112–137.

Пласкин В.Т. Император Николай Павлович. (Рассказ из воспоминаний) // Русская старина. 1880. Т. 29. № 11. С. 757–764.

Горковенко (Гарковенко) А.С. Взгляд на прошедшее. Воспоминания. Предисл. авт. // Морской сборник. 1876. Т. 154. № 6. С. 55–84. Отд. отт.: СПб., 1876.

Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания. С предисл. Ф. Чицова // Русский архив. 1873. № 2. Стб. 164–200.

Пещуров М.А. Очерк моей жизни. СПб., тип. Э. Трейман, 1881. 154 с.

Одинцов В.П. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. Т. 82. № 11. С. 481–509; № 12. С. 872–896.

Зеленой А.С. Воспоминания о Морском кадетском корпусе // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 2. С. 604–622.

Сатин А.Д. Как я научился держать себя в сражении. Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1890. Т. 40. № 6. С. 585–591.

Львов Л.Ф. Дневник лейтенанта Л.Ф. Львова. 1850–1856 гг. // Сб. старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. М., 1901. Ч. 8. С. 185–235.

Мертваго. Д.Ф. Из записок. Морской кадетский корпус. 1856–1858 // Морской сборник. 1918. Т. 406. № 12. С. 45–61.

Перский Д. На abordаж // Русская старина. 1911. № 9. С. 437–440.

Линден В.М. Из воспоминаний о Морском корпусе. Как нас учили (1856–1862) // Морской журнал. 1936. № 11 (107). С. 6–7.

Пилкин В.К. Морской корпус сто лет тому назад (По рассказам и воспоминаниям отцов и дедов) // Морской журнал. 1938. № 10–11 (130–131). С. 9–16 (193–200).

Чайковский И.И. Эпизоды из моей жизни // Исторический вестник. 1913. Т. 81. № 1. С. 73–101; № 2. С. 469–499.

Морской кадетский корпус в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов прошлого столетия. (Прошлое и пережитое) // Море. 1909. № 4. С. 101–106. В конце текста: М.К.

Русин А.И. Воспоминания о Морском корпусе // Морской журнал. 1935. № 95.

Николич Е.А. Взрыв фрегата «Светлана» // Исторический вестник. 1907. Т. 108. № 5. С. 540–549.

Серебряков Е.А. Революционеры во флоте. Из воспоминаний. Пг., 1919. 63 с. Др. публ.: Вестник «Народной воли». 1886. № 5; Былое. 1907. № 2, 4.

Крылов А.Н. Мои воспоминания. 8-е изд. Л.: Судостроение, 1984. С. 61–72.

Ненюков Д. 47 лет тому назад // Морской журнал. 1928. № 11. С. 25–27 (241–243).

Д. Фокагитов (Д.В. Никитин). Шестое ноября // Морской журнал. 1931. № 11 (47). С. 1–15.

Никитин Д.В. Выпуск Колчака (Выпуск Морского корпуса 1894 года) // Морские записки. 1944. Т. 2. № 3. С. 234–239.

Барятинский В. Страшная история // Морской журнал. 1937. № 10–11 (118–119). С. 18–21 (216–219). Др. публ.: журнал «Зеленая палочка» (1920. № 5/6).

Ишеев П.П., кн. «Муся». Из кадетских воспоминаний // Морские записки. 1945. Т. 3. № 1. С. 31–33.

Ишеев П.П., кн. Осколки прошлого. Воспоминания 1889–1959 гг. Нью-Йорк, 1960. 160 с.

Лукин А.П. 1) Колыбель флота – Морской Корпус // Морской журнал. 1930. № 10 (34). С. 12–19; 2) Гнездо Петрово // Морской журнал. 1937. № 10–11 (118–119). С. 22–24 (220–222).

XX век

Светлик П.Л. Тени прошлого... Воспоминания о службе в Российском императорском флоте // Морские записки. 1955. Т. 13. № 1. С. 48–62.

Н. Из прошлого. Корпусные воспоминания // Морские записки. 1948. Т. 6. № 3–4. С. 43–51.

Стогов П.Е. 1) Из корпусных воспоминаний (1901 год) // Морские записки. 1949. Т. 7. № 1. С. 30. 2) На «Верном» в 1902 г. // Морские записки. 1948. Т. 6. № 3–4. С. 62–65.

Вице-адмирал Григорий Павлович Чухнин: По воспоминаниям сослуживцев / Под ред. А.Е. Беломора. СПб., 1909. 246 с.

Граф Г.К. Моряки. СПб., 1998. С. 4–77. Др. изд.: Париж, 1930.

Т[ипольт] Н. О выпуске 1904 года // Морской журнал. 1939. № 1 (133). С. 12–13.

Гладкий С.В. День 28-го января 1904 г. в Морском кадетском корпусе, в С.-Петербурге // Морские записки. 1944. Т. 2. № 1. С. 22–27.

Крузенштерн Н.В. Как была утверждена форма корабельных гардемарин // Морской журнал. 1930. № 10 (34). С. 5–6.

Скрыдлов Ф.Г. Воспоминания корабельного гардемарина // Морские записки. 1958. Т. 16. № 46. С. 79–86.

Четверухин Г.Н. Сполохи воспоминаний // Морской сборник. 1989. № 10. С. 92–95; № 11. С. 89–93.

Галич-Гончаренко Ю.И. Отрывок из романа «Звериада» // Морской журнал. 1938. № 10–11 (130–131). С. 29–31.

«Контрик» (стихотворение). Из Золотой книги Морского корпуса // Морские записки. 1949. Т. 7. № 2. С. 66–67.

Stankiewicz Mamert. Z floty carskiej do polskiej. Warszawa: ISKRY, 1997, 1998, 1999.

Гаттенбергер Н.Ф. К 50-летию выпуска 1912 года // Морские записки. 1962. Т. 20. № 1–2. С. 67–71.

Солодков Н.П. Морские рассказы. Париж: Военная быль, 1965. С. 11–53.

Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 32–73.

Павлов Л.И. Тебе — Андреевский флаг. Сан-Франциско, 1977. С. 37–43; 66–76.

Тарсаидзе А.Г. Николаевская набережная, 17 // Морские записки. 1951. Т. 9. № Сборн. С. 73–82.

Нотбек К.И., фон К статье «Николаевская набережная» (добавления) // Морские записки. 1952. Т. 10. № 1–2. С. 82–83.

Фусс Б.Г. Последние дни Корпуса // Морской журнал. 1929. № 11 (23). С. 22–29.

Бригер А.М. День 8 февраля 1917 года в Морском Е. И. В. Наследника Цесаревича Училище // Морской журнал. 1930. № 1 (25). С. 9–17.

Усаров Г.А. 20 лет спустя — последнее 6-ое ноября в Петрограде // Морской журнал. 1937. № 10–11 (118–119). С. 32–33 (230–231).

История Корпуса

Текст «былины» из легендарной «Золотой книги» Морского корпуса, являющейся пародией на стихотворение А.К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868 г.), цитируется многими мемуаристами. Здесь публикуется вариант, хранящийся в личном фонде А.П. Белоброва в РГАВМФ.

Послушайте, ребята,
Историю наших бед!
Начальством мы богаты,
Порядка только нет.

Какая тут причина?
И где здесь корень зла?
Расскажет вам былина
Про давние дела.

Со славного Петрова
Мы века поведем, —
Впервые флот здоровый
Построен был при нем.

И в башне Сухаревой
Он школу учредил.
Для плавания морского
Там лоцию учил.

Сидели там годами,
Учась и ремеслам,
И выйдя штурманами,
Блуждали по морям.

Однако в этой школе,
Хоть Петр и завел,
На то, знать, Божья воля,
Порядок не пошел.

А дальше академия
Для Гвардии морской,
Наук-то эпидемия
И весь пехотный строй.

Прислала нам царица
На праздник сто гусей,
С тех пор в роду традиция
Хранить обычай сей.

Дала Елизавета
Нам знамя на сто лет.
Проходят быстро лета,
Порядка же все нет.

Она ж шляхетский корпус
Устроила для нас
И, чтоб развить в нас ловкость,
Водила нас в танцкласс.

Сама Екатерина
Под номером вторым
Прислала нам картину
«Чесменский славный дым».

При ней раз мы горели,
Лишь в гавани спаслись,
Но с этой же недели
В Кронштадт перебрались.

Наш однокашник Павел,
Когда на трон взошел,
Лишь тем себя прославил,
Что в Питер нас привел.

В Свеаборг мы бежали
В двенадцатом году.
Там с пуншем кексы жрали,
Не глядя на беду.

На царство Николая
Привел вдруг скоро Бог.
Любил он нас; играя —
Ласкал насколько мог.

Сей богатырь суровый,
Державный властелин,
Прислал нам в зал Столовый
Бриг чудный «Наварин».

При предках наших славных
(Рожков и Крузенштерн)

Ходили мы исправно
В поход не дальше шхер.

Два Корсаковых, Казин,
Давыдов, Епанчин
Сменялись по указам,
Хватая крупный чин.

И много инвалидов
Сменялось в те поры.
Хотелось им, видно,
Порядок завести.

Изящные манеры
Арсеньев нам внушал,
И в корпусе карьеру
Себе он основал.

Царил Арсеньев долго,
Но Кригер вдруг сменил,
Хотя при этом только
Порядок зацарил.

Сподвижники лихие:
Фон Кригер, <неразб.>
Белявский с понгалией,
И Бонзак со звездой.

Красавец Клян на диво,
Давыдов генерал,

И Азбелев учтивый,
И Анцев либерал.

Безпятов с рожей красной,
И Кладо, и Хорзой,
Старанье их напрасно,
Смущают наш покой.

Лишь нас они морочат,
И Коптев, и Меньшов,
Порядок не упрочат
Во веки от веков.

Увидя наши нужды,
Желая нам добра,
Зело пресветла мужа
Господь нам ниспослал.

На удивленье наше
Нам, аки свет зари,
Яви свой лик, Ромашев,
Порядок водвори.

Не сетуйте же, братья,
За склад моих стихов,
Что не покрыл я платьем
Начальственных грехов.

Составил от былинки
Рассказ немудрый сей
Худой смиренный инок
Раб Божий — Алексей.

МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

в воспоминаниях воспитанников

Составитель *А.Ю. Емелин*

Главный редактор *С.В. Цветков*
Выпускающий редактор *М.И. Лысова*
Редактор *Н.В. Волохонская*
Художник *Н.С. Тауберт*
Фото на обложке *С. В. Цветкова*
Компьютерная верстка *Т.А. Юшковой*
Корректор *Н.В. Волохонская*

Сдано в печать 14.11.2003. Формат 60x90/16
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «PeterburgС». Усл. печ. л. 18,5.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Русско-Балтийский
информационный центр «БЛИЦ»»
191024, Санкт-Петербург, Полтавская ул., д. 14.
Тел.: (812) 277-43-55
e-mail: blitz@blitz.spb.ru
www.blitz.spb.ru

*По вопросам приобретения обращаться
Торговый Дом «Книги вне границ»
Тел./факс: (812) 277-61-13*

Отпечатано в типографии «Светоч»,
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, 10

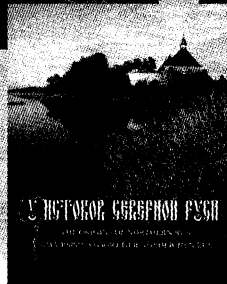
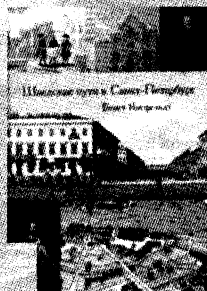
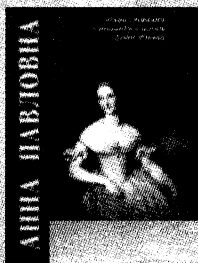
Издательство
«БЛИЦ» и

Торговый Дом «КНИГИ ВНЕ ГРАНИЦ»

приглашают посетить
открывшийся выставочный зал.
Книги по издательским ценам.
Несколько тысяч наименований.

Гуманитарная литература на русском и иностранных языках по доступным ценам

191024, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 23, тел./факс: (812) 277-61-13, 277-43-55
e-mail: td_kv@blitz.spb.ru, http: www.blitz.spb.ru

Издательство «БЛИЦ»

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

Жан Бло

ИВАН ГОНЧАРОВ

ИЛИ НЕПОСТИЖИМЫЙ РЕАЛИЗМ

НИДЕРЛАНДЫ И СЕВЕРНАЯ РОССИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

(В ВОСПОМИНАНИЯХ ВОСПИТАННИКОВ)

М. Ф. Пьяных

ТРАГИЧЕСКИЙ ХХ ВЕК В ЗЕРКАЛЕ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

П. В. Лизунов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА

И РОССИЙСКИЙ РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ

(1703-1917)

В. Рецеттер

СКВОЗЬ ПРОЗУ

(СБОРНИК СТИХОВ)

Х. Ахмад

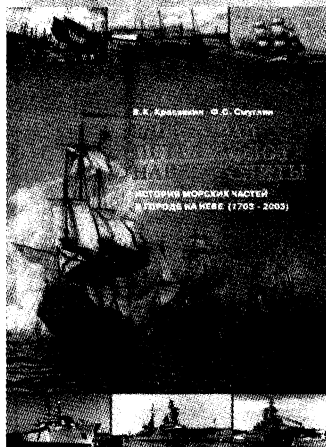
ИСЛАМ ОТВЕЧАЕТ

НА ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Издательство «БЛИЦ»

НАШИ НОВИНКИ:

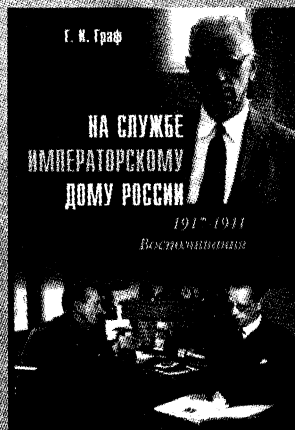

В. К. Красавкин Ф. С. Смуглин
**ЗДЕСЬ ГРАД
ПЕТРА И ФЛОТ
НАВЕКИ СЛИТЫ**

ИСТОРИЯ МОРСКИХ ЧАСТЕЙ
В ГОРОДЕ НА НЕБЕ (1703-2003)

Г. К. Граф
**НА СЛУЖБЕ
ИМПЕРАТОРСКОМУ
ДОМУ РОССИИ**
1917-1941

Воспоминания

191024, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 23, тел./факс: (812) 277-61-13, 277-43-65
e-mail: td_kvg@blitz.spb.ru, http: www.blitz.spb.ru

Издательство «БЛИЦ»

НАШИ НОВИНКИ:

Л. В. Власов

ГУСТАВ МАННЕРГЕЙМ В ПЕТЕРБУРГЕ

Бенгт Янгфельд ШВЕДСКИЕ ПУТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

191024, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 23, тел./факс: (812) 277-61-13, 277-43-55
e-mail: td_kvq@blitz.spb.ru, <http://www.blitz.spb.ru>

Издательство «БЛИЦ»

НАШИ НОВИНКИ:

В. В. Смирнов
**ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ШКОЛЫ
И ШКОЛЬНЫЕ
ЗДАНИЯ**

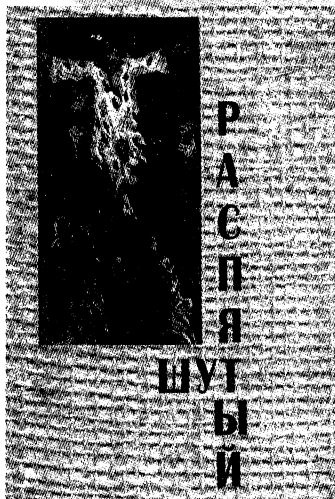
Равиль Бухараев
**ДНЕВНИКИ
СУЩЕСТВОВАНИЙ**

191024, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 23, тел./факс: (812) 277-61-13, 277-43-55
e-mail: td_kvq@blitz.spb.ru, <http://www.blitz.spb.ru>

Издательство «БЛИЦ»

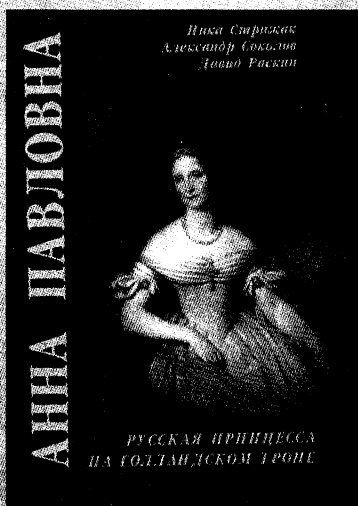
НАШИ НОВИНКИ:

РАСПЯТЫЙ ШУТ
КНИГА О ХУДОЖНИКЕ
МИХАИЛЕ ЩЕГЛОВЕ

Автор-составитель Лариса Лонгина

Ника Стрижак
Александр Соколов
Давид Раскин

АННА ПАВЛОВНА
РУССКАЯ ПРИНЦЕССА НА
ГОЛЛАНДСКОМ ТРОНЕ

191024, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 23, тел./факс: (812) 277-61-13, 277-43-55
e-mail: td_kvlg@blitz.spb.ru, <http://www.blitz.spb.ru>

Издательство «БЛИЦ»

НАШИ НОВИНКИ:

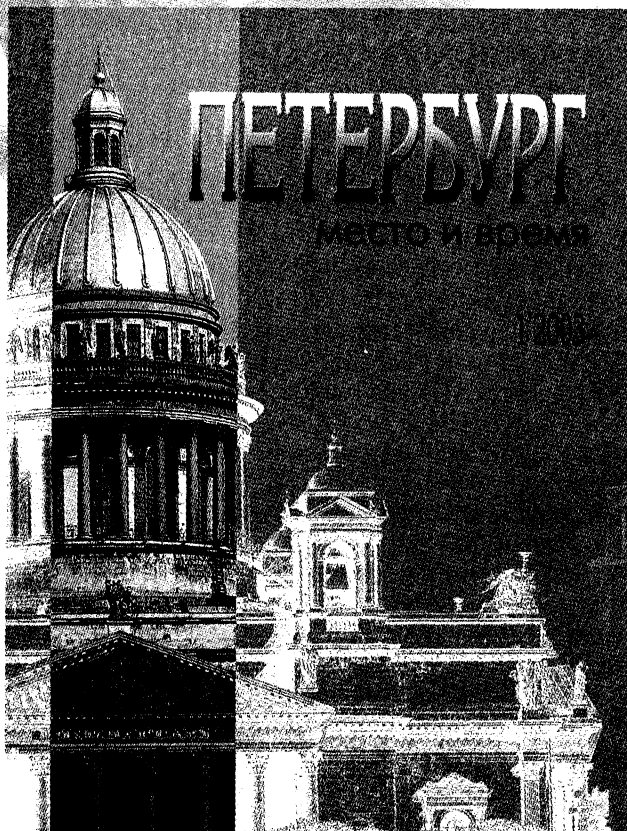
Людвик Базылев
ПОЛЯКИ В ПЕТЕРБУРГЕ

191024, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 23, тел./факс: (812) 277-61-13, 277-43-55
e-mail: td_kvq@blitz.spb.ru, <http://www.blitz.spb.ru>

Издательство «БЛИЦ»

НАШИ НОВИНКИ:

ПЕТЕРБУРГ МЕСТО И ВРЕМЯ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

191024, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 23, тел./факс: (812) 277-61-13, 277-43-55
e-mail: td_kvq@blitz.spb.ru, <http://www.blitz.spb.ru>

Более 250 лет прошло со дня подписания императрицей Елизаветой Петровной указа о формировании на базе Морской академии Морского шляхетного кадетского корпуса.

В предлагаемом сборнике публикуются воспоминания бывших воспитанников корпуса (1871–1918 гг.). Авторы живо и ярко рассказывают о днях учебы, делятся своими впечатлениями о преподавателях и офицерах, благодаря которым стали настоящими моряками.

ISBN 586789119-4

9 785867 891190 >